Annotation

Роман «Мика и Альфред» автора Владимира Кунина рассказывает о жизни молодого художника Михаила Сергеевича Полякова, которого обычно называют Мика. Сюжет разворачивается в советское послевоенное время. Мика сталкивается с физическими и психологическими трудностями после серьёзной травмы головы, полученной в детстве, которая влияла на его здоровье и восприятие мира.

Главный герой проживает в условиях нехватки и трудностей, которые характерны для того времени и места. Его семья переживает непростое существование, а сам Мика много времени проводит в больнице и сталкивается с длительной реабилитацией. Он испытывает сильные боли и присутствует в состоянии затруднённого здоровья, что влияет на его поведение и настроение.

В книге подробно описываются воспоминания Мики, его внутренние переживания и попытки найти опору в жизни. Одним из важных элементов для него становится домовой Альфред, который становится другом и хранителем Мики. Через взаимодействие с Альфредом главный герой пытается справиться с собственными страхами и травмами, хотя в окружающем мире сохраняется атмосфера напряжённости и сложности.

В процессе повествования Мика сталкивается с многочисленными бытовыми проблемами, такими как голод, нехватка ресурсов и влияние социальных обстоятельств на жизнь людей в послевоенном Советском Союзе. Помимо этого, в описаниях можно увидеть отражение социальных конфликтов, взаимоотношений и борьбы за выживание.

Мика также пытается восстановиться как художник. Его творческая деятельность связана с попытками выразить своё внутреннее состояние и найти место в обществе, которое не всегда готово понять его особенности. Роман показывает его путь от физического и морального страдания к внутренним изменениям и некоторым личным победам.

Центральной проблемой для героя становится поиск собственного смысла и баланса между прошлым и настоящим. Мика вынужден принимать серьёзные решения относительно своего здоровья,

творчества и отношений с окружающими. Всё это происходит на фоне общего кризиса и личных испытаний.

В целом, сюжет сосредоточен на сложной жизни человека, который пытается приспособиться к обстоятельствам и найти своё место в мире после тяжёлого детства и травмы. История завершается акцентом на внутреннем состоянии главного героя и его стремлении к самосохранению и личному развитию.

- Мика и Альфред
  - Часть первая Мика
  - Часть вторая …и Альфред

Мика и Альфред

Часть первая Мика

Часть первая Мика

Наверное, за все грехи, совершаемые Людьми на своей Земле, в то лето Бог проклял мир и обрушил на него чудовищную, нестерпимую, гибельную жару…

Полыхали леса. В гигантских кострах, под жуткий вой пламени и оглушительную канонаду лопающихся от дикого жара могучих стволов вековых деревьев, в пепле и дыму погибали десятки тысяч Животных и Человеков…

Там, где лесов не было, Люди заживо сгорали в своих домах. Под открытым сине-желтым небом, где не было ни домов, ни строений, Люди падали мертвыми от раскаленного удушья и беспощадных смертельных ударов разъяренного Светила…

А еще Люди и сами убивали друг друга. Как ни странно – чтобы отвоевать себе место под этим же самым безжалостным Солнцем…

Чуть ли не весь земной шар был, словно оспенной сыпью, покрыт войнами, взрывавшимися от искусственных и злобно-лживых причин. Но Господь почему-то не торопился исцелить Землю от войн. И сыпь превращалась в кровоточащие язвы, уносящие миллионы людских жизней на тот самый берег Стикса, откуда, как известно, еще никто не возвращался в эту Жизнь…

И жара, ниспосланная Господом на Землю в то лето, тоже, видимо, была карой за все людские прегрешения на этом свете.

Хотя, если подвергнуть действия Всевышнего элементарному логическому анализу и без иронических ухмылочек безоговорочно поверить в его «всемогущество», о котором теперь стало модно трепаться на всех углах, то совершенно естественным окажется вопрос, обращенный к Нему:

– Боже милостивый! Так ли уж нужно увеличивать страдания Человечества в наказание за совершаемые им грехи? Не проще ли, пользуясь собственным Всесилием, попросту лишить Людей возможности совершать эти грехи и попытаться хоть ненадолго примирить их друг с другом… А, Господи?

⁂

В тот вечер в Мюнхене стояла отвратительная, душная, клейкая жара.

А тут еще, черт побери, роскошный пригласительный билет с выпуклыми тиснениями категорически требовал от дам прибыть в резиденцию баварских королей «в коротком или длинном, но вечернем платье», а от мужчин – «в смокинге или темном костюме»! Естественно, что для особ мужского пола подобный наряд предполагал еще и галстук, который Михаил Сергеевич Поляков, в прошлом известный русский карикатурист и книжный иллюстратор (когда-то – нарасхват!), а нынче семидесятидвухлетний пенсионер, житель славного города Мюнхена, терпеть не мог.

«Герр Михаэль Поляков», как было написано в приглашении на правительственный прием, обычно надевал галстук или бабочку один раз в году и то всего на десять минут: за пять минут до встречи Нового года и еще на пять минут в уже наступившем Новом году.

Но уже с шести минут первого ночи первого же января Поляков стаскивал с себя «эту штуку» и начинал наслаждаться живительной свободой расстегнутого воротничка рубашки.

Он даже на приемы российского консульства, когда на вилле генерального в Богенхаузене собиралась русская творческая интеллигенция, в разные времена и по разным причинам осевшая в Мюнхене, и то умудрялся приезжать без галстука.

Но сегодня подобного «вольтерьянства» он себе позволить не мог.

Единственное, что он сделал в отличие от общей массы приглашенных на этот прием, – приехал из своего Нойеперлаха на Одеонсплац к резиденцтеатру не на собственном автомобиле, а на метро.

Он точно знал, что к концу этого вечера он будет физически вымотан до предела, а в свои за семьдесят, несмотря на ежедневные утренние отжимания, десятикилограммовые гантели и прочие спортивные глупости, садиться за руль обессиленному, опустошенному, еле волочащему отекшие ноги, с трудом сдерживая дрожь рук (уж не старик ли Альцгеймер стучится в дверь?), в состоянии весьма близком к потере сознания, наверное, все-таки не стоит. Проще будет взять такси. Благо стоянка там, на Одеонсплац, просто под носом…

Раньше, когда он был моложе и сил у него было еще предостаточно, его никогда не занимала мысль, а сможет ли он сесть за руль после всего ЭТОГО. Тогда он делал СВОЕ дело, выпивал полстакана джина со льдом, лимоном и тоником, выкуривал сигарету, садился в машину и без тени сомнения вставлял ключ в замок зажигания…

Но сегодня отсутствие автомобиля было единственным отличием «маэстро Михаэля Полякова» от всех остальных. Сегодня у него не было права внешне чем-то отличаться от всех остальных приглашенных. «Заказ» был достаточно крупным, для кого-то в Москве очень важным, и старик Поляков точно знал, что за таким «заказом» немедленно последуют еще несколько аналогичных «заказов» – уже с противоположной стороны, – и они принесут «маэстро Полякову» ту свободу действий, ради которой он и брался за ЭТУ работу. Поэтому никаких срывов быть не должно!

И если кому-то покажется, что глубокоуважаемый Михаил Сергеевич Поляков, чьи выставки карикатур и книжной графики когда-то обошли чуть ли не весь цивилизованный мир, появился на деловито-помпезной московско-баварской смычке в резиденцтеатре Мюнхена, чтобы отдохнуть, людей посмотреть и себя показать, тот глубоко и наивно заблуждался: М. С. Поляков прибыл в резиденцию РАБОТАТЬ.

…Два месяца назад в Москве проходили Дни Баварии. Москвичи принимали немцев «под большое декольте»! Правительство Москвы вывернулось буквально наизнанку, чтобы ублажить и попытаться приручить осторожных и скуповатых немцев.

Кое-что там у русских по мелочи состоялось. Что-то не получилось. Но москвичи не теряли надежды. Впереди предстояли ответные Дни Москвы в Мюнхене, где уже под южногерманским небом, среди альпийско-озерных ландшафтных чудес, под сотню сортов баварского пива и одуряющий запах жареных свиных ножек, вдали от недремлющего и подозрительно-ревнивого ока «семейной» команды своего «непредсказуемого», но грозно увядающего Президента наконец-то удастся уломать богатеньких баварцев пойти на деловые контакты с Москвой и заставить их поверить хотя бы в одну треть клятвенных обещаний и посулов напористых москвичей.

Тем более что глава русской делегации – он же хозяин десятимиллионной Москвы – уже открыто начал огрызаться на Кремль и не менее откровенно готовился сменить свою народно-демократическую хитроватую кепочку на императорскую корону властителя всея Руси.

И вот это уже баварские жлобы и тугодумы, упиханные миллиардами марок и готовые удавиться за два пфеннига, просто обязаны принять во внимание самым серьезным образом. Неужто не понимают, что при таких, как говорят сейчас в России, «судьбоносных раскладах» можно очень даже неплохо приподняться и наварить. И себе, и людям…

А можно оказаться и с голой жопой. Если заранее не просчитать несколько нужных ходов до начала смены вех. В конце концов, на Баварии свет клином не сошелся.

Поэтому хозяин Москвы привез с собой уйму своего ручного народа – и политического, и делового, и развлекательного.

Причем «политические» проявляли бешеную деловую хватку, а «деловые» так тонко лавировали политически, что отличить их друг от друга было практически невозможно.

Зато «развлекательный» московский народ очень даже был отличим от остальных. Мощная концертная русская программа, сопровождавшая в Германии хозяина Москвы, была отменного качества и самых широких интернациональных взглядов. От еврейской дамы – руководителя превосходного скрипичного оркестра – до воинствующего антисемита – в прошлом очень популярного и красивого артиста Театра Вахтангова и советского кинематографа. Делать ему в Германии было абсолютно нечего, ибо в Баварии его никто никогда не видывал, но среди своих считалось, что его рано состарившееся и помятое личико обязано украшать московскоэлитную политделовую камарилью.

Но это уже была дань старинным хрущевским традициям: во все иностранные визиты советских вождей положено было возить с собой и «творцов», дабы каждому заграничному засранцу было ясно, что есть у нас еще творческий порох в интеллектуальных пороховницах и мы нашу твердую социалистическую руку держим не только на ядерной кнопке, но еще и на пульсе нашего родного Советского

Искусства – полпреда Великого Государства на враждебном и растленном Западе.

Казалось бы, все вроде бы там поменялось, а вот, поди ж ты, что-то и сохранилось до сегодняшних смутных дней. Потому как ежели все прошлое огульно отрицать и охаивать – можно и ребеночка с водой выплеснуть!..

Небольшой зал знаменитого Мюнхенского резиденцтеатра был достаточно уютен и поражал своим поистине баварско-королевским безвкусием!

С балконов и ярусов тяжко свисали булыжно-тяжелые и непропорциональные лепные гипсовые (а может, и бетонные) штандарты и знамена с лепными же кистями и бахромой. Для вящего реализма лепнина была раскрашена масляными красками «под ткань». Преобладали четыре цвета – красный, золотой, голубой и белый.

Многослойные кордоны полиции в штатском и агентов БНД – Бундес Нахрихтен Динст – учреждения, аналогичного нашим родным НКВД – КГБ – ФСБ, – мягко и вежливо проверяли у всех пригласительные билеты и мгновенно обшаривали опытным острым глазом каждого переступавшего порог резиденции. Часть агентов была наряжена в ливреи капельдинеров старинного театра: темно-коричневый камзол с золотым шитьем, белое пышное жабо у шеи, короткие, по колено, штанишки с золотыми лампасиками, белые чулки и грубые лакированные черные башмаки с квадратными носами и большими золотыми пряжками. А на голове – белый парик с пышным хвостом чуть ли не до лопаток.

«Интересно, вооружены ли они?» – подумал Михаил Сергеевич.

И в эту же секунду один такой ряженый капельдинер нагнулся, чтобы поднять упавший веер какой-то дамы, борт камзола у него оттопырился, и старый маэстро Поляков увидел у капельдинера под коричневым камзолом с золотым шитьем аккуратную оружейную сбрую с торчащей рукояткой большого плоского автоматического пистолета.

В последний раз Михаил Сергеевич Поляков носил пистолет почти полвека назад, и только всеармейское сокращение начала пятидесятых годов избавило его от необходимости таскать с собой эту штуку…

– Михал Сергеич! Мы вам в боковой ложе местечко заняли. И сцена – как на ладошке, и царскую ложу отлично видно, – сказал Полякову моложавый и очень элегантный русский вице-консул. – Идемте. Там моя Ветка места для нас держит.

И вице-консул почтительно взял Полякова под руку.

«Уж не по мою ли ты душу, мальчик?» – промелькнуло в голове у старого Михаэля Полякова.

На мгновение ему стало безумно жаль этого симпатичного русского, фамилию которого он, к своему стыду, все никак не мог запомнить. Хотя за последние три года на консульских приемах они с этим вице-консулом преломили уже, наверное, не один десяток рюмашей.

– Спасибо, Димочка, – улыбнулся Поляков. – Я буду вам очень признателен, если вы меня здесь секунду подождете. Я буквально на мгновение должен заскочить в туалет… По своей стариковской нужде. Храни господь вас, Дима, от аденомы!..

– А что это такое? – спросил вице-консул.

– Счастливец! Он даже не знает, что такое аденома простаты! – рассмеялся Поляков и покинул вице-консула Диму.

Упомянув про аденому, старик слукавил: аденомы у него давным-давно не было. Его прооперировали еще лет пятнадцать тому назад в Ленинграде.

Но в туалет ему нужно было действительно. И нужда была совсем-совсем не стариковской.

Он заперся в кабинке, присел на крышку унитаза и вынул из кармана пиджака сотовый телефон, ничем не отличающийся от других таких же телефонов – разве немного потолще.

Нажал на еле приметную кнопочку и раскрыл этот телефон так, как раскрывают твердые футляры для очков. И перед старым М. Поляковым предстала во всей своей электронной красе и таинственности одна из последних игрушек деловой современности – спутниковый телефон-компьютер «Нокия-коммуникатор» стоимостью в одну тысячу долларов и весом всего в двести пятьдесят три грамма. Михаил Сергеевич надел очки, тщательно проверил, защелкнута ли дверь кабинки изнутри, и одним легким прикосновением к клавише на тастатуре компьютера под вытянутым зеленым экранчиком-дисплеем, прямо с туалетного горшка резиденции баварских королей в Мюнхене,

в мгновение ока оказался в Нью-Йорке – в сети «Чейз-Манхэттен-банка», который и не подозревал, что одного из его давних и серьезных вкладчиков под этим вот номером зовут Михаэль, а по-английски – Майкл Полякофф.

У банка был только его код и номер счета. Этого было совершенно достаточно. Ну не хочет многоуважаемый Мистер Вкладчик обнародовать свое имя… Мало ли что! В наш пытливо-прогрессивный век, когда юные гении-хакеры умудряются взломать компьютерные секреты Пентагона, кто может упрекнуть солидного вкладчика в нежелании доверять свое имя даже собственному банку?

А то, что клиент был не просто «солидным», а «очень солидным», было ясно из состояния его банковского счета: поступления, правда, были редкими – не больше четырех-пяти раз в году («Как у любого хорошего художника…» – усмехнулся Поляков), однако настолько основательными, что терять такого клиента было бы очень невыгодно. Поэтому банк и не любопытствовал, кто это там прячется за сухим и бесстрастным кодом. В ряде случаев в перечень банковских услуг входила и полная анонимность клиента.

М. С. Поляков набрал код своего счета. На долю секунды экранчик задумался, засуетился цифирьками, а потом тормознулся и четко сообщил владельцу кода, что вот только-только на его счет поступило пятьсот тысяч долларов США.

Это была ровно половина сегодняшнего гонорара Михаила Сергеевича. Вторую половину он получит сразу же после того, как «Заказчику» станет известно, что его «заказ» выполнен.

Варианты обмана, невыплаты второй половины договорной суммы были просто исключены.

Когда-то кое-кто предпринял несколько наивных попыток недоплатить Михаилу Сергеевичу за уже выполненную работу. И каждый раз эти попытки кончались достаточно печально для родственников, близких друзей и деловых партнеров внезапно скончавшегося «Заказчика». Его похороны и последующие неурядицы, возникавшие в связи с его неожиданной смертью, обходились им почти во столько же, на сколько покойный «Заказчик» пытался «кинуть» Михаила Сергеевича – человека пожилого и предельно аккуратного в принимаемых на себя обязательствах…

Сведения о нескольких «необъяснимых» кончинах невероятно высокопоставленных, но не очень добросовестных при окончательных расчетах хозяев Российского пространства мгновенно были поняты всеми русскими криминальными авторитетами мирового масштаба; мощно и пугающе внедрились в сознание местечково-мудрых олигархов коренных и не очень коренных национальностей; с трудом протолкнулись в черепа могучей военно-вороватой элиты, стоящей во главе распада русской армии; с пугливым пониманием были восприняты Верхней и Нижней палатами Парламента и очень внимательно учтены администрацией самого президента России.

После удивительных смертей «Заказчиков», задолжавших Михаилу Сергеевичу вторую половину гонорара, недоплаты прекратились. Все, кто так или иначе был заинтересован в исчезновении с лица Земли своего конкурента, врага или друга, все, кому были так необходимы абсолютные гарантии чистоты «исполнения» без каких-либо дальнейших последствий, теперь вели себя по отношению к М. С. Полякову более чем корректно!..

Никто из «Заказчиков» никогда его не видел, не знал, как он выглядит, кто он такой, сколько ему лет, где он живет и каким образом исполняет их заказы.

Михаилом Сергеевичем и Альфредом была разработана поразительно простая, даже чуточку глуповатая система кодированной связи с ним при помощи тучи отчаянных объявлений в так называемой службе знакомств, втекающих жалким и вялым финансовым ручейком в издания русскоязычных газет чуть ли не всего мира. А сегодня этих газет расплодилась тьма-тьмущая!

Очень корректными выглядели и «заказанные» трупы после участия в их кончине Михаила Сергеевича: никаких внешних, никаких внутренних следов насилия. Вскрытия констатировали смерть всего лишь от трех причин: или обширнейший трансмуральный инфаркт миокарда (это у человека, вообще не имевшего понятия, что такое элементарная одышка!), или разрыв аневризмы аорты (у клиента с бычьим здоровьем, никогда не слышавшего даже такого слова, как «аневризма»), или молниеносный спазм сосудов мозга, мгновение тому назад наполненного блистательно-убийственными идеями.

Или полным отсутствием таковых, что делало «Заказанного Клиента» еще более уязвимым…

⁂

Сегодня утром этих денег еще на счете Михаила Сергеевича Полякова не было.

Он уже даже собирался позвонить генеральному консулу России, с подачи которого получил приглашение от баварского правительства на Дни Москвы, и попросить прощения за невозможность воспользоваться столь любезным приглашением, сославшись на естественные в таком преклонном возрасте недомогания: резкие скачки давления, вызванные знаменитыми мюнхенскими погодными экзерсисами, а также ветром с Альп, на разыгравшуюся подагру и так далее. Короче – все, чем славна столица Баварии и к чему нельзя ни адаптироваться, ни привыкнуть, даже если вы родились в этом славном городе, где когда-то, почти в одно и то же время, на Шляйсхаймерштрассе чуть ли не бок о бок жили и Владимир Ильич Ульянов, и Адольф Алоизович Шикльгрубер…

Но потом Поляков сообразил, что Нью-Йорк по времени отстает от Мюнхена на шесть часов! И в то время, когда Михаил Сергеевич садился завтракать, в Нью-Йорке только-только начиналась ночная жизнь.

Так что у «Заказчика» практически оставался еще целый день в запасе. И Поляков решил все-таки пойти на этот международный политторговый междусобойчик. Во-первых, чтобы не торчать весь вечер дома у телевизора, а во-вторых, чтобы на всякий случай живьем увидеть своего возможного «Клиента». Вдруг он еще потом кому-нибудь пригодится. А если деньги к вечеру так и не поступят на кодовый счет Полякова, то он и пальцем не шевельнет. И навсегда забудет, как выглядит газетно-журнально-телевизионный образ его вероятного «Клиента». Черт с ним, пусть живет…

Он даже почувствовал что-то вроде облегчения. Причем отнюдь не нравственного, а чисто физического высвобождения от тяжелой и неприятной обязанности. Вроде бы: «Слава богу, что не придется перетаскивать тяжелый шкаф в другую комнату. Пусть остается там, где раньше стоял…»

Но теперь деньги были получены и «шкаф придется перетаскивать».

Михаил Сергеевич еще раз проглядел банковское сообщение о поступлении полумиллиона долларов на его счет и удовлетворенно

пробормотал по-русски:

– То-то же… – и презрительно добавил: – Бляди.

Снял очки, спрятал свой чудо-«коммуникатор», привычно оторвал от рулона кусок туалетной бумаги, приподнял крышку унитаза, бросил туда бумажный комок и спустил воду. Так сказать, «озвучил» невинность своего пребывания в туалетной кабинке.

А потом вышел ровно через столько времени, сколько потребовалось бы старому семидесятидвухлетнему человеку привести себя в порядок после посещения уборной.

⁂

Наверное, из глубочайшего почтения к памяти баварских королей резиденцтеатрик был реставрирован так бережно, что оснастить его кондиционерами никому даже в голову не пришло! А если бы подобное предложение прозвучало тогда вслух, оно могло быть расценено как святотатство и грубая попытка потрясения государственно-исторических основ Баварии…

Зальчик театра с барельефными и раскрашенными знаменами был уже до отказа забит мужчинами в «смокингах или темных костюмах» и женщинами в «длинных или коротких вечерних платьях», как и требовал того роскошный пригласительный билет с правительственным гербовым тиснением.

Духота стояла такая, что Михаилу Сергеевичу Полякову сразу же захотелось выскочить оттуда и дробной рысью помчаться домой, в свою небольшую прохладную квартирку на окраине Мюнхена, в Нойеперлахе, под освежающий душ, в спасительную возможность содрать с себя ненавистный галстук и праздничные штаны к чертям собачьим и в одних трусах, с кружкой ледяного «Аугустинер гольд» лениво трепаться с Альфредом, который будет просто счастлив, если Поляков неожиданно вернется домой…

Ах, как было бы превосходно прихлебывать сейчас холодное пиво, вяло перебирать тридцать пять телевизионных программ и наконец задержаться на старом, доперестроечном советском фильме, идущем по российскому каналу…

И чтобы фильм был наивен, ностальгически узнаваем, а местами даже немножко бы раздражал. Тогда можно было бы незлобиво препираться с Альфредом, которому почти всегда очень нравилось то, что обычно раздражало Михаила Сергеевича.

Хорошо бы с экрана услышать русские слова, произносимые милыми и талантливыми актерами, когда-то хорошо знакомыми по Москве и Ленинграду, которые сегодня почти все уже умерли от внезапной нищей и неопрятной старости…

Да и Альфред ужасно не любил, когда Михаил Сергеевич даже ненадолго уходил из дому.

Другое дело, когда Поляков вдруг неожиданно бывал вынужден срочно вылететь в Россию или Америку, в Испанию или Грецию, Швейцарию, сесть за руль своей пожилой, но мощной спортивной «мазды» и уехать на ней в Париж, в Ниццу, в Голландию или Бельгию, куда призовет его новый срочный «заказ». Тогда Альфред просто обязательно отправлялся в такое путешествие вместе с Поляковым…

Чему, нужно честно признать, Поляков всегда только радовался. Несмотря на то, что Альфред временами бывал чрезвычайно занудлив и утомителен в своей воинственно-примитивной безапелляционности.

В Мюнхене же, где они теперь жили постоянно уже шестой год, Альфред был лишен возможности сопровождать Полякова при его выходах из дому, так как Охрана Дома для Альфреда была священной обязанностью, предначертанной ему свыше.

А вот уже выезды Полякова за границы Мюнхена считались как бы «перемещением их Дома в пространстве», а следовательно, и законным перемещением Альфреда вместе с М. С. Поляковым по всему миру…

Но сегодня Михаил Сергеевич не мог порадовать своего партнера ранним возвращением домой. Аванс, перечисленный из швейцарского филиала банка «Лионский кредит» на тайный счет Полякова в «Чейз-Манхэттен-банке», обязывал Михаила Сергеевича выполнить свою работу, как всегда, четко и безукоризненно.

Тем более что полученные сегодня пятьсот тысяч долларов были всего лишь половиной гонорара, а до той суммы, которую Поляков был обязан заплатить как первый взнос в осуществление своего проекта, своей давней, прекрасной и тайной мечты, не хватало именно этого миллиона долларов…

⁂

Русский вице-консул Дима и его миловидная жена Вета заботливо усадили Полякова в действительно очень удобной боковой ложе у

сцены и еще снабдили его красочной программкой предстоящего вечера.

На полу сцены между микрофонными стойками была водружена корзина гигантских размеров с превосходно подобранными очень красивыми цветами, обязанными символизировать будущее безоблачное партнерство Москвы и Баварии.

Сцена королевского резиденцтеатра была маленькой, и Поляков подумал, что размерами она сильно смахивает на сцену старого Ленинградского кукольного театра на улице Некрасова.

В том, что королевская сцена в Мюнхене несла на себе некоторые черты ленинградской кукольности, было и заметное преимущество – когда авторы политторгового братания Москвы и Баварии показались из-за кулис, то до стоящих в центре сцены микрофонов длинноногому поджарому баварцу пришлось сделать всего три шага, а коренастому квадратненькому московскому мужичку – четыре.

Три шага одного и четыре другого были сделаны под слабенькие, осторожные аплодисменты. После чего в зале сразу же наступила дисциплинированная немецкая тишина.

Со сцены в зал потекли ни черта не значащие, но обязательные слова на русском и немецком языках.

К душным горячим вихрям, витавшим вокруг полусваренных в собственном поту гостей, примешивались знойные волны зависти замурованных в галстуки мужчин к декольтированным дамам. Пытаясь создать хоть какое-то живительное дуновение, все обмахивались тиснеными программками.

Усеявшись на свое место, Поляков немедленно расстегнул две верхние пуговички рубашки, очень сильно ослабил галстук и предложил Диме сделать то же самое.

– Не могу, Михал Сергеич, – шепнул ему вице-консул. – Протокол, мать его…

– Да пошлите вы этот протокол к свиньям собачьим! Дышать же нечем…

Но Дима только отрицательно покачал головой и сотворил на своем дипломатическом лице почти искреннее внимание к привычным заклинаниям, звучащим со сцены.

Вета придвинулась вплотную к Полякову, прижалась к нему теплым плечом, неслышно рассмеялась:

– Это вы, Михал Сергеич, свободный художник… Как хотите – так и поступаете. А мы людишки служивые, подневольные. Тем более что наш посол очень даже внимательно поглядывает на всех нас – мидовцев. Будто только за этим сюда и приехал из Бонна.

От близости молодой и красивой женщины у Полякова перехватило дыхание и слегка запершило в горле. Он отодвинулся от Веты, чуть прокашлялся и попросил:

– Покажите мне посла, Веточка. Со старым я был даже знаком, а вот нового еще никогда не видел…

– А вон он – в центральной ложе. Слева.

На высоте второго яруса, в игрушечной ложе, вжавшись в левую боковую портьеру, сидел посол России – невзрачный человек лет сорока пяти. Рядом с ним пустовало кресло хозяина Москвы, временно пребывающего на сцене.

В этом же коротком первом рядочке восседала дама в очках. Вероятно, супруга-с московского правителя. Потом шло еще одно пустенькое креслице, скорее всего президента Баварии, а уже у правой портьеры восседала элегантная мадам президентша.

Первые леди перешептывались через пустующее место президента при помощи переводчика, стоявшего в полупоклоне за спинками их кресел.

А в глубине ложи, скрытые полутьмой, где и стульям-то поместиться было негде, оживленно жестикулировали и легко, весело и раскованно трепались о чем-то своем трое мужчин, лишь изредка мельком поглядывая на сцену, чтобы не пропустить окончание речей своих боссов.

В одном из них – самом раскрепощенном и могучем полном человеке с неожиданно изящной пластикой жеста, которой почти всегда обладают очень сильные и богатые лакеи, способные мгновенно изменять ход мыслей своих господ, – Михаил Сергеевич Поляков с радостью ближайшего родственника узнал своего ЗАКАЗАННОГО КЛИЕНТА!

Слава те господи, хоть не придется теперь разыскивать его после концерта в потной толпе…

Но этот высоченный, мощный и уверенный в своей непотопляемости, веселый и, наверное, очень остроумный тип,

стоящий сейчас за державными креслицами, вдруг словно что-то почуял!

Неожиданно для собеседников он прервал себя на полуслове и стал тревожно оглядываться.

«Все как всегда…» – подумал Поляков.

За несколько мгновений до «исполнения» в голове даже самого легкомысленного и беспечного «приговоренного» возникало непонятное, неясное, бесконтрольное чувство опасности и обреченности. Эти ощущения почти никогда не успевали перейти в состояние истерической паники: мгновенная смерть настигала «Клиента» уже на первом этапе – внезапном ощущении боязни ЧЕГО-ТО…

Еще никогда никто из «крестничков» Михаила Сергеевича не успевал понять: что же его так встревожило?..

От того места, где сидел Поляков вместе с вице-консульской четой, до центральной правительственной ложи с «объектом» было всего метров тридцать – не больше.

«Ну что?.. Будем прощаться, малыш?» – мысленно спросил Поляков у высокого толстого весельчака.

И подумал о том, что вторую половину гонорара он теперь должен будет получить не позднее послезавтрашнего дня. Сегодня у нас воскресенье, завтра понедельник, послезавтра вторник. Прекрасно! Потому что уже со среды Михаилу Сергеевичу Полякову предстояли очень крупные платежи.

Несмотря на удушающую жару небольшого зальчика, переполненного взмокшим и уже изнуренным народом, Михаил Сергеевич, как всегда перед исполнением заказа, почувствовал острую головную боль, легкий озноб, услышал усиливающийся звон в ушах, а затем все существо Полякова на долю секунды должно было сковать состояние самой настоящей каталепсии, за время которой мозг Полякова полностью подчинится сиюсекундному неотвратимому желанию и даже ему самому непонятным образом сконцентрирует в себе дикую, фантастической силы разрушительную Энергию!

И почти без паузы, будто по приказу неведомой Высшей Силы, должен был последовать чудовищной мощности четкий прицельный энергетический выброс, после которого моментально исчезала головная боль, а… человек, в которого Поляков направлял свой удар,

начинал падать УЖЕ МЕРТВЫМ. Его сердце останавливалось мгновенно, на полувздохе, и никакая самая скорая помощь в мире во главе даже с гениальным стариком Дебейки, никакие инъекции, никакие дефибрилляторы, изрыгающие спасительные шесть тысяч вольт, уже никогда не могли вернуть этого человека к жизни…

Но вместо того чтобы усиливающийся звон в ушах маэстро Полякова достиг бы той нестерпимости, когда за самой высокой нотой последовал бы убийственный «разряд», Михаил Сергеевич вдруг совсем рядом почувствовал запах прелестных и нежных духов, ощутил ласковую теплоту женского плеча, и от этого звон в ушах стал слабеть, а секунду спустя он даже смог услышать тихий шепот Веты – жены русского вице-консула:

– …мы с Димой неделю были дома, в Москве. Наш Филипп-дылдочка, выше папы на полголовы, – на втором курсе МГИМО, живет там один. Бардак, каких свет не видел! Грязи – вагон! Ну я возьми и устрой глобалку. И нашла старые детские книжки нашего Филипка… Притомилась, села на кухне, сообразила полстаканчика кампари и давай разглядывать эти книжки. Прихлебываю, а сама думаю: «Господи, да какие же мы уже старые…» И так жалко себя стало! Чуть не расплакалась. А потом гляжу, на нескольких, самых растрепанных, напечатано специальным детским почерком: «Картинки рисовал Мика Поляков». И картинки – просто прелесть! Это ведь вы, да, Михал Сергеич? «Мика Поляков» – это были вы?..

«Черт с ним, пусть поживет еще минут двадцать…» – подумал Поляков о своем «Клиенте».

И увидел, как тот вдруг замотал головой, словно пытался стряхнуть с себя кошмарное видение. А потом туг же (он был явно очень сильным человеком!) снова включился в разговор в глубине ложи. Но уже без жестикуляции и веселья.

– Вы меня слышите, Михал Сергеич? – шептала Вета, с преувеличенным вниманием глядя на сцену.

Поляков судорожно передохнул, слегка пришел в себя, помолчал и ответил:

– Слышу.

– Так это вы были – «Мика»?

– Да.

⁂

– Мика! В десять лет человек уже должен отвечать за свои поступки!!! – Разъяренный голос мамы прогремел еще из коридора.

Мика вздрогнул от неожиданности, но в мгновение ока совершил несколько отточенных, тренированных движений – он моментально сбросил в специально приоткрытый ящик своего письменного стола томик Луве де Кувре «Любовные приключения кавалера Фоблаза», коленкой в цыпках и ссадинах задвинул ящик, а со стола тут же стянул на себя подготовленный вот для таких пожарных случаев огромный верещагинский альбом «Отечественная война 1812 года»…

Чем и прикрыл свою порочно торчащую десятилетнюю пипку, молниеносно вскакивавшую на дыбы, как только Мика прикасался к «…кавалеру Фоблазу», или брал в руки сомовскую «Большую маркизу», или начинал разглядывать тончайшие рисунки Бердслея.

Воспаляющий воображение текст де Кувре, откровенно эротические иллюстрации похождений Фоблаза, изящные, волнующие картинки Сомова сводили Мику с ума, сердце билось гулко и очень быстро, а в голове вспыхивали дикие, бесстыдные, фантастические, ужасные видения обнаженных и полуодетых знакомых девочек, маминых подруг, домработницы Клары… И он, десятилетний Мика Поляков, делал с ними ЭТО!.. Как кавалер Фоблаз!.. Как арцыбашевский Санин, книжку про которого Мика спер в отцовской библиотеке… Он совершал с ними все, что подсказывало ему горячечное воспаленное воображение, рожденное неизведанным, но неукротимым мальчишечьим желанием!..

А потом наступали постыдная апатия, мучительные головные боли, сонливость и гадливое отношение к самому себе.

…Мама – рыжая, статная и очень красивая мама – ворвалась в детскую в распахнутой шубке из коричневой каракульчи, прыгая на одной ноге. Один фетровый бот она уже успела надеть, второй еще держала в руке. Скорее всего, известие, которое потребовало немедленного материнского воспитательного участия, застало ее именно посредине процесса натягивания фетровых бот.

– Только что звонил Рувим Соломонович!.. Ты меня слышишь?! – крикнула мама и для устрашения ляпнула по краю стола своим фетровым ботом.

Мика отшатнулся, на всякий случай сотворил лицом испуг, что было, прямо скажем, несложно, ибо мама могла и по загривку

треснуть, и, не вставая со стула, заныл с искусственно приблатненной хрипотцой:

– Че я сделал-то, мам?!

И «че», и хрипотца, и приблатненность были неотъемлемой частью двора, улицы, школы, спортзала…

Несмотря на своих ленинградско-светскую маму и папу-режиссера, Мика Поляков никогда не был исключением во всеобщем мальчишеском сословии.

– Где ты шлялся вчера вечером?! Где деньги, которые я велела тебе передать Рувиму Соломоновичу за три последних занятия?! Отвечай немедленно!..

Ну, с «немедленными» ответами у Мики никогда не было проблем.

– Мамочка, мусенька, миленькая!.. Я не хотел тебя огорчать… Я как только потерял эти проклятые пятнадцать рублей, так сразу и решил не идти к Рувиму Соломоновичу…

– Господи! – завопила мама и плюхнулась на диван, пытаясь натянуть второй фетровый бот. – Бьешься изо всех сил, стараешься обучить ребенка музыке… Ты же воспитываешься в интеллигентной семье! Папа говорит на трех языках! В доме бывают известнейшие люди страны – писатели, поэты, актеры, сценаристы, орденоносцы!!! О черт подери!.. Где деньги?!

– Потерял, – тихо повторил Мика.

Теперь его уже ничто не могло заставить признаться в том, что вчера вечером, когда он должен был идти на «урок фортепьяно» в огромную нищую коммунальную квартиру, где проживал одинокий, старый, неопрятный и очень бедный тапер из кинотеатра «Титан», и передать ему пятнадцать рублей за последние три занятия, он вместе с еще одним учеником Рувима Соломоновича – тихим Борей Хаскиным – сначала прожрали пять рублей на Литейном в магазине «Восточных сладостей», потом купили пачку «Казбека», накурились до одури, а потом, на углу Невского и Екатерининского канала, в подвальчике «Горячие напитки», оставшиеся шесть с полтиной пропили в самом прямом смысле этого слова: надрались горячего грога с корицей.

Почему им, десятилетним, продали этот грог – одному богу было известно.

После чего Борю Хаскина полчаса выворачивало наизнанку в какой-то темной подворотне, а Мика Поляков стоял над ним, взатяжку курил «Казбек» и покровительственно рассказывал Борьке, как он и сам блевал, когда впервые попробовал этот грог.

– Привыкнешь, старик, – небрежно и свысока сказал Мика.

Но тут Мику и самого бурно и неудержимо вырвало.

Мика мужественно утерся рукавом, закурил новую «казбечину» и не нашел ничего лучшего, как сказать несчастному Боре Хаскину:

– Вот суки!.. Корицы, наверное, переложили, бляди!

– Где деньги, я тебя спрашиваю?!

– Потерял, чесслово, мам!.. Ну клянусь тебе!

– Детская колония по тебе буквально рыдает!!! – прокричала мама.

Но Мика уже учуял, что скандал на излете, и сразу же занял наступательную позицию:

– Я вообще больше к нему не пойду!

– Э-эт-т-то еще почему? – снова взъярилась мама.

– Не скажу…

– Нет, скажешь!

Ну конечно, сейчас Мика скажет маме… Это был старый, испытанный прием – обязательно признаться в каком-нибудь пустяке, и тогда более опасные вопросы можно было оставить без ответа.

Мика сыграл паузу раздумья – говорить или не говорить? – и тихо произнес:

– У него изо рта воняет… То есть пахнет.

Брезгливая и болезненно чистоплотная мама почти сразу же оказалась по одну сторону баррикады с Микой…

И потом, она настолько торопилась в «Европейскую» гостиницу на свидание с одним московским дирижером, который специально приехал сегодня «Красной стрелой», чтобы увидеть ее, что мама, по легкости своего характера и недостатку времени, решила плюнуть на Мику и сосредоточиться на втором фетровом боте.

Сидя на диване и натягивая этот проклятый, тесный, но модный бот, мама для удобства опрокинулась на спину, и Мика увидел ее тонкое кружевное белье, блестящие торгсиновские чулки со «стрелкой», подвязки и вот ЭТУ невероятную, сводящую с ума,

обнаженную полоску красивых маминых ног между чулками и трусиками!..

Дикое возбуждение, спровоцированное в Мике «…кавалером Фоблазом», но придавленное скандалом с матерью и увесистым верещагинским альбомом, вдруг от всего только что увиденного всколыхнулось в Мике снова с жестокой и неумолимой силой!

И оттого, что в нем возникло это омерзительное и постыдное неуправляемое ЖЕЛАНИЕ при взгляде на собственную мать, Мика возненавидел ее на всю свою детскую жизнь…

⁂

…Казалось, что изнуряющую духоту, сгустившуюся под аляповатыми сводами Мюнхенского резиденцтеатра, скоро можно будет резать ножом, как кремовый торт…

Со сцены в распаренный, еле дышащий зал несся сильный и хороший голос очень популярной российской певицы – исполнительницы народных песен. Вокруг нее приплясывали и якобы подпевали ей несколько мужиков с простецкими хитроватыми мордами. Обряженные в этакие привычно-пейзанские шелковые косовороточки, мужики делали вид, что вовсю растягивают фальшивые гармошки, дуют в рожки и играют на жалейках…

А в потный, дисциплинированный немецкий зал из двух гигантских динамиков, стоявших в разных углах сцены, могучим водопадом низвергался давно и отлично записанный стационарными студийными магнитофонами настоящий оркестр и действительно мощный и прекрасный голос этой циничной бабы в сарафане и кокошнике.

Недавно Альфред и Мика смотрели по русскому каналу передачу об этой тетке. Из какого-то душещипательного цикла…

Так уж на что Альфред – искренняя и простая душа, вечный и верный поборник и защитник всего РУССКОГО – и тот почувствовал всю хищную фальшь этой, несомненно, талантливой дамы, в короткий срок сумевшей полностью завладеть обширной и беспроигрышной, почти государственной, «народно-российской» нишей сегодняшней московской эстрады.

От лживых откровений этой напористой бабешки Михаил Сергеевич потом полчаса отплевывался, а бедняга Альфред до

позднего вечера только горестно вздыхал и постанывал, словно от зубной боли…

…Но сейчас она была здесь, в Мюнхене, на сцене, вовремя открывала рот, четко попадала в собственную фонограмму, и глаза всего зала, в том числе и вице-консула Димы, и его жены, обворожительно пахнущей Веты, были устремлены на сцену.

И Михаил Сергеевич, нужно отдать ему должное, с удовольствием заметил, что почти все немногочисленные россияне, так или иначе оказавшиеся в этом зале, сдержанно и горделиво поглядывали по сторонам, ощущая себя в какой-то мере причастными к прекрасному пению этой немолодой эстрадной дивы в сарафане и кокошнике.

Поляков оглянулся на царскую ложу. Хозяин Москвы и президент Баварии уже сидели около своих жен. Из-за спинок их кресел что-то шептал переводчик.

А за переводчиком стояли все те же трое, один из которых, самый большой и мощный, самый уверенный в себе, наверное, самый влиятельный и для кого-то самый опасный, и был «Клиентом» старого семидесятидвухлетнего Мики Полякова.

Почему-то Михаил Сергеевич представил себе своего «Клиента» голым, волосатым, яростно распаленным, с животным и диким неистовством занимающимся любовью с Ветой – женой вице-консула Димы. Увидел и ее – полураздетую, взвизгивающую и всхлипывающую от наслаждения, и завистливая старческая ненависть к сильному и молодому самцу помогла М. С. Полякову сконцентрировать себя на том, что должно было произойти через несколько мгновений.

«За такого надо было больше брать! – подумал Мика и мысленно сказал своему „Клиенту”: – Прощай, сынок…»

И опять по нарастающей кривой – звон в ушах; короткий, но каждый раз пугающий Мику провал сердечного ритма; ощущение внезапно нахлынувшего жара, как при высокой температуре; мгновенное напряжение всех мышц, сильно смахивающее на кратчайший миг каталепсии, и…

Невидимый, беззвучный, невероятной разрушительной силы «энергетический разряд» вылетел из таинственных глубин мозга Мики Полякова и не оставил его «Клиенту» ни малейшего шанса на продолжение жизни.

По фантастической случайности «разряд» точно совпал с окончанием старинной русской народной песни, взрывом радостных и удивленных аплодисментов истомившегося зала и предсмертным хрипом «Заказанного Клиента». Никто в зале даже не услышал достаточно громкого глухого стука упавшего тела бывшего «влиятельного», бывшего «опасного», а ныне обычного, хотя и очень тяжелого трупа…

Но и Полякову теперь такие трюки давались непросто: почти теряя сознание, мгновенно обессилевший Мика слабеющим взглядом еще успел увидеть смятение в царской ложе, и в голове у него промелькнуло: «Господи, хоть бы самому не перекинуться…»

– Что с вами, Михал Сергеич?! – будто издалека услышал он голос Веты, но явственно ощутил запах ее духов, ее тела.

Этот призывный, манящий запах всколыхнул в старом Мике Полякове былое, почти ушедшее с годами «мужчинство» и вернул его из подступающего небытия.

«Нет… Не в этот раз…» Мика даже мысленно ухмыльнулся.

– Дима! Дима!.. – почти отчетливо услышал он испуганный шепот Веты. – Михал Сергеичу плохо!.. Ну Дима же!..

Окончательно Мика Поляков пришел в себя лишь тогда, когда Вета и Дима выволокли его из душного зала.

– Где ваша машина, Михал Сергеич? – громко, словно глухого, спросил его Дима.

Поляков глубоко вздохнул и отрицательно покачал головой. На ответ сил пока еще не было.

Дима вытащил из кармана брюк связку ключей, отдал их Вете и быстро сказал:

– Ветка, родненькая, отвези Михал Сергеича домой на нашей тачке. Если нужно – вызови врача. Я должен бежать обратно… Простите, Михал Сергеич, там у нас что-то случилось!..

⁂

Свое ПЕРВОЕ УБИЙСТВО Мика совершил двенадцати лет от роду.

Он даже и не понял, что ЭТО УБИЛ ОН. Об этом Мика догадался спустя несколько лет.

Просто за секунду до своего ПЕРВОГО УБИЙСТВА Мика Поляков – ученик пятого класса «А» средней художественной школы

Куйбышевского района города Ленинграда – страстно, до головокружения, до нестерпимого жара, чуть ли не до остановки собственного сердца МЫСЛЕННО ПОЖЕЛАЛ СМЕРТИ ученику шестого класса «Б» Толе Ломакину…

У того мгновенно округлились и бессмысленно выкатились глаза, рот широко открылся, раздался жуткий нечеловеческий всхлип, он стал белым, как чистый бумажный лист из альбома для рисования, изо рта его толстой струей хлынула кровь, и Толя Ломакин упал на «палубный» пол школьного спортивного зала уже МЕРТВЫМ…

А рядом с мертвым Толей упал и совершенно здоровый Мика! Ошарашенный произошедшим на его невзрослых глазах и моментальной потерей каких-либо физических сил.

Через полминуты Мика поднялся на дрожащие от слабости ноги, а Толю через три дня похоронили на Волковом кладбище.

Однако всему этому предшествовал ряд событий, которые самым удивительным образом выстроились впоследствии в единую, прочную цепь, несмотря на поразительную несхожесть звеньев!

⁂

Все началось за полтора месяца до смерти Толи Ломакина.

Из Москвы к Поляковым приехал их старый приятель – ироничный и непохожий на всех остальных друзей комсомольско-лирический поэт, близкий друг Микиного отца и постоянный мамин партнер по преферансу.

Поэт в очередной раз не очень надолго разошелся со своей женой, знаменитой московской красавицей грузинкой, и прикатил к Поляковым в Ленинград отдохнуть от строгих семейных оков.

Повалил народ – мама расцвела и, слава богу, забыла про Мику!

Дверь в поляковский дом, как говорится, не закрывалась, карты иногда затягивались до рассвета, табачный дым из гостиной не выветривался, отец приезжал после ночной съемки домой и ложился спать в кабинете, а мама даже к утру после бессонной ночи была свежа, весела и остроумна. Маме безумно хотелось выглядеть этакой «хозяйкой интеллектуального салона», и ее бурные, но, к счастью, краткосрочные романчики привлекали к ней всеобщее внимание и, наверное, очень огорчали папу.

Мощным привлекающим фактором к дому Поляковых была и их домработница Миля, от одного взгляда на которую мужики, по

выражению мамы, приходили «в состояние бесконтрольного и дикого кобеляжа».

Полное имя ее было Эмилия. Но называть ее так никому и в голову не приходило. Она была именно Миля – пухлое, розовое, как кто-то сказал про нее, «сливочное», прелестное эстонское существо с зазывным акцентом, мягкой неправильностью русской речи, двадцати пяти лет от роду.

Каким образом Миля оказалась в Ленинграде задолго до того, как Советский Союз протянул свою стальную руку дружбы Эстонии, Латвии и Литве, одному богу было известно…

У Поляковых Миля занималась кухней, уборкой, стиркой, магазинами, рынком и вообще всем, чем угодно. До виртуозного штопанья мужских носков.

Кстати, все заботы о Мике тоже целиком лежали на ней.

Миля в открытую путалась с молоденьким участковым уполномоченным милиционером Васькой. Днем она принимала и подкармливала его на поляковской кухне у себя за занавесочкой с веселыми барабанящими зайчиками, а поздними вечерами Васька уводил Милю на свою служебную территорию, в красный уголок вверенного ему домоуправления, где стоял его персональный письменный стол.

Днем за этим столом он разбирал жалобы жильцов друг на друга и мелкие доносы, позднее собирал всех дворовых пацанов, не исключая и Мику, и проводил с ними воспитательную работу…

А ночью на этом же столе, точно под портретом Семена Михайловича Буденного, пользовал Милю. Стол был жестким, и Миля каждый раз натирала о край стола свой пухленький копчик.

Может быть, отсутствие нормальных условий для полного торжества любви и подвигло «сливочную» и очень чистоплотную эстонскую Милю на разные разности и с московским комсомольским поэтом у себя на кухне за занавеской с зайчиками.

Как-то ночью Мика проснулся от дикой жажды и тихонько поплелся в кухню за холодной водой, стараясь не разбудить Милю. Но уже подходя к кухне по длинному коридору, Мика услышал покряхтывание Мили и чье-то прерывистое дыхание, сопровождавшееся ритмичным скрипом Милиной кушетки.

Дверь в кухню была слегка приоткрыта, и Мика осторожно просунул туда нос…

Сна как не бывало!

Впервые в своей двенадцатилетней жизни Мика ЖИВЬЕМ увидел то, что столь сладострастно искал в рисунках Сомова и Бердслея, то, о чем взахлеб тайком читал у Арцыбашева и Луве де Кувре…

На кухне было темно, но уличный фонарь, болтавшийся на уровне второго этажа поляковской квартиры, скупо дарил свой свет и кухне. И этого было вполне достаточно, чтобы Мика на фоне слабо освещенного окна увидел силуэт голой Мили, стоявшей на коленях на краю своей лежанки, и тощую фигуру комсомольского лирика со спущенными пижамными штанами, примостившегося как раз за широким эстонским задом Мили. И они делали ЭТО!!!

Миля что-то лепетала по-эстонски, а поэт, не прекращая своих упражнений, сказал ей прерывающимся надтреснутым тенорком:

– Для полноты ощущений к тебе надо приходить с переводчиком.

Тут Миля перестала кряхтеть и лепетать и неожиданно рассмеялась.

…Остаток ночи Мика истерически ублажал себя древним мальчишеским способом, а в жгучих, мучительных и бесстыдных фантазиях, от которых раскалывалась голова, ему чудился силуэт Мили – по-кошачьи прогнутая спина, ее откляченный зад, а за ней… И в ней!.. Не тощий поэт со спущенными пижамными штанишками, а ОН – двенадцатилетний Мика Поляков со своими болезненно набухшими сосками, так явственно и неумолимо приближающими его ко взрослости, к подлинному «кавалерофоблазовскому» мужчинству!

К утру у Мики созрел страшный и коварный, невероятно опасный план овладения Милей…

В те времена – времена четко отлаженных массовых расстрелов своих собственных граждан и поразительных по изобретательности новейших методов ведения допросов – обычная квартирная стирка (даже в самых обеспеченных домах) стойко пребывала на уровне времен отмены крепостного права: огромный бак с горячей водой на плите, корыто на двух кухонных табуретках, гигантская плетеная корзина для уже выстиранного, прополощенного и отжатого белья, и в облаках пара – краснощекая Миля с багровыми от стирки руками, в широкой «ночной» юбке и кофте без рукавов с таким глубоким

вырезом, за который не заглянуть ну просто не было никакой возможности!..

Потом за рубль вызывали дворника – нести неподъемную корзину на чердак. Или Миля вызванивала свою подружку – соседскую домработницу, а если белья было не так уж много, просила Мику помочь ей втащить корзину на шестой этаж, а потом развесить белье на чердаке…

Перед школой Мика завтракал на кухне. Стараясь не смотреть на хлопотавшую вокруг него Милю, грубовато спросил подрагивающим голосом:

– Ты когда стирать собираешься? А то мне уже не в чем на тренировки ходить – несет, как от козла! Все пропотевшее…

Мика занимался спортивной гимнастикой у самого Бориса Вениаминовича Эргерта – чемпиона Олимпийских игр какого-то там дореволюционного года, и БэВэ – высокий, поджарый, строгий и очень старый немец – сильно уважал Мику за храбрость.

– Поже мой! – воскликнула Миля со своим неистребимым эстонским произношением. – Педный зайчик! Завтра же все постираю. Кушай пыстро, зайчик, – опоздаешь на уроки!..

На следующий день Мика не очень талантливо сыграл «заболевание» и в школу не пошел. Остался дома, боясь пропустить момент стирки.

За мамой заехала приятельница – жена известного кинорежиссера, недавно награжденного орденом Ленина и легковым автомобилем, которым управлял наемный шофер. Захватив с собой комсомольского лирика, они уехали на выставку одного турецкого художника, полгода тому назад попросившего в Советском Союзе политического убежища. У жены орденоносного режиссера с этим художником был невероятный роман, за что ее уже пару раз куда-то вызывали…

Миля затеяла обещанную стирку, а к середине дня, когда вот-вот уже должна была вернуться мама, чтобы отдохнуть и переодеться перед просмотром в Доме кино, Мика будто ненароком заглянул на кухню и увидел, что пар уже рассеялся и осел капельками на запотевшем оконном стекле, плетеная корзина была почти полна Микиным выстиранным спортивным барахлишком, а усталая и разомлевшая Миля шумно пьет чай.

– Зайчик, поможешь корзину на чердак отнести? – устало спросила Миля.

И Мика понял, что ЧАС НАСТАЛ! Руки у него затряслись, дыхание перехватило, и он только утвердительно кивнул головой.

Из нескончаемых дворовых мальчишечьих разговоров про ЭТО Мика Поляков от пацанов-старшеклас-сников знал: для того чтобы сломить сопротивление девчонки или даже взрослой женщины, необходимо неожиданно испугать ее до такой степени, что она буквально не сможет поднять рук для своей защиты! Хорошо чем-нибудь мягким и тяжелым ударить ее по затылку – тогда она сразу отключится и тут делай с ней что хочешь…

Один четырнадцатилетний балбес из ремесленного училища, занимавшийся в секции бокса при районном Дворце пионеров, утверждал, что очень хорош внезапный удар по печени! Тут она, дескать, сразу «с копыт», и тебе остается только задрать ей юбку и начать делать свое черное сладкое дело… Мика чувствовал, что за всеми этими бреднями стоит неуемное вранье онанирующих подростков, но… А вдруг это правда?! Что тогда? И не слушать всего этого у него не было сил…

Мика метнулся в детскую, достал из-под паркетной половицы из своего тайника финский нож, собственноручно изготовленный им на уроке труда из небольшого напильника, и сунул его в карман стареньких лыжных брюк.

Нет, нет!.. Он не собирался причинять Миле даже малейшей боли! Кто, как не Миля, всегда восторгалась его рисунками, особенно карикатурами на маминых и папиных знакомых? Кто, как не Миля, кормила его, защищала от всех и всего и даже ходила «болеть» за Мику на его «прикидочные» соревнования по гимнастике в спортзал районной детской спортивной школы? Кто, как не Миля, весело и заботливо ежедневно заполняла все домашнее Микино одиночество?!

Нет. Нож был взят с собою, наверное, для какой-то непонятной самому Мике уверенности в себе и утверждения своих «взрослых» намерений. Может быть, увидев финку, Миля поймет, что имеет дело с уже вполне сложившимся мужчиной, и…

⁂

Но на чердаке, когда Миля взялась развешивать Микино барахлишко на «поляковских» веревках в углу сухого и теплого

чердака, пропитанного пыльными запахами, когда в благодарность за помощь Миля привычно поцеловала Мику в нос, Мика не выдержал нервного томительного напряжения, обхватил Милю и прижался к ней, отчаянно уперевшись в Милины ноги своей каменной пипкой, откровенно и ужасно вздыбливающей его старые лыжные брючишки.

Миля потрясенно замерла, потом оторвала голову Мики от своей груди, заглянула ему в глаза и тихо произнесла:

– Поже мой… Какой кошмар!..

Мике показалось, что Миля сейчас брезгливо отбросит его от себя и немедленно помчится рассказывать все родителям.

И тогда он вынул из кармана свой нож.

Миля увидела нож в руке Мики и дико перепугалась! Но испугалась она за Мику. Она прижала его голову к своей груди и тревожно зашептала ему в ухо:

– Прось! Прось немедленно эту гадость!.. Ты же можешь порезаться, зайчик! Прось, пожалуйста… Миля тебя очень, очень просит!

Мику трясло, и он, в состоянии близком к помешательству, выронил нож. А Миля еще сильнее прижала его к себе и грустно сказала:

– Педный… Педный мой зайчик… Ты так ЭТОГО хочешь, да?..

– Да… – задыхаясь, ответил Мика прямо в пышную Милину грудь.

– Тавно? – с интересом спросила Миля.

– Очень!..

– О поже мой… – сочувственно пролепетала Миля. – Сто же ты молчал, Микочка, зайчик мой дорогой?.. Толго хотеть ЭТОГО – очень вретно для молотово здоровья! О, курат… Не торопись, мой мальчик, подожди. Я закрою тверь чердака…

⁂

Несмотря на то что дикие и потрясающие томительные мальчишечьи фантазии Мики, так давно уже раздиравшие его юное существо, наконец-то получили очень даже осязаемое и реальное чердачное воплощение, само «действие» и переход фантазий в реальность вызвали в нем не восторг удовлетворения постыдных и тайных желаний, а столь же неожиданное разочарование и даже

небольшую нервную истерику, которая очень напугала Милю и его самого.

И тем не менее теперь Мика приходил в среднюю художественную школу, гордо переполненный своей «взрослой» тайной.

Самая потрясающая девочка пятых и шестых классов Неля Зайцева, по которой сохли буквально все мальчишки всех вышеупомянутых классов, для Мики вдруг потеряла всяческую привлекательность. Он тут же перестал смотреть на нее с обожанием и увидел неотразимую Нелю совершенно иными глазами – то и дело отмечая в ней массу недостатков, которых никогда раньше не замечал: и тонкие ножки с костистыми коленками, и морщинистые перекрученные чулочки «в резинку», и теплые сиреневые трусы «начесом внутрь», неопрятно вылезающие у Нели из-под короткой юбочки, и желтоватый налет на зубах, и грязноватые обкусанные ногти…

Чего Неля Зайцева – талантливый изобразитель сладковатых акварельных цветочных натюрмортов и победитель городской олимпиады детского творчества – не могла не почувствовать. Женское начало в ней явно преобладало над ее художническим вкусом.

– С Поляковым надо что-то делать. Совсем зазнался!.. С этими своими дурацкими карикатурками вообразил о себе черт-те что! – сказала Неля ученику шестого класса «Б» этой же средней художественной школы Толе Ломакину, тяготевшему в своем творчестве к историко-революционной и современно-военной тематике.

Но уже втрескавшийся в эту самую Нелю Толя Ломакин знал, что она очень даже неравнодушна к красивому и спортивному Мишке Полякову, дико ревновал ее к нему и поэтому сразу же мстительно согласился:

– Ты, Зайцева, только скажи! Я такое заделаю этому жиду!..

– Кому? – удивилась непонятливая Зайцева.

– Ну, Полякову – жиду этому.

– А что это – «жиду»?..

Толя был старше Нели ровно на один год и, естественно, знал гораздо больше, чем она – малолетка. Он восхитился возможности

предъявить своей любимой все собственные познания в национальном вопросе, так часто обсуждавшиеся в его военно-патриотической семье.

– Ну ты даешь, Зайцева! Поляков же – еврей!.. Понимаешь? – И с искренним сожалением честно добавил: – Правда, только наполовину. Мать – русская, а отец – того…

⁂

…Отец Мики – Сергей Аркадьевич Поляков – был действительно «того».

Он закончил в Петербурге знаменитую «Петершуле» на одни пятерки. С блистательным знанием немецкого, английского и французского он был отправлен родителями в Гейдельбергский университет в Германию. Оттуда уехал во Францию, в Мурмелон, где закончил редкостную по тем временам авиационную школу летчиков.

Конечно, все это стало возможным благодаря Микиному дедушке, которого Мика так никогда и не видел. Тот скончался до рождения Мики.

А дедушка, профессор Аркадий Израилевич Поляков, был ни больше ни меньше лейб-медиком двора его императорского величества. За достижение значительных успехов в области российской гинекологической хирургии доктору медицины профессору Аркадию Израилевичу Полякову было пожаловано потомственное дворянство с записью в паспорте и распространением этого звания на все последующие поколения Поляковых.

Когда же началась Первая мировая война, Сергей Аркадьевич вернулся в Россию и сразу же был зачислен в 12-й летный истребительный отряд под командованием князя Владислава Николаевича Лерхе. Небольшого росточка, худенький князь Лерхе был знаменит и при дворе, и во всех авиационных кругах как ненасытный бабник, бретер, дуэлянт, фантастический выпивоха и великолепный, виртуозный и бесстрашный авиатор.

Однако в летный отряд Поляков Сергей Аркадьевич был зачислен не как положено было летчику – офицером, а всего лишь вольноопределяющимся. Несмотря на свое потомственное дворянство.

Еврею тогда за особые заслуги могло быть пожаловано дворянство, а вот офицерское звание – никогда и ни под каким видом!

Даже тогда, когда вольноопределяющийся военный летчик С. А. Поляков в 1916 году был уже кавалером трех Георгиевских крестов,

четвертый – золотой, офицерский – он получить не мог. Хотя князь Лерхе уже несколько раз представлял его к этой высокой награде, а потом, грязно матерясь на трех языках, говорил Сергею Аркадьевичу:

– Серж, простите меня, я не в силах сломать весь этот устоявшийся российский идиотизм. Пойдемте напьемся! А потом – к блядям. Или сначала к блядям, а напьемся уже там? Как по-вашему, Серж?

Тогда Сергею Аркадьевичу было двадцать четыре года, а князю Лерхе – двадцать семь.

К началу революции семнадцатого года Сергей Аркадьевич Поляков обладал замечательной кожаной книжечкой, внутри которой на одной стороне была его собственная фотография в форме военного летчика, а на другой стороне типографией петербургского монетного двора на пяти языках было красиво напечатано следующее:

«Податель сего удостоверения Сергей Аркадьевич Поляков является Шеф-Пилотом Двора Его Императорского Величества Государя Российского. Властям Гражданским и Военным предписывается оказывать всемерное содействие при предъявлении настоящего удостоверения».

И подпись – «Великий Князь Александр Михайлович».

Это было так называемое «Брево» – Международное свидетельство авиатора, защищающее его обладателя по всему свету. Повсюду.

Как вскоре выяснилось, кроме России.

…А в двадцатых годах Сергей Аркадьевич похоронил своих родителей и ушел ну совсем в иную область – в кинематограф!

Сначала помощником режиссера, потом ассистентом, а позже стал снимать и самостоятельно.

В отличие от фанфарного шествия Сергея Аркадьевича в военной авиации царского времени на ниве советского кино его успехи были намного скромнее. Будучи человеком тонким, умным и глубоко интеллигентным, он это и сам понимал и в конце концов нашел в себе силы покинуть так называемый художественный кинематограф и полностью перейти в документальный.

⁂

Верный своему слову, данному любимой Неле Зайцевой, шестиклассник Толя Ломакин решил задачу «заделывания жида

Мишки Полякова» достаточно примитивно – на большой переменке он просто подставил ногу мчавшемуся за кем-то Мике Полякову, и несчастный Мика влетел головой в тяжелую резную дубовую дверь учительской.

«Скорая помощь», больница Эрисмана, двенадцать швов на теменной области головы, обильная кровопотеря и тяжелое сотрясение мозга…

А в больнице – бред, галлюцинации, кошмары, мучительные перевязки, одуряющие головные боли и почти постоянное присутствие отца – Сергея Аркадьевича и домработницы Мили.

Дважды приходили «выборные» от пятого «А». Достаточно часто, но коротко бывала мама. После нее в палате всегда оставался запах свежих фруктов и французских духов «Коти».

Кроме сотрясения мозга, врачи подозревали и небольшое внутричерепное кровоизлияние и пророчили Мике и его родителям, что головные боли у ребенка будут продолжаться не менее года-полутора. Пока что-то там «не закапсулируется и не рассосется». Если же этого не произойдет, тогда возможна нейрохирургическая операция. Но не раньше чем через год.

Однако в последнюю больничную ночь, когда головная боль стала совсем нестерпимой и Мика, рыдая в подушку, вот-вот готов был истошно завыть на всю палату, тело его неожиданно сжалось в стальной комок, в голове его что-то треснуло, будто над ним сломали кусок фанеры, все его существо пронзил дикий жар, и на мгновение Мика потерял ориентировку в пространстве. И…

…Потрясенный, Мика вдруг понял, что боли никакой нет! Силы покинули его, но мучительная боль, раскалывавшая его голову почти три недели, тоже покинула все еще перевязанную, коротко остриженную голову Мики Полякова!!!

Одновременно со всем произошедшим Мика неясно почувствовал, что в нем самом, внутри его – то ли в сознании, то ли в организме – что-то явно переменилось. Что – понять не мог. Как к этому относиться – не знал. Просто весь окружающий мир стал для Мики чуточку иным…

– Папа, – тихо сказал Мика, когда его привезли из больницы домой. – Пожалуйста, посмотри на меня внимательно. Я очень сильно изменился?

– Нет, мой родной, – негромко ответил Сергей Аркадьевич. – Отрастут волосики, ты окрепнешь, снова начнешь ходить к Борису Вениаминовичу на гимнастику, летом я тебя заберу в экспедицию на Север – будешь там много рисовать… И все войдет в свою колею.

– Нет, – почему-то сказал тогда Мика. – Не все.

⁂

Когда после болезни Мика впервые появился в школьном спортивном зале, к нему тут же бросились его пятиклашки. Обступили, разглядывали шрам на голове, сквозь слегка отросшие волосы считали точки, оставшиеся от снятых швов…

Но тут на правах старшего всех пятиклашек разметал шестиклассник Толя Ломакин и, криво ухмыльнувшись, четко и внятно спросил:

– Ну что, жиденок? Оклемался?

Вот тогда-то с Микой и произошло что-то очень похожее на то, что он почувствовал в ту последнюю больничную ночь, когда вдруг, словно по мановению волшебной палочки, неожиданно прекратились страшные головные боли, обещанные ему врачами еще минимум на год-полтора.

Откуда ни возьмись снова возникли дикая головная боль, озноб, жар, сумасшедшее окаменение всех мышц, то есть повторилось все, что Мика испытал той последней больничной ночью!

Правда, это жутковатое состояние оказалось подкреплено страшноватенькой мыслью, промелькнувшей в сознании Мики при взгляде на Толю Ломакина:

ЧТОБ ТЫ СДОХ, ГАД!!!

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы ТОЛЯ УПАЛ МЕРТВЫМ, а у Мики немедленно прекратилась головная боль…

⁂

Так Мика Поляков в двенадцать лет совершил свое ПЕРВОЕ, совершенно бессознательное УБИЙСТВО.

⁂

Во второй раз, уже абсолютно осознанно, Мика УБИЛ ЧЕЛОВЕКА спустя почти два года.

За это время на Мику, на маму, на папу, на Милю и вообще на весь мир обрушилось столько событий, что пересказывать их Мика смог бы

до конца своей жизни, если бы ему удалось докарабкаться до старости…

Но тогда он не знал, что такое старость, и уйму важных мелочей так и не удержал в памяти.

⁂

Помнил только, что летом сорок первого, уже тринадцатилетним, тоскливо слонялся по прокаленному городу и, словно манны небесной, ожидал второй смены в городском спортивном лагере, расположенном в Терийоках. Его тренер старик Эргерт приложил немало усилий, чтобы Мику взяли туда хоть на одну смену. Городской комитет физкультуры и спорта запрещал направлять в спортивный лагерь тех, кому не было четырнадцати лет. Мике помогло лишь то, что незадолго до окончания шестого класса, в апреле, Михаил Поляков выиграл первенство Ленинграда по гимнастике среди мальчиков.

Однако мама в своем неукротимом тщеславии чуть было напрочь не стерла все усилия заслуженного мастера спорта СССР, чемпиона дореволюционных Олимпийских игр Бориса Вениаминовича Эргерта в борьбе за право своего ученика Миши Полякова продолжить тренировочный сезон в этом привилегированном спортивном лагере.

Маме же всегда дико хотелось, чтобы ее сын потрясал ее знакомых и поклонников разнообразием талантов. Кого только не ставила мама в пример Мике – и некоего вундеркинда Марика Тайманова, сыгравшего в фильме «Концерт Бетховена», и какого-то гениального мальчика-скрипача Бусю Гольдштейна, и даже узбекскую девочку Мамлакат, получившую орден Ленина из рук самого товарища Сталина!

Причем мамины требования к Мике всегда зависели от того, кем в это время мама была увлечена: в бытность московского дирижера Мика был отправлен учиться музыке к Рувиму Соломоновичу. Когда у мамы наклевывались несколько нестандартные отношения с одним известным ленинградским беллетристом, мама умоляла Мику сочинить хоть какой-нибудь рассказик, чтобы она могла показать его настоящему писателю…

Именно через этого писателя маме удалось достать для Мики путевку в детский дом отдыха «Литфонда», и она потребовала от Мики немедленно сесть за стихи.

– Все дети пишут стихи! – кричала мама. – Неужели в тебе нет ни капельки здорового, нормального честолюбия? Почему ты слоняешься из угла в угол? Садись и сочиняй!.. В «Литфонд» ты должен уехать со стихами!.. Там все дети занимаются творчеством!.. Только ты – черт знает чем!

То, что Мика, как утверждали преподаватели художественной школы, был необычайно одарен в рисунке, карикатуре и шарже и совсем слегка отставал в акварели, для мамы не имело никакого значения. Это для нее было привычным и само собой разумеющимся. То, что Мика стал в тринадцать лет чемпионом Ленинграда по гимнастике в разряде мальчиков, маме было попросту чуждо, и, кажется, она даже стеснялась этого.

– А я что, не занимаюсь «творчеством»?! – Мика еле подавил слезы обиды.

Но тут мама оскорбительно расхохоталась:

– Стоять вверх ногами и переворачиваться через голову – это, конечно, апогей интеллектуализма!

Никто не умел так насмешливо обидеть Мику, как его родная и красивая мама! Никто не бывал к нему так несправедлив…

Лишь спустя много-много лет, будто приподнявшись над собственным детством, над всеми своими жгучими детскими обидами, Мика понял, как поразительно талантлива была его мать. Каким богом данным даром общения она обладала, без труда окружая себя совершенно различными людьми и умудряясь всегда оставаться центром их внимания. Ее романы никогда и никем не осуждались – их воспринимали как одну из неотъемлемых граней маминого существования. Ее мгновенная реакция на любую чужую фразу, ее врожденное остроумие и легкость восприятия окружающего мира притягивали к ней, заставляли людей искать с ней общения, повторять ее остроты, ее молниеносные, порою удивительно неожиданные и ироничные оценки людей и событий.

И этот божий дар восполнял маме все ее незнание, весь недостаток настоящей культуры, с лихвой компенсировал отсутствие подлинного аристократического лоска и образования, которые она так хотела видеть в своем сыне…

– Немедленно садись за стихи, черт бы тебя побрал, Мика! – тоном, не терпящим возражений, сказала мама. – Вернусь – чтобы

«нетленка» лежала на столе. Понял?

– Понял… – уныло пробормотал Мика.

Мама удивилась Микиной сговорчивости и уехала из дому, свято убежденная в правоте своих требований.

Но тогда Мике просто было тошно в очередной раз ссориться с мамой. Отсюда и то, что мама приняла за сговорчивость.

Стихов Мика никогда не писал, знал только то, что задавали в школе по русскому языку и литературе, а единственное стихотворение, врезавшееся ему в память еще со второго класса из «Книги для чтения», было чудовищным по своей неграмотности и нелепости:

Ой-ой-ой, ой-ой-ой. Какой вырос дом большой!

С ударением на «а» в слове «Какой»…

И Мика отправился в папин кабинет. Там с нижних полок книжных стеллажей он вытащил кипы старых журналов – «Аполлон», «Новый Сатирикон», «Нива», «Красная новь», «Аргус» и стал перелистывать их, чтобы выбрать оттуда какие-нибудь стишата, которые, естественно, никто не знает и не помнит, и выдать их за свои. Конечно, переписав их на отдельный листок бумаги с графическим изображением «мук творчества» и «требовательности к самому себе». В Полном собрании сочинений Пушкина он как-то видел факсимильные отпечатки рукописей поэта. Рисунки Пушкина на полях рукописей ему показались слабыми, а вот то, как Пушкин в уже готовой строке по многу раз менял одно слово на другое, что-то зачеркивал, что-то восстанавливал, Мике очень даже запомнилось.

А еще Мика понимал, что тематика стиха должна быть не очень «взрослой». Чтобы ни у кого не возникло сомнений, что это сочинил тринадцатилетний пацан.

Через час поиска он наконец обнаружил то, что ему показалось «в самую жилу». В журнале «Аргус», выпущенном в 1912 году, Мика раскопал четверостишие, которое отвечало всем его требованиям: тема почти детская – из жизни домашних животных, а краткость… Ну что ж краткость? Краткость – сестра таланта, как он запомнил из взрослых разговоров.

Вот Мика и перекатал из «Аргуса» двенадцатого года эти четыре строчки черт знает какой давности.

Несколько слов в каждой строке Мика зачеркнул, да так, чтобы их совсем нельзя было разобрать, а сверху понадписал те же самые слова,

которые только что позачеркивал. Получилось очень даже миленько – искал, дескать, наиболее точные слова, наиболее совершенную форму стиха!..

Подумал немного, поглядел на листок со стишком, склонив голову набок, вспомнил черновики Пушкина, да и пририсовал несколько забавных набросочков к тексту – двух целующихся котов, крышу дома, чердачное окно, луну в ночном небе…

Мама вернулась домой, влетела в Микину детскую и с порога вопросительно-испытующе посмотрела на Мику, не произнося ни слова.

Мика, так же молча, скромно потупив глаза, отдал маме листок с четверостишием, несшим на себе все знаки титанически-кропотливой работы над словом и ритмом стиха. Что характеризовало автора Мику как личность чрезвычайно взыскательную и подлинно творческую. Мама недоверчиво взяла в руки листок, ошалело увидела все то, чего Мика и добивался.

– Прости меня, ма, – скромно сказал Мика. – Я не успел переписать начисто. Это только черновик. Здесь еще масса работы…

Мама посмотрела на Мику увлажненными глазами, протянула листок Мике и почти робко попросила:

– Прочти сам, сынуля…

Мика много раз слышал, как настоящие поэты читали свои стихи его маме в гостиной. И Мика решил не ударить в грязь лицом. Он взял листок в одну руку, вторую слегка отвел в сторону и, очень профессионально подвывая, прочитал:

РЯДОМ С СИЛУЭТОМ ЧЕРНОЙ КОШКИ – СИЛУЭТ ЧЕРДАЧНОГО КОТА… ЧЕРДАКОВ КВАДРАТНЫЕ ОКОШКИ – ИХ СВИДАНИЙ ТАЙНЫЕ МЕСТА.

Несколько секунд мама молча смотрела на Мику расширившимися от трепетного восторга глазами, а потом бросилась обнимать его, целовать, тискать, приговаривая срывающимся от счастья голосом:

– Господи… Что же ты молчал?! Почему же ты не делал этого раньше?.. Солнышко мое! Как я рада… Боже, как ты все-таки талантлив!.. Какое счастье, что я сумела заставить тебя начать писать стихи!!!

В это время у входной двери раздался звонок.

– Миля!.. – закричала мама, не отпуская Мику из своих восторженных объятий. – Ну откройте же, Миля! Звонят!..

Было слышно, как Миля прокричала:

– Течас!.. – Открыла дверь и сказала: – Топрый вечер, Сергей Аркадьевич.

– Папе… Надо обязательно показать это папе! – воскликнула мама, вырвала из рук Мики листок с четверостишием и помчалась встречать папу, потащив с собой Мику, который тут же впал в небольшую панику.

Мика твердо знал, что если маму можно было «напарить», выдавая чужие стихи за свои, то с интеллигентным папой этот номер может не пройти. Оставалось только надеяться на древний возраст журнала.

– Сереженька!.. – Импульсивная мама бежала по коридору, волоча за собой Мику. – Ты посмотри – какие стихи!.. Это же просто уму непостижимо! Посмотри, какая прелесть!..

Папа еще не успел отойти от входной двери. Он поцеловал маму, ласково шлепнул Мику по загривку и только потом взял в руки листок с четверостишием.

РЯДОМ С СИЛУЭТОМ ЧЕРНОЙ КОШКИ – СИЛУЭТ ЧЕРДАЧНОГО КОТА… ЧЕРДАКОВ КВАДРАТНЫЕ ОКОШКИ – ИХ СВИДАНИЙ ТАЙНЫЕ МЕСТА.

– Ну?! – Мама сияющими глазами смотрела на папу. Папа очень по-доброму улыбнулся маме и Мике и сказал:

– Стихи очаровательные. Мало того, когда-то, много лет тому назад, я даже был знаком с их автором. По-моему, впервые они появились году в четырнадцатом…

Тут Мика понял, что сгорел окончательно, и решил резко изменить курс – авось вывезет…

– В двенадцатом, – поправил он папу.

– Где ты их разыскал? – еще ничего не понимая, спросил папа.

– В «Аргусе», – ответил Мика, стараясь не смотреть на маму. Растерянная, еще не верящая в произошедшее, мама была оскорблена в своих лучших чувствах, гордость ее была растоптана, она была безжалостно унижена собственным сыном! И собственным мужем.

Мике стало вдруг нестерпимо ее жаль, он готов был броситься перед ней на колени, целовать ей руки, умолять о прошении, обещать,

что подобное больше никогда не повторится…

Но ничего этого сделать он не успел. Он получил от мамы такую затрещину по физиономии, что пропахал на заднице чуть ли не полкоридора.

⁂

Ни в детский дом отдыха «Литфонда», ни в Терийоки – в спортлагерь Городского комитета физкультуры Мика Поляков так и не попал. И история с чужими стихами была тут совершенно ни при чем…

⁂

Спустя всего две недели после той затрещины на невиданных доселе запасных путях Московского вокзала, стоя у одного из пассажирских вагонов эшелона, уходящего в неведомые края под названием ЭВАКУАЦИЯ, мама, некрасивая мама, с опухшими от слез глазами, бледная и измученная, может быть, впервые не думающая о том, как она сейчас выглядит, прижимала Мику к груди, истерически зацеловывала и все что-то шептала и шептала…

А рядом с трясущимся подбородком стоял папа и пытался ободряюще подмигивать Мике. Но получалось у него это нелепо и жалко. Проглядывала фальшь в этом неумелом подмигивании. И Мике было даже немножечко стыдно за своего отца – пусть не очень известного кинорежиссера, даже не орденоносца, но бывшего военного летчика, кавалера Георгиевских крестов, ближайшего друга какого-то легендарного князя Лерхе, черт-те когда канувшего в вечность…

Жалко было и маму. За то, что по ее лицу растекались черные ручейки туши, а подбородок был испачкан размазавшейся губной помадой…

За то, что ему, Мике, вот в эти минуты довелось увидеть ее не блистательно остроумной, резкой, самоуверенной и ироничной, а беспомощной, безвольной и неожиданно очень обычной «бабской» женщиной…

Не знал Мика, что всего за три дня до начала войны, девятнадцатого июня, врачами той же больницы Эрисмана, где в прошлом году лежал Мика, маме был поставлен страшный диагноз неизлечимой тогда болезни. А к концу июля ей уже была назначена,

наверное, бесполезная операция, и поэтому мама не могла уехать из Ленинграда вместе с Микой.

Скорее всего, мама предчувствовала свой уход из этого мира, понимала, что в тридцать восемь лет для нее обрывается все: она теряет сына, мужа, которого, несмотря на все и всех, боготворила и ревновала к любому фонарному столбу, что для нее вот-вот исчезнет то, что постоянно окружало ее во времена не всегда праведной, но всегда яркой и прекрасной жизни…

И еще одно. Стыдно было признаваться в этом даже самому себе, но Мика уже мечтал о том, чтобы эшелон тронулся как можно быстрее, чтобы мама и папа остались бы там, на запасных путях Московского вокзала, а он, Мика Поляков, наконец начал бы совершенно новую и самостоятельную жизнь.

Он знал – война скоро кончится, он вернется домой и снова попадет в зависимость к взрослым людям: педагогам, тренерам и вагоновожатым, к участковому милиционеру Васе и управдому, к любому уличному прохожему, которому вдруг покажется, что Мика ведет себя не так, как хочется этому прохожему. Снова и целиком будет зависеть от мамы и папы…

Сейчас ему представился случай хоть ненадолго освободиться от такой зависимости. Несмотря на весь трагизм ситуации, Мика воспринимал ЭВАКУАЦИЮ примерно так же, как несколько видоизмененную поездку в спортивный лагерь. Единственное, что его настораживало и заставляло сомневаться в чистоте своих вольнолюбивых помыслов, это обилие мужчин с трясущимися руками и подбородками и огромное количество женщин, рыдавших над своими уезжающими детьми.

⁂

…А потом были три месяца жизни в лесу под Гавриловым Ямом, что неподалеку от Ярославля. Барак для малышей с бабушками и мамами, второй барак для расхристанной вольницы от восьми до двенадцати лет, промышлявшей грабежами соседних деревень, огородов и садов, а в торцовых закутках этого барака – воспитатели из отдела народного образования Куйбышевского района города Ленинграда. Со своими детьми, со своими бедами, да еще с сотней подопечных, сорвавшихся с родительской домашней цепи, которых,

будто моровая язва, захлестнула эпидемия воровства и мелкого разврата.

Ну и третий барак – Микин. От тринадцати до шестнадцати.

И мальчики, и девочки старшего возраста жили в одном бараке, разделенном тонкой стенкой из неструганых досок, с узким проходом из одной половины в другую, охраняемым лукавым мздоимцем дневальным.

Этот барак буквально вспухал от сумасшедших любовей, от диких сцен ревности, от невероятных и фантастических сплетен, от жестоких и беспощадных драк – этаких «брачных» боев осатаневших от зова плоти юных самцов…

А еще были «заговоры», предательства, попытки гомосексуализма, какие-то грязноватенькие девичьи «дружбы» среди девчонок-дурнушек.

Среди старших девочек-симпатяг даже процветала примитивная и неумелая проституция, возникшая от постоянного недоедания и извечного нормального животного любопытства.

Замученные и задерганные роновские тетки – воспитательницы старшего барака жили своей несчастливой и неприкаянной жизнью: кто-то уже получил «похоронку», кто-то еще не получил ни одного письмеца с передовой. У кого-то захворал ребенок, и пришлось увозить его не то в Ярославль, не то в Рыбинск, да и остаться там при местной больничке, половина которой велением времени была преобразована в военный госпиталь. А там – нестерпимые боли, рыдания, мат и крики, и окровавленные культи, и тазы с бурыми, заскорузлыми бинтами, и крошки гипса, хрустящие под ногами, и резкие госпитальные запахи с едкой вонью застоявшейся в утках мочи…

Несмотря на страсти, раздиравшие старший барак в любовные клочья, несмотря на клятвы в вечной любви или не менее вечной ненависти, все казалось временным, зыбким, неустойчивым…

Ждали скорого конца войны, ждали писем и посылок из дому, ждали, что вот-вот что-то такое произойдет и все вернется на круги своя. Но это «что-то» все не происходило и не происходило…

Даже среди старших мальчишек Мика был личностью уважаемой. Он умел стоять на руках, делал переднее и заднее сальто, а за бараком,

на самодельном турнике, показывал вообще всякие замечательные штуки!

Может быть, поэтому Мика был не по годам силен физически и в свои тринадцать спокойненько мог «начистить нюх» даже восьмикласснику.

А кроме всего прочего, Мика замечательно рисовал достаточно злые и точные шаржи на руководителей эваколагеря и не очень пристойные карикатуры на внутреннюю жизнь всех трех бараков, умудряясь даже в отвратительных проявлениях этой жизни находить что-то очень смешное и издевательское.

Так что Мика Поляков был у общества «в чести», и взрослые пацаны даже прощали ему то, что добрая часть девчонок их барака была влюблена в Мику просто без памяти.

За три месяца Мика получил всего лишь одно письмо. Папа писал, что маме сделали операцию, она еще в больнице – осложнения. От Мили ничего не слышно, где бы папа ни пытался узнать. Даже через больших начальников. Что, возможно, «Ленфильм» и студию кинохроники эвакуируют вместе с «Мосфильмом» в Казахстан, в Алма-Ату, и как только правительство примет это решение, папа сразу же приедет за Микой или кого-нибудь пришлет за ним. Наверное, к тому времени поправится и мама, и они на время войны поселятся в этом теплом и ласковом городе у гор, на вершинах которых даже в самую жару лежит потрясающей белизны снег!

И Мика вспомнил, как перед самым его отъездом в эвакуацию Миля вызвала его в соседскую пустую квартиру. Хозяева застряли на каком-то курорте, а остававшаяся в Ленинграде их домработница, подруга Мили, помчалась провожать своего хахаля – домоуправского электромонтера на фронт, сказав, что вернется не раньше ночи.

В той квартире Миля дала Мике рюмочку сладкого ликера из припасенной заранее небольшой бутылочки, выпила сама и рассказала Мике, что участковый милиционер Васька, с которым она крутила, тоже уехал с Витебского вокзала воевать. А перед отъездом Васька тайно поведал Миле, что есть, дескать, распоряжение Особых органов – всех эстонцев, латышей и литовцев, оказавшихся к началу войны на исконной территории Советского Союза, изолировать в соответствии с военными законами, чтобы помешать им создать внутри нашей страны «пятую колонну».

Что такое «пятая колонна», Миля не знает. Знает только, что со дня на день за ней, за Милей, должны прийти эти Особые органы. И Миля горько заплакала…

– Поэтому, – плача, сказала она, – я хочу с моим Микочкой, с моим зайчиком, навсегда-навсегда попрощаться!.. И хочу, чтобы в конце концов мой Микочка вырос в настоящего мужчину…

И, продолжая плакать, стала раздеваться сама и раздевать Мику.

⁂

За время пребывания под Гавриловым Ямом Мика еще с одним пацаном – Сашкой Райтом, племянником одной известной переводчицы, пару раз побывал в Гаврилово-Ямском городском военкомате.

Просились в армию, на фронт. Кем угодно. Хоть сыном полка, хоть младшим братом. Сильно напирали на патриотизм – говорили всякие правильные слова из газет и лозунгов.

Не обратив ни малейшего внимания на все их правоверно-политические заклинания, оба раза их из военкомата выперли, пообещав оборвать им уши, если они сюда заявятся еще.

⁂

…Спустя полтора года Сашка Райт-Ковалев погиб на Северном флоте…

⁂

К концу третьего месяца, осенью, когда среди эвакуированных пацанов блатной жаргон перестал быть романтически-хвастливым украшением нормальной трепотни, а подавляюще и полноправно вошел не только в речь, но и в сущность характеров и принципов мальчишечьего эвакуационного бытия, когда каждый второй пацан (включая сюда и барак «от восьми до двенадцати») – был вооружен финским ножом или его подобием, а старшие чуть ли не поголовно владели «поджигами» – самодельными пистолетами, за Микой Поляковым в Гаврилов Ям приехал папин ассистент Юра Коптев.

Он был хромым и, по тем Микиным понятиям, очень старым – ему было лет тридцать пять. Передал Мике письмо от папы, где Сергей Аркадьевич писал сыну, что приехать за ним сам не может: не на кого оставить маму. Она уже почти не встает и очень похудела. Все ждет, когда их вывезут через Ладогу на Большую землю, а уже потом на

поезде они с папой поедут навстречу Микочке в Алма-Ату. Там тепло, и, может быть, там она и поправится…

Юра Коптев – человечек небольшого роста, с тихим голосом, мягкий, ласковый, женственный – все норовил прижаться к Мике или к кому-нибудь из мальчишек, погладить…

В последнюю ночь перед отъездом Мики в Алма-Ату старшие пацаны где-то спроворили две бутылки мутного самогона со слегка керосиновым запашком и неподалеку от барака, в баньке, стоящей отдельным срубом, устроили Мике проводы.

Мика хватанул полстакана этой гадости, чем-то зажевал и позвал Сашку Райта на воздух – покурить.

До курева дело не дошло. Мику стало мучительно выворачивать наизнанку, и Сашка Райт увел его в барак – отлеживаться. А Юра Коптев остался со старшими ребятами в баньке догуливать и продолжать проводы.

Ранним утром, когда все еще спали, Мику разбудил все тот же Сашка Райт. На нижних нарах Юра Коптев суетливо и нервно перевязывал свой чемодан веревкой и допаковывал Микин рюкзак. Под глазом у него светился красно-лиловый фингал.

– Быстрее, быстрее! – раздраженно сказал он Мике. – Сейчас на станцию пойдет водовозка и нас подбросят к поезду…

– Поссать можно? – вызывающе спросил Сашка у Юры Коптева.

– Можно, можно… Только, пожалуйста, умоляю, быстрее!

Мика и Сашка выскочили из барака, доскакали по холоду до дощатого туалета на десять «очков», и там, справляя малую нужду, Сашка Райт тихо и быстро сказал Мике:

– Ты, Минька, с этим хером голландским поосторожней!..

– С кем? – не понял Мика.

– «С кем, с кем»!.. С Юркой с этим, ассистентом твоего папашки. Он же, сука, педик, каких свет не видывал!..

– Кончай звонить, свистуля! – не поверил Мика. Он много раз слышал про педерастов, но никогда не мог поверить в то, что такое бывает.

– Ты мудак или притворяешься? – презрительно спросил его Сашка Райт. – Ты пока дрых в бараке, он там в баньке по пьяному делу пятерым пацанам отсосал!.. А потом Леший его в жопу отшворил, да еще и морду набил. Видал, какой у него бланш слева?

– Е-мое!.. – только и вымолвил Мика. – А такой вежливый, ласковый…

– Вот-вот… – криво ухмыльнулся Сашка. – Он как начнет к тебе вежливо да ласково в штаны лезть, ты ему сразу же прямого между глаз и ногой по яйцам. И все. Понял? А то запросто оприходует…

⁂

Ехали тесно и долго, через Пензу, через Казань, через Уральск.

По полсуток стояли на каждой узловой – пропускали с востока на запад встречные воинские эшелоны с танками на платформах, с тоскливыми песнями и гармошечными всхлипами из теплушек.

На разъездах ждали, когда их состав обгонят тихие, с красными крестами санитарные поезда, скорбно двигавшиеся с запада на восток.

Двое суток Юра Коптев помалкивал. На станциях, прихрамывая, бегал за кипятком с собственным эмалированным чайником. На пристанционных базарчиках покупал для себя и для Мики печеную рыбу, горячую вареную картошку с чесноком, холодные соленые огурцы и зеленые помидоры из бочек, подернутых утренним ледком, граненые стаканы топленой ряженки с нежно-коричневой запекшейся корочкой сверху…

Кормил Мику, сам ел – чистенько, аккуратно. Очень по-женски. Тихохонько рассказывал Мике про его отца – Сергея Аркадьевича Полякова. Как он, Юра, ему благодарен, что тот взял его в свою съемочную группу. Никто не брал, как зачумленного, а Сергей Аркадьевич пожалел и взял!.. А ведь точно знал, что Юра «не такой, как все». Понял Сергей Аркадьевич, что это вроде болезни. Причем от роду. И такое не лечится. И никто в этом не виноват.

– Рождаются же шестипалые люди? – шептал Юра. – Или даже с двумя головами! Что же, за это их надо в морду бить?! Или по тюрьмам прятать? Так тюрьмы не для этого строены! Они для ворья разного, для шпионов, для врагов народа… А не для больных людей, вовсе и не виноватых в своей болезни…

А еще Юра поведал Мике, что все деньги Поляковых, выданные ему на содержание Мики, все его документы у него зашиты в кальсонах, а старые золотые сережки, оставшиеся Юре от его покойной матери, ее колечко с небольшим бриллиантиком и цепочка с золотым нательным крестиком вшиты в воротник рубашки. И даже дал Мике пощупать свои драгоценности сквозь грязный, пропахший давно

немытым телом воротник полосатой рубахи. Мика брезгливо пощупал и спросил:

– А если стирать?

– А что с этим станет? – удивился Юра. – Выстирал, отжал и надел на себя. Быстрее высохнет. Ты, Мишенька, не бойся – со мной не пропадешь!

Мика слушал, молчал и все ждал, когда (и главное – каким образом?!) этот, как сказал Сашка Райт, «хер голландский» к нему полезет…

А тот все не лез и не лез. И Мика успокоился. И даже стал переглядываться с одной московской девочкой. Она тоже, как и Мика, в седьмой перешла.

Не то к Саранску, не то к Пензе, когда фингал под глазом у Юры совсем исчез, он вдруг заговорил громко. Не с Микой, а вообще с вагоном. Со старухами при внуках, с проводниками, с молодухами, стыдливо пихающими в ротики своих младенцев набухшие белые груди с темными, как пленочка от ряженки, сосками.

Врал, что он кинорежиссер, возмущался тем, что по недосмотру железнодорожного начальства вынужден ехать в общем вагоне, сокрушался, что его ранило в ногу еще в Финскую кампанию и он теперь не сможет больше защищать родину… Хотя сам накануне жаловался Мике на врожденный дефект коленного сустава – дескать, может, от этого дефекта он и «не такой, как все».

Говорил, женственно поводя плечами, поминутно поправляя волосы. Вел себя шумно, курил, изящно отставив «беломорину» в длинных, тонких и нервных пальцах. А при разговорах с мужиками, случайно подсевшими на короткий перегон, заглядывал им в глаза, нижнюю губу прикусывал. И мужики в разговоре с Юрой Коптевым очень даже смущались. Не знали, куда руки-ноги девать. И Мика это отчетливо видел, и ему было жутко стыдно за Юру, за себя, за тех мужиков…

Когда же проехали Кзыл-Орду и уже подгребали к Чимкенту, за грязными оконными стеклами вагона появились юрты, знакомые Мике только по рисункам в учебнике географии.

Вокруг юрт паслись живые симпатичные замшевые ослики и вытерто-плюшевые верблюды.

Мика увидел, как доят лошадь и что-то варят прямо на земле в черном от копоти полукруглом казане, а неподалеку, спиной к стоящему на разъезде поезду, на Микиных глазах по естественной надобности присела старуха казашка, задрав на голову свой чапан…

В Микин вагон вошли три милиционера – два казаха и русский.

Вот они не смутились от разговора с Юрой Коптевым. Наоборот, разболтались с ним весело и участливо. И даже позвали его в гости, в свой вагон.

Звали с собой и Мику. Но тому так осточертело общество Юры, так надоела его безудержная болтовня и беспардонное вранье, что Мика с удовольствием отказался от приглашения.

– Ну, смотри, байстрюк, тебе жить. Была бы честь предложена, – рассмеялся русский милиционер.

⁂

…Ночью в темном тамбуре Мика до одури, по-взрослому, взасос целовался с московской девочкой. Все лез к ней под платье, упрашивал, умолял, тыкался своими каменными причиндалами в девчоночьи трусики, мокрые от трусливого и нестерпимого желания.

Хрипел Мика в распаленной, неукротимой похоти, постанывал от тупой боли, разливавшейся по всему низу живота и дальше, к промежности…

Даже и не слышал, как открылась дверь тамбура, как ворвалось в тамбур железное лязганье рифленых вагонных переходов, как усилился перестук колес на рельсовых стыках.

Только когда рванули за шиворот, заломили руки за спину, фонарь – прямо в глаза, пистолет – к виску, только тогда и очнулся.

– Ах ты ж, ебарь кошачий! – злобно проговорил чей-то голос. – Нашел место, поганец говняный!.. Отпусти ему руки, Савчук. Нехай сам свои муди заправляет! За им тут лакеев нету…

Фонарь бил светом в глаза, Мика не видел говорящего. Трясущимися пальцами застегнул ширинку и услышал другой голос, уже обращенный к московской девочке:

– А ты, поблядушка сраная, марш в вагон! Ишь расщеперилась, тварь малолетняя…

На ходу одергивая платьишко, московская девчонка шмыгнула в вагон.

– Я пока подержу его на мушке, а ты, Савчук, обшмонай этого артиста на предмет… Сам понимаешь, – уже спокойнее сказал первый.

Невидимый Савчук грубо обшарил Мику, ничего не нашел и огорченно доложил:

– Два ни хуя и мешок дыма.

– А в заднем кармане?

– Вошь на аркане.

– Где документы?! – злобно рявкнул на Мику первый и спрятал пистолет во внутренний карман пиджака.

…Документов у Мики не было. Все бумаги, подтверждавшие законное существование М. С. Полякова на этом свете, были отобраны у него Юрой Коптевым и надежно спрятаны вместе с их общими деньгами во внутренний карман Юриных кальсон. И свидетельство о рождении, и справка об окончании шестого класса средней художественной школы, и бесценное эвакуационное удостоверение, и заверенная киностудией доверенность родителей Мики, выданная Ю. Коптеву на право сопровождения их сына к месту эвакуации предприятия, на котором служил отец «сопровождаемого».

В рюкзаке у Мики оставались только похвальная грамота за участие в районной выставке детского творчества и диплом Ленинградского городского комитета физкультуры и спорта, выданный Михаилу Полякову как чемпиону Ленинграда по спортивной гимнастике среди мальчиков. И все.

– Ишь, чемпион гребаный… – проворчал один, разглядывая диплом и грамоту при свете ручного фонаря. – А почему без фотки? Откуда я должен знать, что ты эти фитюльки не спи… не спер где-то?!

– На такие награды фотографии не клеят, – слегка оправившись от первого испуга, попытался объяснить Мика.

Потом вспомнил всякие разговоры с участковым милиционером Васей о правах и обязанностях советских граждан, осмелел и спросил:

– А почему вы не показываете мне свои документы? Вы не в форме… Откуда я знаю, кто вы? По закону вы…

– А вот счас я тебе покажу – кто мы! – Он даже задохнулся от злости. – Савчук! Волоки этого законника в купейный! Счас мы тебе, сучонок, кой-чего почище документов предъявим… Ты у нас враз закрутишься, как уж на сковородке!!!

⁂

…Горло у Юры Коптева было перерезано, что называется, от уха до уха.

Он лежал на нижней полке купе, и его голова, почти отделенная от худенького тельца, неестественно-уродливо запрокинулась назад и свисала с полки прямо под столик с остатками немудрящей закуски и выпивки.

Юра лежал голый, даже не прикрытый ничем. Только грязненькая полосатая рубашка в уже побуревших кровавых пятнах, без воротничка, где было зашито наследство от покойной Юриной мамы, да еще на тощеньких, забрызганных кровью бело-желтых ногах Юры – старые толстые штопаные вигоневые носки…

И все. Ни его пижонских клетчатых брючишек, ни сиреневых кальсон с деньгами и документами.

При свете двух проводницких керосиновых фонарей на противоположной полке сидел пожилой милиционер-казах в форме, держал на коленях брезентовую полевую сумку и, положив на нее обычную ученическую тетрадку в косую линейку, составлял протокол «осмотра происшествия», тщательно и неторопливо выводя каждую букву.

А под ногами хлюпала застывающая Юрина кровь. Подошвы прилипали к линолеуму, а при малейшем движении отклеивались, потрескивая.

И вот это потрескивание отлипающих от пола подошв привело Мику в состояние невиданного ужаса! Он ничего не слышал, ни на что не мог ответить – его трясло в жесточайшем ознобе, и он слегка пришел в себя только тогда, когда пожилой милиционер-казах заставил его выпить теплой воды, а второй, в штатском, крепко встряхнул за шиворот:

– Ну, чего скис, законник? Гляди, гляди, как твоего корешка уделали… А то документ ему подавай! Говори, кто за ним приходил?

Спотыкаясь на каждом слове, Мика рассказал все, что знал и видел. На вопрос, как выглядели те «милиционеры», сказал, что помнит только двоих – русского и одного казаха. Третий все в окошко глядел и к Мике так ни разу и не повернулся.

– Ну, давай про тех говори, кого помнишь. Как выглядели, в чем одеты? – с сильным акцентом приказал пожилой милиционер.

– Ну, обычные… Веселые, – растерялся Мика. – В такой же форме, как и вы… Давайте я вам их лучше нарисую.

– Можешь? – недоверчиво спросил милиционер-казах.

– Он может! – заржал один в штатском и протянул пожилому казаху Микин диплом чемпиона и грамоту художественной выставки. – Он у нас все может! Ты, Кенжетай Нартаевич, не гляди, что он несовершеннолетний – у него мотовило, как у твоего ишака. Ежели бы мы его в тамбуре от какой-то посикухи не оттащили, он бы ее насквозь, как шашлык на шампур, натянул! Тут тебе и второй труп…

– Тьфу, шайтан! – сплюнул пожилой казах. – Зачем такой грязный язык имеешь?! Замолчи, пожалуйста. А ты… – Он заглянул в диплом и грамоту, прочитал Микино имя. – А ты, Михаил, не слушай его. Рисуй.

Протянул Мике полевую сумку и тетрадку с карандашом и рявкнул на тех двоих в штатском:

– Да прикройте вы этого-то чем-нибудь, аккенаузен сегейн! Пошуруйте у проводников – может, какой-нибудь мешковина найдется! А ты рисуй, рисуй, сынок… Не смотри туда.

Мика сел рядом с ним, поджал ноги, чтобы не касаться подошвами липкого от Юриной крови пола, и стал рисовать по памяти…

⁂

Спустя минут десять пожилой милиционер ткнул пальцем в один Микин рисунок и уверенно сказал:

– Равиль Шаяхметов – сын свиньи и собаки!..

Так же убежденно потыкал во второй рисунок.

– А это, епи мать, извиняюсь, шайтан попутал, Краснов! Только кличка забыл… Ой-бояй, сынок! Как живые… Полгода в розыске!

⁂

«…Молчали желтые и синие, в зеленых плакали и пели…» – с тупой настойчивостью, непрошено и неотступно эта строчка почему-то ворвалась в Микино сознание. Что это были за стихи, он и понятия не имел… Может быть, отец когда-нибудь их читал Мике?..

Но тогда почему «зеленые», что за «желтые и синие»?..

Бред какой-то…

И Юру – этого хромого, тощенького, нелепого, с постыдными, нечистыми и болезненными отклонениями, которые иначе чем ругательством и не выразишь, – жалко было до комка в горле, до

непролитых слез, до дрожащего и прыгающего расплывчатого света фонарей в мокрых глазах.

В замкнутом вагонном пространстве, где ты напрочь связан с другим человеком одним направлением движения, одной железнодорожной судьбой, когда вместе с ним за грязными вагонными стеклами вы открываете для себя новые города и, хотя бы со стороны, на ходу, постигаете новые и чужие жизни, – этот человек за восемь томительных суток вагонного бытия становится тебе дорог, порой даже незаменим. Особенно если в этом временном мире он был для тебя единственным другом, нянькой и беспредельно доверял тебе, шепча на ухо то, в чем, может быть, никогда не признался бы никому из посторонних…

Полночи прочесывали спящие вагоны. Мику взяли с собой – для досконального опознания.

– Стой за мной, – сказал ему пожилой милиционер-казах. – А то они быстро стреляют. И ножиком, сам видел, очень хорошо могут. Увидел – молчи. Только сзади наступи мне на ногу два раза.

– А почему два раза? – удивился Мика.

– В темноте споткнуться можешь – наступишь один раз, а я выстрелю. Ошибка мал-мал будет. Хорошего человека могу застрелить. А два раза наступишь, я точно буду знать, что ты хочешь этим мне говорить, – объяснил Мике пожилой милиционер и переложил наган из кобуры в карман шинели.

⁂

Так никого и не нашли. Проводник восьмого вагона говорил, что два милиционера в начале ночи спрыгнули из его вагона на каком-то разъезде. А казахи они были или русские – в темноте не разобрал…

Измотанные бессонницей, уставшие от бесполезных поисков трое настоящих милиционеров и Мика мрачно возвращались в тот жуткий купейный вагон – закончить формальности. В Джамбуле стоянка долгая – можно и труп в морг отправить, и все остальное доделать, что положено в таких случаях…

Впереди шел пожилой казах в милицейской форме, за ним Мика, а уже за Микой – те двое в штатском.

Мика шел и плакал. Шел и очень горько плакал…

Без всхлипываний, без причитаний, без истерики. Плакал как-то внутри. Только слезы были снаружи.

Плакал о маме, которую любил гораздо меньше отца и в болезнь которой так и не сумел поверить до конца…

Плакал об отце, которого любил гораздо сильнее, чем мать. Все вспоминал его дрожащие пальцы и нелепые, неумелые попытки взбодрить Мику, маму, да, наверное, и самого себя на запасных путях Московского вокзала. Хотя Мика видел, что папе просто хотелось завыть от горя…

Плакал Мика и о домработнице Миле, которая была старше Мики чуть ли не вдвое, а так нежно, так заботливо, так целомудренно приоткрыла ему ту прекрасную и таинственную сторону человеческой жизни, которую почему-то нужно было всегда считать постыдной и грязной…

Плакал Мика и о Юре Коптеве – страшно, чудовищно и дико закончившем свою странную и не очень счастливую жизнь…

Слезы затуманивали глаза, заливали лицо, и Мика вокруг себя уже ничего и никого не видел.

Ничего, кроме широкой спины милиционера-казаха, шедшего впереди.

И эта спина в мешковатой синей шинели вела Мику из вагона в вагон.

Может быть, если бы не эта синяя спина, перехваченная ремнем с кобурой, Мика вполне мог бы сейчас умереть от безысходной тоски и одиночества…

Двое в штатском решили еще раз проверить мягкий вагон и отстали. А Мика пошел за широкой милицейской спиной дальше.

На переходе из одного вагона в другой, когда стук колес и железный грохот не давали расслышать ни одного слова, старый милиционер остановился, обернулся, увидел Микино лицо и ничего не сказал. Ни единого слова утешения. Только порылся у себя под шинелью, вытащил белый мешочек, развязал его и дал Мике несколько коричневых жареных шариков величиною с грецкий орех.

– Кушай! Это боурсаки. Наш казахский кушанье. Тесто в масле мамашка никогда не варила? – пытаясь пересилить стук буферов и, канонаду рельсовых стыков, прокричал старый милиционер.

– Нет! Никогда! – закричал ему Мика сквозь грохот и слезы.

– Вкусно? И вот это… – Пожилой казах в синей шинели достал из мешочка бело-серые твердые катышки. – Курт называется! Козье

молоко под пресс сушеное. Курт кушаешь – батыр будешь!

– Спасибо! – прокричал Мика, утирая слезы и шмыгая носом.

⁂

Хрумкая жесткими комками солоноватого курта, Мика шел за широкой милицейской спиной, продираясь сквозь сонные храпы и сопения, сквозь ночные стоны старух и слабенький плач непроснувшихся младенцев, сквозь ватную, душную завесу устоявшихся теплых вагонных запахов очередного общего, жесткого и бесплацкартного.

Предутреннее темно-серое небо просачивалось в мутные вагонные стекла и тоскливым, землистым светом покрывало лица спящих, испуганных людей, так неожиданно выплеснутых из своих домов в неведомое и незнаемое…

И вдруг!..

Вдруг что-то в мире и в голове у Мики переменилось…

Будто Кто-то властно взял его за плечи, развернул, а некая Высшая Сила заставила Мику поднять глаза и не шарить по полкам растерянным взглядом, а с необъяснимой точностью посмотреть именно на третью – багажную – полку предпоследнего вагонного отсека!

А там за двумя солдатскими «сидорками» и одним большим фибровым чемоданом с фигурными железными углами, вжавшись в стенку и накрывшись чьей-то солдатской шинелькой, лежал тот самый русский «милиционер», который и увел в свой купейный вагон несчастного Юру Коптева!

Не мигая, он смотрел Мике в глаза, улыбался и прижимал указательный палец к губам, как бы говоря Мике: «Ни звука!», а между двумя зелеными солдатскими вещевыми мешками торчал ствол его пистолета, направленный Мике прямо в лицо…

…а Мика видел, как лежит в купейном вагоне ужасно мертвый Юра Коптев с перерезанным горлом…

…голый – в одних штопаных вигоневых носках и кровавой рубашке с оторванным воротником…

…и так ужасно свисающая под столик Юрина голова, почти отделенная от его худенького и грешного тела…

…и даже услышал треск подошв, отлипающих от застывшей Юриной крови на полу купе…

Яростная, мутная, могучая сила чудовищной болью на мгновение сдавила голову тринадцатилетнего Мики, все его существо заполнилось дикой СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОЙ НЕНАВИСТЬЮ к этому улыбающемуся убийце в милицейской форме, готовому выстрелить в любую секунду.

А тот был так уверен в своей безнаказанности, что даже добродушно подмигнул Мике. Словно они были с ним заодно.

Вот когда Мика, охваченный уже знакомым сумасшедшим жаром, следуя Высшему Велению, внезапно возникшему в его мозгу, совершил ВТОРОЕ УБИЙСТВО в своей коротенькой, но странной жизни: не отрывая глаз от того – на третьей багажной полке, Мика бесстрашно и негромко сказал:

– ТЕБЯ НЕТ, СВОЛОЧЬ!!!

Откуда он знал, что убьет ЕГО раньше, чем ТОТ успеет выстрелить, Мика понял только спустя много лет.

Он видел, как из разжавшихся, УЖЕ МЕРТВЫХ, пальцев бандита на пол вагона упал пистолет. Но звука его удара об пол Мика не услышал – падение пистолета совпало с его выстрелом…

⁂

…Всю свою последующую долгую жизнь Мика Поляков твердо помнил: нельзя ронять оружие со взведенным курком и снятое с предохранителя. Ибо в таком виде оружие стреляет самостоятельно даже после СМЕРТИ ЕГО ХОЗЯИНА. И тут возможен любой, самый несчастный слепой случай.

Нет, нет, в этот раз все обошлось благополучно – под нижней полкой пуля вошла в чей-то фанерный чемодан, там пробила вышитую болгарским крестом маленькую подушку-думочку и расплющилась об огромную чугунную сковородку. Где и окончила свой безумный и безжалостный путь.

Обессилевшего Миху пожилой милиционер-казах отволок на руках в соседний вагон к проводникам, а двое других милицейских в штатском, прибежавших на выстрел, остались в том вагоне – успокаивать народ и стаскивать мертвеца с третьей багажной полки.

Ни денег, ни документов Мики Полякова и Юры Коптева у того не оказалось. Зато немудрящие драгоценности покойной Юриной мамы, перепачканные Юриной кровью, обнаружились в левом верхнем кармане темно-синего маскарадно-милицейского кителя.

А когда первый перепуг от неожиданного выстрела прошел и мертвый бандит уже лежал в тамбуре, дожидаясь стоянки в Джамбуле, вагон еще долго не мог успокоиться:

– Такой молодой – и на тебе…

– Здоровущий-то какой, видели?! А сердце ни к черту.

– Видать, мученическую смерть принял – эк его перекосодрючило!

– Боженька, он все-е-е видить и ведаеть…

⁂

В Джамбуле в одном кузове полуторки увезли оба трупа – и Юры Коптева, и его убийцы.

Вызванная местная оперативная группа хотела и Мику снять с поезда и отправить в джамбульский детприемник для несовершеннолетних беспризорных и бродяжек без документов, подтверждающих их замурзанную и вечно голодную личность.

Но пожилой милиционер-казах сказал:

– Не надо. Пусть Алма-Ата едет. Может, там свой мамашка с папашка встретит.

Сам пошел к военному коменданту железнодорожной станции города Джамбула и через час вернулся в вагон с кульком сахара, двумя гигантскими хлебными лепешками, банкой американской тушенки и пакетом яичного порошка.

А еще принес Мике два документа: воинский продовольственный аттестат для получения «продпитания» на всем пути следования до «ж/д станции Алма-Ата» на имя Полякова Михаила Сергеевича и «Справку личности», в которой было написано, что в связи с хищением документов Полякову М. С, года рождения такого-то, уроженцу города такого-то, на время следствия по делу о разбойном нападении и пропаже подлинного метрического свидетельства выдана настоящая «Справка личности», записанная со слов самого Полякова Михаила Сергеевича.

Эти три милиционера – один пожилой казах в форме и двое помоложе в штатском – тоже сошли в Джамбуле. Попрощались, пожали Мике руку, пожелали найти родителей и ушли.

А один вернулся, встал на первую вагонную ступеньку, повис на поручнях и поманил к себе стоящего в тамбуре Мику.

Мика наклонился к нему, и тот по-свойски сказал:

– Мишк, а Мишк! Ты эту деваху, ну… с которой мы тебя ночью-то сдернули… Ты ее до Алма-Аты все ж употреби! Я тута утречком поглядел, как она на тебя зырит – ну сохнет вся, бедолага… Так что давай, Мишаня, – за Родину, за Сталина! И вперед!!! Нехай хоть кому-то хорошо будет…

⁂

Алма-Аты Мика Поляков даже не увидел.

Сразу же по прибытии состава на станцию Алма-Ата – вторая товарная Мика Поляков, как назло, попал под большую воскресную облаву. Переночевал вповалку с еще сотней пацанов на провонявшем мочой глинобитном полу детского приемника Управления милиции при Совете Народных Комиссаров Казахской ССР, а наутро проснулся и обнаружил, что его рюкзак – с грамотой художественной выставки и дипломом чемпиона по гимнастике среди мальчиков, со всеми его запасными рубашечками, курточкой, штанами, теплыми носками и трусиками, где на каждой вещичке заботливой Милиной рукой были вышиты «М» и «П», – бессовестно и безвозвратно украден…

Украден вместе с воинским продовольственным аттестатом, который все равно был действителен только до Алма-Аты. Но Мика очень хотел оставить его на память. Не вышло.

Сохранилась только «Справка личности», выданная Мике в Джамбуле. Она была спрятана в нагрудном карманчике под свитером. Но и справка эта сыграла роковую роль: там было не очень внятно написано, что она выдана взамен утраченного метрического свидетельства на время следствия по делу о разбойном нападении…

Замороченная комиссия детприемника посчитала, что «разбойное нападение» было совершено Микой. А из-под следствия он просто сбежал. И, не задаваясь вопросом, откуда у него на руках оказалась подобная справка, алма-атинская комиссия по делам несовершеннолетних мгновенно и мудро решила исправить оплошность своих джамбульских коллег, и Поляков Михаил Сергеевич, четырнадцати лет, – именно в этот гнусно-знаменательный день Мике исполнилось четырнадцать! – вместе с десятком таких же подозрительных и завшивевших пацанов был отвезен в глухом милицейском воронке с надлежащей «сопроводиловкой» и вооруженным конвоем километров за тридцать от Алма-Аты в поселок

Каскелен, в детскую колонию для т/в (трудновоспитуемых) подростков.

⁂

«Трудновоспитуемым» Мика Поляков оказался не для начальства колонии и учителей их внутренней, по существу, тюремной, школы, а для своего собственного мальчишечьего окружения.

В вежливом, неприблатненном и интеллигентном Мике начальство души не чаяло! Он и стенгазеты рисовал на диво, и в седьмом классе учился на одни пятерки – благо в колонии учебные требования были сознательно занижены, и в спорткружке занимался, а спустя пару месяцев на слух, без нот стал даже играть в колонистском духовом оркестре на трубе две самые главные в то время мелодии – «Туш» и «Интернационал»…

За что дождался высшей похвалы руководителя оркестра – старого алкоголика-тромбониста:

– Это ж ебть, мать честная – какой слухач?! А?! Не пацан, а уникум, бля! Дайте времечко – Яшка Скоморовский может свою золотую трубу в жопу себе засунуть… Ему скоро рядом с моим Мишаней делать не хера будет!.. Мишаня! Ты хоть знаешь, кто такой Яков Скоморовский?

– Нет, – честно отвечал Мика.

– Первая труба в эсэсэсээре! Лучше его нету!.. Хоть и еврей… А ты, случаем, не из евреев? А, Мишка?

– Наполовину. У меня мать русская, а отец – еврей.

– Ну… Ничего. Бывает… А только здесь ты про это – никому! Тута этого не любят, дурачье поганое.

⁂

Спустя месяц Мику вызвал к себе «кум» – воспитатель по оперативной работе. А «кум» – что в тюрьме, что в лагере, что в колонии, что в таком детском доме – он повсюду «кум». Его работа – кого кнутом, кого пряником – ЗАСТАВИТЬ СТУЧАТЬ НА СВОИХ!

Этот «ловец душ» просчитал все по науке, с обязательным учетом «психологии подросткового периода». Как учили когда-то «кума» в одном спецучреждении. Раз к тебе хорошо относится начальство, остальные тебя будут на дух не переносить. Как говорится, единство противоположностей… А раз так, то ты по законам военного времени как миленький будешь давать на них интересующую нас информацию.

– Договорились, Поляков?

Мика подумал, подумал, ухмыльнулся, потер пальцами виски, будто пытался избавиться от внезапной головной боли, и неожиданно посмотрел на «кума» так, что тот чуть не обмер со страху!

От охватившего его безотчетного ужаса «кум» буквально потерял рассудок.

⁂

…Он вдруг увидел собственные похороны…

…неглубокую промерзшую могилку, крышку некрашеного гроба из плохо обструганных старых досок, прислоненную к уродливо-голой древней саксаулине…

…себя увидел в гробу… бело-серое лицо, закрытые глаза…не в гражданском, как было положено ходить в колонии, а в своем военном, с одиноким кубиком в каждой петлице…

…и снег падал ему на руки, скрещенные на парадной гимнастерочке, на лицо ему падал снег, и самое жуткое, что увидел «кум»: НЕ ТАЯЛ снег у него на руках и лице!.. НЕ ТАЯЛ.

⁂

И стало «куму» во сто раз страшнее, чем тогда, когда недавно «наверху» решали – отправить его на фронт или оставить при колонии.

«Кум» тогда трое суток квасил по-черному – все бога молил, чтобы на фронт не загреметь! Откупился бабой своей молоденькой – подсунул, слава те господи, под кого нужно, и остался в Каскелене.

А тут, от этого четырнадцатилетнего выблядка, сопляка-полужидка, на «кума» вдруг таким смертным холодом повеяло, что за одно мгновение «кум» чуть умом не тронулся от кошмарных видений – и зачем он вызвал этого страшного пацана «на беседу»?!

Еле нашел в себе силы прохрипеть:

– Ты… ты, Поляков, иди себе… Иди. Ошибся я…

⁂

В отличие от «кума» Мике понравилась эта встреча. Она дала ему возможность сделать небольшое, но очень важное открытие. В самом себе.

Еще тогда, когда отец привез его из больницы Эрисмана домой и Мика спросил Сергея Аркадьевича, не сильно ли он, Мика, изменился, он уже подсознательно чувствовал, что та подленькая подножка Тольки Ломакина, тот сильный удар о дубовую дверь учительской, те

мучительные головные боли и нестерпимый жар (не подтвержденный ни одним термометром!), так донимавшие его в больнице и так же внезапно прекратившиеся, кроме шрама на голове, наделили Мику Полякова еще чем-то ОСОБЕННЫМ и НЕОБЪЯСНИМЫМ…

Он чувствовал, что с ним ЧТО-ТО произошло! Что-то он приобрел такое, чем не обладает никто. А вот ЧТО – понять никак не мог… Даже после того как он УБИЛ Толю Ломакина, он ни черта не понял. Правда, раза два ему приснилось, что ОН УБИВАЕТ Толю Ломакина и потом зарывает его в помойке во втором дворе своего дома… И оба раза его больше всего во сне волновало, что на скрип противовеса железной крышки помойки сбегутся все жильцы их дома и поймут, что Толю Ломакина убил именно он – Мика Поляков!

Каждый раз он просыпался в холодном поту, с сильным и неровным сердцебиением и с ОБЛЕГЧЕНИЕМ вспоминал, что Толя Ломакин уже мертв и похоронен на Волковом кладбище.

Наверное, какое-то понимание того, что ему подарило то сотрясение мозга, пришло к нему в тот момент, когда он увидел Юру Коптева с перерезанным горлом. И то это было на уровне обострившихся смутных ощущений НЕВЕДОМОГО.

Зато когда эта же неведомая и странная сила заставила Мику тогда в вагоне повернуться и на третьей багажной полке увидеть улыбающиеся глаза бандита, зарезавшего Юру, и черную смертоносную дырку ствола пистолета, он почувствовал, чем вознаградила его судьба за тот удар головой о тяжелую дубовую дверь учительской!

⁂

Понять и разложить по полочкам все, что с ним произошло в детстве, Михаил Сергеевич Поляков смог только в очень зрелые годы. А пока…

⁂

Ну откуда Мике Полякову в его щенячьем возрасте знать было о высшей нервной деятельности и физиологии мозга? Откуда ему знать, что в секунды диких потрясений страшные и могучие силы, дремлющие в тебе до поры до времени, могут неожиданно высвободиться, взорваться всею своею мощью, и тогда…

…родится невиданный и неповторимый спортивный рекорд!..

…или, наплевав на земное притяжение, в воздухе повиснет стакан с водой!..

…или человек вдруг приобретет способность ОДНИМ МЫСЛЕННЫМ и неукротимым желанием УБИТЬ другого человека!..

Однако для этих потусторонних Божьих фокусов не всегда нужны нервные потрясения, от которых можно и самому окочуриться. Такие возможности могут быть у человека и врожденными, и благоприобретенными. Если, конечно, способность УБИВАТЬ можно назвать «благоприобретением»…

Но несмотря на полное отсутствие у Мики каких-либо знаний о высшей нервной деятельности, свое ВТОРОЕ УБИЙСТВО, в вагоне, Мика совершил абсолютно сознательно!

⁂

А сегодня у «кума» в каптерке Мика сделал еще одно открытие.

Оказывается, мелкую тварь вроде этого паскудного «кума» совсем не обязательно лишать жизни. Достаточно посмотреть на него и отчетливо представить себе его УЖЕ ПОКОЙНИКОМ. И тогда любой говнюк обязательно увидит себя глазами Мики – МЕРТВЫМ!

Испугается, как говорится, до смерти и от страха, может быть, станет хоть немного, но лучше…

«Убивать нужно только в самом крайнем случае, – подумал Мика. – Когда просто нету другого выхода…»

А спустя несколько дней, к сожалению, представился и этот случай. Когда другого выхода просто не было. Как тогда – в вагоне…

⁂

Накануне Мика услышал по местному русско-казахскому радио, что столица Казахстана Алма-Ата расселяет в гостинице «Дом Советов» эвакуированных мастеров художественного и документального кино, а самые большие помещения Алма-Аты – старый оперный театр и кинотеатр «Алатау» – отданы под ЦОКС – Центральную объединенную киностудию, под крышей которой отныне и будут работать вышеозначенные эвакуированные московско-ленинградские кинематографисты. Ибо еще Владимир Ильич Ленин сказал, что «…для нас важнейшим из всех искусств является КИНО!»…

– Мне в Алма-Ату нужно, – сказал Мика своему воспитателю. – Родителей найти. Я по радио слышал, что они должны были уже

приехать в Алма-Ату.

– Ты про своих родителей по радио слышал? – недоверчиво спросил воспитатель.

– Не про них конкретно, а вообще про тех, кто работает в кино.

– Ишь ты! «Конкретно»… – Воспитателю очень понравилось это слово, и он с удовольствием повторил его еще раз: – Смотрите, пожалуйста, – «конкретно»!.. Ну ты, Поляков, даешь! Ну раз «конкретно», то пошустри, узнай, не идет ли какая наша машина в Алма-Ату, и с ей же вернешься обратно. Понял?

⁂

…На следующий день Мика трясся на железной скамейке детдомовско-тюремного воронка, бежавшего в сторону Алма-Аты. Но не за пополнением «т/в подростков», а за старыми солдатскими одеялами, списанными отделом вещевого снабжения военного округа и переданными в дар Каскеленскому детдому.

В кабине воронка рядом с шофером сидел заведующий складом детдома – однорукий недавний старшина батареи противотанковых «сорокапяток».

А в кузове с двумя крохотными зарешеченными окошками по бокам и одним «смотровым» в кабину, кроме Мики Полякова, ехали двое шестнадцатилетних паханов, державших в страхе чуть ли не всех детдомовцев и их воспитателей. Ехали они прошвырнуться «по воле», а заодно и погрузить одеяла на складах военного округа.

Им было наверняка больше шестнадцати. Взяли их без документов, возраст записали со слов, и в детдоме они явно «косили» от армии, существуя среди малолеток свободно, сытно и раскованно.

Вокруг них постоянно кучковалась компаха бесстрашных «шестерок» – десяти-двенадцатилетних пацанов. Паханы приучили их «смолить косуху» – курить анашу; спаивали араком – вонючим самогоном из кормовой сахарной свеклы, а потом делали с малолетками разные мерзости…

За что не давали малолеток в обиду другим пацанам. И шестерята служили своим буграм верой и правдой, наушничеством и мелким воровством.

Одного такого – одиннадцатилетнего Валерика – паханы взяли с собой и в Алма-Ату. Сгонять за папиросами, чего-нибудь стырить по мелочи, и вообще – чтобы был «под руками». Мало ли чего паханам

захочется на обратном пути, валяясь на куче старых одеял, когда «смотровое» окошечко из кабины будет завалено грузом…

С одноруким завскладом Микин воспитатель договорился так: они высаживают Мику прямо у дверей гостиницы «Дом Советов» и оттуда же забирают его, когда погрузятся и поедут обратно в Каскелен.

Мика же ждет машину именно там, где его высадили. И точка!

Шаг вправо, шаг влево будут считаться побегом, а по законам военного времени… Ну и так далее. Так что давайте будем сознательными!

⁂

…По дороге в Алма-Ату паханы вяло расспрашивали Мику про Ленинград и про его художественную школу.

Но все, что они слышали от Мики, было им настолько далеко и чуждо, что каждый Микин ответ вызывал у них презрительный смешок и какие-то, понятные только им, переглядки.

А маленький Валерик, это растленное дитя, напряженно смотрел в лица своих покровителей и, уж совсем не понимая, о чем идет речь, вовремя и заискивающе подхихикивал паханам…

⁂

Гостиница со столь пышным и неуклюжим названием «Дом Советов» оказалась длинным, невзрачно-розовым невысоким трехэтажным зданием.

Вход в гостиницу был в самом начале дома – пять ступенек вверх, облупившийся цементный козырек над входом, а у дверей – швейцар на протезе, весь в тусклых золотых галунах.

Мику в гостиницу не пустили. То ли швейцару не понравился Микин серый стеганый молескиновый бушлат и стоптанные солдатские ботинки с сыромятными шнурками, то ли «не показалась» стираная солдатская шапка из искусственного утеплителя, то ли общий вид Мики Полякова не соответствовал вкусам этого швейцара, но внутрь, к стойке администратора, которая находилась в фойе точно перед входом в гостиницу – и Мика ее отчетливо видел, – он допущен не был…

Мика сел на ступеньки и, еле сдерживая слезы обиды и бессилия, стал вглядываться во входящих и выходящих из гостиницы московско-ленинградских людей – не встретится ли кто-нибудь из знакомых его мамы и папы.

Или – что уж совсем было бы потрясающим – чтобы сейчас из глубины фойе, прямо от администраторской загородки, на выходе появились бы сами мама и папа! И тогда Мика бросился бы к ним навстречу и…

Но в эту секунду сквозь закипающие слезы Мика увидел маминого и папиного приятеля – сценариста Ольшевского! Алексея Николаевича Ольшевского, красивого щеголя, по сценарию которого папа когда-то снял не бог весть какой, но все-таки художественный фильм и с которым у Микиной мамы, кажется, был невнятный скоротечный роман, кончившийся ничем…

Ольшевский, не потерявший своего вечного щегольства и привлекательности, шел из магазина, где отоваривал свои продуктовые карточки. Он бережно нес сетчатую кошелку-авоську, набитую пакетами с пшеном и сахаром, хлебом и консервными банками.

Мика встал ему навстречу со ступенек и дрогнувшим голосом тихо сказал:

– Здравствуйте, Алексей Николаевич.

Ольшевский даже не услышал, что Мика назвал его по имени и отчеству! Он испугался чуть ли не до потери речи, подхватил свою авоську с продуктами, крепко прижал ее к груди двумя руками и, оглядываясь по сторонам в поисках защиты от такого нападения среди бела дня, громко и бессвязно заговорил:

– Что?! Что такое?! Зачем! Что тебе нужно, мальчик?! Почему?! У меня ничего нету!.. Я ничем не могу тебе помочь!..

Мику чуть не вытошнило от отвращения. Слез как не бывало.

– Я – Мика Поляков, Алексей Николаевич. Сын Сергея Аркадьевича, и…

Мика замолчал. Продолжать не имело смысла. Он видел испуганные прозрачные голубые глаза Ольшевского, и от этого Мике стало так одиноко и тошно, что и не высказать!..

А Ольшевский потрясенно разглядывал Мику, потом лицо его, сохраняя все то же испуганное выражение, приобрело некоторые черты осмысленности, и он неожиданно забормотал плачущим голосом:

– Боже мой, Мика… Я же вас совсем не узнал!..

⁂

К себе не пригласил. Не спросил – голоден ли. Не нужна ли помощь. Обращался к Мике почему-то на вы.

Тут же, на гостиничных ступеньках, под недреманным швейцарским оком, рассказал, что будто слышал от кого-то – Поляковы задержались в Свердловске. Матери стало хуже. Когда приедут – этого никто не знает. Не задал Мике ни единого вопроса. Все прижимал свою авоську с продуктами к груди. Двумя руками.

Распрощался с Микой с таким нескрываемым облегчением, что даже швейцару стало стыдно за красиво и тепло одетого московского гостя.

А Ольшевский, прижимая к груди продукты, молодо и упруго взбежал по ступенькам мимо швейцара и уверенно зашагал по фойе к лестнице, ведущей на второй этаж.

Мика и швейцар смотрели ему вслед.

«Ах ты ж сука… – подумал Мика и ясно вспомнил, как когда-то в Ленинграде Ольшевский очень квалифицированно разбирал и нахваливал его рисунки. – Чтоб тебя, блядюгу!..»

Не успел Мика даже домыслить до конца свою обиду, как Ольшевский на совершенно ровном месте неожиданно споткнулся и упал на ковровую дорожку гостиничного фойе. Лопнули пакеты с пшеном и сахаром, раскатились в разные стороны консервные банки…

«Вот… – удовлетворенно подумал Мика. – Обыкновенный взрослый бздила… А убивать его не за что. Сам сдохнет когда-нибудь…»

Он отвернулся и снова сел на ступеньки лицом к арыку. Все равно ждать воронок здесь. Шаг вправо, шаг влево… А пошли вы все!

Услышал за спиной странный скрип, но не повернулся.

– На-ко вот. – Из-за Микиной спины швейцар протянул ему большое теплое красное яблоко. – Настоящий апорт.

Мика молча взял яблоко.

– Это ты его? – тихо спросил швейцар.

– Что?

– Опрокинул ты его?

– Наверное. Я и сам толком не знаю.

– Я так и подумал, что ты, – тихо проговорил швейцар. – У тебя глаз был… Будто ты не в себе малость.

– Я и сейчас не в себе, – признался Мика.

– Не-е-е… Сейчас у тебя совсем другой глаз. Ты ешь, ешь…

– Потом, – сказал Мика и спрятал яблоко в карман бушлата. – Можно я посижу здесь? Сюда машина наша должна прийти.

– Сиди, – сказал швейцар и, скрипя протезом, стал подниматься к своему месту у дверей. – Сиди. Мне не жалко.

⁂

…Через час к гостинице подкатил детдомовский воронок.

Влезая внутрь фургона через заднюю дверь и протискиваясь сквозь конвойный отсек, отгороженный проволочной сеткой с внутренней распахнутой сейчас дверцей, Мика сразу же почувствовал в воздухе стойкий запах плана. Или анаши. Как кому нравится…

Серые солдатские одеяла, перевязанные в пачки, заполняли чуть ли не весь фургон. По самый нижний обрез маленьких окошек в железных решетках.

Уже перекурившиеся анашой паханы валялись наверху и по очереди прихлебывали из водочной бутылки, закусывали ломтями свежего хлеба, которые отрезали от целой буханки большой парикмахерской опасной бритвой.

В угол, под самый потолок фургона, забился маленький заплаканный Валерик. Тихо поскуливал, закрывая ухо грязной ладошкой. Чем-то не угодил своим паханам.

– О!.. – завопил один из бугров, увидев Мику. – Свежак сам ползет! Счас мы тебя в два смычка харить будем! «Косушкой» задвинешься? Или из пузыря – для храбрости?..

– Не буду я ничего, – коротко ответил Мика. Наверх, на кучу пачек с одеялами, не полез – от греха подальше. Сдвинул три пачки к конвойной дверце и пристроился внизу, привалившись спиной к проволочной сетке отсека.

– Не! Он чегой-то не понял! Бля буду, в рот меня телопатя! А ну, лезь сюда, художник хуев!.. – прокричал один из паханов, подражая голосу Кости-капитана из кинофильма «Заключенные».

Второй глотнул из бутылки, пропел дурным хрипатым голосом:

Нашан бар, нашан бар? Я спросил раз у татар. А татары мне в ответ: «Анашу не курим, нет!»

С нескрываемым интересом поглядел вниз на Мику.

– Ты! Интеллигент сраный! А жиды анашу курят?

Мика промолчал. Только почувствовал, как голову начинает заполнять мутная, пульсирующая боль и тело охватывает уже знакомый иссушающий жар…

– Я тебя спрашиваю – евреи планом задвигаются или нет? – настойчиво повторил второй.

– Не знаю, – еле выдавил из себя Мика.

– Он же, сучара, с нами даже побазарить не хочет!.. Ну, бляха муха, расписать его, что ли? – поразился первый пахан и вытер лезвие опасной бритвы о полу бушлата маленького скулящего Валерки.

– Нет, – возразил ему второй. – Мы его сначала отдрючим, а уж потом придумаем, чего с им делать. А ну, Абрам гребаный, сблочивай клифт, спускай портки и лезь сюда! А то яйца отрежем!..

– Ты у нас теперь неделю кровью срать будешь! – расхохотался его приятель.

Он повалился на спину и стал расстегивать свои штаны, распутывать завязки кальсон.

⁂

А Мика видел только страшно исхудавшую и бледную маму в какой-то больничной палате…

…плачущего, небритого отца…

…голубые, полные паники глаза холеного Ольшевского…

…пшено из лопнувшего пакета, консервы по всему фойе…

⁂

А потом все померкло… Исчезло.

А вместо всего пригрезившегося остались лишь две отвратительные, кривляющиеся морды на кипах старых солдатских одеял…

И пляшущая опасная бритва перед глазами!..

Успел только крикнуть маленькому Валерке:

– Пацан!!! В сторону!..

⁂

«…И по заключению судебно-медицинской экспертизы смерть их наступила в результате острого отравления метиловым спиртом со значительной примесью различных сивушных масел…» – прочитал заведующий детдома для т/в подростков и уже от себя добавил: – Вот что такое базарная водка…

Весь детдом был собран в «актовом зале» – бывшем овощехранилище, задекорированном плакатами, «Боевыми листками» и лозунгами на красных полотнищах. Ну и, само собой, портретами вождей. Часть портретов писал Мика Поляков…

«Трудновоспитуемые» сидели на длинных деревянных лавках, лицом к некоему подобию сцены.

Там стоял стол, покрытый красной материей, а за столом с актом заключения судебно-медицинской экспертизы в руках стоял заведующий детдомом – высокий, тощий, больной туберкулезом человек лет сорока пяти, бывший сотрудник разных органов.

Слева от заведующего сидел низенький, брюхатый казах – начальник Каскеленского райотдела милиции. Справа – «кум» – действующий сотрудник органов, но в гражданском. А рядом с ним – второй секретарь райкома комсомола – молоденький симпатяга-уйгур. Он уже успел повоевать, получить пулю в живот, вылечиться в одном из московских госпиталей, там же комиссоваться вчистую и вернуться в свой родной Каскелен. В детдоме бывал часто, и пацаны относились к нему хорошо и уважительно. По первому требованию пацанов второй секретарь задирал гимнастерку, нижнюю байковую рубаху и давал всем посмотреть свою рану на животе – куда вошла немецкая пуля.

Все сидевшие за кумачовым столом на сцене знали, что никакой судебно-медицинской экспертизы практически не было, вскрытие трупов уж и подавно никто не производил, а заключение судмедэксперта сочинялось древним провинциальным способом.

Милицейский следователь и обычный доктор из местной больнички заскочили на минутку в морг, мельком глянули на бывших паханов, а потом вернулись в милицию и там перешли к осмотру «вещдоков» – вещественных доказательств, найденных у трупов и около них.

Помяли в пальцах коричневые комочки плана, проверили его добротную маслянистость, по запаху определили длительность выдержки анаши, похвалили за высокое качество и честно поделили план между собой.

С отвращением понюхали бутылку с остатками водки, и доктор сказал следователю склочным голосом:

– Нажрутся всякого говна, откинут лапти, а ты потом возись с ними!

– М-да… – туманно согласился следователь и закурил самокрутку. – Где ж ее теперь хорошую возьмешь?..

– Заходи вечерком, – предложил доктор. – Чистеньким ректификатом угощу.

– Точно! – оживился следователь. – А я закусь соображу. Мы тут вчера реквизнули кой-чего – о-о-очень под спиртяшку пойдет!

Но была и другая, тайная версия гибели паханов.

Она напоминала горячечный бред сошедшего с ума от холода и постоянного недоедания маленького, одинокого и очень обиженного человечка, стремящегося все обычные и очень земные ситуации представить в невероятном и сказочном свете…

Автором этой версии, напрочь опрокидывающей заключение судмедэксперта, был одиннадцатилетний Валерка, находившийся при паханах до последней секунды их жизни.

Рассказал он это по страшному секрету, под дикие клятвы – от «век свободы не видать!» до «могила, бля буду!!!» – рассказал только самым близким, самым проверенным своим корешам, спаянным между собой общими грехами, голодом и обделенностью.

Забившись в угол барака на нижние нары, накрывшись старыми прохудившимися одеялами, небольшая Валеркина кодла слушала его, замирая от ужаса и не веря ни единому его слову.

Еще и еще раз заставляли Валерку повторить свой рассказ о том, как Мишка Поляков – художник из Ленинграда – одним взглядом убил паханов. Дескать, только крикнул ему, Валерке: «Пацан! В сторону!..» – и все…

И каждый раз Валерка заканчивал свой жуткий рассказ так:

– Но, видать, и меня тоже малость задело… Я, когда очухался, глаза открыл, гляжу – «буфы» дохлые, а Мишка сам на ногах еле держится, и меня вниз, к «конвойке», стаскивает, и яблоко дает – здоровенное, красное. Настоящий апорт!..

⁂

Но «кум» служил свою службу и за совесть, и за страх. «За страх» гораздо в большей степени, чем «за совесть».

Может быть, только один он и жалел погибших паханов. Он от них имел многое. И «поддачу», и порядок, и информацию, и

продуктишки ворованные, и девок они ему иногда каскеленских таскали…

А «кум»… Ну что «кум»? «Кум» – он тоже человек: ты – мне, я – тебе… В смысле – я на тебя глаза закрою. Но уж и ты изволь, сукин сын, помнить, кто я есть на самом деле! Не зарывайся!

И не был бы он настоящим «кумом», если бы у него даже в такой мелкой кодле, как Валеркина, не было бы своего «человечка».

А уж если имеешь дело с «кумом» – про всякие там клятвы вроде «век свободы не видать!» или «могила…» забудь навсегда и выкладывай все как есть! А то я тебе такую статью подберу…

Но когда «кум» от одного из самых-самых закадычных Валеркиных корешков услыхал подлинную историю убийства паханов, он, взрослый и специально обученный человек, в отличие от всех пацанов, кто слышал секретный Валеркин рассказ, безоговорочно ПОВЕРИЛ в каждое слово этого фантастического сообщения!

Только вспомнил глаза того страшноватенького Полякова и снова УВИДЕЛ СЕБЯ В ГРОБУ… И опять – НЕ ТАЯЛ СНЕГ у него на руках и лице…

Ни черта не мог себе объяснить – ПОВЕРИЛ, и все тут!

Но своему двенадцатилетнему «агенту», своему «подсадному утенку» очень строго сказал:

– Ты мне чушь не пори! Мне ваши фантазии как до пизды дверца! Вали отсюда. Надо будет – вызову. Да!.. И пасть там свою не разевай широко – чтоб никому ни слова. А то я тебе такую статью подберу!..

⁂

Перед самым Новым годом силами рукастых детдомовцев и двух толковых воспитателей к бывшему овощехранилищу, ныне «актовому залу», была пристроена так называемая Ленинская комната. Из разных пожертвованных и уворованных материалов.

Уже и портреты вождей туда перевесили из «актового зала», уже и столы поставили, и позолоченный бюстик Владимира Ильича водрузили на бочку из под солярки, предварительно задрапировав бочку красным кумачом, который в неограниченном количестве поставлял детдому Каскеленский райком комсомола, а вот оконных стекол все никак не могли достать. И украсть было негде!

И стояли самодельные оконные рамы без стекол, и вымораживалась несчастная и беззащитная Ленинская комната, а по ее

полу, между ножек столов и скамеек, вилась снежная поземка…

Но заведующий распорядился поставить туда временно печку-буржуйку; прямо к одному из незастекленных окон Ленкомнаты младшая хевра «трудновоспитуемых» натаскала откуда-то саксаул; в это же окошко вывели трубу; растопили печку, и заведующий приказал Мике Полякову нарисовать для новой Ленкомнаты копию портрета товарища Сталина с известной открытки художника Исаака Бродского. Мика соорудил подрамник, натянул на него старую чистую простыню, расчертил ее и открытку одинаковым количеством квадратов и по клеточкам сухой кистью гуашью стал перерисовывать образ Великого Друга Детей Всех Народов Мира…

⁂

…Много-много лет спустя Михаил Сергеевич Поляков вместе со своим верным Альфредом был по делам в Калифорнии. И там получил в подарок от Сая Фрумкина – замечательного журналиста из Лос-Анджелеса и знаменитого американско-еврейского правозащитника – удивительную книгу Дэвида Кинга, выпущенную нью-йоркским издательством «Метрополитен букс».

Эта книга дотошно прослеживала все ступени фальсификации официальных фотографий вождей СССР в зависимости от времени их появления в советской печати.

Как только на фотографии рядом со Сталиным или Лениным оказывался кто-то из уже сошедших с политической сцены, эта фигура тут же отрезалась ножницами. Когда ножницы могли, храни господь, задеть фигуру неоспоримого Вождя, тогда нежелательного фигуранта попросту замазывали опытные ретушеры.

Листая эту книгу, Михаил Сергеевич чуть ли не сразу наткнулся на четыре варианта одной и той же фотографии: первое фото было сделано в 1926 году. На нем были сняты, как пишут в газетах, слева направо Николай Антипов, Сталин, Сергей Киров и Николай Шверник. Потом эта фотография была перепечатана уже без расстрелянного Антипова. Спустя некоторое время эта же фотография появилась и без Шверника. Только Сталин и Киров.

А потом остался один Сталин.

Вот с этой-то последней, трижды скорректированной фотографии в 1929 году художник Исаак Бродский и написал портрет Вождя Всех Народов.

И тогда старый Мика Поляков вспомнил, как он когда-то, мальчишкой, рисовал копию именно с этой картины Бродского…

⁂

…Очень зябли руки. Пальцы просто коченели! Мике и в голову не могло прийти, что на юге Казахстана возможна такая стужа…

А потом, самое противное, подмерзала гуашь, кончик специальной кисти для «сухой» живописи от холода становился таким жестким, что буквально вцарапывал краску в незагрунтованную простыню!

Кое-как на печурке оттаивала краска, кое-как согревались пальцы. Кисть у огня греть было страшно – щетина мгновенно сворачивалась и с отвратительным запахом запекалась в коричневые комочки, и тогда ее можно было сразу выбрасывать в незастекленное окно. Но другой кисти не было. Необходимо было беречь эту. И Мика прополаскивал застывшую кисть в воде, кое-как смывал с нее краску и засовывал ее, как термометр, под мышку – отогревал собственным телом. А потом продолжал рисовать товарища Сталина…

Закутавшись в самые невероятные лохмотья, маленький Валерка топил печку. Он теперь не отходил от Мики ни на шаг. Словно собачонка, заглядывал снизу в Микины глаза, стараясь предугадать любое его желание. А однажды, в самом начале своего обожания Мишки Полякова, в порыве детской признательности за дружбу и покровительство даже предложил Мике делать с ним то, что делали с малолетками паханы.

Мика надрал ему уши, дал сильного пинка в предложенную тощую Валеркину задницу и запретил подходить к себе ближе чем на сто метров!

Но Валерка так плакал, так рыдал, так молил о прощении, так клялся, что никогда ни с кем ничего этого больше не будет, что спустя неделю Мика простил его. И вот, пожалуйста, даже разрешил топить печку в незастекленной Ленинской комнате в двенадцатиградусный мороз.

– Закурить бы… – мечтательно проговорил Мика, согревая пальцы дыханием.

Образ Великого Вождя уже потихоньку переползал с открытки на детдомовскую простыню, натянутую на метровый подрамник.

Валерка молча порылся в своих лохмотьях, вытащил нераспечатанную пачку папирос «Дели» и протянул ее Мике.

– Откуда? – коротко спросил Мика и открыл пачку.

– Пацаны на балочке скоммуниздили, а я у них купил.

– Купил?! – Мика прикурил от горящей саксаулинки. – За что купил?

– За три вечерние пайки.

– Ну и дурак! – с наслаждением затягиваясь, сказал Мика. – Теперь трое суток будешь ложиться спать голодным. Я и не знал, что ты куришь.

– А я и не курю.

– На кой хер покупал?

– Для тебя.

Мика ничего не сказал. К горлу подкатил комок. Отвернулся от Валерки, затянулся папироской «Дели» и, выпуская дым в морозный воздух, жестко проговорил:

– Жрать теперь будешь со мной. Понял? Кретин малолетний.

Тут в Ленинской комнате появился заведующий детдомом для т/в подростков. От холода у него было сине-желтое лицо с покрасневшим кончиком длинного, мокрого носа. Старый, вытертый овчинный полушубок явно не спасал от пронизывающего холода больного заведующего.

Он тут же надрывно закашлялся. Валерка совсем задвинулся за печку. Мика спрятал папироску за спину.

Но заведующий подозрительно повел своим длинным носом, узрел папиросный дымок из-за Микиной спины и, тяжело дыша насквозь продырявленными легкими, тихо, внятно и с неподдельным пафосом стал чеканить слова, с ненавистью глядя на Мику:

– Мерзавец… Подлец… Негодяй!.. Здесь, в Ленинской комнате, висят портреты членов Политбюро ЦэКаВэКаПэБэ… А он ПРИ НИХ КУРИТ!!!

⁂

В новогоднюю ночь Мика Поляков лег спать до двенадцати – уж больно ломало его, голова кружилась, ноги были слабыми-слабыми…

Жар сменялся ознобом, озноб – духотой, затрудненным дыханием.

Валерка принес ему из «актового зала» новогодний подарочек: пакет с тремя каменными пряниками, четырьмя соевыми батончиками

и двумя большими яблоками.

Стараниями комсомольского секретаря – симпатяги-уйгура с дыркой в животе от немецкой пули – такой подарок получил каждый «трудновоспитуемый».

Ну а уж водку втихаря или план – это уже кто как мог и где мог…

– Ух ты, Мишка!.. – удивился Валерка. – Ты так горячо дышишь! Может, фельдшера позвать?

– Не надо… Иди празднуй. Мне бы только отлежаться чуть-чуть. Я, наверное, простыл тогда немного в Ленкомнате…

– А сегодня там стекла вставили!

– Ну вот видишь – «жить стало лучше, жить стало веселее!». Иди, Валер, попляши там за меня… Только водички принеси.

Валерка притащил алюминиевую кружку, полную воды, но Мика уже спал тяжелым больным сном…

⁂

И снился больному Мике Полякову какой-то неведомый чудесный остров с невероятно зелеными пальмами, которых он никогда раньше не видел…

Жаркое солнце висело прямо над головой и шпарило так, что даже дышать было невмоготу!..

А вокруг острова со всех сторон – синяя-синяя вода. Насколько глаз видит…

И одинокий белый, совершенно очаровательный домик невдалеке!.. Красиво до слез, до мистического восторга…

Только идти к этому домику ужасно трудно! Ноги увязают в прокаленном сверкающе-желтом песке, каждый шаг требует невероятных усилий, но Мика знает почему-то, что до этого домика нужно дойти обязательно! Это очень-очень важно…

А дышать от жары становится все труднее и труднее, и песок все рыхлее и сыпучее…

Но Мика идет… Мике это невероятно важно!..

Вот он уже и в домике…

Проходит из коридора в комнатку, а там…

…на полу ЛЕЖИТ ПАПА – Сергей Аркадьевич Поляков!!!

– Папочка!.. – в ужасе беззвучно кричит Мика…

⁂

И просыпается.

Ночь. Только слабый дежурный свет в бараке. Дышат полтораста спящих пацанов. Вскрикивают во сне, плачут, смеются, угрожают, бормочут что-то, шепчут, стонут…

Глубокая ночь первого января 1942 года.

Мика попил воды из кружки и вдруг ясно и отчетливо ПОЧУВСТВОВАЛ – отец в Алма-Ате! Но почему без мамы?! И ОТКУДА Я ЭТО ЗНАЮ?!

Так… Нужно немедленно в Алма-Ату! Всего тридцать пять километров… На попутке, на телеге, пешком… Как угодно!

С трудом слез с нар. Понимал – болен. Надел на себя все, что можно, утеплился кое-как. Сунул под подушку Валерке свой нетронутый новогодний подарочек, подпоясал бушлат, чтобы снизу не поддувало, и, качаясь, вышел из барака в лунную морозную ночь…

⁂

Не было за тридцать пять километров пути ни одной машины – ни в ту, ни в другую сторону!

Проскочили парочка патрульных милицейских газиков – один к Алма-Ате, второй к Каскелену, так от них Мика схоронился в вымерзшем придорожном арыке. Хорошо помнил: шаг вправо, шаг влево – побег!

А там, в домике, папа лежит. Нельзя Мике рисковать, лучше спрятаться, а потом снова – на своих двоих, пешедралом…

…К утру пошел снег, потеплело. То, что было приморожeнным, жестким, подтаяло. Стало скользким поначалу, а потом и совсем раскисло…

Грязь в ботинки набилась, мокрень, но Мика так и не почувствовал холода. Даже хотел шапку снять, но побоялся ее из рук выронить, потерять…

«В лесу родилась елочка, в лесу она росла…»

Елочка!.. Мать вашу в душу с этим гребаным Казахстаном! Здесь же должно быть тепло, как в учебнике географии написано!..

«Только бы до того домика дойти… Где папа лежит. Мой отец… Сергей Аркадьевич Поляков – летчик-истребитель, шеф-пилот двора его импера… Здравствуйте, ваше сиятельство! Это вы – князь Лерхе? Милости прошу, проходите, князь. Сергей Аркадьевич ждет вас…

А, вспомнил… Этот домик называется гостиница «Дом Советов»! Мама! А почему я тебя не вижу?.. А, мам?..

Миля – а-а-а! Где ты, Милечка?.. У меня уже сил нет…»

⁂

– Я ничего не знаю! – говорил гостиничному швейцару молоденький солдатик-шофер. – Я ему не сват, не брат, вообще никто. Так, проезжий…

Рядом с гостиницей «Дом Советов» пофыркивала военная «эмка».

– Выруби двигатель! – приказным тоном распорядился швейцар. – Люди твой шарабан нюхать не обязаны!

– А как я потом заведусь? – окрысился шоферюжка. – У меня аккумулятор уже неделю как накрылся. Ты меня в жопу толкать будешь со своим протезом? Или вот он?

И солдат показал на ничего не соображающего Мику, сидевшего снова на ступеньках гостиницы «Дом Советов».

– Откуда взял его? – спросил швейцар.

– Отвез своего кобла к евонной марухе, километров за семь от города, развернулся и лично возвращаюсь в расположение, а этот лежит у дороги. Я думал, пьяный. Новый год все же… А потом смотрю – пацан! И лепечет: гостиница «Дом Советов»… Гостиница «Дом Советов»… От теперя ты с им и разбирайся! А то уже двенадцать дня, а у меня посля вчерашней поддачи еще маковой росинки во рту не было!.. Привет! – сказал солдатик, сел за руль своей эмки и уехал.

Швейцар приподнял рукой Микину склоненную голову, заглянул в лицо и сказал:

– Здорово, леший! А я тебя узнал.

Но Мика не ответил, стал заваливаться лицом вниз – вот-вот со ступенек скатится.

Швейцар отставил вбок негнущийся протез, наклонился, подхватил Мику сначала за шиворот, потом перехватил под мышки, снова усадил и разогнулся, не отпуская Микин воротник.

– Ты давай держись… Я, конечное дело, тебе помогу, но и ты уж извини-подвинься… Я тебе не «медсестра дорогая Анюта» – на спине таскать. Руки-ноги на месте, остальное – херня собачья! Вставай.

⁂

Горничная первого этажа, крепкая бабенка средних лет, и швейцар со скрипучим протезом довели Мику по гостиничному коридору до двери с каким-то номером, и горничная тихо сказала:

– Как приехал три дня тому, так и гуляет по-черному. В первый вечер кто-то с им выпивал, а теперя один дует без передыху…

– В кажной избушке – свои погремушки, – вздохнул швейцар.

– Иди, – сказала горничная Мике. – У его не заперто…

Мика открыл дверь и вошел в гостиничный номер. Горничная и швейцар деликатно остались в коридоре.

Сергей Аркадьевич Поляков лежал на полу маленькой комнатки в моче и блевотине.

Кислый запах извергнутого смешивался с аммиачными испарениями…

На небольшом письменном столе среди бутылок из-под водки, банок с остатками засохших и провонявших рыбных консервов и черствых кусков хлеба, в до боли знакомой рамке красного дерева стояла большая фотография очень красивой мамы, снятая кем-то из кинооператоров «Ленфильма» лет пять тому назад. Эта фотография в этой рамке всегда висела раньше в папином кабинете.

Мика огляделся. Сквозь туман, застилающий глаза, он увидел у шкафа наполовину распакованный чемодан, а в нем две бутылки водки.

Голова у Мики кружилась, ноги не держали, руки были ватными. Хотелось лечь, закрыть глаза и умереть от чего угодно – от усталости, от болезни, от тоски, от горя… Оттого, что впервые в жизни увидел своего Отца, своего Папу, самого любимого и близкого ему человека в мире, самого умного, самого интеллигентного, самого-самого, вот в таком виде – храпящего на полу, мертвецки пьяного, с мокрыми расстегнутыми брюками, заросшего, в грязной рубашке, поверх которой на папе был какой-то меховой жилет, которого Мика у него никогда не видел…

Но умереть сейчас значило бы бросить папу вот в таком состоянии! То, что мамы уже нет и, наверное, никогда больше не будет в его жизни, Мика почти понял.

Он собрал остатки сил, стащил с себя бушлат и шапку, еле подошел к раковине, умылся холодной водой, вытерся висевшим здесь же полотенцем и достал из открытого чемодана бутылку с водкой. Распечатал, налил треть граненого стакана и выпил. Загрыз черным сухарем, сел на папину постель, поджал под себя ноги, чтобы не задеть лежащего на полу отца, и заплакал.

Потом смочил водкой край полотенца и начал растирать себе лоб и виски. Пока почти не пришел в себя.

Попил холодной воды из-под крана. Стал раздевать бесчувственного и отвратительно пахнущего Сергея Аркадьевича. Раздел догола, оттащил от блевотины и лужи мочи, пустил воду в раковину и прямо на полу взялся обмывать голого отца.

Не приходя в себя, Сергей Аркадьевич пару раз делал слабую попытку оказать сопротивление, хотел было открыть глаза, но тут же в полной пьяной прострации повисал на руках у Мики…

Мика же все старался не потерять сознания, не уронить папу, не упасть на него.

Нашел в чемодане чистую отцовскую пижаму, кое-как с великим трудом натянул ее на Сергея Аркадьевича и попытался уложить его на кровать. Но на это сил уже не хватило.

Тогда Мика снял свои солдатские ботинки, размотал портянки, влез босиком на кровать и, плача злобными слезами и матерясь, стал втягивать Сергея Аркадьевича наверх, на постель…

И втащил. Укрыл одеялом и стал мыть пол грязной отцовской рубашкой и своими портянками. Отжимал их и прополаскивал в раковине и снова мыл и мыл пол – дочиста, досуха!..

Потом, обессилевший, с помутившимся сознанием, немножко полежал на чистом полу, накрывшись бушлатом, сунув шапку под голову. А спустя не то полчаса, не то час, не то минут десять заставил себя встать и начал застирывать отцовские брюки, трусы, теплые рейтузы – кальсон папа никогда не носил. Да у него их и не было.

⁂

Две недели Мика пролежал с двусторонним крупозным воспалением легких.

В номер поставили еще одну узенькую кушеточку, на которой теперь спал Сергей Аркадьевич, а хворый Мика возлежал на отцовской постели.

От детдома и милиции, куда поступил запрос об «объявлении в негласный розыск воспитанника Каскеленского детского дома для трудновоспитуемых подростков Полякова Михаила Сергеевича, рождения 1927 года, уроженца города Ленинграда (со слов Полякова М. С.)», Мику «отмазал» старый папин приятель – превосходный актер, удостоенный всех мыслимых и немыслимых званий и наград.

Один из очень немногих, кому еще до войны был разрешен выезд чуть ли не за все границы Советского Союза. Правда, к сожалению, не в качестве Большого русского артиста, а в роли общественного деятеля, «несокрушимого борца за мир» и официального полномочного представителя всего советского искусства – такого «реалистического по форме и социалистического по содержанию»…

За последние двадцать лет из длинного, тощего и удивительно ироничного эксцентричного актера, безумно тяготеющего к комедии и гротеску, он превратился в плотного, обаятельного двухметрового государственного человека с вальяжными и барственными манерами, чудесным обволакивающим голосом и фантастической популярностью!

К счастью для театра и кинематографа, он продолжал оставаться великолепным актером. Наверное, это ему очень помогало в его так называемой общественной деятельности.

Он же, этот старый папин приятель, достал для Мики Полякова в медицинских закромах Казахского Центрального Комитета партии редчайшее американское лекарство – пенициллин. Который в конечном счете и поставил Мику на ноги всего за две недели.

Две недели, пока Мика метался в жару и трясся в ознобе, Сергей Аркадьевич почти не пил.

С утра варил для Мики манную кашу на электрической плитке, днем приносил из гостиничного ресторана, превращенного в закрытую столовку по пропускам, обед в судках – черепаховый суп и тушеного кролика с серыми макаронами. А под вечер шел с бидончиком в Казахский театр оперы и балета. Там, в «верхнем» буфете, продавали знаменитое суфле из солодового молока и свекловичного сахара. Такой липкий, сладкий, густой напиток, дававший на пару часов ощущение булыжной сытости…

К ночи же Сергей Аркадьевич доставал из-за шкафа бутылку с водкой, наливал себе полный стакан, садился за маленький письменный стол и медленно выпивал этот стакан, не отрывая глаз от маминой фотографии в рамочке из красного дерева.

– Милая моя… Родная… Что же нам делать?.. Как же нам жить без тебя?.. – шептал Сергей Аркадьевич, и слезы заливали его изможденное и исстрадавшееся лицо.

⁂

…Мама скончалась в Свердловске. Ей было всего тридцать восемь лет.

Отец похоронил ее, сел в поезд, идущий в Алма-Ату, и запил. Он никогда раньше не пил. Одну-две рюмки… Бокал вина – не больше. А тут…

Спустя несколько суток непотребного и трагического запоя под стук вагонных колес, а позже и в алма-атинской гостинице «Дом Советов» в угасающей жизни пятидесятилетнего Сергея Аркадьевича Полякова вдруг неожиданно возник его сын Мика. Очень повзрослевший. И очень больной.

Наверное, сознание того, что теперь он должен спасти Мику, и вывело Сергея Аркадьевича из ужасающего и губительного пьяного угара.

А Мика… Обессиленный болезнью четырнадцатилетний Мика не мог выносить слезы и стоны отца! Он отворачивался к стене, зарывался лицом в плоскую и жесткую гостиничную подушку, натягивал на голову одеяло – только бы самому не разрыдаться! Страшно было честно признаться себе, но он ясно понимал: сердце его разрывается на части от горя не потому, что в его жизни уже никогда больше не будет матери – он как-то непристойно и жутковато быстро привык к этой мысли, а просто сил уже никаких не было видеть своего отца вот в таком состоянии…

⁂

Прошел месяц. Решением дирекции и профсоюза ЦОКСа – Центральной объединенной киностудии – Поляковы получили на втором этаже гостиницы комнату большего размера, так как оба работали на студии. И отец, и сын.

Для Сергея Аркадьевича в эвакуированном кинематографе места режиссера не нашлось – уж слишком был велик наплыв московских и ленинградских режиссеров-орденоносцев, режиссеров-лауреатов! Многие даже жили совсем в другом месте, а не в «Доме Советов». Им правительство Казахстана подарило целый многоквартирный дом, который так и стал называться – «Лауреатник».

Сергей же Аркадьевич Поляков, чтобы принести хоть какую-то пользу стране в такое тяжелое время, пошел в механический цех студии обычным слесарем.

Он это всегда умел. Еще во времена службы в старой русской армии кавалер трех Георгиевских крестов, военный летчик-истребитель, вольноопределяющийся Поляков Сергей Аркадьевич всегда толково и с удовольствием помогал механикам чинить свой аэроплан.

Ни пижонством, ни кокетством, как это могло прийти кому-нибудь в голову, здесь и не пахло. Это было нормальное проявление нравственной позиции обыкновенного интеллигентного человека. Так было в четырнадцатом, пятнадцатом и шестнадцатом годах Первой мировой войны. Так произошло и в сорок втором.

На студии работал и Мика Поляков. Микрофонщиком в звукоцехе.

⁂

…Через много-много лет, уже достаточно известным книжным иллюстратором и карикатуристом, художник Михаил Сергеевич Поляков на пару недель прилетит в Алма-Ату с Женщиной, которую полюбил навсегда, и со своим десятилетним сыном от первого, очень несчастливого брака.

Он будет ходить по разграфленным в шахматном порядке алма-атинским улицам и по крупицам собирать обрывки воспоминаний об Алма-Ате сорок второго – сорок третьего…

…Когда по этим же улицам и базарным рядам запросто ходили знаменитые москвичи и ленинградцы… Известные писатели скромненько стояли в очередях, чтобы сегодня выкупить хлеб по завтрашнему талону…

…Где на рынке красивые женщины с отчаянно пустыми глазами торговали своим барахлишком, наспех выменивали постельное белье, облезлые муфты и нелепые вечерние платья на стакан меда, конскую колбасу – «казы» и топленое масло, чтобы прокормить своих прозрачных от постоянного голода детей…

Госпитальные интенданты и разная административно-хозяйственная шушера через подставных лиц спекулировали яичным порошком, туалетным мылом, папиросами «Дели», американским шоколадом и тушенкой под названием «второй фронт», спиртом из госпиталей…

Околобазарная шпана заводила игру в «три листика», начисто обирала заезжих аульных казахов в огромных лисьих треухах и стеганых халатах…

Из госпиталей по вечерам по всему городу расползались ходячие раненые. Возвращались в свои палаты только под утро. От них пахло водкой, дешевой губной помадой и резким одеколоном «Алатау» местного производства.

Эти загипсованные, с заскорузлыми пятнами крови на повязках, с костылями и палками, с замотанными в бинты физиономиями, где зачастую оставались открытыми только край щеки, рот и один глаз, – но ХОДЯЧИЕ! Самостоятельно передвигающиеся выплескивали на лежачих сопалатников, прикованных к госпитальным койкам, красочные, циничные и бесстыдные рассказы о своих ночных похождениях со множеством фантастических подробностей, разухабистым враньем и жалкой лихостью. Даже понимание того, что большая часть этих историй соткана воспаленным воображением рассказчиков, не избавляло лежачих раненых от нервного и завистливого возбуждения…

А с одной стороны города в холодное синее небо уходили поразительной и коварной красоты белоснежные горы, от подножия которых вниз стекали нескончаемые яблоневые сады…

Дальше, внизу, лежал город – рассеченный полутемными улицами на геометрические квадраты кварталов… Переполненный Ноев ковчег военного времени. В саманно-глинобитных пристройках к хозяйским домам под одной крышей ютились пять-шесть эвакуированных семей…

Человек по полтораста – двести жили в фойе и залах бывших кинотеатров. Жизнь и быт каждого ограничивался тремя-четырьмя квадратными метрами пола и самодельными занавесками вместо стен.

А над всеми этими зыбкими человеческими сотами был один потолок на всех – расписанный картинами из светлой довоенной жизни: встреча героев-папанинцев, перелет Чкалова через Северный полюс, радостные лица представителей всех республик, утопающих в изобилии гигантских овощей, фруктов… На втором плане слева паслись тучные стада, а с правой стороны новенькие сверкающие колесные тракторы стройными рядами вспахивали залитые солнцем колхозные нивы…

Десятки тысяч беженцев населяли этот благословенный город!

Каждый день от пакгаузов станции Алма-Ата – вторая товарная на фронт уходили эшелоны с продовольствием и новобранцами…

Полуголодные казахские девочки вместе с эвакуированными лейтенантскими женами строчили армейские ватники и двупалые байковые рукавицы, чтобы зимой можно было стрелять, не снимая их с рук…

Заводишко, раньше выпускавший кетмени, косы, грабли и бороны, был для таинственности переименован в Военный завод № 3. Он стал делать из обычных грузовиков ЗИС-5 так называемые водомаслогрейки для боевых самолетов, снаряды для семидесятишестимиллиметровых орудий и взрыватели для осколочных гранат Ф-1…

На Центральной объединенной киностудии день и ночь творили наивные и глуповатые фронтовые киносборники, выстроенные по принципу легенд о замечательном казаке Козьме Крючкове времен Первой мировой войны…

А в соседнем павильоне Сергей Михайлович Эйзенштейн снимал «Ивана Грозного», на котором месяца полтора работал и Мика Поляков – микрофонщик-новобранец…

В помещении Казахского драматического театра Вера Петровна Марецкая играла Мирандолину в «Трактирщице»…

По госпиталям, прямо среди коек в палатах тяжелораненых, Бабочкин и Блинов играли сценки из кинофильма «Чапаев»…

Борис Чирков – знаменитый Максим – пел под свою гитару надтреснутым тенорком «Крутится, вертится шар голубой…».

Мелодекламации Лидии Атманаки сводили с ума санитарок и поварих, нянечек и раненых, врачей и местную казахскую знать:

Но однажды весной Лейтенант молодой, Покупая цветы в магазине, Взглядом, полным огня, Посмотрел на меня И унес мое сердце в корзине… Зайдите на цветы взглянуть – Всего одна минута! Приколет розу вам на грудь Цветочница Анюта…

А после концерта в кабинете начальника – маленький банкетик. И само собой, гонорар со склада ПФС, что значит «продовольственно-фуражирное снабжение»… по килограмму ячневой или пшенной крупы, по бутылке хлопкового масла…

Даже Мика Поляков однажды получил такой пакет. Поехал вместе с концертной бригадой устанавливать микрофон, подключать усилитель, расставлять динамики…

⁂

…Через двадцать пять лет Михаил Сергеевич Поляков расскажет про военную Алма-Ату своему приятелю-литератору, и тот в одной из своих книжек достаточно точно кое-что и опишет из того, что поведал ему его друг-художник…

Но для литератора этот небольшой кусочек, уместившийся у него на двух машинописных страничках, будет всего лишь незначительной частью чужого прошлого. Этнографическим набором характерных деталей того времени.

А для четырнадцати-, а потом и пятнадцатилетнего Мики Полякова та Алма-Ата была гигантским, хотя и не всегда праведным пластом его жизни…

За полгода Мика Поляков поработал чуть ли не со всеми известными звукооператорами, малоизвестными инженерами звукозаписи и уж совсем никому не известными техниками-звуковиками. Именно эти высокоценимые в очень узком профессиональном кругу люди, о существовании которых не догадывались даже дотошные кинозрители, научили Мику Полякова всему – и работе на съемочной площадке, и подготовке французской звукозаписывающей системы «Эклер» для съемок в павильонных декорациях, и многотрудной сборке американской системы ПМ-40 для работы на натуре…

К тому времени кто-то в высшем эшелоне эвакуированных киноначальников устыдился того, что режиссер С. А. Поляков работает в механическом цехе простым слесарем, и для Сергея Аркадьевича была придумана некая мифическая должность – режиссер объединенной фронтовой хроникальной группы с немедленным выездом на фронт в распоряжение политотдела одной из армий под командованием недавно освобожденного из тюрьмы большого командира, портреты которого до войны носили на демонстрациях Первого мая.

Вместе с Поляковым отправлялись на фронт и несколько кинооператоров, не нашедших применения в эвакуированном художественном кино. Как и Сергей Аркадьевич Поляков.

…Сергей Аркадьевич пришел со студии в гостиницу, принес два больших новых альбома для рисования, передал их Мике и сказал:

– Сыночек… Уж коль ты не учишься, а работаешь, пожалуйста, рисуй почаще. Я тут получил кое-какие деньжишки на дорогу и на

первое время и вот… Купил это тебе. Тут настоящий ватман. Довоенный. Его мне очень любезно уступил…

И Сергей Аркадьевич назвал имя одного отличного художника-мультипликатора.

– И очень недорого уступил… – улыбнулся Сергей Аркадьевич. – Я ему как-то показывал твои старые наброски, и он сказал, что у тебя удивительно крепкая рука и прекрасный глаз. Больше всего ему понравилось, что твоя графика носит почти всегда слегка ироничный характер. Ему как мультипликатору это особенно близко. Ты уж рисуй, Микочка. Не век же тебе думать о том, чтобы микрофон не попал в кадр… А я буду время от времени возвращаться с фронта в Алма-Ату, привозить материал в обработку, монтировать. А потом снова уезжать ненадолго. Хорошо?

– Хорошо, па, – ответил ему Мика и любовно погладил шероховатую поверхность ватмана. – Я про такую бумагу и забыл… Спасибо тебе, папуля.

И Сергей Аркадьевич Поляков уехал на фронт, забрав фотографию мамы с собой. Прямо с рамочкой красного дерева.

⁂

А через несколько дней после отъезда отца на фронт с Микой произошел дурацкий случай…

В отличие от тысяч эвакуированных семей, вынужденных влачить жалкое существование в саманно-глинобитных сарайчиках при хозяйских домах, выстаивать многочасовые очереди в баню, справлять естественные нужды над слегка огороженными выгребными ямами с летними жуткими сине-лиловыми гигантскими мухами и зимними морозными сталактитами из обледенелых желто-коричневых человеческих испражнений, обитатели гостиницы «Дом Советов» жили просто в райских условиях.

Это несмотря на то что и в «Доме Советов» уборные были общими и находились в конце каждого коридора. Собственными туалетами обладали только два «люкса», занятые Польской военной миссией, и четыре «полулюкса», где были расселены народные артисты СССР, обделенные квартирами в переполненном «Лауреатнике».

«Роскошные» условия эвакуированного бытия в гостинице «Дом Советов» многим показались сродни бытию «командировочному», в

период которого в людях неожиданно открываются не подозреваемые доселе развязность, желание говорить громко, свобода общения, любовная лихость и жалкие попытки хоть ненадолго, на краткий миг своей перевернутой жизни создать некое подобие пира во время чумы. Изредка прерываемого бодро-трагическими сводками Советского информбюро со всех фронтов этой страшной войны…

От состояния ложной «командировочности» «Дом Советов» вспухал любовями, взрывался неожиданными разводами, еще более невероятными связями, клятвами, захлестывался коварством измен, тайфунами ревности и истерическим весельем с обязательными слезами и имитациями попыток самоубийств…

Мужчины годились все. От щеголеватых польских офицеров и сановных облауреаченных старцев до заезжей футбольной команды «Динамо» (заботливо убереженной силами НКВД от фронта), включая в этот повальный список и школьников-старшеклассников, живших вместе со своими родителями в этом же «Доме Советов».

Казалось, только два-три года тому назад он, полный несмышленыш (как свято считали его родители), видел ее на экране этакой поющей и танцующей советско-колхозной пейзаночкой, а теперь вот она – с растекшейся по лицу тушью для ресниц, смазанной губной помадой, припухшими от бессонной ночи глазами, оказывается, не бог весть какая молодая, совершенно голая тетя лежит вместе с перепуганным и опустошенным мускулистым мальчиком четырнадцати-пятнадцати лет и хрипло, с дурными актерскими интонациями, которые должны были продемонстрировать «неподдельную страсть», настойчиво спрашивает мальчика, овевая его запахом пота, недорогих духов, легкого перегара и нечищеных зубов:

– Ты любишь меня? Ну скажи!.. Ты меня любишь? Я хочу это слышать!!!

Не миновал подобной участи и Мика Поляков.

Мике повезло больше, чем другим. Он сумел привлечь нежное и пристальное внимание одной из самых красивых женщин советского кино того времени.

Муж ее, известный и обласканный властью певец, помпезно раскатывал по правительственным концертам и гастролям. Ее постоянный любовник – замечательный артист – однажды сыграл полусочиненного героя революции и вошел в классику мирового кино.

Сама же она была очень хорошей актрисой, некогда заслуженно прославленной одним превосходным режиссером.

Так что Мика оказался в неплохой компании. Правда, слава богу, не вся компания об этом догадывалась…

Ситуация совершенно водевильная: муж на гастролях, любовник в экспедиции на съемках, а четырнадцатилетний Мика в кровати у самой очаровательной женщины, от которой не могли оторвать глаз все мужчины «от восьми до восьмидесяти».

В постели Мика проявил себя поразительно талантливым и трудолюбивым учеником, и под утро третьей бессонной ночи невероятно красивая молодая женщина, ровно вдвое старше Мики, без малейшего актерства совершенно искренне сказала:

– Боже мой, Мишка!.. Ты – прелесть! Господи, как мне повезло.

Но по законам водевиля после такой фразы должен был бы раздаться стук в дверь. Жанр категорически требовал появления на сцене мужа.

Что и произошло!

Раздался стук в дверь, и знакомый по радиотрансляциям голос мужа хорошо поставленным тенором произнес:

– Котик! Открой. Это я!..

⁂

Счастье было еще, что окна этой комнаты выходили не на улицу, а на тыльную сторону дома – на вытоптанную волейбольную площадку и хозяйственный двор с мусорными баками у забора.

Как Мика прыгал из окна второго этажа с одеждой и сандалиями в руках, не видел никто. Кроме старухи казашки Кульпан – дворничихи гостиницы «Дом Советов». Но старуха была своя в доску.

– Мишька! Аккенаузен сегуйн!!! – матюгнулась старуха Кульпан по-казахски. – Сапсем дурак, да?! Башка сломать хочешь?!

Мика тут же подскочил к старухе, заволок ее за мусорные баки и, поспешно натягивая на себя штаны и рубаху, неловко засовывая ноги в сандалии, тихо, быстро и весело проговорил:

– Бабуля! На карте – честь дамы… Заложишь – зарежу!

И поцеловал старуху в нос. Как когда-то в шутку целовала его Миля.

Чтобы не входить в «Дом Советов» через черный ход со стороны двора и не светиться перед администратором, миновать которого было

просто невозможно, Мика сиганул через забор, отделяющий территорию гостиницы от остального мира, и поскакал узкими дворовыми проходами мимо каких-то складских бараков в бывший кинотеатр «Алатау», где в огромном концертном зале было сооружено общежитие человек на двести, а в просмотровом – киносъемочный павильон для трюковых и комбинированных съемок.

На верхних этажах бывшего кинотеатра теперь располагались отдел точной механики и оптики, часть гримерных, филиалы костюмерных и родной Микин звукоцех.

Вот Мика и помчался, ни свет ни заря туда в надежде, что еще никто из сотрудников звукоцеха на работу не пришел и он успеет до их появления там умыться, почистить зубы хотя бы пальцем и привести себя в относительный порядок. Может быть, даже удастся немного покемарить, чтобы потом не клевать носом в павильоне на съемке.

Но на столь полное счастье Мика даже не рассчитывал…

⁂

Однако, кроме старухи Кульпан, были и еще свидетели Микиного прыжка из окна второго этажа.

Два закадычных дружка, два крепеньких молодых актера – Гена Оноприенко и Маратик Семенов, не подлежащие призыву в действующую армию по такому букету официально зарегистрированных болезней, что их впору было бы уже давно числить покойниками на местном русском кладбище, рассказали, что, постоянно проживая в общежитии ЦОКСа, в бывшем кинотеатре «Алатау», именно в эту ночь они были в гостинице «Дом Советов» на дне рождения у своей сокурсницы по Институту кинематографии – дочери одного народного артиста, лауреата Сталинской премии, и видели собственными глазами, как под утро «…микрофонщик Михаил Поляков с каким-то свертком в руках прыгал из окна второго этажа на взрыхленную клумбу под окнами первого этажа вышеупомянутой гостиницы».

А с чего начался сыр-бор? А с того, что в эту же ночь был обворован номер киносценариста Алексея Николаевича Ольшевского, только утром вернувшегося из Ташкента, где на узбекской студии он сдавал свой сценарий о фронтовых героических буднях, превосходно знакомых ему, Ольшевскому, по войсковым репортажам Кривицкого, стихам Симонова, очеркам Эренбурга и сводкам Информбюро.

⁂

Ольшевский вернулся из Ташкента с мешком прозрачно-оранжевого узбекского урюка, чемоданом грецких орехов, тяжеленным пакетом сплетенных в клейкие косы сушеных дынь и полным рюкзаком слипшегося изюма.

На Алайском базаре в Ташкенте все это стоило втрое дешевле, чем на алма-атинском рынке, и Алексей Николаевич справедливо посчитал, что продажа всего этого в Алма-Ате будет существенным дополнением к небольшому сценарному гонорару…

Украдено из номера Ольшевского было многое – и несколько пар обуви, и рубашки, и свитера с пуловерами, и зимнее пальто с меховым шалевым воротником, а также белые фетровые бурки, обшитые коричневой кожей. Словом, все, что Ольшевский побоялся сдать в гостиничную камеру хранения на время летней жары. К чему и призывала гостиничная администрация, сообщая, что за оставленные в номерах вещи дирекция гостиницы «Дом Советов» никакой ответственности не несет.

Но самой главной потерей пижона Ольшевского был испарившийся роскошный песочно-кремовый костюм с жилетом, в котором он блистал на званых вечерах и покорял нестойкие сердца одиноких и невзыскательных дам…

Когда же Ольшевский обнаружил, что из-под его кровати пропал и весь запас консервных банок, с чудовищным трудом вывезенных еще из Москвы – а там было банок сто, – Алексей Николаевич чуть было не упал в обморок!

На вопрос сотрудника уголовного розыска, не подозревает ли гражданин Ольшевский кого-нибудь в этой краже, Алексей Николаевич сделал вид, что ему ужасно неловко об этом говорить, но истина того требует, а посему единственный человек, которого он мог бы назвать, – это сын его товарища Михаил Поляков. Он и в колонии для малолетних преступников уже был, и вообще… Тем более что его отец сейчас на фронте, а Мика…

– Мика – это что? Кличка? – спросил сотрудник уголовного розыска.

Алексей Николаевич помялся и подтвердил:

– Да… Пожалуй, кличка.

⁂

Для начала Мику в милиции отлупили.

А потом стали спрашивать – где шматье, кому сдал, как зовут барыгу и был ли подельник?

Мика от всего отказывался. Даже от того, что ранним утром прыгал из окна второго этажа.

Тогда его отлупили еще раз.

Потом Мике показали запись доноса двух молоденьких актеров – М. Семенова и Г. Оноприенко, которые собственноглазно видели, как М. Поляков, микрофонщик звукоцеха ЦОКСа, прыгал из окна второго этажа гостиницы «Дом Советов» с большим свертком в руках.

В запарке следователю не пришло в голову прояснить ситуацию до конца – почему М. Поляков, обокрав комнату А. Н. Ольшевского, находившуюся на первом этаже, прыгал из окна второго этажа, расположенного совершенно с другой стороны дома – со стороны волейбольной площадки и хоздвора с мусорными баками. И что в этот момент делали там свидетели М. Семенов и Г. Оноприенко, наблюдавшие Микин прыжок ранним утром, в то время когда, по утверждению виновницы торжества, на котором и пребывали свидетели, все гости разошлись уже к трем часам ночи…

Донос Маратика и Генки наполовину сломал Микину волю, и он признался в том, что действительно прыгал в указанное время из окна второго этажа гостиницы. А сверток был маленьким и состоял из его собственных брюк, рубашки-бобочки с короткими рукавами и вот этих сандалий. Они у него единственные. И все. А вот откуда, вернее, от кого он прыгал – этого он не скажет никогда в жизни. Пусть его хоть расстреляют!

Расстреливать Мику не стали, но отлупили и в третий раз.

Били по ногам, по ребрам, по почкам. Чтобы не оставлять видимых следов.

Отлупили и бросили в камеру.

В камере было четверо: опухший от пьянства безногий инвалид войны с орденом Славы третьей степени и медалью «За отвагу»; второй – рыночный торговец фальшивой анашой, которого «сдали» свои же. Не за торговлю наркотиками, а за «обман покупателей»… Третий – сорокалетний придурок – притворялся контуженным и орал на всю камеру, что он «сифилитик», и если кто-нибудь попытается ему

что-нибудь сделать, он просто харкнет тому в морду, а потом поглядит, как у того «враз нос провалится»!

Четвертый – чистенький, стройненький паренек из блатных, лет девятнадцати, в модненькой тельняшечке, в коротеньком приталенном пиджачке и военно-морских брючатах со «стрелками». Брючишки были аккуратненько заправлены в тонкие, дорогие хромовые сапожки, опущенные гармошечкой, сверху окаймленные вывернутым белым лайковым «поднарядом».

Паренек сидел на нарах под решетчатым окошком, покуривал «Казбек» и читал толстую книгу.

Как только Мику вбросили в камеру, так сразу же рыночный продавец плана и «сифилитик» молча и очень серьезно – будто делают важную и ответственную работу – стали стаскивать с лежащего на полу Мики двухцветную курточку – «самопал», которую отец купил ему на барахолке с первой же своей получки в механическом цехе.

У Мики не было сил сопротивляться. Боль в пояснице становилась нестерпимой, мочевой пузырь чуть не лопался, и Мика очень боялся, что описается, потеряв сознание…

– Вы, псы вонючие! Отскечь от малолетки, гниды, – вдруг услышал Мика спокойный голос паренька в хромовых сапожках. – Кому сказано, бараны?

– Тебе-то что, Лаврик? – удивился торговец фальшивой анашой.

Но «сифилитик» был более агрессивен:

– Что, блатняк, может, порежешь?!

– Могу и порезать, – нехорошо ухмыльнулся паренек. Он отложил книжку на нары, и в его руке неизвестно откуда и непонятно как вдруг появился сверкающий своим грозным великолепием настоящий финский нож.

Оба грабителя тут же отпрянули от Мики.

– То-то, бляди! Перетрухали, суки тыловые? – прохрипел безногий с орденом Славы и медалью «За отвагу». – Вшивота бздливая. Так их, Лаврик! Отрежь им ихние яйцы к свиньям собачьим…

– Сами сдохнут, сявки неученые.

Лаврик засунул нож за голенище сапога и подошел к Мике:

– Вставай, пацан. Айда на нары. Тебе прилечь надо.

Он поднял Мику с пола, попытался повести к нарам, но тот прошептал:

– Поссать бы где…

– Об что вопрос? Вот параша.

Он подвел Мику к горшку без сиденья. Мика с трудом расстегнул штаны, натужился со стоном. Моча не шла.

– О, ч-ч-черт… Что же это? – сгорая от стыда, прошептал Мика.

Лаврик крепко держал его сзади под мышки. Сказал рассудительно, со знанием дела:

– По почкам херачили. Отекло у тебя там все. Не трухай, расслабься. Постой немного – само пойдет.

– А жопу ты ему тоже будешь газеткой вытирать? – злобно закричал «сифилитик».

– Надо будет – вытру. А тебя, сучару подзаборную, заставлю эту газетку схавать. Ты какую больше любишь – «Казахстанскую правду» или «Известия»?

Но тут из Мики полилась кровавая моча. Он застонал.

– Я же говорил – по почкам, мусора вшивые, метелили, – покачал головой Лаврик.

⁂

Ночью, когда все уже спали, Лаврик тихо говорил Мике:

– Я не следак мусорной. Я – вор. Мне тут все ясно, как на барабане. В хату залепили скок те двое ваших кинщиков. И шматье помыли они же. А когда ныкали его на вашем заднем дворе, где-нибудь в ямке за забором, тут ты из окошка от своей пацанки и сквозанул! Родители заявились, что ли?..

Мика промолчал.

– Не колешься – твое дело. Уважаю. А дальше эти двое паскуд тебя увидели и стукнули. И ксиву на тебя накарябали. А следаку шматье до фени. Он его и искать не будет. Ему твоя сознанка нужна с подписухой. Вот они тебя и пиздили, как мартышку. Тем более что ты уже в Каскелене чалился. А это как наколка – не сотрешь, не смоешь. Тебя отмазать некому?

Мика вспомнил папиного старого приятеля – всемогущего Большого артиста – и сказал:

– Нет. Некому.

– Ничего. Твое дело – чистяк. Если выдержишь и сам на себя варежку не раззявишь, через неделю по воле ходить будешь, – закончил Лаврик и вместо подушки положил под голову свою толстую книжку.

– Что за книжка? – спросил Мика.

– «Дон Кихот Ламанчецкий», – уже сонным голосом ответил Лаврик. – Такой принципиальный кент был – офонареть можно!..

…И снились Мике Полякову странные, дивные сны…

Ну совсем небольшой и чудесный островок в синем-синем океане!..

Под босыми ногами очень мягкий и теплый песок…

Ласковая волна накатывает на берег тихо шипящей пеной…

Высоко в небе плывут пальмовые кроны на длинных, тонких, волосатых стволах…

А вдали неземной красоты белые домики…

И Мика пытается добрести по вязкому песку к этим домикам, но…

…больно ногам, болит спина, тупая ноющая боль растекается сзади по пояснице, уходит в живот, опускается ниже, туда – между ног… И мучительно хочется помочиться!.. И Мика понимает, что сдержать себя он больше не в силах!..

И просыпается.

Сползает с нар, еле доходит до параши и стоит над ней в сонном и болезненном оцепенении…

А потом из Мики выливается тонкая струйка коричнево-кровавой мочи, и боль в пояснице начинает ненадолго отступать…

Снова нары…

И опять тот же сон! Остров, океан, пальмы, а вдали белые домики…

И красивая Миля бежит ему навстречу!.. А за пальмой Живая Мама целуется с московским дирижером, и Мика страшно боится, что это увидит Папа!.. Вон он выходит из ближайшего домика!.. Боже мой, что же делать?! И как назло, ноги вязнут в теплом песке… Шагу не сделать!

Но самое страшное, что при всем этом невероятно хочется писать.

Нужно проснуться! Нужно немедленно проснуться!..

От беспомощности Мика начинает рыдать…

…и просыпается.

Снова стоит над парашей… Больно. Больно… Больно! Двадцатипятисвечовая лампочка еле-еле освещает камеру.

Пыльная, загаженная мухами лампочка тоже за решеткой…

Но все равно видно – моча стала светлее…

Вскарабкался на нары.

Проснувшийся Лаврик сует Мике «казбечину» в рот, откуда-то достает спички:

– Не плачь. Давай покурим.

Мика прикуривает:

– Я не плачу. Это, наверное, во сне…

⁂

Мику выпустили раньше, чем пророчил Лаврик.

В милицию примчалась разъяренная старуха Кульпан, всех обозвала фашистами и категорически отказалась разговаривать по-русски.

Ее переводчиком тут же оказался насмерть перепуганный ее племянник Нурумжан Нургалиев – начальник паспортного стола этой же милиции.

Вот тогда Кульпан и устроила на казахском языке дикий хай русскому следователю, который вел дело о краже в гостинице «Дом Советов»!..

На всю милицию она вопила, что «Мишька» ничего и ни у кого никогда брать не будет!!! А что он прыгал со второго этажа – так это была физкультура!.. Он и вверх ногами стоять может, и через голову переворачиваться!.. А откуда он прыгал – ей наплевать!.. Хоть с крыши! Она одно знает: в руках у него были только штаны, рубаха и тапки. Сандали называются… И все! И если ребенка сейчас же не выпустят, она пойдет в самый главный партийный комитет – там у нее второй племянник работает, – и тогда вся эта милиция завтра же на фронт уедет воевать с кем надо!..

Нурумжан подтвердил слова старухи. Его двоюродный брат товарищ Жантурин действительно работал в ЦК Казахстана большим начальником.

И от греха подальше Мику выпустили «за отсутствием состава преступления».

⁂

Однако уже решением жилищной комиссии ЦОКСа Мике больше не разрешили жить в гостинице и переселили его в общежитие. В бывший кинотеатр «Алатау». Совсем рядом с его звукоцехом.

Мика собрал вещи. Свои взял с собой, папины сдал в камеру хранения гостиницы и ушел.

По пути заглянул в дворницкую пристройку во дворе.

Усталая старуха Кульпан пила чай из большой пиалы, отщипывала кусочки лепешки.

– Эй, бола! Чай пить будешь? – спросила старуха. – Сахар – джок…

– Джок так джок. Могу и без сахара, – улыбнулся ей Мика.

Старуха плеснула чай в свою пиалу и подала ее Мике. Отщипнула себе от лепешки малюсенький кусочек, всю остальную лепешку пододвинула Мике.

– Кушай. Я уже.

– Спасибо, Кульпан.

– На здоровье кушай.

– Я не про чай…

Старуха не ответила. Видно было, как в ней закипала ярость. Мика прихлебывал чай, чувствовал, что старуху вот-вот прорвет.

– Не надо, бабуль. Все же обошлось, Кульпан…

– Как «не надо»?! Как жить дальше?! Сапсем нельзя!.. Я ей говору: «Мишька в турме! Беги, кричи, что ребенок у тебя в койке был, невиноватый он – весь ночь ты с Мишькой спал!..» А она говорит: «Какой ужас!» И все! Я говору: «Зачем ужас? Бежать надо, просить надо… Ты красивая, тебя слушать будут…» «Не могу», – говорит. «Муж», – говорит. «И еще один человек…» – говорит. Я говорю: «Ты – сука! Как ибаца с малчиком, так ты первый, а как… Сама твоему мужу расскажу!» А она плачет, денги мне давая. Я взял денги, плюнул в них, на пол бросил, тапочком растер и ушел… Кушай лепешку счас же! Сапсем плохой стал…

Мика замер с пиалой в руке, с куском лепешки во рту:

– Рассказала?..

– Чего «рассказала»?

– Мужу…

– Нет. Тебя боялся.

– Почему меня?!

– Ты сказал: «Заложишь – зарежу!»

И старуха захихикала, прикрывая беззубый рот коричневой сморщенной ладошкой.

⁂

В первый же месяц жизни в общежитии киностудии, в бывшем кинотеатре «Алатау», Мика Поляков схлопотал еще два привода в милицию.

Один раз, когда пропало все постельное белье у Симы Поджукевич, только что получившей похоронку на мужа и жившей с двумя детьми за тремя занавесками в самом углу зала, и второй раз – когда была взломана клетушка обувного отдела костюмерного цеха и похищены оттуда восемь пар почти новых кирзовых солдатских сапог.

В эти разы в милиции Мику не били. Наверное, боялись старуху Кульпан с ее вторым племянником цековским товарищем Жантуреным.

Но кричали на Мику, руками перед носом махали, стращали бог знает чем, чтобы сам сознался! Обзывали по-всякому, за шкирку трясли…

Продержали сутки и выгнали.

Во второй раз, казалось, – посадили накрепко. Да вот ведь незадача – отловили на рынке барыгу со студийными солдатскими сапогами! А тот возьми и скажи, поглядев на Мику:

– Не-е-е… Это – пацан. А те двое, у которых я сапожки брал, те – бычки. Им лет по двадцать. А то и побольше…

Барыге поверили. Он уже год «стучал» в ментовку. Как тогда говорили: «пахал на сдам с мусорами». То есть трудился совместно с милицией, которая закрывала глаза на его скупку краденого и берегла его как особо «ценный кадр».

Мало того, барыга вспомнил и простыни с пододеяльниками, которые приносили ему эти же два молоденьких бычка. Но постельное белье от него уже ушло, а вот кирзачей три пары еще осталось. Можете забрать, пожалуйста… Ему, барыге, по сотрудничеству с нашими замечательными органами, по дружбе ничего не жалко. Где наша не пропадала!..

Мику Полякова с великим сожалением вышвырнули из милиции, сопроводив трогательное прощание невероятно затейливым матом и таким пинком в зад, что Мика потом еще неделю сидеть не мог.

И опять-таки профсоюз ЦОКСа принял единственно справедливое и мудрое решение: «слушали-постановили» уволить микрофонщика М. С. Полякова с занимаемой должности в звукоцехе и в десятидневный срок выселить из студийного общежития.

В один момент четырнадцатилетний Мика Поляков лишился своей ничтожной заработной платы и надежды на какие-либо хлебные и продовольственные карточки.

Но вот милостивое предоставление ему аж десятидневного срока на поиски другого жилища показалось профсоюзу студии чрезвычайно гуманным и избавляло профсоюз от малейших угрызений совести…

⁂

Только после очной ставки с барыгой Мика понял, как тогда ночью был прав чистенький, аккуратненький Лаврик со своим «Казбеком», финским ножом и «Дон Кихотом» в следственном изоляторе.

Вряд ли кто-нибудь смог бы точнее описать Генку Оноприенко и Маратика Семенова, чем тот барыга, который называл их «бычками».

И они, эти два ничтожных актеришки, два паршивца-массовочника, двое мелких подлюг, не пожалевших даже Симы Поджукевич, у которой глаза не просыхали от полученной похоронки, ни ее маленьких детей, они, шакалье позорное, еще и Мику попытались «вломить»?! Ну погодите, падаль вонючая.

Знал Мика Поляков, помнил, ни на секунду не забывал, каким страшным оружием наградил его тот школьный удар головой о тяжелую дверь учительской…

Но вот ведь что дивно! Когда лупили по ногам, по почкам, когда ссал кровавой мочой, даже в голову не приходило воспользоваться этим своим УБИЙСТВЕННЫМ даром. И когда в последний раз, после очной ставки, совсем невиновного, пнули кованым ботинком так, что слезы из глаз брызнули, не повернулся, не шарахнул глазом в ответ, чтобы у того, кто ударил, в мгновение разорвалось бы сердце.

Значит, правильно понял он тогда в детдомовском воронке – ТОЛЬКО В САМОМ КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ!.. Только тогда, когда уже нет никакого другого выхода.

Мика вспомнил жалкую, толстую Симу Поджукевич, ее вечно замурзанных детей, еженощные рыдания Симы по убитому мужу и решил, что этот случай – уже КРАЙНИЙ.

Только взять нужно Маратика и Генку с поличным. Чтобы хоронили подонков, а не случайно погибших артистов…

Несколько ночей Мика провел в том же «Алатау» в павильоне для трюковых и комбинированных съемок, под декорациями фильма «Черевички», устроив себе уютное ложе из какого-то белого, мягкого и пушистого материала.

После первой же ночи все тело Мики покрылось пугающе красными пятнами, зудело и чесалось так, что можно было сойти с ума! Словно тысячи вшей напали на Мику и поклялись сожрать его заживо всего и без остатка. А что такое гниды и вши, Мика очень хорошо помнил еще по Каскелену…

Лихорадочно проглядывая все швы и складки вывернутых наизнанку брюк и рубашки, Мика не обнаружил ни вшей, ни гнид. Зато увидел сверкающую серебристую пыльцу, покрывавшую всю его одежду и тело. Это оказались микроскопические обломки «стеклянной ваты» – шумопоглощающего материала для строительства декораций или еще чего-то. А поначалу постель из этой ваты показалась Мике такой мягкой и ласковой!..

⁂

На базар повадился – рисовал военных инвалидов за полбуханки хлеба, за лепешку, за суп из военкоматовской столовки. Вина с инвалидами не пил, водку в качестве гонорара не принимал, чем заслужил большое уважение среди инвалидов-алкоголиков.

Да и с набросками своими не навязывался. Попросят – нарисует. Не попросят – сам узнает: «Можно вас порисовать?» Если «да», то рисовал бесплатно – для себя. Или так раздаривал…

На узбеков мантулил разгрузчиком. Те из Андижана дыни в Алма-Ату везли, из Намангана урюк, из Чирчика арбузы. А потом через черт-те сколько горных перевалов, через Таш-Кумыр, через Кара-Куль на Фрунзе, а уже оттуда напрямик в Алма-Ату. Потому что в Алма-Ате все в пять раз дороже! И народу «выковыренного» – как сельдей в бочке… В кабине – водила и хозяин груза. Прикатят на место, на алма-атинский базар, кому-то разгружать надо? А Мишка-художник тут как тут! Сильный пацан, тренированный, работает быстро, не ворует. И никогда не торгуется.

Но и Мишку обижать нельзя. Узбеки это теперь хорошо знают. Один раз какие-то наманганские ухари не заплатили ему. Так пришли,

приползли, приковыляли, на шарикоподшипниках приехали инвалиды базарные. С трясущимися головами от тяжелых контузий, с боевыми орденами и медалями вместо рук и вместо ног, с желтыми и красными нашивками за ранения. Бить торгашей не стали. Слова грубого не промолвили. Только взяли и весь товар – три тонны отборного золотого узбекского урюка – керосином облили…

А кто будет с рыночными инвалидами связываться? Никто. Потому что базарный военный инвалид в своей хевре, шобле, короче, в компании таких же, как и он сам, – это жуткая сила!

…Шел как-то Мика вот с такой работы, после разгрузки тяжеленных мешков с сухофруктами, через пыльный городской парк, еле ноги волочил. И все думал, как ему Маратика Семенова и Генку Оноприенко застукать на «деле».

Не себя – Симу Поджукевич с ее малолетками не мог простить им Мика.

И вдруг с веранды коммерческого ресторанчика прямо через перила перепрыгивает ему навстречу Лаврик! Белоснежная рубашечка с воротником-апаш, выпущенным на кургузенький, но ладный пиджачишко, брючки со стрелочками, сапожки блестят, а на голове кепочка-шестиклинка с пупочкой. А из-под кепочки чубчик – совсем слегка завитой.

– Айда посидим? – пригласил Лаврик. – Я там с марухой одной классной. Вместе похаваем, а потом к нам. У нее дом свой, патефончик… Я уже неделю у нее кантуюсь.

– Нет, Лаврик. Спасибо.

– Дать пенендзев? У меня тут с последнего дела пара косых завалялась.

– Не надо. Есть у меня. Отец должен скоро приехать. Заберет меня с собой.

– Куда? На фронт? – усомнился Лаврик.

– А хоть и на фронт. Он же при штабе армии… Устроюсь там «сыном полка» или еще кем-нибудь.

– Ну-ну… Я чего хотел тебе сказать, Миня: у меня сегодня с барыгой, которому твои кинщики шматье помытое сдавали, а потом ксивоту на тебя катанули, толковище было. Колонулся он, что они сегодня ночью должны ему товар притартать… Может, заложим их

мусорам заранее? Чтобы с поличным. Через того же барыгу. Я ему перо к боку приставлю – он чего хочешь для нас сделает.

– Нет. Я сам, – жестко сказал Мика.

– Или хари им расписать, чтобы доктора потом по чертежам не собрали? А то и зашмалять есть чем! – Лаврик незаметно огляделся, сдвинул в сторонку полу пиджачка. Почти у спины из-за брючного ремня торчала рукоятка пистолета «ТТ».

– Нет, Лаврик. Спасибо. Я один…

– Осторожней, Минька. Я их специально подкнокал у вашего «Алатау» – парнишки крепкие, сытые. Как бы они тебя…

Но тут Мика неожиданно так посмотрел на Лаврика, что тому даже на секунду нехорошо стало. На мгновение Лаврику даже показалось, что он видит тех двоих – крепеньких и сытых – УЖЕ МЕРТВЫМИ…

⁂

Рассудил Мика просто: раз Генка и Маратик обещали барыге товар приволочь ночью, значит, они не по общаге будут шуровать, когда все за своими занавесками дышат. Они камеру хранения будут брать!

После нескольких случаев воровства администрация общежития при «Алатау» соорудила на четвертом этаже, в бывшей кинопроекционной комнате, камеру хранения для особо ценных личных вещей проживающих. Чтобы хоть как-то уберечься от таких вот, как этот «отвратительный Мишка Поляков»! Ну кто бы мог подумать?! Из такой интеллигентной семьи… Господи, что война с людьми делает!..

Особые надежды возлагались на противопожарную железную дверь бывшей кинопроекционной. Заперли ее на огромный замок, а ключ отдали коменданту общежития.

Кому надо чего продать на балочке, чтобы сметанкой или колбаской ребенка побаловать, а то и обувку себе прикупить, тот зовет коменданта и под его надзором вытаскивает из своего чемодана кто старенький серебряный браслетик, кто хрустальную пепельничку, а кто и шубку котиковую!..

Мика так ясно представил себе, как Маратик и Генка взламывают замок бывшей проекционной, что даже сам испугался – не опоздал ли он?!

Еле дождался темноты, выполз из-под «своих» декораций, пробрался по пожарной лестнице на крышу, спустился через вентиляционную шахту на нужный этаж и занял наблюдательную позицию одним лестничным маршем выше камеры хранения.

Слабенькая лампочка освещала железную дверь бывшей кинопроекционной с огромным тяжелым замком.

…Часа через два, когда Мика, вымотанный нервным ожиданием, чуть было не задремал, снизу послышались осторожные шаги.

Мика дождался, когда Генка и Маратик отвернули замок фомкой – коротким ломиком со сплющенным и слегка загнутым концом, – открыли дверь камеры хранения, прошли туда, притворили дверь и зажгли там свет.

Тоненькая сверкающая ниточка света сочилась из-под прикрытой двери. Слышал Мика, как щелкали ломающиеся замки чемоданов, слышал лихорадочный шепот…

Что-то позвякивало, хрустело… Даже сдавленный смешок донесся до Микиных ушей.

Это рассмеялся Маратик. Мика только недавно видел один фильм, где в крохотном эпизодике Маратик Семенов изображал молоденького партизана и смеялся с экрана именно так, как рассмеялся сейчас!..

А потом Мика услышал, как Маратик спросил у Генки:

– Все?

А тот ответил:

– Погоди… Еще один «уголок» отворочу.

– Не унести, Ген… Тяжело будет.

– Ни хера, Маратик! Своя ноша не тянет, – ответил Генка.

Вот когда Мика почувствовал знакомую уже предвестницу УБИЙСТВА – резкую головную боль! Вот когда в полной мере ощутил дикий жар и услышал стук собственного сердца…

Толстая, рыдающая Сима Поджукевич с похоронкой в руке стояла у него перед глазами… А на Мику смотрели ее двое замурзанных, вечно голодных ребятишек.

Мика рывком распахнул дверь.

Увидел несколько растерзанных, выпотрошенных чемоданов…

Белые от ужаса лица Генки и Маратика…

Генка Оноприенко очнулся первым. Не вставая с чемодана, который они утрамбовывали коленями, осторожно нащупал на полу

фомку и медленно стал подниматься, Маратик так и остался сидеть.

А у Мики боль в висках и в затылке становилась уже нестерпимой и сердце стучало так, словно хотело вырваться из груди и поскакать по ступенькам!

Но несмотря ни на что, в этот раз Мика сохранял абсолютную ясность происходящего.

– Не двигаться, дешевки, – тихо сказал Мика и даже задохнулся от ненависти к этим двум… – НЕТУ… НЕТУ ВАС БОЛЬШЕ НА ЭТОМ СВЕТЕ!!!

Дикая, чудовищная сила, не знающая преград, вырвалась из темных глубин Микиного подсознания и почти целиком обрушилась на Генку Оноприенко, лишь малой частью задев сидящего на чемодане Маратика…

Генкины глаза мгновенно остекленели, в последнем смертельном вдохе открылся рот, и оттуда хлынула толстая струя Генкиной крови на пол, на чемодан, на Маратика Семенова, на все те чужие, для кого-то бесценные вещи, которые Генка Оноприенко так хотел украсть!..

Маратик выскочил из-под падающего на него УЖЕ МЕРТВОГО Генки и страшным, животным голосом завыл на все этажи спящего «Алатау».

⁂

Больше Мика Поляков никогда не переступал порога бывшего кинотеатра.

Он перетащил свои немудрящие пожитки в пристроечку при глинобитном складском рыночном помещении, куда обычно приезжие торговцы сгружали свой товар, а уже оттуда небольшими частями волокли его на прилавки.

Базарные власти на это закрыли глаза – не надо нанимать сторожа. Квартальный уполномоченный рассудил тоже мудро: пусть уж лучше этот Мишка будет всегда у него под руками. Случись чего – не объявлять же его во всесоюзный розыск?! А так он все время на глазах – то разгружает машины с дальними номерами, то помогает приезжим товар к прилавкам перетаскивать. И рисует классно! Недавно его – младшего лейтенанта милиции – нарисовал, ну просто вылитый!..

Через дней пять после «новоселья» заглянул к Мике вернувшийся «с гастролей» Лаврик.

– Уважаю, – сказал. – Давай работать вместе?

– Нет, Лаврик, – ответил Мика. – Спасибо, но скоро должен вернуться отец, я же тебе говорил… Хочешь, я тебя порисую?

– Не, Мишаня! Накося, выкуси… – рассмеялся Лаврик. – Мне светиться незачем. Что я – фраер? Я – вор. Мне свою личность лишний раз предъявлять без надобности. Слушай, чего расскажу…

…Генку Оноприенко похоронили где-то за городом. Так «уголовка» распорядилась.

Маратик Семенов остался наполовину живым. Одна сторона Маратика – мертвая. Не двигаются ни рука, ни нога, ни рожа с этой стороны! Ссытся и гадит под себя. Говорить не может и, как заявили врачи, уже никогда и не будет. Может только мычать или орать благим матом. Но тогда его скрючивает…

Пока лежит в психушке. Однако, видать, скоро сдохнет. Так что с этим все в порядке.

Нехорошо только то, что мусора до сих пор считают, будто Мишка тоже с ними был завязан…

Насчет писателевых шмоток из гостиницы «Дом Советов». Барыга волонулся и вернул потерпевшему портки и жилетку от желтого костюма. Никто не брал такого цвета…

А «лепень», ну «пиджак» по-вашему, ушел сразу же, вместе с остальным писательским барахлом. Хорошее шматье всегда в цене!

Да, и еще: консервы этого писателя-долбоеба, который первый на Мишку настучал, нашли. Банок сто! Зарыты были под забором, как он, Лаврик, и предполагал тогда ночью в камере.

– Теперь я за него спокоен, – усмехнулся Мика и вспомнил холеную физиономию Алексея Николаевича Ольшевского.

– Ничего не хочешь сказать мне? – осторожно спросил Лаврик.

– Да нет… Вроде бы и нечего.

– Уважаю! – Лаврик как-то странно оглядел Мику с головы до ног, словно не верил тому, что видит. – Больше скажу – ни в жисть не подумал бы… Железный пацан ты, Мишка. Кент что надо!

– Хочешь яблоко? – И Мишка протянул Лаврику спелый розовощекий апорт.

⁂

Наконец с фронта на пару дней вернулся в Алма-Ату Сергей Аркадьевич Поляков. В военной форме капитана, с усами!

Сдал отснятый фронтовыми кинооператорами материал в отдел обработки пленки и помчался разыскивать Мику.

Очень Сергей Аркадьевич был встревожен всем, что ему рассказали про Мику – и вор он будто бы неуловимый, и сколько бы его ни арестовывали, все равно выпускать приходится. Такой профессионал стал в этом ужасном для интеллигентного мальчика деле!..

Сергей Аркадьевич бросился в звукоцех. Слава богу, это было единственное место, где о Мике говорили хорошо и с жалостью. Не верили ничему, считали, что по отношению к Мике была совершена вопиющая несправедливость. И посоветовали Сергею Аркадьевичу поискать Мику на базаре – кто-то видел, как он сегодня помогал разгружать там какой-то фургон.

Сергей Аркадьевич побежал на базар. Но было уже поздно – солнце садилось в степь, а с гор на рынок наползали сумерки.

Пьяные инвалиды, в перезвоне медалей, вели толковище на пустынных рыночных столах, пили «Яблочное крепленое», матерились, старались перекричать друг друга, чтобы суметь рассказать про «себя» на войне, про «свое» ранение, про «свой» госпиталь, про всех «своих» баб и «своих» командиров!..

Редкие припозднившиеся продавцы уже убирали остатки своего товара, покидали рынок, опасливо обходя взвинченную «Яблочным креплеными» и своей безнаказанностью инвалидскую компанию. Ибо обычно после короткой истерики и крика «Я за тебя, суку, кровь проливал, а ты…» следовал взмах костылем и… Не было силы, способной противостоять такой грозной, изувеченной, нетрезвой и ни черта не боящейся шобле!

В отчаянии Сергей Аркадьевич бросился в самую гущу этих несчастных, пьяных, разнузданных, искалеченных войной одиноких людей, которым после фронта не оставалось места на этой земле. На земле, действительно пропитанной их собственной кровью…

– Чего, капитан, заблудился? – хрипато крикнул безногий, недавно сидевший с Микой в одной милицейской камере. Тот самый – с орденом Славы и медалью «За отвагу».

– Сына ищу, – дрожащим голосом проговорил Сергей Аркадьевич. – Он сегодня тут чей-то фургон помогал разгружать…

– А ты не из мусоров будешь?! – крикнул второй инвалид и отхлебнул из бутылки.

– Не! Тех я всех знаю, – усмехнулся безногий.

– Я только сегодня с фронта… И вот… – Сергей Аркадьевич вдруг неожиданно для себя всхлипнул и тут же ненатурально закашлялся, чтобы скрыть свою секундную слабость.

Инвалиды замерли. В упор смотрели на пожилого усатого капитана.

Потом один безрукий тихо спросил безногого, так, чтобы Сергей Аркадьевич не слышал:

– Мишка-художник, что ли?

– Угу… – так же тихо ответил безногий.

– Так он у чирчикских узбеков кавуны разгружает, – наклонившись к безногому, шепнул третий инвалид.

– А то я, ебть, не знаю?! – оскорбленно прохрипел безногий и громко спросил у Сергея Аркадьевича: – Твоего-то как зовут, капитан?

– Мика… То есть Михаил. Миша… Поляков.

Инвалиды переглянулись. Кто-то протянул Сергею Аркадьевичу бутылку «Яблочного крепленого»:

– Хлебнешь, капитан?

Сергей Аркадьевич благодарно и не чинясь сделал глоток из горлышка, вернул бутылку и спохватился:

– Господи! Да что же это я?.. – Открыл свою командирскую полевую сумку, вытащил оттуда бутылку водки, запечатанную белым сургучом, так называемую «белую головку», протянул ее инвалидам: – Возьмите, ребята.

Наступило гробовое молчание. Пауза затянулась. Наконец один хмыкнул и сказал:

– Ладно тебе, капитан. Спрячь. С пацаном встретишься – с ним и выпьешь.

– Мишка не пьет! – твердо заявил безногий с орденом Славы третьей степени и медалью «За отвагу». – Становь пузырь на лавку, капитан, и айда за мной! Счас мы разыщем твоего Мишку…

И безногий, не оглядываясь на Сергея Аркадьевича, быстро покатил на своей убогой деревянной площадочке с шарикоподшипниковыми колесиками, прямо через весь опустевший рынок к какому-то саманному строению под тростниковой крышей,

около которого стоял крытый фургон, смонтированный на грузовике ЗИС-5.

С гулко стучащим сердцем Сергей Аркадьевич еле поспевал за безногим, глядя, как ловко отталкивается тот колодками на манер штукатурных мастерков с ручками. Для лучшего зацепления с земной поверхностью снизу «мастерки» были обиты кусками старых автомобильных шин с глубоким протектором…

⁂

Под тростниковой крышей – арбузы, арбузы, арбузы…

За колченогим столиком старый узбек в толстых очках и белой от соли пропотевшей тюбетейке щелкает на счетах, записывает в ученическую тетрадку одному ему ведомые цифры…

В кабине грузовика с фургоном спит умаявшийся шоферюга. Тюбетейка закрывает лицо. Видны из-под тюбетейки только черный ус и наголо обритый затылок…

Из пустого разгруженного фургона тянет прокисшим арбузным соком. Видать, не выдержали несколько штук перегона из Ташкента в Алма-Ату, лопнули, протекли. А тут – жара несусветная!..

За глиняным сараем с арбузами на пустых ящиках из-под яблок сидят Сергей Аркадьевич Поляков и Мика.

Курят папироски среднего комсостава «Норд».

На соседнем ящике Мика расстелил свою темную от пота рубашку – пусть сохнет. Пальцы дрожат от усталости. Шутка ли, вдвоем с водилой фургон разгрузили – четыре тонны арбузов.

– Боже мой… Что это с тобой? Где это тебя так? – со щемящей жалостью спрашивает Сергей Аркадьевич и оглядывает жилистого, исхудалого, вытянувшегося Мику с большими натруженными кистями рук.

– А-а-а… – Мика равнодушно машет рукой. – Плюнь, па. Не обращай внимания. Это скоро пройдет.

Но Сергей Аркадьевич не может отвести глаз от Микиной спины – вся в кровоподтеках и ссадинах. Да и бровь рассечена – в последний привод блатники в камере драку затеяли. Чуть совсем не пришили. Еле-еле отмахался. Да еще именем Лаврика припугнул…

– Бедненький мой сынуля!.. Как я счастлив видеть тебя…

– Папочка… – Голос у Мики сорвался. – Папочка!.. Ты только забери меня отсюда!.. Мне здесь так плохо…

– Но как?! – тоненьким голосом в отчаянии восклицает Сергей Аркадьевич. – Первый же комендантский патруль, который пойдет по вагонам, заберет тебя, и я ничего не смогу для тебя сделать!..

– Но я же твой сын, папа!

– Сыночек, любимый мой!.. У тебя нет ни пропуска, ни командировочного предписания!.. Микочка! Родной мой… Пойми, сынуля… Это выше моих возможностей… Прости меня, бога ради!..

– Но я же твой сын, па…

– Скоро снимут блокаду… Я вернусь в Ленинград и сразу же пришлю тебе вызов!.. И мы снова будем жить вместе! Разыщем Милю…

Сергей Аркадьевич чуть не плакал. Он не верил ни одному своему слову – и блокаду снимут не скоро, и кто знает, попадет он сам в Ленинград или нет?..

Но сейчас эта мысль о вызове показалась ему спасительной.

– Сразу, сразу, сразу же я пришлю тебе вызов, сыночек мой единственный!..

Впервые в жизни Мика увидел своего отца таким слабым и беспомощным. Еще более беспомощным и жалким, чем тогда, когда Мика с температурой сорок отмывал бесчувственное пьяное тело Сергея Аркадьевича от мочи и блевотины.

Тогда в беспробудном и трагическом запое Сергея Аркадьевича была хоть какая-то иллюзорная попытка сопротивления судьбе, а тут…

– Куда?.. Куда ты пришлешь вызов? – обреченно спросил Мика.

– Где бы ты ни был – я тебе сразу же туда и вышлю, – быстро проговорил Сергей Аркадьевич.

– А пока? – горько усмехнулся Мика и глубоко затянулся.

– А пока я оставлю тебе все деньги, которые у меня есть… Я привез тебе американских консервов, шоколад… Тоже американский. И настоящие английские солдатские ботинки. Такие высокие… Они у нас «Черчилли» называются. – И Сергей Аркадьевич попытался улыбнуться Мике.

Вот тут Мика окончательно понял, что снова остается один.

Он помолчал, низко опустив голову, выронил из обессилевших пальцев окурок, растер его о землю ногой и поднял на отца глаза, полные слез…

И в последний раз тихо спросил:

– А с тобой мне никак нельзя, папочка?..

⁂

Впервые Мика Поляков вместе с Лавриком «залепили скок», или, точнее, «взяли хату», заведующей городским отделом торговли товарища Ергалиевой Зауреш Мансуровны.

Микина «премьера» состоялась лишь в конце октября, когда Лаврик наконец уверовал в добротный результат полуторамесячного обучения Мики премудростям тонкого и опасного ремесла.

Как и полагается «премьерам», состоялась она не поздним и не по-осеннему теплым вечером, когда Зауреш Мансуровна находилась на затянувшемся заседании горкома партии по поводу предстоящей знаменательной даты Великой Октябрьской революции в такую тяжелую для страны военную пору.

В эти дни отделу торговли отводилась важная роль комплектования дополнительных праздничных пайков из продуктов высшего качества для высшего руководства города и особо высокопоставленных эвакуированных товарищей высшего эшелона науки и искусства.

На «хате» у товарища Ергалиевой З. М. взяли хорошо. Не слабо.

Брали только «наличняк» и «рыжье». То есть деньги и золото. И никаких шмоток!

Хотя там были и чернобурки первоклассные, и каракульча отборная, и бархатно-парчовое барахло разное. А уж обуви – лет на триста! Носить – не износить…

Ни к чему не притронулись. Все барыги стучат в уголовку, платят гроши, дескать, «а куды ты денешься, голубь сизокрылый?..», и поэтому с самого начала союза Мики и Лаврика было решено: с барыгами – никаких дел.

А «наличняк» есть «наличняк»… И золотишко сдать зубным техникам или врачам – дело самое разлюбезное. Их сюда со всей страны понаехало – тьма-тьмущая! Вся Средняя Азия тогда хотела иметь золотые зубы. И мужики, и бабы. Пацаны из местных богатеньких семей обтачивали у докторов свои молодые здоровые клыки, ставили на них золотые фиксы. Коронки такие… Потом ходили, не закрывая рот, слюной цыкали так, чтобы фикса была видна.

Пацаны, кто победнее, надевали медную коронку, «косили под блатных». Коронка зеленела по краям, и бедных мальчишек

выворачивало наизнанку от купоросного отравления.

…В Алма-Ате «рыжье» Зауреш Мансуровны решили не сдавать. Береженого бог бережет.

Поехали поездом за двести шестьдесят километров в Талды-Курган. Там «отоварили» одного бердичевского пожилого дантиста, как он сам себя называл, получили денежку, сели на автобус и поехали в Алма-Ату через Капчагай.

В Капчагае тормознулись на денек, пригляделись, что к чему, покрутились до вечера, стараясь никому не мозолить глаза, а под утро «взяли хатку» директора правительственного рыбсовхоза Капчагайского водохранилища. «Хатка» была в три этажа, в глубине сада, а сад был огорожен забором. Между забором и «хаткой» гуляли два жутких кобеля неизвестной породы.

Эти стражи директорского спокойствия очень странно отреагировали на появление Мики и Лаврика на их пространстве – между забором и домом. На Лаврика они просто не обратили внимания, а к Мике лезли целоваться, отпихивая друг друга.

Лаврик это как увидел, так сразу же за голову руками схватился и слова не смог вымолвить. А Мика, тоже несказанно удивленный, только пожал плечами и погладил псов по мордам. Те просто ошалели от счастья!

Накануне директор рыбсовхоза так набуздырялся со всей своей семьей и семьей военкома города по случаю полной отмазки старшего сына от призыва в действующую армию, что и ухом не повел, когда Мика на крепкой веревке опустился с крыши в открытое окно второго этажа, прошел через все комнаты, где храпели счастливые члены семьи отмазанного, спустился на первый этаж и бесшумно открыл Лаврику входные двери директорского дома.

Воровская примета, как, впрочем, и все приметы, была основана на опыте народа и на его же народной мудрости. Она гласила: «Деньги прячут в платяном шкафу на полках со стопками чистого постельного белья – под или в середине стопки, с правой стороны. Золотишко и камушки – в цветочных горшках. В земле или на самом дне, под землей».

Кстати, все золото, добытое в недрах роскошной квартиры заведующей алма-атинской торговлей, было извлечено из цветочных горшков с подлинно народным казахским орнаментом!..

То же самое произошло и с мудрым директором Капчагайского рыбсовхоза. Цветы в горшках у него не водились, а вот деньги были надежно спрятаны в платяном шкафу, на полках чистого постельного белья, в самой середке, между простынями и пододеяльниками. Именно справа. Ибо директор был, как и большинство людей на земле, правшой. Так какой рукой он укладывал под белье свои «рыбные» сбережения?.. Правильно!

Оба раза примета сработала безотказно, что позволяло прочно уверовать в несокрушимую силу и мудрость народа. В том числе и воровского…

На смену естественному волнению и страху неожиданно пришло неестественное состояние опьяняющей безнаказанности! Мика совсем обнаглел: зашел на кухню, взял с плиты большой казан с остывшим бешбармаком – наваристым бульоном с плоскими кусками вареного теста и баранины и вышел в сад.

Псы при виде Мики хотели было залаять от радости, но Мика только посмотрел собакам в глаза и отрицательно покачал головой. И собаки молча облизали Мику, виновато поджав хвосты. А Мика поставил перед ними казан, погладил их и под благодарное собачье чавканье быстро перемахнул через директорский забор. Пораженный Лаврик последовал за ним.

…Упиханные пачками денег, полученными от бердичевско-талды-курганского дантиста и «экспроприированными» у счастливого директора Капчагайского рыбсовхоза, Мика и Лаврик, невыспавшиеся, издерганные ночной нервотрепкой, катили в Алма-Ату первым же утренним автобусом.

– Мишаня… А как это ты?.. С волкодавами? – с интересом спросил Лаврик и прищурился, глядя на Мику.

Мика и сам недоуменно пожал плечами, ответил через паузу:

– А ч-ч-черт его знает… Понимаешь, я просто ОЧЕНЬ ЗАХОТЕЛ, чтобы они не залаяли…

⁂

А дальше пошло-поехало!..

И ведь действительно «поехало». Стали выезжать на гастроли в другие города, подальше от Алма-Аты. В Чимкент, в Джамбул, в Кентау…

Очень полюбилась Арысь. Такой узловой военно-тыловой госпитально-железнодорожно-эвакуационный перекресток. Начальства там жило – хоть отбавляй!.. Каждый хапал, как мог и сколько мог. Ну просто грех было такого не «обнести».

Однажды добрались даже до Семипалатинска, где километрах в пяти от городской черты, на берегу Иртыша, стояли тщательно охраняемые коттеджи партийно-хозяйственного актива области. «Тряхнули» их – немерено! Но и отрываться пришлось со взмокшей задницей. Чуть не перестреляли, как куропаток!..

Зато на обратном пути, в Усть-Каменогорске, шикарно «взяли» всю трехдневную выручку закрытого продовольственно-промтоварного распределителя для ответственных работников города и прилегающих к нему районов. Спокойненько, без шума, без стрельбы – то, что доктор прописал… Мика поболтал с охраной, как-то странно, по-своему, на них посмотрел – они и отключились. Слава богу, не до смерти. Хотя Мика потом почти всю ночь плохо себя чувствовал: голова болела, тошнило, температурил…

Передвигались на всех видах транспорта того времени – от мягкого вагона еле волочащегося пассажирского поезда до несущихся платформ воинских эшелонов. От грузовых, полуторок и автобусов до транспортных самолетов Ли-2…

Перешерстили за полгода уж совсем дальние районы – Караганду, Темиртау, Аркалык.

В Алма-Ату всегда возвращались к Лавриковой «марухе» – Лильке Хохловой. У той свой деревянно-саманный домик на Курмангазы, в глубине квартала, за спинами пятиэтажных каменных многоквартирок. И садик маленький с яблоками у Лильки свой, и никто ее не трогает, как вдову погибшего воина Гвардейской Панфиловской дивизии, и никто не указывает ей, как и с кем жить вдове дальше…

А вдове всего-то двадцатый год! Выскочила за Серегу Хохлова в шестнадцать – как только паспорт дали, сразу же после «ремеслухи» и практики на камвольном комбинате. А уже в девятнадцать стала вдовой. И домик этот унаследовала. Хоть он и принадлежал когда-то родителям Сереги. Они после «похоронки» на Серегу в Гурьев переехали.

А что постояльцев к себе пустила, так вон в Алма-Ате крыши нет, под которой не жили бы посторонние люди. А куда им деваться? Война… А ейные ребята платят исправно, не безобразят, курят только в садике, в доме – ни-ни, а кто они такие, чем занимаются, ей, Лильке Хохловой, вдове героя-панфиловца, погибшего под Москвой, без разницы. Все чин-чинарем, все по закону.

Вот такая была легенда, где каждое второе слово было чистейшей правдой. Это на всякий случай. Если кто поинтересуется.

Еще до вселения Лаврика в Лилькин домик и уж совсем задолго до появления там Мики Полякова к бывшей невестке из Гурьева приезжали неутешные Серегины родители. Привозили рыбу – соленую, копченую, вяленую. Икру осетровую…

На второй раз отец погибшего Сереги заявился один. Напились они вместе с Лилькой на помин души погибшего Сереги-героя, а потом «батя» стал к Лильке под юбку лезть. Та ни в какую! Тогда он пообещал ей этот домик насовсем отписать. Лилька, не будь дурой, тут же и заставила его сочинить эту бумажку в лучшем виде и по всей форме. Ну а потом, само собой, переспала с отцом своего погибшего муженька. И, надо признать, с огромадным удовольствием!

Такой крепкий мужик оказался! Совсем Лильку загонял… Покойному Сереге рядом со своим папашкой в этом сладком деле рядом не стоять. До утра тесть не слезал с Лильки – то так ему подавай, то этак…

Лилька тогда и не знала всех этих приемов, которыми Хохлов-старший невестку охаживал. Ох уж эти гурьевские… И чего они такие здоровые?! С икры осетровой, что ли?..

А Лаврика она сразу полюбила. Как увидела на танцплощадке под звуки «Рио-Риты» в городском парке, который потом стал называться «Парк имени двадцати восьми героев гвардейцев-панфиловцев». Немного длинновато, но торжественно. А для Лильки особенно…

Ей в Лаврике все нравилось. И голубые полоски тельняшки из-под беленькой рубашечки-апаш. И пиджачок в талию. И дорогие хромовые сапожки в гармошечку с вывернутым поднарядом.

И обхождение – нежное, без привычного матерка, без непонятных блатных словечек. Уважительное – ресторанчик в парке, кафе в Оперном театре. И воровская таинственность, и подарочки маленькие, но очень ценные – часики золотые, колечко старинное с драгоценным

камушком… Хоть и понимала Лилька, что не купленное это, а краденое, все равно любила Лаврика всей душой и, конечно, самое главное, всем своим молодым и крепким телом! Потому как Лаврик был не скаковой жеребец пополам с ненасытным кобелем вроде «бати» из Гурьева, а ласковый и внимательный к ейным чувствам и желаниям, очень чуткий, молодой и тоже очень крепкий человек!..

Жутко нравилось Лильке, что их вместе с Лавриком на танцах даже знакомые пареньки стороной обходили. Хотя в общественных местах Лаврик вел себя всегда приветливо и никогда по пустякам «права не качал». Но все в парке знали, что за голенищем хромового сапожка Лаврика есть большой финский ножик. И если что, он его вытащит, не раздумывая ни одной лишней секунды.

Но, что уж совсем невероятно, Лаврик помогал Лильке по хозяйству, как мог. Даже когда нужно было починить обвалившийся угол саманного забора, по-ихнему, по-казахскому – «дувала», так Лаврик сам саман готовил! Сам вырыл в саду ямку глубиной с полметра, величиною с кухонный стол, навел там глину и давай ее месить босыми ногами. Лилька только успевала рубленую солому ему под ноги подсыпать!..

Лаврик все это до седьмого пота давил и перемешивал. А иначе как саман сделаешь? Только потом, до полного изнурения. Но чтобы мужик в этих краях саман на обмазку дома или починку дувала сам готовил – неслыханно! По здешним законам саман – дело бабское. Надрываются, как лошади в пахоту, месячные у них вразнобой начинают идти, а то и вовсе прекращаются, и теряет баба способность ребеночка родить, а потом мужик ее за волосы таскает – дескать, ты, стерва бесплодная!.. И к другой уходит. Нет того чтобы самому саман-то перемесить, не подвергать женщину таким мучениям…

Недавно вернулись они с Мишкой из «командировки», Лаврик положил перед Лилькой много денег на стол, самыми большими купюрами, пачка толщиной с его любимого «Дон Кихота», и говорит Лильке:

– Кисуля, ты эти денежки не прячь… Купи чего-нибудь, как говорится, для дома, для семьи. Может, чего из мебелишки, Лилек, а? Мишаня вон на какой продавленной кушетке у нас спит. А ему хорошенько отдыхать надо… Купи ему диван хороший. Да пошире – мало ли кто ему под бочок подкатится. И не торгуйся. Людям и так

жить тошно. А если они с тебя лишнюю стоху снимут – им в радость, а нам не в убыток. Надо будет больше – скажи. Какие вопросы?!

Только одно в Лаврике ей не нравилось. Уж больно много читает. Это же просто свихнуться можно. Чуть свободная минутка – за книжку, а потом с Мишкой про эту книгу разговоры разговаривают, спорят. Мишка ему чего-то доказывает, Лаврик кипятится…

Лилька попробовала раз почитать какую-то Лаврикову книгу – на третьей странице голова разболелась. То ли дело патефончик. Заведешь, пластиночку поставишь, а оттуда:

«…И тогда с потухшей елки Тихо спрыгнул ангел желтый И сказал: «Маэстро бедный, Вы устали, вы больны… Говорят, что вы в притонах По ночам поете танго…»

Кстати, Лилька его недавно на базаре видела. Ну, этого, который с пластинки про ангела поет… Опять же Лаврик ей его показал. Такой умный – все знает!

Лаврик и вправду знал многое и многих.

С самого начала союза с Микой Поляковым вся разработка «нового адреса» всегда принадлежала Лаврику. Он и «Клиента» вычислял и наблюдение сам за ним вел: когда приходит, когда уходит, состав семьи, все подходы к дому, все пути отступления, возможная планировка комнат…

Вот тут ему однажды совершенно неожиданно очень помог Мика. В Чимкенте он как-то задумчиво постоял около дома, куда они собирались «скок залепить», а потом, обедая в привокзальной столовке, взял и нарисовал всю квартиру начальника транспортного отдела местного горисполкома – первостатейного и очень богатого жулика.

То есть сделал самый настоящий план уютного начальственного гнезда. С точным расположением комнат, с местами захоронения ценностей, со входами и выходами и с «черной» лестницей, о существовании которой не знали даже домочадцы начальника. Он ее соорудил, когда семья была летом на Иссык-Куле. Чтобы никто с улицы не видел, кто в сумерках к нему приходит – баба или «нужный человечек» с «сармаком». Со взяткой. Если переводить с южно-блатнякового. Нужно было только шкаф в детской отодвинуть в сторонку – за ним сразу дверь на потайную лестницу. А дальше

длинный-длинный проход по заброшенной водопроводной штольне – аж на другую улицу!

Всех четверых, которые это строили, начальник чимкентского транспорта благополучно сдал на фронт. Чтобы языком зря не трепали. Троих вот уже убили. Авось и четвертого шлепнут. Война теперь, видать, не скоро кончится…

И когда Лаврик с Микой именно этим тайным путем попали в «хату», то еле в себя пришли – так Мика все точнехонько нарисовал! Будто родился и вырос в этой квартире. Причем удивление Мики было ничуть не меньшим удивления Лаврика.

– Странно, да?.. – потом говорил Мика Лаврику. – Я ведь только представил себе, как может жить этот жлоб. И мне почему-то все стало так ясно…

Благодаря этому плану находились в квартире начальника транспортного отдела всего минут десять, днем, когда начальник, отвечая на государственный вопрос «А чем ты помог фронту?», метал громы и молнии в своем служебном кабинете, а жена с разведенной дочкой и внуками отоваривалась в закрытом исполкомовском распределителе.

Зато взяли столько, сколько нормальному человеку за сто лет не заработать!

– Хочу быть начальником транспортного отдела, – усмехнулся Лаврик, аккуратно укладывая в обычный солдатский вещмешок деньги и золото, добытые хозяином квартиры при тяжелой, тщательной и опасной разработке богатейших природных недр своего отдела.

Мика не ответил на шутку. Голова побаливала, вялость разливалась по всему телу. Все как всегда, когда Мика сталкивался с необъяснимыми странностями проявления своей психики.

⁂

Если же Лаврик в силу своего опыта и воровского таланта был естественным лидером в этом дуумвирате, то и Мика не ограничивался лишь исполнительскими функциями с достойным применением своих спортивных способностей – мгновенно забраться на крышу пятиэтажного дома, перепрыгнуть на балкон с толстой ветки дерева, так удобно затеняющего окна квартиры от палящего казахстанского солнца, и подобные штуки, которые Лаврик очень высоко ценил в Мике. И всячески поощрял занятия Мики в секции гимнастики при

Казахском государственном медицинском институте, когда они отсиживались после своих «командировок» под ласковой крышей Лильки Хохловой…

В мединститут Мика бегал тренироваться у Салима Ненмасова – татарина ленинградского розлива, мастера спорта СССР по гимнастике, бывшего ученика того же самого Бориса Вениаминовича Эргерта, первого Микиного тренера еще в ленинградском Дворце пионеров.

Это очень сблизило четырнадцатилетнего Мику Полякова и двадцатисемилетнего Салима Бакиевича Ненмасова, заведовавшего кафедрой физкультуры и спорта Казмединститута и проживающего там же – в небольшой комнате при спортзале, где раньше хранился спортивный инвентарь.

Красивый и ласковый, как кот, татарин огулял в этой комнатке чуть ли не всех студенток института, а на стороне переспал с невероятным количеством актрисуль театра, эстрады и кино самого широкого возрастного диапазона. Его имя Салим в дамской среде эвакуированной Алма-Аты произносилось как некое обобществленное понятие плотских утех и наслаждений.

На Мику же Полякова Салим просто не мог нарадоваться. Какой прекрасный и смелый пацан! Какой координированный, как мгновенно овладевает новыми элементами, которые не под силу даже взрослым!.. Если бы не война – быть ему через пару-тройку лет чемпионом Советского Союза!

Жаль только, что Мика все время куда-то исчезает и вынужден пропускать тренировки. Иногда неделями. Зато возвращается всегда с какими-нибудь подарками. То куртку летную американскую из настоящей желтой кожи Салиму подарит, то свитерок новенький. Не заискивая, не подлизываясь – просто так. По дружбе.

Когда такое произошло в первый раз, Салим строго спросил:

– Ты где это взял?

– Купил, – ясно глядя в глаза Ненмасову, ответил Мика. А он действительно купил эту куртку на рынке в Кентау.

– На что? – еще строже спросил Салим Бакиевич.

– Бабаев аульных рисовал. Наброски продал – и купил.

– Ох, Мишка!.. – вздохнул Салим и надел на себя куртку. Только вот никак Салим понять не мог, где его Мишка живет, на что вообще

существует. Ну раз нарисовал – продал. Ну второй. В третий раз нарисовал – а у тебя ни хрена не купили. Как жить?

Одет он всегда отлично…

Так вот. Насчет одежды.

Говоря о том, что в союзе с Лавриком Мика не ограничился только своими спортивно-исполнительскими возможностями, следует заметить, что на Микины плечи легла ответственнейшая задача – найти тот самый подобающий внешний облик их пары, который ни у кого не мог бы вызвать ни малейшего подозрения.

Ах, как трудно было Лаврику расставаться со своим коротеньким пиджачком, с хромовыми сапожками, с кепочкой-шестиклинкой… Со всем своим блатняковым видом и образом. И чубчик Мика буквально умолил Лаврика больше никогда не завивать.

Мика даже эскизы предполагаемых костюмов рисовал. Во что они должны быть с Лавриком одеты, чтобы вызывать у окружающих максимум доверия и доброжелательности. И вообще, кем они должны казаться всем, кто с ними впервые сталкивается или хотя бы мимолетно скользнет по ним глазом? Официанткам в столовках, милиции железнодорожной, киоскерам из пристанционных будок «Союзпечати», военным патрулям, обычным прохожим, билетным кассирам, торговцам толкучек, где они покупали себе хорошие шмотки…

А уже под выбранный «образ» – заделать себе толковую ксиву. Чтобы комар носа не подточил!

И «по фене не ботать»! Вот как с Лилькой – Лаврик же словечка блатного не вымолвит… А уж если невтерпеж – только один на один.

Так Мика Поляков стал учащимся средней художественной школы при Академии художеств СССР, эвакуированной хрен знает куда, а пребывание М. С. Полякова в местах абсолютно противоположных вышеназванной академии объясняется его метрикой и справочкой, в которой четко и ясно написано: «Сбор художественного материала для альбома „Героические военные будни далекого тыла”».

Лаврик превратился в «разъездного представителя заготовительно-закупочной конторы Сарайгирского района Уфимской области». Это на случай, если заметут с большой суммой денег на руках. Пока, тьфу-тьфу, бог миловал…

Паспорт, демобилизационное удостоверение и справка, что такой-то и такой-то «…был комиссован врачебной комиссией эвакогоспиталя такого-то в связи с проникающим штыковым ранением с последующим необратимым поражением функций правого легкого».

У Лаврика на груди был очень даже подходящий для этого шрам от прошлогоднего блатного «толковища» с залетными ворами. А штык это немецкий, или «финарь», или родная российская «заточка» – поди разберись…

Документы были изготовлены классно и стоили много денег.

– За такие ксивы – никаких пенендзев не жалко! – сказал Лаврик, с удовольствием разглядывая документы. – Король фальшака!

А потом предложил «убрать» мастера-изготовителя. Чтоб молчал. Но Мика этому воспротивился. Просил оставить в живых.

– Ох, Мишаня, рискуем!.. – вздохнул Лаврик. – Все, кто на нас работает, – те же барыги. Как только чуток прижмут – обязательно стукнут! Ну смотри… Может, ты какое петушиное слово знаешь?..

Мика пошел поболтать с «королем фальшака». Даже от чая предложенного не отказался. Вприкуску.

А потом глянул на «мастера», как тогда в Каскелене на «кума» – энкавэдэшника, потер виски пальцами, словно хотел избавиться от внезапной головной боли, и «мастера», талантливого, хитрого и очень осторожного человека средних лет, вдруг охватила такая паника, такой леденящий кошмар, что он чуть сознания не потерял!

Он, словно со стороны, увидел самого себя, уродливо и бездыханно валяющегося среди бланков удостоверений, военкоматовских справок, продовольственных и промтоварных карточек, забрызганных ЕГО кровью, среди штихилей, карандашей и кисточек из настоящего китайского колонка, пишущих машинок с разными шрифтами, небольшого типографского станочка…

Увидел себя МЕРТВЫМ, с перерезанным горлом, и с ужасом увидел на своем горле страшную, чудовищную, черную от запекшейся крови рану – от уха и до уха… И в ней, в ЕГО ране, в ЕГО горле, уже копошились большие сине-бронзово-перламутровые мухи…

А напротив него, через стол, сидел и прихлебывал чай четырнадцатилетний мальчик с тонким интеллигентным лицом и, похрустывая кусковым сахаром, негромко спрашивал:

– Вы ведь никогда больше нас не вспомните, правда?..

⁂

Но если вернуться к тем уже далеким временам, когда они с Лавриком «обнесли» дом счастливого директора Капчагайского рыбсовхоза, а потом сразу же вернулись в Алма-Ату, было бы справедливым заметить, что Мика Поляков взял часть денег из своей доли и сразу же поехал на базар.

Там Мика накупил фруктов и разных привозных узбекских сладостей, отловил какого-то бездомного босого пацана лет двенадцати, скормил ему буханку хлеба с кумысом и стал таскать его с собой по всей вещевой барахолке. Все примеривал на него разное пацанское шматье – получше и подороже. Накупил целую охапку портков, рубашек, курточек, обувки…

Заодно и этому базарному пацану-манекену подфартило – Мика ему почти новые ботиночки спроворил недорого.

Покурил со знакомыми инвалидами. С великим огорчением узнал, что Николай Трофимович – так, оказывается, звали безногого – умер по пьяни. Захлебнулся в собственной рвоте, и откачать не успели…

Узнал, что отец его – Сергей Аркадьевич – снова здесь появлялся. Уже майором. Все искал его – Мику. А кто скажет? Кто знает? Так и ушел ни с чем.

На прощание Мика подарил инвалидам две бутылки «белой головки», но пить, как всегда, вежливо отказался. И попрощался, предварительно спросив, где похоронен Николай Трофимович – безногий кавалер ордена Славы и медали «За отвагу».

…На следующее утро собрался в Каскелен.

Добирался туда на попутках, а там уже, чтобы не лялякать языком с охраной – кто, да что, да зачем, сразу же пошел в райком комсомола, к тому второму секретарю-уйгуру с дыркой в животе от немецкой пули. А тот уже не второй секретарь, а первый. Еще лучше!

Уйгур сразу вспомнил «Мишку-художника», обрадовался, позвонил новому заведующему детдомом для трудновоспитуемых подростков, чтобы пропустили Мику на территорию. А старый заведующий еще до майских праздников от туберкулеза загнулся.

– Слышали про тебя, слышали, – завистливо сказал комсомольский секретарь. – В кино работаешь, артистов живых видишь!.. Когда назад, в город?

– Я на часок всего, – ответил Мика. – Наладчика одного повидать. Привез ему кое-что. Может, пригодится…

– Вот и хорошо! – обрадовался комсомольский вождь Каскелена. – Я как раз в Алма-Ату в обком комсомола наладился. На совещание вызывают. Могу и тебя захватить.

– Спасибо.

– Значит, так, – секретарь посмотрел на часы, – ровно к двум я за тобой к проходной подъеду. Идет?

– Еще как! – улыбнулся ему Мика. Этот уйгур ему всегда нравился.

…Встреча с Валеркой была мучительной и тягостной.

Валерка рыдал в голос, умолял Мику забрать его отсюда! Все шмотки, которые ему Мика привез, отпихивал, разбрасывал, орал, что ему ничего не нужно – только бы уехать отсюда вместе с Микой… Не притронулся ни к одному яблочку, ни к кусочку колбасы. Даже хвостика от сушеной дыньки не попробовал!..

Кричал, захлебывался слезами, клялся, что будет вести себя хорошо, воровать не будет, к «косухе» никогда не притронется, учиться пойдет – только забери меня, Мишенька, родненький!.. Не оставляй меня здесь, Мишанечка!..

Мика и сам еле сдерживался. Пальцы дрожали, спичка о коробок не чиркалась. Еле прикурил. А потом уже без спичек закуривал – одну папироску от другой.

Все пытался и пытался объяснить Валерке, что нет у него никакой возможности забрать его отсюда. Некуда – сам между небом и землей…

Только про то, что теперь он не в кино работает, а совсем другим занимается, ни словечком не обмолвился.

Бормотал Валерке что-то бессвязное и беспомощное, а сам все время будто из-за стенки слышал свой собственный разговор с отцом, с Сергеем Аркадьевичем Поляковым, на рынке за складом, на ящиках из-под яблок.

Тут Валерка и понял, что Мика никогда не заберет его с собой. Сказал тихо и внятно, уже без слез и рыданий:

– Лучше бы ты меня тогда вместе с теми убил, Поляков.

Мика схватил Валерку, прижал к груди. Долго не отпускал. А потом оставил ему денег, погладил по стриженой голове с лишаями и

уехал на старом райкомовском «виллисе» в Алма-Ату вместе с каскеленско-комсомольским секретарем-уйгуром…

⁂

Сутки Мика пролежал в своей каморке, в домике Лильки Хохловой. Ничего не ел. Только воду пил и курил. Два раза выходил во двор – по надобности. Возвращался в каморку, на кушетку, и снова – глаза в потолок, обшитый белыми от известки квадратными листами фанеры.

Лаврик ни о чем не спрашивал. Мика не говорил.

Лилька, добрая душа, переговаривалась с Лавриком только шепотом, мимо каморки Микиной ходила неслышно, будто мимо госпитальной палаты с тяжелораненым…

На вторые сутки Мика в третий раз вышел во двор, разделся догола, отвернул водопроводный кран, выведенный в садик для поливки яблонь, и долго фыркал под сильной струей ледяной воды.

Уже одетый, прилизанный, вошел в Лаврико-Лилькину половину. Лилька очень по-домашнему раскатывала тесто на столе, Лаврик в одних трусах, весь в наколках, лежал на высокой постели поверх покрывала, читал «Записки Пиквикского клуба».

– Пока свободою горим, – без улыбки произнес Мика, – пока сердца для чести живы, мой друг… Может, сабантуйчик какой-нибудь сообразим, а?..

⁂

Больше в Каскелен никогда не ездил.

Только раз в месяц, не по службе, а по личному, в детдоме появлялся тот самый уйгур – комсомольский секретарь, разыскивал Валерку и передавал ему туго перевязанную картонную коробку из-под американского яичного порошка. Говорил, глядя мимо Валерки:

– Гостинец тебе опять, однако. Сам знаешь от кого…

А мимо глядел, чтобы не обижать Валерку. Зачем пацану знать, что его старший и любимый кореш вовсе теперь не «Мишка-художник», а профессиональный вор-гастролер. Домушник. Скокарь. Что на него уже с полгода охота идет…

Секретарь и сам об этом проведал недавно. Попытался в алма-атинской милиции разузнать местожительство Михаила Полякова – бывшего воспитанника ихнего Каскеленского детдома для трудновоспитуемых подростков. Хотел пригласить его к себе в райком

на работу с предоставлением жилплощади. Потому как для хорошей наглядной и пропагандистской агитации в дни войны Каскеленскому райкому комсомола собственный художник был нужен позарез! Он даже штатную единицу для Мишки выбил в обкоме.

А начальник уголовного розыска показал бедному районному вожаку молодежи стопку телетайпных оперативных сводок чуть ли не из всех отделов УГРО полутора десятков городов Казахской Советской Социалистической Республики, предъявил пачку заявлений потерпевших – самых уважаемых и ответственных товарищей этой республики – и сказал:

– Он не «Мишка-художник». Он – вор! И работает он в сламе… Извиняюсь, в паре с еще одним таким же «художником». Тот постарше будет.

– И где же они теперь? У вас?.. – растерялся комсомольский секретарь.

– Ах, если бы! – вздохнул начальник без правой кисти руки. – Об этом можно только мечтать. Знаем «где», знаем «с кем», а брать не за что… Добро бы, кого попроще шарашили… Так нет же! По самым верхам идут «художники», мать их в душу!.. Робин Гуды хуевы… А у нас половину оперативного состава опять на фронт забрали! Работать не с кем. В отделе десять с половиной калек, комиссованных из армии по ранениям. Сыскарей настоящих всего трое. Остальные – клубная самодеятельность. Лезут, правда, из шкуры вон, а что они могут? Ни опыта, ни знаний оперативных… Только и умеют, что пулять. Да и ума маловато. Не то что у ваших «художников». А сверху, из партийных этажей, кричат нам вниз: «Вы куда смотрите? Вас Советская власть сюда зачем поставила? Мы вот у вас у всех партбилеты отберем и ноги из жопы повыдергаем! Почему не докладываете, что вчера в центре города дом директора хлебозавода обокрали?!» Ну что им ответишь?.. Я смотрю, ты тоже фронтовик… Авось не заложишь. Так вот я тебе так скажу: обнесли этого директора – ну и хер с ним! Он, сукин кот, себе уже столько наворовал, что ему еще на сто лет хватит… А меня, честно говоря, вообще сомнения берут… Ну не верю я, что четырнадцатилетний… Или сколько ему уже там – пятнадцать?.. Не верю я, что мальчишка может такие кренделя выкидывать! Я вот тебе дам почитать протоколы осмотров мест происшествий, как они каждый раз «хату берут». Это же цирк какой-то!.. Уму же

непостижимо!.. Ни одна самая натасканная собака на них не тявкнет! Это еще что за чудеса?! Больше скажу: в доме бывают с десяток минут – и нет их. Будто заранее знают – где чего лежит. Словно сами туда прятали. Чуешь? Но взять мы их все равно должны. И только на месте – чтоб с поличным. По закону. А пока у нас на них – два ни хуя и мешок дыма. Или, выражаясь культурненько, вошь в кармане да блоха на аркане… Нету у нас на них ничего! Ни один суд дело к производству не примет…

⁂

Взяли их в Талгаре, в двадцати пяти километрах от Алма-Аты. Взяли на чердаке у одного известного старого планакеша. Не того, который план курит, а потом дуреет от этого конопляного зелья, а планакеша, который торгует планом. По-крупному. Оптом. А это страшные деньги!

Он его из Китая привозил, благо граница рядом, за Талгарским перевалом. А там у него и менты, и погранцы – все куплены. Как, впрочем, и в Талгаре, где он живет. Вся партийно-хозяйственная верхушка из его рук кушает. Очень уважаемый бабай! Аксакал…

Лаврик дней десять туда на попутках и автобусах мотался. Присматривался. А потом вернулся как-то и говорит:

– Мишань! Ты как думаешь, где бабай пенензды притырил?

– Расскажи про хату, – попросил Мика и взял в руки планшет и карандаш.

Лаврик подробненько все рассказал про хату, про бабая, про всю талгарскую обстановочку, а Мика набрасывал всякие зарисовочки. И неожиданно, сквозь слабенькую боль в висках, УВИДЕЛ, ГДЕ СПРЯТАНЫ ДЕНЬГИ! И сказал:

– На чердаке. Там за каким-то старьем ящик железный в стенку вмазан. Но там всего тысяч триста…

Отложил карандаш, взялся руками за голову, потер виски, чтобы снять ноющую боль, и зажмурился. Лаврик не удержался, спросил:

– А тебе триста косых мало?

Мика поморщился, ответил:

– Нет. Мне достаточно. Я просто хотел сказать, что где-то у этого бабая лежит гораздо больше. Триста – это только на чердаке, Лаврик! А не пошел бы он в жопу, а? Что-то меня тормозит…

– Три сотни косых сами плывут тебе в руки, а ты, Мишань…

– Хочешь честно? Бояться стал. Уж больно у нас все гладко!

– Не трухай, Мишаня. По нашим делам – больше пятеры не дают. А там зачеты, амнистии – через год ты на воле! Гуляй – не хочу… – И резко меняя направление опасного разговора, Лаврик спросил: – Тебя дома как звали? Миша или Мишутка? Или еще как?..

– По-разному. Кто как, – уклончиво ответил Мика и подумал, что никогда не признается в том, что Миля называла его «Зайчик».

– Ну а все-таки? – настаивал Лаврик.

– Ну, Мика. А что?

– Как?!

– Ми-ка!

– Чего же ты кочевряжился, чмо египетское? Такое красивое имя – Мика!.. Вот это да! Ну надо же… Ты, Мишаня, для меня как непрочитанная книга. Что ни страница, то – новье! Мика…

– Отье… – огрызнулся было Мика, но в эту секунду в комнату заглянула Лилька, и Мика тут же себя поправил: – Отлепись от меня!

Лаврик рассмеялся, а Лилька спросила:

– Мальчики, где ужин накрывать – в зале или под яблонькой?

– Под яблонькой, – сказал Мика. – Может, яблочко Лаврику на голову шмякнется и он, как Ньютон, новый закон откроет…

– Я и так его уже открыл – не светись! Хавать будем здесь. А то садик по осени очень даже хорошо просматривается, – жестко проговорил Лаврик.

– Молдаваночку твою позвать? – спросила Лилька у Мики. – А то она сегодня за солью прибегала, спрашивала, где ты.

– Зови, зови! – оживился Мика.

В последнее время Мика разогнал всех своих девчушек, которых ему поставляла заботливая Лилька Хохлова. Оставил около себя всего лишь одну – пятнадцатилетнюю эвакуированную молдаваночку Светку.

С ней было так хорошо, так замечательно, ну почти как с Милей когда-то…

И нежная, и ласковая, и веселая, и в койке умеет все так, как ни одной девчонке и не снилось! Мика даже однажды не сдержал своего сладостного удивления и спросил:

– Светка, и откуда ты все ЭТО умеешь?! А, Светочка?

Светочка тут же расхныкалась и поведала Мике древнюю, как мир, легенду про отчима, который всему ЭТОМУ ее с десяти лет обучил. А когда они бежали из Кишинева, отчим к немцам перескочил служить. Вот им и пришлось одним – с мамой и младшим братиком Ионом – до Алма-Аты добираться.

– Не спрашивай меня, Михочка, Михайчик мой родной, больше ни о чем! Я тебя так люблю…

С каждого дела Мика давал ей денег для матери и ее младшего братика Иона. И сердце Микино наполнялось гордостью, что вот он, Мика, совершенно по-взрослому может еще о ком-то позаботиться. Не тайно, как о Валерке, а явно и в открытую.

Ах, Милю бы ему теперь найти!.. Говорят, что всех латышей, эстонцев и литовцев ненадежных сюда, в Казахстан, ссылают. Вроде бы где-то под Джезказганом их десятки тысяч по лагерям распихано.

– Чего-то эта Светка к нам зачастила, – вздохнул тогда Лаврик.

И как в воду смотрел.

«Стучала» Светочка в уголовку за милую душу.

Несколько месяцев тому назад попалась на проституции и мелком воровстве у клиентов – богатеньких старичков, ее «мусора» и пугнули: дескать, или будешь давать информацию на кого скажем, или…

Тюрьма Таганская – все ночи, полные огня, Тюрьма Таганская – зачем сгубила ты меня?..

Светочка была девочкой понятливой. Мама пьет без просыху, братику всего шесть лет, он все время кушать хочет. Скоро опять зима, а у него ни пальта зимнего, ни ботинок крепких…

Нет, ей в тюрьму ну никак нельзя!

Как было ей велено полюбить Михаила Полякова, да так, чтобы каждый его шаг знать наперед, так Светочка и сделала. Только одна была беда – уж так ей этот Михайчик понравился, что никак уголовный розыск не мог от нее дождаться нужной и толковой информации. Говорила Светочка только про то, что «объект» много рисует и на тренировки по гимнастике ходит в Казмединститут. Она и вправду ни черта больше про Мику не знала.

Но вчера один молодой, очень инициативный товарищ «оттуда» встретился со Светочкой на конспиративной квартирке на улице Абая, использовал нештатного агента Светочку во все возможные и невозможные отверстия в ее хорошеньком тельце и сказал:

– Если завтра мы не будем знать, когда и куда они собираются, мать – в психушку, брата – в детприемник, а тебе – два года за недонесение и три за умышленное заражение вензаболеваниями. Считай, пятера тебе корячится. Не меньше.

– Но я же здоровая!.. – удивилась Светочка.

– Это пока, – усмехнулся товарищ «оттуда». – А вот мы тебя на одну ночку в мужскую КПЗ определим к уголовничкам – а их там человек сорок у нас парится, – и ты сразу весь букет поимеешь. Как говорится, от мягкого триппера до твердого шанкра.

Вот когда Светочку охватил ужас, чуть ли не до обморока!

Уже ночью, лежа с Микой в постели, Светочка просто так – от фонаря – предложила Мике пойти завтра в клуб железнодорожников на концерт знаменитого еврейского певца Эппельбаума, который по иронии актерской судьбы недавно сыграл роль чистокровного арийца – оберштурмбаннфюрера СС Шнурре в кинофильме «Нашествие».

– Во сколько начало концерта? – спросил Мика.

– В семь тридцать, Михайчик…

Мика призадумался, потом сказал:

– Не успеть мне, наверное, Светик, к началу. Мы завтра должны по делу в Талгар ненадолго смотаться, но во сколько я в город вернусь, одному богу известно. Давай в следующий раз, ладно?..

И Светочка неутешно расплакалась. Так ей стало жалко ее Михайчика и Лилькиного Лаврика…

⁂

Под утро, когда Светочка убежала, Мике снова приснился его любимый остров в теплом океане…

И опять – белые домики в буйной тропической зелени… Опять пальмы, невиданные и неведомые цветы и мягкий бело-желтый песок пляжа, спускающийся к пенной кромке сверкающей на солнце воды…

…Будто бы идут они с Лавриком по песку к океану, к искрящейся воде…

…Идут мимо белого домика, на ступеньках которого, обхватив руками голову, сидит Микин папа – Сергей Аркадьевич Поляков… В сапогах, в шинели с погонами…

«Елки-палки… – думает Мика. – Когда же он погоны-то успел получить?! Их же только-только ввели…»

А Лаврик упрямо идет по песку к воде, не останавливаясь, поворачивается к Мике, машет ему рукой – с собой зовет…

Но Мике совсем не хочется идти за Лавриком…

Хочется Мике к папе – к Сергею Аркадьевичу… Прижаться к нему, спросить, что с ним, почему он не заходит в дом, а сидит на ступеньках?..

…почему он в шинели в такую жару?..

…почему так горестно обхватил руками голову?..

…может быть, он что-то узнал о Маме и о том дирижере? Господи, только бы не это!..

Может быть, ему деньги нужны? Так Мика с радостью…

А Лаврик зовет его, торопит, и Мика решает отложить разговор с отцом…

«На обратном пути… – думает Мика. – На обратном пути…»

Спешит вослед за Лавриком, ноги в песке, черт побери, увязают!..

И видит вдруг Мика, как Лаврик начинает медленно погружаться в песок!

Вот он уже по колено в песке!..

Мика видит, как кричит Лаврик, но крика его не слышно из-за нарастающего шума океанского прибоя…

…Рвется Мика на помощь к Лаврику, а тот уже по пояс ушел в песок…

…И Мику начинает засасывать эта страшная, сверкающая на солнце гладь океанского пляжа!..

Из последних сил Мика подползает к Лаврику, протягивает ему руку…

…но не успевает! Песок уже у шеи Лаврика, у самого горла…

На мгновение внимание Мики отвлекает голая девчонка, чем-то похожая на Светку-молдаваночку!.. Она убегает от них к воде…

Мика зовет ее, кричит, умоляет помочь, плачет, тянется к погибающему в песке Лаврику…

…но девчонка бросается в воду и растворяется в ней навсегда!

Нет! Никто Мике не поможет спасти Лаврика…

А того уже и нету.

Видит Мика только, как пальцы Лаврика с синими татуированными перстеньками скрываются под чудесным, ласковым, прогретым и жутким песком его любимого острова…

Острова его всегдашней детской мечты…

Мика хочет броситься к отцу, рассказать про несчастье, произошедшее несколько секунд тому назад…

…но и Сергея Аркадьевича у домика нету!

Пустые ступеньки белого домика… А на ступеньках – брошенная отцовская шинель с полевыми погонами…

Никого…

Мика и остров.

А зачем ему одному весь этот остров?..

⁂

Рано поутру, когда молодой, инициативный товарищ из уголовного розыска, который накануне в конспиративной квартирке на улице Абая до потери сил «работал» с нештатным информатором С. на благо повышения процента раскрываемости преступлений, получил от вышеуказанного информатора С. телефонное сообщение, что интересующие его ЛИЦА СЕГОДНЯ ВЫЕЗЖАЮТ В ТАЛГАР, он тут же решил действовать самостоятельно! Своего однолапого начальника, зануду-законника, ни во что не посвящать. Хватит с него, молодого и инициативного, замечаний, поучений и упреков. «То не по закону, это не по закону…» Хватит! Он сам добыл информацию, сам все и раскрутит!

При воспоминании, каким способом он «добывал» эту информацию у нештатницы С., молодой и очень инициативный товарищ потянулся до хруста костей и сладко зажмурился, как кот на печи.

Об чем вообще речь? «За что толковище?» – как говорят наши блатные клиенты. Взять двух сопливых пацанов-домушников?! Двух мелких «скокарей»? Да еще «по наводке»? Когда известно, где они живут, откуда их нужно начинать «пасти» и куда они, сучата, сегодня намылились… Ну не смешите меня, ей-богу! Я на фронте «языков» немецких килограммов по восемьдесят через минные поля таскал! А тут – два задроченных ворюги… «Только с поличным, только с поличным… Чтобы все было по закону!» Ну смех прямо!.. Была б его воля, он бы самолично взял бы их тепленькими из коек, наган к носопыре, пару раз по хлебалу – они сразу и раскололись бы у него. И никаких вещественных доказательств не надо. Все сами бы признали, все странички протокола допроса подписали бы как миленькие!.. А то

сделали из них хер знает что – все крупные кражи у ответработников республиканского значения на них навесили!.. «Почерк», видишь ли, один и тот же… Добро бы только в Алма-Ате, а то ведь по всей республике. А уйдут в «несознанку», не подпишут ничего, и не надо! А что суд такое дело к производству не примет – дескать, нет вещдоков, нет протоколов очных ставок задержанных с потерпевшими – их никто никогда в глаза не видел, – нет свидетельских показаний, и потом вы им вменяете пятьдесят краж, предположим, а заявлений потерпевших всего двадцать пять… О чем это говорит, вы не задумывались?.. И тоже ни хрена страшного. Чтобы не возвращали дело на доследование, чтоб не записали «висяк» за группой, их можно еще и до суда – того… «При попытке к бегству». Это устроить вообще пара пустых.

Значит, так: сейчас же берем трех человек сержантского состава в гражданском, устанавливаем «наружку» за домом подозреваемых. Затем, чтобы не просить машину у однолапого начальника, возьмем «газончик» с фургоном в знакомом райпотребсоюзе. С директором уже не один пузырь раздавлен – даст автомашину с водилой и не поперхнется, а то и ему можно кое-что припомнить!.. А там, как говорится, уже дело техники. В Талгар так в Талгар…

⁂

В чем нельзя было отказать молодому, инициативному товарищу из горотдела УГРО, так это в смелости.

Когда его группа определила дом, который интересовал «отслеживаемых», а сами «отслеживаемые», после осмотра возможных мест проникновения в дом и отходов оттуда, пошли в местную коммерческую столовку перекусить и, видать, дождаться темноты, то он – молодой, напористый и инициативный – заявился к хозяину дома, чуть ли не силой вырвал у него признание, что «сапсем мал-мал денег на чердак прятал», по-быстрому эвакуировал его вместе с семьей из дому – чтобы под ногами не путался.

Приказал шоферу потребсоюза ждать с фургоном у райкома партии, расставил сержантов в штатском по возможным местам ухода подозреваемых из дома, а сам влез на чердак и затаился…

Сидел в засаде и рассуждал смело и верно: если судить по оперативным данным, что эти двое такие «деловые», что всегда

заранее знают, где спрятаны ценности, – наверное, они и на этот раз не будут зря шуровать, а сразу же на чердак полезут. Тут он их и накроет!

Он к ним уже присмотрелся – ничего особенного: один такой худенький – вроде демобилизованного, лет двадцати, второй – под «художника» работает. Планшет для рисования через плечо, одет чистенько, рожа такая культурная. Лет пятнадцати, не больше. Соплей перешибить можно. Одной – сразу двоих…

⁂

Манты – гигантские казахские пельмени, приготовленные на пару, были удивительно невкусными. Тесто крутое, недоваренное в мантышнице, мясо жесткое, чем-то попахивало, каймак, которым следовало поливать манты, был жидким, явно разбавленным.

– Не, Мишаня, раз в месяц нужно обязательно в общепит ходить жрать. Сколько бы они с нас ни драли по коммерческим ценам!

Лаврик брезгливо отодвинул тарелку с мантами… Стал прихлебывать чай из пиалы, заедая боурсаками.

– На хрена? – спросил Мика. – Чтобы это говно жрать?

– Продолжаю свою глубокую мысль, – сказал Лаврик. – Для полного понимания степени сравнения. Ты вспомни Лилькины манты. А теперь посмотри на эти. Ну?

– …гну! – ответил ему Мика. – Ты даже сравнивать не имеешь права! Лилька – гений по этой части.

– По всем остальным частям – тоже, – ухмыльнулся Лаврик. – Я вот думаю, а не жениться ли мне на Лилькиных мантах? Домик ее «задвинуть» хоть за сколько – без запроса, выправить новую ксиву, забрать Лильку вместе с ее мантешницей, тебя в охапку, и не сквозануть ли нам в Россию? Насовсем…

– И завязать, – сказал Мика. – А то мне так остоебенила эта нервотрепка – все время думать, что тебя кто-то втихаря разглядывает.

– Как говорил мистер Джингль мистеру Пиквику – «издержки профессии», – с удовольствием произнес Лаврик.

Но Мика даже не обратил внимания на Лавриковы глубочайшие познания Диккенса. Сказал, уткнувшись глазами в драную клеенку стола:

– Я бы СХШ закончил…

– Это еще что?!

– Средняя художественная школа.

– На хрена тебе школа? – удивился Лаврик. – Ты и так рисуешь – зашибись!

Мика промолчал. Потом поднял глаза от клеенки, уставился в Лаврика, сказал неожиданно жестко:

– Завязывать надо, Лаврушa. Война идет, а мы… Завязывать и отваливать. Хватит. Намолотили. В будущем году мне все равно в армию идти.

– Может быть, может быть… – Лаврик не то согласился с Микой, не то решил прекратить эту тему.

Но Мика уже вцепился в него, как клещ:

– Давай плюнем на этого старого «планакеша», Лаврик. Что-то за всем этим мне нехорошее чудится!

– Что, с тобой, Мишаня? – слегка испуганно спросил Лаврик.

– Да ни хера особенного! Просто… Я еще этой ночью сон нехороший видел.

Лаврик облегченно рассмеялся:

– Слезай с печи, дедушка! В пришествие Антихриста ты еще не веришь?! Ну, Мишаня… Ну, Минька! Ты даешь!.. Чтобы в пятнадцать лет, спортсмен, физкультурник, можно сказать… художник – культурнейший человек, и… Сон, видишь ли, ему нехороший приснился! Да если бы ты знал, какой сон мне сегодня приснился, ты вообще в штаны наклал бы!.. Слушай. Будто идем мы с тобой по какому-то песчаному пляжу…

– Что?! – потрясенно воскликнул Мика.

– Тихо ты! – Лаврик осторожно оглянулся по сторонам. – Ты слушай, не «чтокай»… А вокруг нас одна вода. Будто мы вроде как на каком-то острове… А песочек такой мягкий, тепленький, сыпучий…

– Замолчи!!!

– Ладно тебе психовать, – строго сказал Лаврик. – Не хочешь слушать – молчу. Но и ты уж возьми себя в руки, пожалуйста. На дело идем, а ты весь вздрюченный. Не годится. Что это с тобой?

– Давай не пойдем, Лаврик!.. – умоляюще прошептал Мика.

Над клеенчатым столом с холодными и невкусными мантами и жидким разбавленным каймаком повисла пауза. Потом Лаврик спросил:

– А если я скажу – «в последний раз». Пойдешь?

Мика помолчал, посмотрел Лаврику в глаза:

– Действительно в последний раз?

– Век свободы не видать.

– Пошли, – сказал Мика.

⁂

Было уже совсем темно, когда Мика и Лаврик проникли в дом старого планакеша через крышу сарая, сразу же на второй этаж.

Именно в том месте, куда молодой и инициативный товарищ не догадался спрятать сержанта в гражданском и при нагане.

– А где цветы, где оркестр? – одними губами произнес Лаврик.

Ему очень хотелось подбодрить Мику.

Мика внимательно осмотрелся. Осторожно выглянул из-за занавески в окно, выходящее во двор. Там, за высоким дувалом, от посторонних глаз подальше, стояла настоящая степная казахская юрта.

Мика вопросительно посмотрел на Лаврика. Лаврик тоже увидел юрту, тут же неслышно объяснил:

– Дом у них только для понтяры. Или принять кого-нибудь, кто повыше. А кемарят они все равно в юрте, «колбиты» вонючие!..

Из кладовки второго этажа на чердак вела узкая скрипучая деревянная лестница в несколько ступенек. Проход на чердак, вырезанный в потолке кладовки, был прикрыт, но на замок не заперт. Из потолка и крышки торчали две толстые железные серьги, не скованные дужкой навесного замка…

Мика показал на голые дужки, сказал Лаврику на ухо:

– Не нравится мне все это. И то, что в доме – никого.

– Ты же сам видел, как они отвалили на мотоцикле с коляской! Может, в аул, за товаром…

– Такой планакеш не оставит дом без присмотра. Что-то за этим есть… Может, лапки сделаем, а, Лаврик?

– Ты! Чеканутый!.. То с крыши на крышу, как обезьяна, летает – ни хуя не боится, а то в пустой хате перебздел, как щенок обосранный!.. – зло прошипел Лаврик в лицо Мике и первым полез на чердак.

Мика последовал наверх за Лавриком.

…На чердаке было тепло, паутинно и пыльно.

И хотя Мику била дрожь недоброго предчувствия, он неожиданно и не ко времени вспомнил свой довоенный ленинградский чердак над шестым этажом их покинутого, дома… Большую плетеную корзину с

мокрым выстиранным бельем… И Милю – теплую, родную и такую желанную… Вспомнил, как она прижимала Микину голову к своей прекрасной упругой груди, целовала его в нос и растерянно бормотала: «Зайчик… Мой бедный зайчик!..»

– Здесь, – тихо сказал Мика и показал на груду старого тряпья, сваленного в углу чердака, рядом с кирпичным дымоходом.

Неслышными шагами Лаврик прошел в тот угол, стал осторожно разбирать кучу древних стеганых казахских халатов, изношенных и истлевших ситцевых рубах, от времени потерявших свое ситцевое многоцветье, рваных лоскутных одеял, изъеденную крысами кошму…

И наконец перед их глазами предстала железная дверца действительно вмазанного в стену шкафчика. Вот здесь был замок. И какой замок – шифровой, наборный, китайский!

– Открывай, Буратино, – негромко сказал Лаврик. – Доставай свой «золотой ключик» и открывай. Там, за этой дверцей, для тебя начинается новая жизнь… Лаврик не сявка, Лаврик свое слово держит!..

– Тоже мне папа Карло выискался, – недобро процедил Мика.

Он распахнул свой планшет, где, кроме набросков, листов ватмана и застегивающегося отделения с карандашами, резинками и скальпелем для заточки карандашей, лежала коротенькая и мощная фомка.

– Подержи. – Мика передал Лаврику планшет, перехватил фомку поудобнее и резким, привычным движением свернул замок. Но не дал ему упасть на пол, а поймал его в воздухе, чтобы замок не наделал лишнего шума. И распахнул дверцу.

В глубоком железном ящике лежала туго набитая; ишачья переметная сума, сплетенная из крашеного конского волоса.

Лаврик вытащил суму, увидел там пачки денег, показал Мике и процитировал конец старого не очень пристойного анекдота:

– …а ты, дурочка, боялась!..

Но в эту секунду из дальнего угла чердака раздался звенящий и срывающийся от нервного напряжения голос:

– Руки вверх, сучье племя!!!

Дальше все происходило в считанные мгновения… Мика четко увидел ствол нагана и закричал:

– Не стреляй!

Лаврик сильно оттолкнул Мику за кирпичный дымоход и медленно стал поднимать руки, забыв выпустить волосяную переметную ишачью суму, из которой на пыльный дощатый пол чердака посыпались туго перевязанные денежные пачки…

– Приехали, – глухо проговорил Лаврик.

– Выше руки, сволочи!!! – снова прокричал тот же самый голос. В нем прозвучала такая ненависть и такое ликующее торжество, что Мика не выдержал и вышел из-за своего кирпичного укрытия.

– Не стреляй, – повторил Мика.

Головная боль толчками уже пульсировала в его висках, в затылке, в переносице…

– Мы сдались, – сказал Лаврик, выпустил волосяную суму и с поднятыми руками сделал шаг вперед.

Вот тут молодой товарищ с наганом вдруг испугался, и пыльную чердачную паутину разорвали подряд два выстрела – один за другим.

Будто от удара бревном, Лаврик отлетел назад, прямо на Мику, в его широко расставленные руки.

Но Мика не смог удержаться на ногах и, оберегая Лаврика от ушиба о кирпичный дымоход, свалился вместе с ним на кучу тряпья, прикрывавшего дверцу в «новую жизнь Буратино»…

– Только пошеве…

Наверное, молодой и очень инициативный товарищ из уголовного розыска города Алма-Аты хотел сказать этим двум сопливым дурачкам: «Только пошевелитесь!», но не успел.

Один из них, пятнадцатилетний пацан, вдруг так глянул на него, что у молодого товарища со стреляющим наганом МГНОВЕННО И НАВСЕГДА ОСТАНОВИЛОСЬ СЕРДЦЕ.

С широко открытыми, но уже бессмысленно-мертвыми глазами он медленно опустился на колени, а потом мягко повалился на бок, так и не найдя в себе больше сил закрыть глаза – как и полагается МЕРТВОМУ ЧЕЛОВЕКУ.

А Лаврик лежал на старом казахском чердачном тряпье, кровавая пена совсем немного пузырилась у него на губах, а в груди клокотало и булькало…

Мика лежал рядом с ним, зажимал ладонями маленькие кровоточащие дырочки на груди у Лаврика и в самом низу живота и

слушал, как Лаврик с трудом, задыхаясь и глотая кровь, заполняющую ему рот, растерянно и удивленно говорил:

– …ну что же это?! За это же не стреляют… За такое же – не больше «пятеры»… Зачем же стрелять, падлы?! Где же их ебучие законы, мать их… Стрелять-то зачем, Микочка?.. Мика…

В первый и последний раз в своей жизни Лаврик назвал его «Мика». И умер у него на руках.

А по ступенькам лестницы, ведущей на пыльный чердак, с грохотом бежали на выстрелы сержанты в гражданском и с милицейскими наганами укороченного образца…

⁂

«Зайчик… Мой педный зайчик!..» – где-то сказала Миля.

⁂

Вот бы удивился тот смелый, молодой и инициативный товарищ из уголовного розыска, если бы с перепугу не взялся бы стрелять и остался бы сам в живых!.. Если бы не умер вот так удивительно для своего крепкого тридцатилетнего организма.

Что было крайне удивительно даже патологоанатомам из республиканской судмедэкспертизы, вынужденным в своем заключении написать, что «…смерть наступила в результате мгновенного шокового прекращения сердечной деятельности»…

Так вот, если бы тот самый молодой и инициативный остался бы в живых, он ужасно удивился бы, узнав, что пятнадцатилетний щенок, да еще из этих… ну как их?.. Короче, из сраных эвакуированных интеллигентов, которого, как он считал, можно было соплей перешибить, за два месяца пребывания в новом городском следственном изоляторе, в ходе ведения дознания и нескончаемых допросов, не ответил ни на один вопрос и не подписал ни одной странички!..

А однажды, когда его допрашивали сразу двое и один из следователей, доведенный молчанием этого паршивца, хотел было дать ему хорошую затрещину, пацан поднял на него глаза и ТАК ПОСМОТРЕЛ, что ретивому следователю показалось, будто его грузовик отбросил на полном ходу! Он, бедняга следователь, так и влип в противоположную стену. Закричал, забился в истерике, что-то бессвязное лепетал, хотя, как утверждал второй следователь, пацан даже пальцем не пошевелил. Только посмотрел.

После этого случая того следователя, которому показалось, что на него грузовик наехал, пришлось в горбольницу определить, в нервное отделение, а второго просто отстранили от этого дела. На другое перебросили. Мало ли тогда в Алма-Ате было грабежей, разбойных нападений, ограблений магазинов, складов… А чуть ли не ежедневные уличные поножовщины, драки на танцплощадках – с кастетами, обрезками водопроводных труб, кусками железных цепей. Так что следователи были нарасхват.

После того допроса Мику дней на десять оставили в покое.

Только перевели из общей камеры в одиночную. То есть она была двухместная, но Мика сидел там один. Вторые нары были подняты и наглухо пристегнуты к бетонной стенке большим висячим замком.

Хотя Мике и в общей камере было неплохо. Все знали, что этот угрюмый и молчаливый пацан – уркаган, каких свет не видел! Фантастический «гастролер», вор-скокарь по кличке Мишка-художник. Знали, что ни один его «скок» не доказан, что его кровный корешок и подельничек – легендарный Лаврик – был застрелен, когда их брали по наводке какой-то сучары, и что за Лаврика Мишка-художник «положил» чуть ли не взвод мусоров!

Но вот как он это сделал, никому не известно: валяются дохлые менты вокруг, а живой и невредимый Мишка-художник закрывает глаза своему мертвому корефану Лаврику…

Вот такие воровские и блатняковые горделиво-жалостливые сказки витали вокруг Микиной личности в общей камере. Но уж когда в камеру пихнули двух залетных саратовских, и они сразу объявили себя «в законе», и попытались «качнуть права», начав с самого младшего – с Мишки-художника, вся камера им такой «укорот» сотворила, что они еще долго искали себе место под нарами!

Кто-то из «ссучившихся» сявок шепнул надзирателю, тот доложил выше, и тогда тот самый начальник без правой кисти (правда, ворье утверждало, что он и с левой стреляет как бог!) и перевел Мику в одиночку. От греха подальше. Как говорится, от лишних трупов.

Потому что странная смерть его подчиненного в Талгаре на чердаке у планакеша еще два месяца тому назад навела начальника на одну диковатую на первый взгляд мысль: а уж не действительно ли его убил Мишка-художник?

Но как?! Каким образом? Бред какой-то…

Начальник хоть и был без правой кисти руки, но с головой. Не то что его молодой и инициативный, но уже покойный товарищ. И был ужасно любопытным типом, как и положено, наверное, быть начальнику уголовного розыска.

Он начал копать. В смысле – отматывать время назад. Как кинопленку. И достаточно скоро наткнулся на странную смерть Генки Оноприенко и на «особо тяжелую форму мозгового кровоизлияния» Маратика Семенова, двух молодых и здоровых артистов ЦОКСа, где когда-то работал и подследственный Михаил Поляков.

Мало того, начальник выяснил, что смерть Г. Оноприенко и инсульт М. Семенова, впоследствии приведший к кончине последнего от «необратимых поражений и изменений головного мозга», произошли во время кражи, которую М. Семенов и Г. Оноприенко совершили больше года тому назад в камере хранения общежития киностудии в помещении бывшего кинотеатра «Алатау». Где когда-то проживал и М. Поляков.

Было выяснено, что все предыдущие кражи в гостинице «Дом Советов», а также неоднократные кражи в вышеупомянутом общежитии совершались именно Г. Оноприенко и М. Семеновым, а не подозревавшимся во всех этих кражах М. Поляковым.

И снова та же картинка маслом! Здоровенные бугаи вроде последнего трупа – молодого и инициативного – погибают без малейших следов насильственной смерти. Мало того, от причин, которые в большинстве случаев проявляются в пожилом возрасте с достаточно изношенным организмом!..

Значит, на этих здоровяков было оказано какое-то постороннее стрессовое воздействие. Так? Но какое, мать вашу в душу?! Кто-нибудь может мне ответить?!

От смертей в «Алатау» отматываем еще примерно на полгода…

Каскелен. Детский дом для трудновоспитуемых подростков, где по неясной причине содержался вышеупомянутый М. Поляков.

Гибель двух почти взрослых «беспредельщиков» в фургоне детдомовского грузовика!

Во время гибели этих двух негодяйцев в фургоне находились М. Поляков и малолетний В. Катин.

Настоящая фамилия Валерия Катина неизвестна. Зарегистрирован по имени поварихи детдома.

В. Катин под страшнейшим секретом потом намекал своим друзьям-малолеткам на то, что четырнадцатилетний Мишка-художник при нем убил двух девятнадцатилетних, сильных, вооруженных опасной бритвой и кастетом фактических «хозяев» Каскеленского детского дома для т/в подростков…

Может, кто-нибудь подскажет – как это могло произойти?

Еще отматываем!..

Откуда этот Поляков поступил в Каскелен? Подняли старые документы – из детприемника Алма-Атинского отделения железнодорожной милиции.

Как он туда попал? А хрен его знает!.. Разве всех упомнишь? Приехал откуда-то… Откуда? Откуда, черт бы вас всех побрал!..

Слава богу, разыскали запись протокола досмотра задержанного: «…у Полякова М. С. изъята поддельная „Справка личности”, якобы выданная ему Джамбульским райотделом ж/д милиции взамен утраченного „Свидетельства о рождении”…»

Однолапый начальник не поленился, связался с Джамбульским райотделом по своей селекторной связи. Там, в Джамбуле, главным теперь оказался тот самый пожилой, толстый казах-милиционер, который подтвердил, что все документы у М. Полякова были подлинными. Справку он сам выписывал, а продаттестат – его приятель, военный комендант ж/д станции Джамбул.

И рассказал алма-атинскому начальнику УГРО, как М. Поляков ходил с ними по вагонам на предмет опознания убийц сопровождающего его гражданина – не помнит фамилии, а архив заперт. Сотрудница пошла ребенка кормить.

Так вот, во время обхода вагонов произошло следующее…

Вот те раз! Снова – труп!!! Труп бандита и убийцы без каких-либо признаков насильственной смерти. Дескать, только он собирался выстрелить, бандит этот, как и окочурился!..

Но кто же его убил?! Кто, я вас спрашиваю?! Тринадцатилетний ребенок? Ему еще тогда тринадцать было! Вы в своем уме?!

Но почему же ВСЕ ЭТИ СМЕРТИ так похожи друг на друга? И во время каждой смерти ТАМ ПРИСУТСТВОВАЛ М. ПОЛЯКОВ…

И вы хотите сказать мне, что это «случайное совпадение»?

Тогда начальник уголовного розыска поехал в нервную клинику к своему дружку детства профессору Эйгинсону. Рассказал ему все без

утайки и спросил:

– Вадик, скажи, такое может быть?

Профессор Вадик запер двери своего кабинета на ключ, из одного шкафа достал стеклянную банку из-под маринованных огурцов, больше чем наполовину заполненную спиртом, из другого шкафчика – прозрачный и тягучий раствор глюкозы в специальной фармацевтической упаковке, в третьей посудине смешал спирт с глюкозой равными частями и разлил в два граненых стакана. До краев.

Затем достал из кармана халата одну большую конфетину «Мишка на Севере», честно разделил ее пополам, поднял свой стакан и сказал одну-единственную фразу:

– Видишь ли, Петюня, биомеханические, так же как и биоэнергетические, возможности человека неограниченны.

⁂

– Ты – малолетка, – когда-то говорил ему Лаврик. – И пока тебе нет шестнадцати, ты будешь числиться малолеткой. Даже если у тебя обнаружится мотовило больше, чем у ишака. Одно слово – малолетка, и тебе могут только соли на хвост насыпать. Самое большее – опять в Каскелен. И все! А мне лично «пятера» корячится, как «по предварительному сговору»…

– По какому еще «сговору»? – не понял тогда Мика.

– По «сговору» с тобой, чудик! – рассмеялся Лаврик. – Но учти, если когда-нибудь нас и возьмут, ты хоть и малолетка – веди себя как взрослый: ни хера им не подписывай и лишнего не трекай. Лучше вообще молчать в тряпочку. Там тоже сидят не пальцем деланные. Попадаются такие ушлые, что поймать тебя на слове им ничего не стоит! Они на это будьте-нате как натасканы… Одно неосторожное словечко, и… Не захочешь, а вломишь. И потянулась ниточка. Нас, как подельников, конечное дело, по разным камерам бросят… Так ты в камере ни с кем не корешись. За полпайки заложат. Там «ссучившихся» как вшей на нищем. И блатных не слушай – «Я на Колыме сидел!..», «Я в Коми лес валил!..», «Я на Беломоре чалился…», «Я на рудниках срок мотал…». Не слушай. Половина врут как нанятые, а вторая половина – долбоебы безмозглые. Чем хвалиться-то? Тем, что влетел, как мудак? Ты гордись тем, что на канале не чалился, в Коми лес не валил и на рудниках срок не мотал. А когда тебя берут только по подозрению и против тебя у них ни хрена

нету, одни их фантазии, то они ждут, что ты сам расколешься. «Привод» называется. Это ты уже проходил. Будешь умненьким – будешь на воле… Хотя всякое случается. Мы с тобой еще от нашей «клиентуры» в выигрыше. У нас такая «клиентура»… Как бы сказать? Стыдливая, что ли… Мы «обнесем» его хатку, а он заяву писать стесняется. Потому как он сам вор – не нам чета!

…Обыск у Лильки Хохловой, видимо, ничего не дал. А то следаки уже давно бы стали трясти Мику. «Где взял?! Где взял?!»

Это еще в общей камере один жучила базарный, которого отловили недели на две позже Мики, нашептал ему про все это. И как мусора Лилькин дом и весь сад перепахали, и пустышку отсосали! И про то, как один безрукий милицейский «бугор» разрешил Лильке самой похоронить Лаврика…

Она его и похоронила в своем собственном перекопанном саду, под самой большой яблонькой.

Когда жильцы из соседних многоквартирных четырех – и пятиэтажек узнали, что внутри их квартальчика, почти в самом центре города, чуть ли не под их окнами – могила, случился жуткий скандал!

Квартальный прибежал как ошпаренный, всякие в штатском понаехали, народ из окрестных домов к Лилькиному садику повалил, как на демонстрацию. Одни кричат за Лильку, другие против!..

А Лилька вышла к ним из своего домика с бидоном керосина, встала на могилку Лаврика, вылила из бидона весь керосин на себя, чиркнула спичкой и сказала, что, если сейчас же их с Лавриком не оставят в покое на ее собственной земле, она из себя костер устроит. Кому холодно, тот даже сможет маленько погреться у этого костерка…

И тут же все замяли. По указанию «свыше».

– Как говорится, перебздели, – сказал тот штымп.

У Мики сердце разрывалось от этого шепота. Комок слез застрял в глотке. Но Мика сделал вид, что не понимает, о чем речь. Только сумел сказать сдавленным голосом, глядя в сторону:

– Интересная баечка. Только она мне ни к чему. Ты адресочком-то не ошибся, а, парень?..

⁂

А почти четверть века спустя Михаил Сергеевич Поляков прилетел в Алма-Ату и не нашел там ни Лильки Хохловой, ни ее домика с садиком, ни могилки Лаврика, ни яблоньки над ней…

Все было снесено и заасфальтировано. Из асфальта в небо торчали высокие красивые многоэтажные дома, выстроенные по последнему слову антисейсмической техники.

Михаил Сергеевич постоял, попытался вызвать в своей памяти разные живые картинки прошлого, связанные именно с этим местом, но у него ни черта не получилось! Асфальт мешал. Туповато-горделивые домища, раскаленные солнцем стада автомобилей у подъездов – все мешало…

Расплавляло память, разрушало ее, превращало в какой-то мусор обрывочных воспоминаний, не трогающих ни душу, ни сердце…

Обычный примитивный анкетный мусор событий совершенно не складывался в цельную картину прошлого – такого горького, дорогого и неповторимого, безжалостно закатанного в толстый слой асфальта и раздавленного высоченными антисейсмическими домами. Михаил Сергеевич еще немного потоптался там, да и побрел в свою гостиницу…

⁂

…Но тогда, в то время, пока пятнадцатилетнего Мику Полякова еще не перевели из общей камеры в одиночную и ему необходимо было постоянно следить за собой, сдерживаться и делать вид, что его ничто не касается, внутри Мики все буквально в клочья рвалось от тоски, одиночества и беспомощности.

Это уже потом, после того как любопытный начальник УГРО выслушал не очень внятную лекцию своего дружка профессора Вадика Эйгинсона о «неограниченных возможностях человека» и на всякий случай распорядился перевести М. Полякова в одиночку, Мика, оставшись наедине с самим собой, наконец-то смог дать себе волю.

И зубами скрипел во сне, как говорили надзиратели, «аж в коридоре было слышно!..», и в подушку наплакался, и первую тройку суток ни к утренней пайке, ни к вечерней даже не притронулся.

Ну не знал тот однолапый начальник, что ему делать с этим Мишкой-художником! Суду не подлежит по малолетству, ни одна кража не доказана, его захват на чердаке у старого «планакеша» в Талгаре квалифицируется лишь как «попытка совершения кражи…» – не больше. А что еще? А ни хрена…

Обвинить его в шести убийствах? Но ведь все – от постового до генпрокурора – тебя же на смех поднимут! Какие убийства?! Все

вышеупомянутые скончались от причин совершенно естественных, можем даже трупы проэксгумировать и повторить экспертизы!

А начнешь ссылаться на разные «аномальные явления», станешь блеять о «высшей нервной деятельности», заикнешься о «неограниченных биоэнергетических возможностях человека», и тебя самого в психушку упекут…

Тем более что если уж и посчитать те шесть смертей убийствами, совершенными М. Поляковым, так нужно признать, что в пяти случаях пацан действовал «в пределах необходимой самообороны» и лишь в одном случае, с артистами – «с целью мщения».

Начальник, как мог, затягивал следствие – то якобы доказательств недостаточно, то не все потерпевшие выяснены, то суммы похищенного не сходятся с показаниями потерпевших – причем, все наоборот, в пользу подозреваемого!..

Например, сержанты в штатском привезли из Талгара два трупа – молодого и инициативного товарища-оперативника и застреленного им же Лаврика, а также арестованного М. Полякова и в качестве вещественных доказательств попытки совершения кражи привезли триста сорок тысяч рублей, принадлежащих старому планакешу…

А когда того вызвали в Алма-Ату как потерпевшего, старик расплакался при виде денежной груды и сказал:

– Ой-бояй!.. Не мои деньги!.. Откуда бедный человек столько денег взял?! У меня на чердаке всего три тысяч было… На свои похороны копил…

Начальник знал, что старик купил чуть ли не всех хозяев Талгара, но ничего не сказал. Вернул старику три тысячи под расписку, а остальные сдал в доход государства.

Однажды начальник сам пришел в одиночку к подследственному. Принес ему в камеру его же планшет с листами бумаги для рисования, с уже заточенными карандашами, но без скальпеля. Зато с пачкой папирос «Дели». Собственный тридцатник выложил. Сам не курил.

– Рисуй, – сказал начальник. – Чего зря задницу просиживать?

– Спасибо, – ответил Мика. – Отправьте меня на фронт. Все равно же судить не будете – малолетка. Закон…

– Ну, это как сказать, – усмехнулся начальник. – Закон что дышло, куда повернул – туда и вышло. Кури, кури, не стесняйся!

– Поговорите в военкомате. Пусть меня на фронт отправят, – повторил Мика. – Вы, я смотрю, уже побывали там…

– Нет, – честно сказал начальник. – Не был я ни на каком фронте.

– А это?.. – Мика показал на правую искалеченную руку начальника.

– Это мне одни бандюки лет десять тому назад отрубили. А ты сам в военкомат не торкался?

– Один раз. Еще в прошлом году.

– Ну и что?

– Взяли за шкирку и… того.

– Их тоже понять можно.

– Нет. Нельзя.

Начальника все время подмывало задать пацану один, самый важный вопрос. Но он понимал, что если пацан ответит на него утвердительно, то он, начальник, и сам долго не проживет. Этот вопрос может стать для него же, начальника, смертельным приговором.

И все же… И все же… И все же! Он был настолько любопытен, и этот пацан ему так нравился, что начальнику показалось, будто если он сейчас его об ЭТОМ спросит, пацан почувствует его симпатию к себе и оставит его в живых…

Начальник сидел на Микиных нарах, а Мика по-блатняцки пристроился на корточках, привалившись к противоположной стене камеры, и с наслаждением курил, аккуратно стряхивая пепел в ладошку.

– Ты, говорят, все время физкультурой занимаешься? – спросил начальник, не решаясь перейти к самому главному вопросу. – Стойки делаешь на руках, отжимаешься… Верно?

– Прогулок у подследственных нет – нужно форму поддерживать. Но вы же не об этом хотели меня спросить.

– М-да… Верно… Не для протокола, как говорится. Скажи мне, Миша… КАК ТЫ УБИЛ ШЕСТЬ ЧЕЛОВЕК?

Мика помолчал, глубоко затянулся, посмотрел прямо в глаза начальнику и поправил его:

– СЕМЬ. Был еще один гаденыш в Ленинграде до войны. В школе.

Начальник мгновенно вспотел. Он ждал всего, чего угодно, но только не такого откровенного признания… И все равно ведь не доказать. Не доказать никогда!

– Конечно, – улыбнулся ему Мика. – Не докажете. Никто не поверит.

Начальник охнул, перевел дух, еле выговорил:

– Что-то у нас с тобой, Михаил, какая-то ненаучная фантастика получается!.. Какой-то Жуль-Верн, понимаешь… Ты что, и мысли умеешь читать?!

– Нет, – сказал Мика. – Я просто представил себе, что вы можете подумать.

– А ты не боишься, что весь этот разговор наш сейчас записывается?.. Ну, сам знаешь как… Ты же в звукоцехе работал, да?

– Нет, не записывается, гражданин начальник. Я бы это почувствовал.

– Как?!

– Не знаю. Действительно не знаю. Просто почувствовал бы.

Как бы в подтверждение своей обостренной восприимчивости Мика неожиданно для себя увидел, что начальник уголовного розыска, которому десять лет тому назад бандиты отрубили кисть правой руки, излишне напряжен и пугается его, Микиных, откровений.

Вот Мика и решил снять с начальника это напряжение.

– И пожалуйста, гражданин начальник…

– Говори нормально – Петр Алексеевич.

– И пожалуйста, Петр Алексеевич, не бойтесь меня. Я теперь ЭТО делаю только в САМЫЙ ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ, КОГДА УЖЕ НЕТ ДРУГОГО ВЫХОДА…

– Спасибо, Миша, – искренне поблагодарил его начальник Петр Алексеевич. – Кто-нибудь из близких знает, где ты?

На мгновение Мика представил себе реакцию папы, когда тот все про него узнает, и, оберегая спокойствие Сергея Аркадьевича, быстро сказал:

– У меня никого нет.

Это была единственная фраза Мики, в которую Петр Алексеевич еще два дня тому назад ни за что не поверил бы…

Он встал с Микиных нар и спросил без видимого интереса:

– Ты поэта Симонова Константина Михайловича знаешь?

– «Жди меня, и я вернусь, только очень жди…»?

– Да. – Начальник Петр Алексеевич вынул из внутреннего кармана пиджака много раз сложенную газету и протянул ее Мике. –

На-ко вот, Михаил. Почитай газетку. Тут товарищ Симонов описал очень грустную и, как мне кажется, важную для тебя историю…

⁂

В этой газете очерк Константина Симонова был проиллюстрирован двумя фотографиями, одна из которых была превосходно знакома Мике с самого его раннего детства.

На этой фотографии, в очень элегантном летном комбинезоне с меховым воротником, стоял молодой и красивый Сергей Аркадьевич Поляков с залихватской курительной трубкой в зубах. На голове у него был высокий жесткий авиационный шлем со специальными очками – «консервами». Сергею Аркадьевичу на этом фото было ровно двадцать четыре года. Ровно потому, что в газете под фотографией, была точно определена дата: «Год 1916. Первая мировая война. Шеф-пилот двора его императорского величества, кавалер трех Георгиевских крестов, вольноопределяющийся Сергей Поляков».

Мика всегда знал эту фотографию. Она висела у отца в кабинете, в окружении фотографий других летчиков того времени, снимавшихся на фоне своих «ньюпоров» и «блерио».

Все эти дореволюционные фото были когда-то подарены Микиному отцу с гордыми и мужественными посвящениями вроде: «На память и добрые воспоминания о лучших днях в 38-м корпусном авиационном отряде – доброму, лихому товарищу Сереже Полякову от подпоручика М. Плетнякова. Деревня Замошье, ноябрь 1915 г.».

Или: «На добрую, долгую память дорогому бесстрашному Сержу Полякову от летчика XII-го Истребительного Авиационного отряда князя Владислава Лерхе. Рига, 9 августа 1916 года. Действ. армия».

Все эти подписи были с ятями и латинскими i – просто палочка с точечкой сверху…

Вторую фотографию в газете Мика видел впервые. Снимок был сделан, наверное, впопыхах, с не очень близкого расстояния и уж совсем не для газеты, а просто так.

Худощавый, осунувшийся пожилой майор Поляков держал в руках хроникальную киносъемочную камеру «Аймо», стоял у пикирующего бомбардировщика Пе-2 с молоденькими летунами, и у ног Сергея Аркадьевича валялся его парашют.

На этом снимке Сергею Аркадьевичу чуть больше пятидесяти. Он вдвое старше каждого из тех, с кем разговаривал тогда, когда их кто-то

сфотографировал…

А под фото – подпись: «Осень 1943 года. 22-я Воздушная армия. Кинорежиссер-оператор Сергей Аркадьевич Поляков с экипажем самолета перед вылетом на свое последнее боевое задание».

…Звеном, тремя машинами, с высоты в две с половиной тысячи метров они свалились в почти отвесном пике на немецкую мотострелковую колонну…

Из пикирования выходили в горизонтальный полет прямо у немцев над головами! И снова – в набор высоты…

Сергей Аркадьевич снимал из кабины стрелка-радиста…

Ему очень нужны были кадры атаки!..

Он уже несколько месяцев был прикомандирован к пикировщикам 22-й Воздушной армии, и ему оставалось доснять совсем немного планов для того, чтобы потом приехать в Алма-Ату и спокойно сесть монтировать большой документальный фильм о фронтовых летчиках этой войны…

Кажется, так писал Симонов.

Он даже написал о том, что в начале войны Сергей Аркадьевич Поляков потерял жену, скончавшуюся у него на руках в Свердловске.

Потом без вести пропал его сын – поразительно талантливый мальчик, рисунками которого восхищались известные и признанные художники…

У бывшего русского летчика, героя Первой мировой войны, у человека глубоко интеллигентного, свободно владевшего тремя европейскими языками, пришедшего в советский кинематограф на заре его возникновения и ставшего кинорежиссером, эта война отняла все – дом, жену, сына…

У него не оставалось ничего, кроме его профессии, писал Симонов… Он, режиссер, ушел на фронт своей второй войны, взял в руки камеру и стал снимать самый главный фильм своей жизни.

А теперь советский кинематограф понес невосполнимую утрату, писал Симонов, – погиб Сергей Аркадьевич Поляков…

Погиб как настоящий летчик, как истинный авиатор – в воздухе.

⁂

«Ночь, улица, фонарь, аптека…»

Может быть, потому, что камера, нары, тусклый контрольный свет, ночь сквозь решетку в окошечке под самым потолком…

В голову лезут какие-то ни черта не значащие пустяки, осколочки…

…вот папа несет трехлетнего Мику из ванной, завернув его, как куколку, в огромное махровое полотенце…

…вот папа учит шестилетнего Мику читать…

Он почему-то выбрал отрывок из Кервуда, где герой попадает в бездну. И вот это многократно повторяемое слово – «бездна» очень мешает Мике сосредоточиться… Уж слишком эта БЕЗДНА похожа на одно жуткое матерное дворовое ругательство! И Мика странно стесняется его произносить… И от этого почти не может читать. А папа нервничает:

– Ты же вчера уже прекрасно читал!

– Там было другое… – краснея, стыдливо шепчет Мика.

– Господи! Какая разница?! – не может понять папа.

…Папа и восьмилетний Мика вернулись с Елагиных островов… Или они тогда уже были Кировскими?.. Стояли час в толпе, глазели на новый аттракцион, допускались только взрослые. На человека надевали парашют, два служителя расправляли его палками над головой у счастливца, он становился на металлическую решетку, а внизу, под решеткой, запускали авиационный двигатель с пропеллером. Могучей струей воздуха человека с парашютом поднимало ввысь метров на тридцать. Потом двигатель выключали, и смельчак плавно опускался на парашюте на землю.

Мика мечтал, чтобы ЕГО папа вознесся бы в небо на этом парашюте! Но очередь за билетами была такой длинной, да и папа не выказывал никакого желания…

С островов папа завез Мику домой, а сам уехал на студию. На вечернюю смену. И Мика красочно рассказал маме, «как папа летал на парашюте»! Причем с кучей подробностей, которые взахлеб придумывал по ходу рассказа. «И когда папа взлетел в небо, он стал маленьким-маленьким…»

Вечером мама устроила папе дикий скандал. Она обвинила его в черствости, в нелюбви к ней и Микочке, в потрясающем равнодушии – как он позволил себе так рисковать, да еще на глазах у собственного ребенка?!

Папа, как мог, отбрыкивался, утверждал, что аттракцион рассчитан на «широкие слои трудящихся» и поэтому совершенно

безопасен. Но Мику с его фантазиями не предал. Пришел в детскую, сел к нему на кроватку, поцеловал на ночь и тихо-тихо спросил:

– Ты зачем все это наплел маме?

Мика уткнулся носом куда-то между папиным подбородком и воротничком его рубашки и прошептал:

– Мне так хотелось, чтобы ты тоже там полетал…

– Чего же ты мне не сказал об этом на островах? Ты думал, что я боюсь?

– Да…

Папа улыбнулся, поцеловал Мику еще раз и, уходя, сказал:

– Нет, Микуля. Просто там была такая большая очередь, а я не мог опоздать на студию к началу съемки. У меня же была вечерняя смена…

Что же еще?.. Что же еще?..

А… Спряжение французских вспомогательных глаголов «этр» и «авуар». Как там…

– Же-тю-а-иль-а-ну-з-авон-ву-заве-эль-зон…

– Не так слитно. Разделяй. Думай, что ты произносишь.

– Же сюи, тю э, иль э, ну сом, ву зет, эль сон… Папуля, ну отпусти меня, пожалуйста! Я же на гимнастику опаздываю!..

– Хорошо, но чтобы завтра…

– Спасибо, папочка! Любименький! «Отец родной»!

– Иди, иди, «сын мой», – смеется Сергей Аркадьевич…

И потом сразу же – «Дом Советов», клетушка прокисшего гостиничного номера.

– Папочка… Открой глаза! Мне тебя никак на кровать не переложить… Помоги мне! Не надо больше водки, папочка… Ну папочка же, пожалуйста!!!

…А потом базар, стенка склада, груда ящиков из-под яблок, папироски «Норд»…

– Как только снимут блокаду, я вернусь в Ленинград, сразу же вышлю тебе вызов, мы найдем Милю и снова заживем все вместе… Ты мне веришь, сыночек?..

⁂

Мика лежит на нарах, лицо накрыто газетой…

А в голове уже начинает пульсировать глухая, знакомая, разливающаяся боль… Она заполняет все черепное пространство…

В ушах усиливается звон… В висках – как молот по наковальне…

Жар охватывает все тело!.. Страшный, испепеляющий жар…

Горит лицо, тело… Руки деревенеют, пальцы судорожно сжимаются в кулаки, ногти впиваются в ладони…

Спазм перехватил глотку – не вздохнуть!.. Воздуха… Воздуха! Нечем дышать…

– Воздуха-а-а!!! – сипло кричит Мика, и газета соскальзывает с его лица на пол. – Дверь!.. Откройте дверь!.. Я задыхаюсь!.. Дверь!!! Окно откройте-е-е!.. Суки-и-и-и…

А из – за двери спокойный, ко всему привыкший голос с сонным взглядом в «глазок»:

– Не психуй. Хочешь «закосить», дождись утра, доктор тебе клизму вставит. А сейчас – ночь. Спи. Не блажи.

Боже мой, но сейчас же голова разорвется на части!.. Нет больше сил себя сдерживать…

– Папочка! Папочка!.. – истошно кричит Мика в полном отчаянии. – Открой мне дверь!.. Немножко воздуха… Я задыхаюсь! Ну хоть окно открой… Я ведь тут совсем один… Совсем один! Ты меня не узнаешь?.. Это я – Мика… Твой сын, папа!.. Возьми меня с собой, папочка… Я не хочу больше жи-и-и-ить!!!

Дикий, рыдающий крик Мики слышен на весь коридор следственного изолятора! Он летит мимо дверей остальных камер, пронзает толстые кирпичные стены, мчится по сливным водопроводным трубам, соединяющим все параши всех камер воедино, в один сток этой проклятой жизни!..

О, эти параши!.. Знаменитые тюремные репродукторы! В них кричат из одной камеры, чтобы быть услышанным в другой…

Вот и сейчас из Микиной параши сквозь воду, мочу и дерьмо несется изо всех камер:

– Художник, что с тобой?!

– Тебя бьют, Мишка?..

– Мусора! Суки-и-и!.. Оставьте пацана, бляди!!!

– Фашисты подлючие. Мишку не трогайте!..

Но Мика ничего этого не слышит: сейчас в его сознании только два врага – запертая дверь и закрытое окно с решеткой.

Неужели это тот самый ПОСЛЕДНИЙ МОМЕНТ, КОГДА УЖЕ НЕТ ДРУГОГО ВЫХОДА?!

И тогда…

Страшной, невероятной силы беспощадный разряд обрушивается на толстую, окованную железом дверь Микиной камеры!

Как взрыв, как крушение поездов – грохот и треск на всю следственную тюрьму…

Вспучивается и вдребезги разлетается тяжеленная дверь! В противоположную стенку коридора осколком разорвавшейся бомбы врезается дверной засов с замком, а сама дверь, или, вернее, то, что от нее осталось, вылетает в коридор изолятора уже уродливым комом изломанных досок с искореженным и скрученным железом!..

Словно аккомпанемент к этому взрыву – запоздалый звон сыплющихся осколков оконных стекол, перемежаемый глухим стуком падающих кирпичей из стены, куда была встроена оконная решетка…

ЧП в следственном изоляторе…

Чрезвычайное происшествие.

Саперы осматривают дверной проем бывшей Микиной камеры, вырванную и выгнутую решетку из разрушенного окна под потолком…

– Не, – говорит один сапер. – Это не взрыв. Может, удар или еще чего… А только не взрыв.

Начальства понаехало видимо-невидимо. И партийного, и милицейского, и другого – в штатском…

– Что же это за «удар» может быть такой, чтобы чуть полэтажа не снесло?! – кипятится один в кожаном реглане. – Взрыв, конечно!

– Был бы взрыв – кислятиной бы пахло, – устало возражает ему командир саперов. – Следы обгорелости, оплавленности, другой рисунок разрыва металла…

– Может, когда в тридцать шестом строили – тогда и заложили? А оно сейчас сработало! – говорит другой начальник в драповом пальто с серым каракулевым воротником.

Всем очень нравится эта идея. Она начисто исключает другие рассуждения на эту тему.

– Очень правильно говорит товарищ Карсакпаев! – подхватывает один в штатском. – Тогда врагов народа было больше, чем честных и преданных людей!.. Очень правильная мысль, товарищи…

⁂

В другой камере-одиночке – с целыми дверями и распахнутым для свежего воздуха окном с внешней решеткой – пьют горячий чай из алюминиевых кружек начальник уголовного розыска Петр Алексеевич и закутанный в ветхое тюремное одеяло Мика…

Со стороны коридора изолятора у дверей Микиной камеры стоят два надзирателя.

Подошел к дверям камеры товарищ Карсакпаев в сером каракуле:

– Ну-ка, откройте. Посмотрим на этого щенка.

– Не приказано, – говорит один надзиратель.

– Допрос идет, – добавляет второй, не двигаясь с места. Очень это не нравится товарищу Карсакпаеву.

– Ну-ну, – говорит он и уходит.

…В камере Мика держит кружку двумя руками. Чтобы не жгло руки, обернул кружку обрывком грязного полотенца.

Начальник Петр Алексеевич пододвигает к Мике поближе колотый кусковой сахар, который принес Мике из дому, и сокрушенно говорит:

– Напрасно я тогда от тебя ушел… Хотел не мешать твоему горю. А видишь, как вышло… Надо было мне остаться с тобой. Когда живой человек рядом – всегда легче…

Сидит закутавшийся в одеяло обессиленный Мика, держит в обрывке полотенца большую алюминиевую кружку, руки дрожат, по лицу текут слезы…

Мика их не стесняется перед посторонним человеком. Даже не вытирает. Спокойно говорит начальнику:

– Нет. Это хорошо, что вас не было, граж… Петр Алексеевич. Не дай бог, вас бы зацепило…

– Ты сахар-то кушай, Михаил. Тебе сейчас нужно сил поднабраться. Тебе еще жить и жить!.. Ешь сахар.

– Спасибо. Петр Алексеевич, можно я эту газету себе заберу?

– Конечно.

– И еще… Там, в «Доме Советов», в камере хранения отец оставлял свои вещи, когда уезжал на фронт. Вот эту фотографию они взяли именно оттуда, из папиного чемодана.

Мика показал на газетное фото, снятое в шестнадцатом году.

– Но там были и еще снимки. Других летчиков, мамины… Мне ничего не нужно. Только фотографии. Заберите их, пожалуйста. И из

газеты пусть вернут. Зачем она им теперь? Еще в чемодане – старое папино удостоверение шеф-пилота… Оно по-французски «Брево» называется. Там на пяти языках все написано… Вы сами увидите. А когда я выйду на волю…

– Понял. – Петр Алексеевич что-то записал в небольшую книжечку. – Все разыщу и сохраню для тебя… Кушай, кушай сахар. Не стесняйся. Он тебе сейчас – во как необходим!..

– Спасибо. Я кушаю.

Петр Алексеевич аккуратно скосил глаза на закрытую дверь камеры, подвинулся поближе к Мике и совсем негромко сказал:

– А теперь слушай меня внимательно. Если тебя кто-нибудь начнет спрашивать, как ты уцелел во время того, что произошло в той камере, скажи, что в эту секунду ты был под нарами. Дескать, охнарик завалился туда и ты полез его искать… Или карандаш, к примеру. Понял?

⁂

– Слушай, Мишка!.. Я чего спросить-то тебя хотел!.. Совсем из башки выскочило. Ну надо же!.. Вот когда у тебя в той камере чегой-то там рвануло так, что двери вышибло и решетку из окна вырвало, как тебя-то Господь уберег? Я понимаю – Бог не фраер, Бог хороших людей в обиду не дает, но ведь, поглядите, Виктор Иванович, на Мишке-то нашем – ни царапинки!..

– А правда, Михаил… Полкамеры – вдребезги, а ты, говорят, как лежал на нарах, так и нашли тебя в том же положении целехоньким… Ты-то что думаешь по этому поводу?

…Эти двое в гражданском – одному лет двадцать семь, второму за сороковник – уже полтора часа играли достаточно примитивно выстроенный, не очень слаженный, но хорошо накатанный спектакль. Куда Мика был вовлечен и в качестве обязательного зрителя, и невольного участника этого спектакля, которому время от времени отводилась главная роль.

Младший отрекомендовался запросто – Колей, поигрывал в «своего» и слегка «приблатненного». Как сказал бы Лаврик, «даже пытался по фене ботать не в жилу».

Старший – Виктор Иванович – от этого невольно хмурился. Но не оттого, что Коля делал это неловко и нелепо, а чтобы предъявить себя Мике, выросшему, как он понял из уголовного дела, в интеллигентной

семье, ревнителем чистого русского языка. Что должно было демонстрировать подследственному как чистоту помыслов Виктора Ивановича, так и чистоту и непорочность той организации, которую он представлял вместе со своим младшим, еще «не совсем созревшим» коллегой Колей.

Полтора часа тому назад надзиратель открыл «выводному» конвоиру дверь новой Микиной камеры, поставил Мику лицом к стене, доброжелательно и достаточно нормально обшмонал его, как и было положено, и передал его конвойному. Вместе с Микиным планшетом, рисунками, карандашами и газетой «Красная Звезда» со статьей Константина Симонова.

Конвоир дал это все нести самому Мике и повел его в «спецпомещение». Не на допрос, а на так называемую беседу с представителями Сталинского райвоенкомата города Алма-Аты.

– Може, не в колонию, а на фронт сошлют… В колонии-то оно безопасней, – на ходу, словно чревовещатель, не разжимая губ, сочувственно прошептал конвойный, а вслух крикнул на весь коридор: – Руки за спину!!!

Мика тут же убрал руки за спину.

– В колонии я уже был. Лучше на фронт.

– Хоть ты и художник, а дурак, – пробормотал конвоир.

…Уже через десять минут Мика понял, что люди, пригласившие его на «беседу», к военкомату имеют такое же отношение, как он, Мика Поляков, – к казахскому «народному» оперному эпосу композитора Сандлера «Кыз-Жыбек». Но не показал им этого.

И как только этими «представителями военкомата» был задан вопрос, что думает Мика по поводу своей счастливой невредимости во время «взрыва» в камере, Мика вспомнил последнее чаепитие с гражданином начальником Петром Алексеевичем и ответил легко, не задумываясь:

– Курить хотелось – уши пухли! А «бычок»… Ну «охнарь»… Окурок в смысле, под нары закатился. Я полез туда за ним, а тут как жахнет!.. Я из-под нар вылезаю – ни двери, ни окошка… А меня ноги не держат… Ну я и прилег обратно на нары. И знаете, что самое интересное?

Коля и Виктор Иванович быстро переглянулись, подались вперед, поближе к Мике, чтобы не упустить ни одного его слова.

– Курить совершенно расхотелось!.. – удивленно сказал Мика.

Он слышал, как хрустнули костяшки пальцев Коли, невольно сжавшиеся в кулак…

Увидел резко очерченные скулы Виктора Ивановича и его ноздри, раздувшиеся от ненависти…

От ненависти к нему, пятнадцатилетнему интеллигентному Мике Полякову – сыну похороненной где-то в Свердловске одной из самых красивых и блистательно-остроумных женщин Ленинграда и Москвы довоенного времени… Сыну шеф-пилота двора его императорского величества в Первой мировой войне и кинорежиссера во Второй, две недели тому назад погибшего на фронте при выполнении не боевого, а собственного задания чести – защищать ту землю, за которую он с отвагой и гордостью начал воевать еще в 1914 году…

Неожиданно в Мике возникло это понимание подлинно классовой ненависти Коли и Виктора Ивановича к нему, к Мике Полякову, – он просто произошел от другой, чуждой им субстанции. Не от той, от которой возникли они сами.

Мика был для них чужой. Из чужой стаи. А в них предками была заложена животная ненависть к чужакам – таким, как Мика, его покойная мама, как только что отвоевавший за Колю и Виктора Ивановича Микин папа – Сергей Аркадьевич Поляков…

И это обжигающее ощущение ненависти, еле-еле прикрытой двумя-тремя обветшалыми, уже истлевшими лозунгами о равенстве и братстве, буквально взрывало изнутри раздерганную и незащищенную душу Мики Полякова.

У него даже легкая головная боль началась!

Ах, нехороший предвестник, опасная это штука…

«Нет! – сказал себе Мика. – Нету никакого КРАЙНЕГО СЛУЧАЯ. Нужно взять себя в руки и вернуть этого вонючего, фальшиво приблатненного Колю и его подельничка – страшноватенького Виктора Ивановича в их же собственный сценарий, в ими же сочиненную пьеску для „военкомата с оркестром”».

Господи… Были же люди вокруг – Миля, папа, Лилька, Лаврик… Да те же несчастные базарные инвалиды! Петр Алексеевич – начальник всего уголовного розыска…

А теперь – эти двое. «Понтярщики» всесильные! С говном сожрали бы, волки позорные… Но что-то же им от Мики НУЖНО?!

– А меня когда отпустят?

– А это уж как мы решим.

– Так за мной же ничего нет… Даже кражи. Только лишь «попытка совершения». Я и так уже полтора месяца срок мотаю! Лучше б на фронт послали…

– Хочешь искупить? – спросил Виктор Иванович.

– Мне искупать нечего, – жестко сказал Мика. – У меня отец две недели тому назад погиб там!..

– Очень хорошее толковище намечается!.. – обрадовался Коля. – Ты, Мишка, прямо в тему попал. Насчет фронта.

– А можно ли ему доверять? – сыграл «сомнения» Виктор Иванович и посмотрел на Колю.

«Пугнуть их, что ли? – подумал Мика. – А то уж больно они непобедимые, дальше некуда».

И Мика поднял потемневшие глаза на Колю и Виктора Ивановича.

В «спецпомещении» для «бесед» и допросов остановилось Время: застыл Коля с открытым ртом, замер Виктор Иванович…

Мике просто захотелось, чтобы они совсем ненадолго перестали дышать… Чтобы хоть чуточку чего-то испугались, суки!

От внезапно навалившегося удушья оба «военкоматовских» деятеля побагровели. Виктор Иванович (наверное, пьет много) даже в синеву с фиолетом пошел.

Вот ведь как может получиться…

Не ждешь, не гадаешь, а ОНА совсем близехонько!

Мика отвел глаза. Не дай бог, еще сдохнут здесь. Тогда совсем не выскрестись. Этого ему уже Петр Алексеевич не простит!

Сейчас завопят, сволочи трусливые.

– Конво-о-ой!.. – первым очухался Коля, часто и судорожно заглатывая спертый воздух «спецпомещения». – Эй, кто-нибудь!..

Зашелся в кашле Виктор Иванович. С трудом, через пень-колоду, еле выговорил:

– Это что?.. Что же это?.. Окошко-то можно было… бы… ебть!

На ходу расстегивая кобуру нагана, влетел конвоир. Коля уже пришел в себя, насыпался на ни в чем не повинного конвоира:

– Оставь, бля, дверь открытой!.. Здесь же задохнуться можно!!! Воды тащи!.. Быстрее, мать твою!

Конвоир метнулся за водой, притащил кружку. Коля сам отхлебнул, стал отпаивать Виктора Ивановича… Потом вспомнил про Мику, глянул на него растерянно:

– Ты-то как?!

– Нормально, – ответил Мика. – Я привык.

Сосредоточился и мысленно приказал Коле и Виктору Ивановичу: «Все. Забыли. Продолжаем ваши „военкоматские” игры…»

Коля тут же усмехнулся (восприимчивый, дешевка, ну просто загляденье! Одно удовольствие с таким дело иметь…) и сразу же ответил Виктору Ивановичу:

– Это Мишке-то Полякову?! Да запросто!

Виктор Иванович ошалело посмотрел на Колю – все еще не мог врубиться в предыдущую тему разговора:

– Ты… Чего это? Николай… А?.. Про что?..

– Вы, Виктор Иванович, спросили меня, можно ли доверять Полякову… А я сказал – запросто!

– Ага… – с трудом выговорил Виктор Иванович и еще немножко попил воды из кружки. – А я чего?..

Коля недоуменно посмотрел на Виктора Ивановича. Таким своего начальника он увидел впервые.

– Ну а вы… Ну а вы вроде бы согласились со мной… – уже неуверенно пробормотал Коля.

Он растерянно посмотрел на Мику и, словно ища у него подтверждения, спросил:

– Так?..

– Так, – подтвердил Мика.

Виктор Иванович немножко помолчал, окончательно пришел в себя и уже уверенным начальственным тихим голосом произнес:

– Ну что ж. Тогда будем действовать в соответствии… Начнем с расписочки о неразглашении. Срока давности она не имеет. Это тебе, Михаил, на всю жизнь. Почитай-ка вот здесь… Что тебе грозит по законам военного, а также любого времени, если ты… Читай, читай! Грамотный… Вот тебе перо, вот чернила – прочтешь, подпишешь. Понял?

– Так точно.

⁂

…А ведь совсем недавно где-то был жив папа… Лилька Хохлова лепила казахские манты и слабеньким голоском вторила своему хрипатому патефончику: «…И тогда с потухшей елки тихо спрыгнул ангел желтый…», а живой Лаврик благодушно подтренькивал им на гитарке…

⁂

В связи с войной поток новых и удивительных идей и открытий Народного комиссариата внутренних дел СССР в отношении собственного народа несколько поиссяк и сузился.

Многое из того, что было прерогативой НКВД, взяла на себя противоборствующая воюющая сторона – немцы. Первые два с половиной года войны немцы это делали тоже достаточно успешно…

Однако несправедливо было бы считать, что творческий потенциал НКВД – этой могучей организации – пошел на убыль. В соответствии с военным временем он принял иное направление, несколько изменил формы работы, но никому в стране не позволил даже усомниться в собственной необходимости!

Первые отделы в каждой тыловой организации, фронтовые Смерши и Особые отделы, заградительные отряды и переселения «отдельных ненадежных лиц» в количестве сотен тысяч с родовых мест на обживание зауральской тайги и очеловечивание североказахстанских степей…

Организация партизанского движения в тылу врага; фильтрационные пункты для чудом спасшихся и бежавших из немецкого плена; концлагеря для лиц, проживавших на временно оккупированной территории…

А беспощадное поддержание боевого духа советского человека и смертельная борьба с пораженческими настроениями? А создание самых различных разведшкол и спецподразделений? Все это было НКВД, НКВД и НКВД.

Вторая половина военного сорок третьего года принесла надежды на перелом…

А зима сорок третьего – сорок четвертого сделала эти надежды реальностью. Истекающая кровью страна должна была увидеть откат немецких войск по всем фронтам.

Если до полной победы предполагалось еще миллионов пятнадцать мертвецов, то планировать будущее было необходимо уже

сейчас. Потому что после полного перелома мы столкнемся с тем, чего никогда не пробовали, – с войной в горах по всему югу.

Сначала это будет наш Кавказ, потом, дай бог, Югославия, Италия, Австрийские и Баварские Альпы… О немецких же военных альпинистах и скалолазах из дивизии «Эдельвейс» слагались пугающие легенды, которым нужно было что-то противопоставить. Не только контрпропаганду, а нечто более осязаемое.

Успеть подготовить к горной войне большие специальные соединения нереально. Да и технически не обеспечить. Значит, необходимо что-то компактное, мощно подготовленное, безжалостное и жестокое – возможно, с судьбами японских камикадзе. Или несчастных советских пареньков, которые бездарно погибали, отброшенные пулеметной очередью, когда они, по наущению политруков, пытались закрывать немецкие амбразуры своими телами…

Впервые о таком подразделении задумался Генеральный штаб. Но, как всегда, выиграл НКВД.

Одним из самых утонченных изобретений второй половины сорок третьего года оказалась созданная Народным комиссариатом внутренних дел Школа горноальпийских диверсантов.

«Утонченным» изобретением и даже, можно сказать, «изысканным» оно было потому, что курсантами этой маленькой и очень-очень секретной школы должны были быть не взрослые громилы – косая сажень с пудовыми кулаками, способные голыми руками завязать узлом ствол самоходного немецкого орудия «Фердинанд» и преисполненные нашей народной сказочной хитрецы и мудрости, которые позволят им «одним махом семерых убивахом…».

Нет… Учиться в этой школе должны будут четырнадцати- и пятнадцатилетние озлобленные, изъеденные вшами, готовые на любую мерзость мальчишки-беспризорники, маленькие лихие карманники, тощие от тюремно-милицейской баланды, юные наглые налетчики, бесстрашные, ловкие «скокари», безжалостные грабители с ломающимися от возраста голосами и малолетние воры-рецидивисты, не боящиеся ничего на свете – ни Бога, ни черта, ни Советской власти!..

Расчет энкавэдэшных психологов был прост как репка и стар как мир. Мир того времени, когда он впервые обратил внимание на

психологию подростков…

1. В 14–15 лет в подростковом организме происходит период бурного полового созревания.

2. Гормональная, или, точнее, тестостеронная, зависимость подростка в этот период настолько велика, что подросток в обязательном порядке мнимо преувеличивает собственные возможности.

3. Данная особенность возраста лишает подростка ощущения опасности при совершении того или иного действия.

4. Именно этот возраст – 14–15 лет – наиболее обучаем новым физически-двигательным процессам и навыкам.

5. Ни в одном из возрастных периодов жизни человека нет такой острой конкурентно-соперничеcкой проявленности, как в возрасте 14–15 лет. Что необходимо обязательно использовать в учебном процессе как движущий фактор постоянного воздействия.

6. Помимо вышеуказанных компонентов, характеризующих особенности психофизиологических свойств подростков 14–15 лет, следует учесть, что учебно-воспитательная работа обязательно будет затруднена в связи с полным отсутствием у данного контингента ощущения так называемого АВТОРИТЕТА ВЗРОСЛЫХ.

…Дальше шли рекомендации специалистов по кадрам.

Они были не так наукообразны, как программа психологов, зато состояли из открыто-циничных и жестких требований по принципу чем хуже – тем лучше.

Первое и основное требование: полное отсутствие у подростков родителей, старших братьев и сестер, опекунов и близких родственников, которые впоследствии могли бы заинтересоваться судьбой данного подростка. Проверка по этому пункту должна производиться строжайшим образом!

Отбор контингента следует производить с учетом максимальной тяжести совершенных им преступлений, длительности срока преступной деятельности. Тогда обучение в данном подразделении будет расцениваться подростком как избавление от судебного преследования и последующего наказания. Что в процессе обучения необходимо постоянно поддерживать в сознании обучаемого.

При оптимальном количестве обучаемых в данном подразделении – 60 (шестидесяти) уголовно наказуемых подростков первичный набор

следует произвести в количестве 80 (восьмидесяти) единиц. Аналитическая служба, учитывая особенности программы четырехмесячного обучения, прогнозирует потери обучаемых со смертельным исходом в процессе обучения не менее 20–25 %.

Таким образом, при окончании курса численный состав «выпускников» естественным образом подойдет к запланированным 60 (шестидесяти) человеко-единицам.

Политорганы Народного комиссариата внутренних дел, участвовавшие в разработке проекта горноальпийского лицея для малолетних преступников, выдвинули обязательное требование, по цинизму превосходящее все вышеперечисленные «изыски» предыдущих специалистов.

Каждый подросток, зачисленный в данное подразделение, обязан быть членом Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи!!! Комсомола, так сказать…

⁂

– Подписал? – спросил Виктор Иванович, хотя сам внимательно следил за тем, как Мика подписывал обязательство о неразглашении военной и государственной тайны, а также других сведений служебного характера.

– Подписал.

– А теперь встань.

Мика поднялся из-за стола.

– Вынь руку из кармана, – строго сказал Коля. – Встань как положено.

Мика вытянулся. Почувствовал – сейчас что-то будет… Неужто – воля?!

Виктор Иванович тоже встал. Глазами приказал Коле подойти поближе.

– Ну вот, Михаил, – тихо и торжественно произнес Виктор Иванович. – Теперь ты наш. В смысле – один из нас. Но в наших рядах могут быть только…

Виктор Иванович наклонился над столом, приоткрыл потертый служебный портфель, порылся в нем и сокрушенно пробормотал:

– Куда засунул, ети его мать?..

– Вы ж его под Мишкино дело положили, – негромко подсказал Коля.

– Ага…

Виктор Иванович приподнял толстенькую картонную папку с уголовным делом М. С. Полякова, обвиняющегося в «попытке совершения кражи и подозревающегося в нескольких десятках квартирных краж, совершенных с особой дерзостью» в самых разных городах Казахской Советской Социалистической Республики.

– Ага, – повторил Виктор Иванович и что-то вытащил из-под Микиного уголовного дела. – Но в наших рядах могут быть только члены Коммунистической партии или комсомола. А посему разреши, товарищ Поляков, поздравить тебя со вступлением в Коммунистический Союз Молодежи. В авангард нашей родной партии, так сказать!..

Левой рукой Виктор Иванович подал Мике комсомольский билет, а правую протянул для рукопожатия.

Мика растерянно пожал руку сначала Виктору Ивановичу, потом Коле и ошалело раскрыл новенький комсомольский билет, так замечательно и оригинально врученный ему в «спецпомещении» для допросов тюремно-следственного изолятора Управления внутренних дел города Алма-Аты.

В билете черной тушью каллиграфическим почерком было написано: «Поляков Михаил Сергеевич». А ниже: «Дата выдачи» – вчерашний день!.. Вот это да… Да он, Мика, вчера и понятия не имел ни о Викторе Ивановиче, ни о Коле!

Как говорил Лаврик: «Во, бля, техника!..»

С левой стороны комсомольского билета на Мику смотрела его собственная фотография, взятая из его же уголовного дела – анфас, с наголо, по-тюремному, остриженной головой…

Вот он – пропуск на свободу!

На радостях Мика даже простил Виктору Ивановичу и Коле все их ничтожество. Одно слово – ВОЛЯ!!!

⁂

Какая ВОЛЯ?! Какая СВОБОДА?!

Нормальный, без единого окошечка, глухой тюремный воронок для перевозки заключенных.

Только фургон не черный, как обычно, а белый. И по бортам для понта написано «Казплодовощторг».

И внутри все нормальненько, «обезьянник» самый что ни на есть тюряжный и отделение для конвоя – все путем…

И, как положено, пара вооруженных конвойных. В смысле – сопровождающих. Потому что они не в форме, а в штатском.

Кроме Мики Полякова, в «обезьяннике» еще два пацана. Один ни хрена не соображает – планом «задвинутый», а второй – явный карманник с быстрыми отточенными движениями, бегающими внимательными глазами. Рожа очень даже неглупая. Норовит пообщаться.

– Где чалился? – негромко спрашивает он у Мики. Мика только было собирается ему ответить, как тут же один из сопровождающих рявкает:

– Разговорчики!

Перекуривший плана пацан поднимает соловые глаза, ухмыляется, говорит сопровождающему, еле ворочая языком:

– Начальник… Чего хлебало раззявил?.. В рот тебе ишачий болт по самые яйца… Мы теперь свободные люди!.. Комсомольцы, блядь… Понял?..

Один из сопровождающих передает второму своему напарнику портфель с личными делами пацанов и уже отобранными у них новенькими комсомольскими билетами и молча отпирает решетчатую дверь «обезьянника».

Входит, покачиваясь на рифленом полу едущего фургона, поднимает накурившегося пацана за шиворот с металлической скамейки и резко, отточенным движением ударяет его кулаком в живот.

Пацан мгновенно скрючивается, глаза у него выкатываются, широко открытый рот судорожно пытается глотнуть воздух… Он падает на скамейку, затем соскальзывает на железный рифленый пол воронка и разражается неудержимой рвотой с кровью.

Сопровождающий выходит в конвойное отделение, запирает за собой решетчатую дверь и спокойно говорит:

– Тут тебе не милиция, комсомолец.

⁂

А белый фургончик «Казплодовощторга» уже миновал предместья Алма-Аты, яблоневые сады предгорья, неторопко проехал мимо правительственных дач с высокими трехметровыми глухими заборами, затейливо оштукатуренными рельефными казахскими

орнаментами. Что, вероятно, должно было символизировать неразрывную связь между людьми, огороженными исконно народным орнаментом, и самим народом, населяющим всю остальную территорию Казахстана – самой большой республики Советского Союза…

Понимал Мика, как все труднее и труднее взбираться в гору белому фургончику с понтярскими надписями по бортам…

Чувствовал Мика, как трясется липовый казплодовощеторговский фургончик от натуги и неровностей, как переваливается с боку на бок на каменистой горной дороге…

Слышал, как воет двигатель на низких передачах. Как стреляют в днище кузова мелкие камушки, выпуливающиеся из-под колесных покрышек…

Через полчаса тряски и моторного воя дышать стало труднее – зевота одолела. Зеваешь, зеваешь, а до конца не вдохнуть. И похолодало заметно…

Интересно, Медео проехали или еще нет?

Вот Медео Мика знает…

Три месяца назад они с Лавриком вернулись с «гастролей» из Кокчетава – брали там хату военкома. Не то города, не то области. Хрен его разберет… Сильно «пыжоный» мужик был. Всю «наливу» дома, в подвале под кадушкой с кислой капустой, зарыл, дурачок, дай ему бог здоровьичка! Хорошо, что Мика вычислил…

Зато Мике и Лаврику такой «сармак» достался, что они его еле-еле в Алма-Ату приволокли – все руки оттянул, сволочь!

Ну и решили гульнуть на радостях!..

Лаврик в хозчасти одного госпиталя спроворил автобусик на целый день. Как следует «заслал» начальнику гаража, еще кому-то, и покатили они с Лилькой и Светкой в горы, на Медео.

Помнит Мика, что водила всю дорогу на Медео пел. Еще бы! Ему Лаврик и Мика столько «отстегнули», сколько он за год бы не заработал…

Привез водила их к частному ресторанчику – а там бешбармак, каурма, редечка, лепешечки горячие, шашлычки только с мангала!..

Водилу кормили от пуза, но безалкогольно. Девочки винцо трескали, Лаврик – водочку, непьющий Мика пиво прихлебывал…

По очереди ходили в госпитальную машину трахаться.

Сначала Лаврик с Лилькой, потом Мика со Светкой… А потом – все по новой! И так до поздней ночи.

Очень там, в этой машине, все было удобно – будто специально организовано: носилочки широкие, матрасик, полотенечко, водичка с тазиком для подмывания.

Водила – толсторожий старшина – жрал и все подмигивал – ну как, дескать? А когда Лаврик сказал, что даже не ожидал таких прекрасных «коммунальных условий» на колесах простой госпитальной «санитарки», водила заржал:

– Эта моя «коломбина» с красным крестом единственная в нашем хозяйстве не для страданий, а для сладости оборудована! На ей я по выходным сюда начальство с медсестричками вожу. И сюда – на Медео, и чуток пониже… Тоже есть забегаловочка – я те дам! Там один еврейчик торгует. А жена у него, представляете, казашка!..

– А выше вы не забирались? – помнится, спросил тогда Мика.

– Не!.. – отмахнулся старшина. – Там, чуток повыше Горельника, чего-то секретное сейчас сооружают, дык туда кажная тропка перекрыта. Ну их… А к еврейчику с казашкой могу свозить в любое время… Они рыбу по-жидовски делают – пальчики оближешь!..

⁂

Всю свою долгую жизнь, до самой старости, Михаил Сергеевич не любил вспоминать про эту субсекретную горную школу диверсантов…

Не потому, что когда-то в следственной тюрьме в сорок третьем году, будучи пятнадцатилетним мальчишкой, он дал подписку о неразглашении, не имеющую ограничительного срока давности.

И уж совсем не потому, что в так называемой интеллигентной среде, куда во все последующие времена был причислен Михаил Сергеевич Поляков, стыдно было обнаруживать свою хотя бы малейшую связь с НКВД или КГБ – Комитетом государственной безопасности.

Модным и праведным было шептать в тесном кухонном кругу, что твой телефон «прослушивается», а письма твои «перлюстрируются». Это должно было естественным образом считать шептавшего «сопротивленцем Софье Власьевне» – то есть советской власти.

Что не мешало шептавшему вне своей кухни громогласно и верно служить этой власти, даже слегка забегая вперед, словно для того,

чтобы любезно распахнуть очередную дверь перед тяжелой поступью этой могучей дамы.

А стоит ли говорить о том, что все творческие союзы, начиная от родного Михаилу Сергеевичу Союза художников, были буквально напичканы как штатными сотрудниками Комитета государственной безопасности, так и добровольными информаторами из числа самих творцов. Даже очень талантливых и внешне достойных. Ну а уж к какому творческому союзу они принадлежали – были ли они художниками, писателями, кинематографистами или композиторами, – не имело ровно никакого значения! Комитету государственной безопасности важно было быть в курсе умонастроений всех творцов, ошибочно считая, что их редкие озарения, не вписывающиеся в предложенный официоз, могут в какой-то степени повлиять на нерушимость власти.

Подобное заблуждение явно уходило корнями в историю русских революций, когда основными врагами строя считались «жиды, стюденты и разная культурная сволочь»… Что в то время не было лишено некоторого основания.

К старости Михаил Сергеевич стал ощущать, что воспоминания о прошлом возникают в нем только в двух случаях – когда через много-много лет он вдруг начинал ПОНИМАТЬ и ПРОЩАТЬ то, чего не ПОНИМАЛ, а посему и не ПРОЩАЛ во времена ушедшие…

…и те страницы собственной жизни, которые сохранили ему, старику, память о Микином мужестве, смелости, дерзости, жестких и справедливых поступках. Творческих победах и любовных…

Впрочем, обо всем, что составляло его ушедшее «мужчинство», так странно, вопреки естественному старению, оставившее ему все его молодые желания!..

О Школе горноальпийских диверсантов Михаил Сергеевич почти никогда не вспоминал. Что-то тяжкое и унизительное было в этих редких воспоминаниях…

Пять месяцев «выживания», пять месяцев ни на минуту не прекращающейся борьбы со страхом, с собой, со льдом, отвесными рваными скалами, лавинными оползнями, убийственными камнепадами, селевыми потоками, сметающими на своем пути горные кишлаки и туристские базы, ни на секунду не покидающий кошмар ожидания смерти от чего угодно – от собственноручно устроенного

взрыва, падения в ледовую расщелину, от подрезанного партнером манильского троса при восхождении в связке на пик, от «нечаянной» пули или ножа обидевшегося на тебя какого-нибудь полусумасшедшего убийцы-малолетки, которому, как и всем остальным, терять нечего…

⁂

…Через двадцать три года, когда Мике стукнуло уже тридцать восемь, он неожиданно получил Государственную премию за цикл веселых иллюстраций к нескольким очень известным детским книжкам.

И на эти премиальные деньги повез своего десятилетнего сына от первого неудачного брака и двадцатишестилетнюю любимую Женщину в Алма-Ату. И там, ни слова не говоря, повел их в «свои» горы…

Медео тогда уже был славен на весь мир своим высокогорным катком, и из Алма-Аты туда ходил рейсовый автобус.

Рано утром втроем они добрались на этом автобусе до Медео, позавтракали там и пошли вверх знакомой Михаилу Сергеевичу тропой, ведущей в Горельник, а потом дальше и выше, через горные пастбища – «джайляу», туда, где уже почти ничего не росло и начинался ледник…

Во второй половине дня они фотографировались на леднике Трюк-су. Из-подо льда тоненьким, кристально чистым ручейком выбивалась речушка Алма-Атинка, которая внизу, в предгорьях, да и в самом городе, разливалась достаточно широкой, грязной, бурной рекой.

А потом стали спускаться вниз уже другой дорогой. С другой стороны Чимбулакского ущелья.

Любимая Женщина и сын очень удивлялись – почему это папа (он же – Мика) так безошибочно находит в горах дорогу!..

Потом перестали удивляться – устали почти до полной потери сил. Еле плелись. Как всегда, в горах быстро темнело.

Почти в полной темноте, голодные и измученные, наткнулись на небольшую группку людей, которые грузили в полуторку искореженные железные кровати в грязных засохших комьях земли, обрывки палаток, обломки какой-то мебелишки, искалеченное альпинистское снаряжение.

Мотор у полуторки работал, светили фары, а в кузове грузовика с откинутыми бортами, широко расставив ноги, стоял квадратный мужичок лет шестидесяти с голубыми глазами и торчащим ежиком коротких седых волос. Был он в тренировочных штанах и майке.

Мика поздоровался.

– Вот-видишь, что сель наделал… – сказал ему седой старик с голубыми глазами сверху из кузова. – Двадцать шесть человек как корова языком слизала. Эва, что осталось от альплагеря. Тьфу!..

Осторожно, чтобы ни мальчик, ни Женщина не заметили, Мика отодвинул палкой в темноту валявшийся на земле горный ботинок с «триконями», из которого торчал кусок ноги в почерневшем от крови шерстяном носке с белой костью и оборванными мышцами. И спросил у старика:

– У вас поесть чего-нибудь не найдется? А то вот сынишка и любимая совсем оголодали. А до Медео еще верный час топать.

– Это верно. – Квадратный старик внимательно разглядывал Мику. – Лучше вверх, чем вниз, сам знаешь… Сейчас принесу.

Он легко спрыгнул на землю, пошел к кабине грузовика и притащил оттуда нож, буханку свежего серого хлеба и две бутылки газированного кумыса в фабрично запечатанных пивных бутылках.

Буханку старик резал толстыми ломтями, по-крестьянски прижимая ее к груди. Под восхищенным взглядом Микиного сына зубами снял оборчатые металлические пивные пробки с кумысных бутылок. Раздал всем по куску хлеба, а кумыс только мальчику и Микиной Женщине. И сказал своим помощникам:

– Перекур!

Сел перед Микой на землю, поджал под себя ноги по-казахски, заглянул снизу Мике в лицо и удивленно спросил:

– Значит, ты живой?.. А я думал, вас всех убили.

У Мики кусок застрял в глотке. Забрал у сына бутылку с кумысом, глотнул из горлышка и, возвращая мальчику кумыс, искренне проговорил:

– Вы меня, наверное, с кем-то путаете. Я нездешний.

– Это я помню, – сказал старик. – Я только подзабыл – откуда ты. Из Москвы или из Ленинграда?

– Из Ленинграда, – сказал сын Мики.

А в глазах и в мозгу Михаила Сергеевича Полякова, Мики, вдруг совсем рваными клочками неожиданно замелькали какие-то очень давние картинки, лица, звуки, обрывки реплик, команд, снова лица!

От бронзовой физиономии седого старика с голубыми глазами, сидящего перед ним, скрестив под собою ноги, Мика уже не мог оторвать растерянных глаз, пока память его, будто из разбросанных мозаичных кусочков, наконец не сложила портрет этого старика почти четверть вековой давности…

Он и тогда казался им глубоким стариком, хотя в то время ему было столько, сколько Мике сейчас…

Мика как сидел на каком-то поваленном дереве, так и соскользнул с него на землю, прямо на колени перед стариком, чтобы глаза их были на одном уровне. И прошептал, еще ни во что не веря:

– Дядя Паша?!

– Он самый, – ответил старик, и его голубые глаза наполнились непролитыми слезами.

Не вставая с колен, Мика обнял его, положил свою голову на широкое стариковское плечо и заплакал.

Старик прижал его к себе одной рукой, другой гладил по голове и тихо успокаивал Мику срывающимся от волнения голосом:

– Ну чего ты, сынок?.. Выжили – и ладушки… Ты же Мишка-художник, да?.. Правильно? А я – «Получи и распишись!». Помнишь?

И Мика, не в силах унять дрожь, сотрясавшую все его тело, только утвердительно кивал головой, подтверждая, что Мишка-художник – это действительно он, а «Получи и распишись!» он никогда не забудет до самой своей смерти…

⁂

– Получи и распишись! – каждый день говорил пацанам завхоз школы дядя Паша. – И только попробуй в горах хоть раз стрельнуть по архару! Тебе родина доверила трофейное стрелковое оружие. И боеприпасы к нему тоже, между прочим, трофейные. За них, можно сказать, за каждый такой патрон, люди головы клали. Детей сиротами оставляли… Чтобы тебя научить по врагу стрелять, а не по горным козлам! Узнаю, что не по делу пулять будете, ноги из жопы повыдергиваю!.. Иди. Следующий! На, держи. Получи и распишись!

Оружие и в самом деле было отменное. Автоматы легкие, удобные – немецкие «шмайсеры» с прямыми рожками, с патронами калибра

семь шестьдесят пять. Пистолеты фрицевские – «вальтеры». Тоже – семь шестьдесят пять. У инструкторов итальянские «беретты» или «парабеллумы» Борхардт-Люгера по девять миллиметров.

Ножи были наши, русские. Пацаны говорили – из рессорной стали. В рукоятке желобок такой длинненький делали – свинец заливали. Он, когда летит, этот ножик, да если еще точненько бросить – никакого спасения. Некоторые ухари на тренировках умудрялись дюймовую доску насквозь прошивать с десяти метров! Ну а уж в человека, то вообще…

Один дурак – по убойной статье сюда попал – из-за банки сгущенки с другим пацаном поспорил и швырнул в него ножик метров с семи. Так нож чуть не по рукоятку в того пацана вошел! Хорошо еще, что теплое белье, свитер и штормовка малость самортизировали… Но тот пацан все равно часа через полтора умер.

А того, который метнул ножик, начальник школы, заслуженный мастер спорта СССР по альпинизму, полковник НКВД Андрей Станиславович Вишневецкий самолично отвез вниз в Алма-Ату, и о нем больше никто никогда не слыхал. Потом просочился слушок, будто его шлепнули «при попытке к бегству»…

Дядя Паша и взрывчатку выдавал со склада, и шнур бикфордов, и взрыватели ТАТ-8… И все альпинистское снаряжение – ледорубы, альпенштоки, тросы, карабины, скальные крючья, молотки, ботинки с «триконями», острые стальные кошки, которые надевались на ботинки при восхождении по глетчеру – по льду такому… Ну и, само собой, всю одежду специальную – самого высшего качества! От американского шерстяного белья до английских ветровок и носков…

Выдавал он со своего склада пацанам и горные лыжи с палками, специальные ботинки. Лыжи – клееные, по низу окантованные тонкими стальными полосками. И крепления, редчайшие по тем временам, – «кандахар»!

На этих лыжах инструктора, горнолыжники из Московского института физкультуры имени Сталина и Ленинградского имени Лесгафта, теперь все офицеры НКВД, гоняли пацанов по гигантским слаломным трассам, натаскивали на скоростных спусках. Да не просто так – по-физкультурному, а с боевой выкладкой: с оружием, запасными рожками, брезентовым поясом со взрывчаткой, где в каждом

карманчике толовые шашки от семидесяти пяти граммов до двухсот пятидесяти…

А в нагрудных карманах штормовок тоненькие отделеньица прострочены. Для взрывателей. Будто газыри на черкесках. Ударься случайно этим местом обо что-нибудь – так сердце и вырвет к чертям собачьим! Ну а уж если к тому же и твой брезентовый пояс с толовыми шашечками сдетонирует, то на полсотни метров вокруг и хоронить некого будет.

Все это было дяди-Пашино хозяйство – «Получи и распишись!».

А спальные мешки, внутренние чехлы-конверты, заменяющие собой и простыни, и пододеяльники, белье нательное летнее, белье зимнее; одни шмотки специальные для восхождений, другие – для лыжных тренировок, третьи – для подрывных работ…

Камуфляж для снега, для скал, для зеленой местности…

Мази против обморожений, темные очки, чтобы не ослепнуть во льдах, денатуратные таблетки для приготовления горячей пиши на леднике, все веревочное хозяйство – и крученое, и плетеное, любой длины, любых диаметров и сечений – основа альпинистского снаряжения, – все у дяди Паши «Получи и распишись!».

Идешь на несколько суток в горы на «задание», а на тощем пятнадцатилетнем парне килограммов тридцать накручено: оружие, альпинистское снаряжение, спальный мешок, палатка, шашки толовые, рюкзак с НЗ – неприкосновенным запасом жратвы на случай «экстремы» – экстремальной ситуации. Да еще вязанку дров на себе волокешь, пропитанную какой-то специальной горючей дрянью, чтобы не мудохаться долго, когда захочешь костер на леднике развести.

И все это ты у дяди Паши получал, и за все расписывался. Кстати, если «экстремы» не было, НЗ обязан был сдать на склад нераспечатанным.

Но если за патроны, потраченные «не по делу», дядя Паша действительно «ноги из жопы выдергивал», то за сожранный НЗ никогда и слова не говорил. А там – галеты американские, шоколад, пакетики с тонизирующим чаем, сгущенка, тушенка ленд-лизовская из самой Канады, хлебцы маленькие запечатанные. Их раскроешь, сдерешь с них прозрачную пленку, они на воздухе становятся теплыми, свежими и раз в десять больше, чем были.

То ли дядя Паша понимал, что у этих пацанов каждая минута их сегодняшней жизни «экстремальная», то ли сам в их возрасте наголодался, то ли в дальнейшее заглядывал – в неотвратимую гибель этих мальчишек, из которых вот сейчас готовят умелых, профессиональных, жестоких и безжалостных убийц, но судьба их все равно уже предопределена: недалек тот час, когда их мальчишечьи трупы будут разбросаны по скалам, ледникам и ущельям Кавказа, Австрии, Италии, Югославии. А сколько их здесь, в Заилийском Алатау, погибнет, так и не успев закончить курс обучения?..

⁂

Диверсионная школа невидимо расположилась над самым Горельником, на небольшом высокогорном плато, над которым гигантским козырьком нависала могучая и мрачная скальная гряда. Скалы защищали школу от снежных, заносов, селя и пронизывающих ветров.

Прямо в скалы впечатывались пять длинных палаток, склады обеспечения и продовольствия, большой и низкий каменный дом старшего командно-преподавательского состава, где к тому же велась штабная работа и располагался крохотный медпункт.

Неподалеку стоял домик поменьше. В нем жила обслуга – дядя Паша, повара, оружейные техники, радист и фельдшер. Доктор жил вместе с комсоставом.

Отдельно стояли сборно-щитовой барак с кухней и столовой и кочегарка кирпичной кладки.

Ни одной женщины в школе не было. Все мужики были сотрудниками НКВД и, начиная от полковника Вишневецкого, имели звания.

Однако из соображений секретности по званиям обращаться категорически запрещалось. Только по имени и отчеству. Да и то по вымышленным. К курсантам – по имени. Чаще по «кликухам». Почти весь «контингент» имел уголовные клички, заботливо указанные в личных делах, хранящихся в сейфе Андрея Станиславовича. Клички были удобнее. Имена у многих одинаковые, а «кликухи» разные.

Весь личный состав «контингента» был разбит на «восьмерки».

Трехслойная утепленная палатка с деревянным полом имела два торцовых входа. В середине наглухо перегорожена деревянным щитом. С каждой стороны палатки жили восемь человек и два воспитателя-

инструктора. У щита, разделявшего палатку пополам, были устроены сушилки для обуви и обмундирования. Горячий воздух в сушилки подавался по специальным «рукавам» из кочегарки и расходился по всем палаткам. Кочегар тоже считался «сотрудником» и, кажется, даже имел какое-то невысокое звание. Жил при кочегарке и при ней же заведовал баней.

Рядом с кочегаркой примостилась совсем небольшая ПУТС – палатка утепленная трехслойная. В ней жили всего три человека – два пленных немца из дивизии «Эдельвейс» – альпийские специалисты-взрывники – и немец-переводчик из наших, работавший в НКВД еще с начала организации ГПУ.

Немцы обучали пацанов тончайшему и опаснейшему ремеслу – в какую расщелину нужно заложить стосемидесятипятиграммовую шашечку тола, чтобы произвести обвал скальных пород тонн на пятьсот или семьсот… Под каким углом и на какую глубину нужно просверлить шурф – дырку в снежном карнизе, чтобы заложить туда небольшой брикетик взрывчатки и единственным взрывом спровоцировать сход снежной лавины, хоронящей под собой все, что окажется на ее пути, – дома, дороги, грозную военную технику и в первую очередь живых людей…

Вся тренировочная база – тир, спортгородок, чучела для отработки приемов рукопашного боя и метания ножа – была сконцентрирована на этом плато.

С одной стороны школа была закрыта отвесными скалами, а со всех остальных – высоченными елями и пихтами. Опасения, что кто-нибудь в сильный бинокль сможет что-либо увидеть, сводились к нулю.

Ну а кроме всего прочего, как и сказал когда-то водитель блатной «санитарки» из алма-атинского госпиталя, все подходы к Школе Вишневецкого метров на четыреста ниже были наглухо перекрыты батальоном войск НКВД, базировавшимся рядом с Горельником и не имевшим ни малейшего понятия, что и от кого он так тщательно охраняет…

Наркота и алкоголь в школе были запрещены категорически. Под страхом отчисления. Отчисление же влекло за собой обязательное исчезновение отчисленного с лица земли как носителя совершенно секретной информации, разглашение которой способно нанести

непоправимый урон воюющему Советскому Союзу. Что приравнивалось к измене Родине. А по законам военного времени…

О чем и было объявлено пацанам на первом же построении личного состава школы.

– То же самое произойдет с теми, кто будет плохо учиться, – добавил начальник школы заслуженный мастер спорта СССР, полковник НКВД Андрей Станиславович Вишневецкий…

Когда в 1994 году один из самых известных в прошлом иллюстраторов и карикатуристов России, подписывавший все свои работы именем Мика, шестидесятисемилетний Михаил Сергеевич Поляков в своей собственной уютной холостяцкой квартирке в Мюнхене давал интервью одному московскому телевизионному каналу, он наплевал на секретность полувековой давности и на вопрос, с чего начиналась его военная служба, ответил, что начиналась она со Школы горноальпийских диверсантов.

Его давний приятель, необычайно популярный телевизионный ведущий, спросил легковесно и шутливо, с обаятельной улыбкой, которая должна была продемонстрировать миру его поразительную доброту и неистощимый запас юмора:

– Надеюсь, что в этой школе ты был отличником?

Михаил Сергеевич с тоской посмотрел на своего старого приятеля, который ради этого интервью приволок из Москвы в Мюнхен целую съемочную бригаду, и вяло ответил:

– Да… Наверное, я был отличником. В противном случае я был бы мертвым неотличником…

Промямлив это, Михаил Сергеевич подумал о том, что он сам, Мика Поляков, сейчас совсем не интересен своему бывшему приятелю. Того, человека несомненно талантливого, интересовала им же самим придуманная тема «щемящего» цикла передач «Наши за границей». Просто, видимо, составляя список людей, когда-то известных в России, а теперь живущих в других странах, этот ведущий вспомнил, как Михаил Сергеевич Поляков лет пятнадцать тому назад нарисовал на него шарж, который впоследствии обошел с десяток различных изданий и стал чуть ли не визитной карточкой этого телеведущего. Вот он и включил в свой список Мику Полякова. Потому и прилетел в Мюнхен.

Теперь ему важно было только одно – как старый Мика ответит на его самый ГЛАВНЫЙ ВОПРОС: «Почему ты живешь в Мюнхене?»

Но тут уже Михаил, Сергеевич ответил своему старому приятелю не вяло и скомканно, как всегда, когда приходилось говорить о прошлом, а жестко и обстоятельно.

Чем, кажется, даже слегка смутил своего давнего товарища…

⁂

…На пятый день после полного укомплектования личного состава школы и начала занятий полковник Вишневецкий собрал весь командный, воспитательско-инструкторский и хозяйственный состав школы и простенько так спросил:

– Ну как?..

Все тяжело вздохнули, но промолчали.

– А я и не обещал вам легкой жизни, – сказал Вишневецкий.

– Общую физическую укреплять им надо, – проворчал кто-то. – За редким исключением почти все – доходяги какие-то…

– Не из дома отдыха брали. Из тюрем, из КПЗ, из следственных изоляторов. С баланды не нажируешь. Я вчера выбил особое решение Главка – нам утвердили усиленную пятую летнюю норму. Как истребителям! – усмехнулся Вишневецкий. – Отожрутся.

– Если успеют… – заметил кто-то.

– Что еще? – спросил Вишневецкий.

– Разрешите, Андрей Станиславович? – с места поднялся один из инструкторов-воспитателей, проживавших в одной палатке со своей «восьмеркой».

– Слушаю вас.

Воспитатель, снайпер-инструктор, помялся, пытаясь подобрать наиболее подходящее, приличное слово, но не нашел его и с трудом выговорил:

– Дрочут, Андрей Станиславович!.. Виноват. В смысле – онанизьм чуть ли не поголовный!..

– Это точно! – подхватил воспитатель-инструктор другой «восьмерки», горнолыжник. – Ночью, не поверите, палатка так ходуном и ходит!..

Все рассмеялись. Кроме полковника Вишневецкого и немцев-инструкторов горного подрывного дела. Переводчик быстро и тихо

переводил им, а немцы серьезно качали головами, будто слушают что-то чрезвычайно важное…

– Фактов мужеложства не наблюдали? – спросил Вишневецкий.

– Слава богу, никак нет, – подтвердили воспитатели «восьмерок».

– Тогда ничего страшного, – заметил Вишневецкий. – Подрочат и перестанут. Максимально загрузить общефизической подготовкой – ни секунды свободной! Начнем с ними слалом, скоростные спуски, скалолазание, восхождения с полной выкладкой – сами перестанут лапать свои пиписьки. Хорошо, если сил хватит, чтобы вынуть ее из штанов, когда помочиться захотят… По себе знаю. А то, что пока они дрочат, повторяю, ничего страшного. Когда же еще дрочить, если не в пятнадцать лет? Не в старости же!..

– Ну до старости они вряд ли догребут… – усомнился кто-то.

Первые же три недели существования Школы Вишневецкого, как теперь называлось это милое заведение, доказали, что прогнозы аналитического отдела НКВД, занимавшегося разработкой рекомендаций при формировании этих ускоренных курсов квалифицированных и безжалостных убийц, не были пустым и фальшивым звуком в общем хоре, торжественно воспевающем саму идею создания Школы горноальпийских диверсантов из малолетних преступников, ничего не боящихся, которых нет оснований жалеть в процессе обучения и некому будет пожалеть, когда они один за другим станут погибать в процессе выполнения спецзаданий за линией фронта…

Прав оказался аналитический отдел, когда напоминал о «постоянном возрастном соперничестве» – драки вспыхивали по нескольку раз в день! Не так взглянул, не то сказал, случайно задел, усомнился в сказанном…

Особенно поначалу… Чуть ли не каждые полчаса воспитатели, тренеры, инструкторы, даже немцы-подрывники из дивизии «Эдельвейс» растаскивали кровавые побоища, не стесняя себя в выборе педагогических средств и пособий.

Самая страшная фраза, безошибочно сдерживавшая накал страстей, была очень короткой:

– «Вниз» хочешь?!

«Вниз» – значило отчисление, спуск с гор в Алма-Ату, а там по законам военного времени – физическое уничтожение как носителя

наглухо закрытой, совершенно секретной информации.

Приходил белый фургон с надписями «Казплодовощторг» по бортам, руки за спину, сыромятная петля на тонкие мальчишечьи запястья, два конвоира в штатском, и… привет!

И нет человечка.

Вот и подумаешь, прежде чем очертя голову бросаться в драку за свою поруганную воровскую честь. Да и поруганную ли?.. Может, причудилось просто?.. На нервной почве… Или из-за постоянной головной боли. Тут голова все время трещит у всех – на свежем воздухе кислорода не хватает. Как-никак, а высота будьте-нате! Не одна тысяча метров…

Или, к примеру, тоже не слабый пунктик: дескать, хочешь иметь шестьдесят человек при окончании школы – следует набрать восемьдесят. Ибо аналитическая служба прогнозирует потери обучаемых со смертельным исходом не менее двадцати процентов. Ну как в бакалейных лавках – усушка, утруска, естественная убыль…

И точно! Недели не прошло – не поделили банку сгущенки. Один – покойник, второго «вниз» спустили. Это два человека… В смысле – бывших…

Через две недели – третий труп. Со скалы сорвался. Повыпендриваться захотел: «Я на пятые этажи по водосточным трубам скок лепил, а вы мне страховку суете!..»

Результат – кровавый мешок с костями.

Через месяц застрелился пацан по кличке Тяпа.

На воле классным «щипачом» был! Выше – некуда. Прямо народный артист.

Пел законно: «Как умру, похоронят, похоронят меня, и никто-о-о не узнает, где могилка моя-а-а…» Вот уж точно-то.

Стрелялся Тяпа из «шмайсера». Полбашки как не бывало.

Очень многих потом тошнило. Хотя все вроде бы были «битыми», «медякованными» дальше некуда, навидались всякого, да и сами черт-те в чем поучаствовали, а вот как увидели Тяпины мозги на нижних ветках толстой ели, под которой вечерами собирались покурить, похвастать, так многим невмоготу стало. Блевали, как отравленные.

Пацаны записку нашли. А там всего ничего: «Пошли вы все…» – и дальше сплошной мат.

Что он этим хотел сказать?..

Потом Витька Колун, проходивший по статье «разбойные нападения», при стрельбе со скоростного спуска – а там почти сто километров в час! – в дерево влетел всем телом. Опять похороны…

Один дурачок подмосковный – «групповое изнасилование лиц, не достигших половой зрелости» – поленился просверлить в скале шурф поглубже и пошире, чтобы запихать туда брикет взрывчатки уже со взрывателем и куском бикфордова шнура. А брикет в этот шурф никак не лезет. Нет чтобы осторожно вынуть да специальным коловоротом расширить отверстие в скале. Так нет же! Он силой туда взрывчатку стал запихивать!.. Так еще, кретин, ничего лучше не придумал – взял палку, уперся прямо во взрыватель и навалился всем своим глупым телом, чтобы затолкать головую шашку внутрь узкого шурфа…

Ну и где же этот умник?!

Метров на двести ниже разыскали куски этого «специалиста» – тут и хоронить нечего…

Очень хорошо подтвердили прогнозы аналитиков НКВД парашютные прыжки. Там сразу за два дня – три «жмурика». В смысле – покойника.

На прыжки возили «восьмерками». Возили на школьном «додже» – три четверти. Но не с открытым кузовком, а со специальным жестким фургоном. Тоже без окошек. В этот «додж» как раз помещались «восьмерка» пацанов, два инструктора-воспитателя и один тренер по рукопашному бою. Он же сидел за рулем этого «доджа».

На полу кузовка между откидными скамейками – чехлы с оружием «восьмерки», амуницией, рациями, переговорными устройствами ПУ-5.

А на скамейках под недреманным оком инструкторов друг против друга сидят пацаны одной «восьмерки» – по четыре на каждой лавке. Все переодеты в гражданское, но одинаковое. Типа детдомовского.

Езды до аэродрома – часа два. Такой пустынный, занюханный аэродромчик. Несколько самолетов У-2, парочка «дугласов», один СБ, ремонтные мастерские, командный пункт, метеослужба, барак для переукладки парашютов, второй – складские помещения, караулка для наряда внутренних войск НКВД и медпунктик в конце первого барака.

Ни одна живая душа к этому аэродромчику и близко подойти не могла!

Ну, еще наземный тренажер – такие высоченные, метров в десять, «козлы» деревянные врыты, а с них свисает на двух лямках парашютная подвесная система. Для отработки разворотов по ветру, скольжению, ускорению и замедлению спусков…

Никаких запасных парашютов пацанам не полагалось! Прыгали с ПЛ-3 – «Парашют летчика третьей модификации». Только не с вытяжным кольцом, а с принудительным раскрытием…

Как и полагается диверсантам, прыгали с малых высот. В «дугласе» через весь фюзеляж трубка идет типа водопроводной. Цепляешь за нее карабин с фалом, получаешь ногой в задницу и поневоле выпрыгиваешь из самолета. Фал в семнадцать метров твой парашют сам открывает – выдергивает металлические шпильки из люверсов, а у вытяжного тросика фал обрывается. Там для обрыва такой специальный шнурок между фалом и тросиком.

ПЛ-3 как раз под задницей висит, обзор и руки в воздухе свободны – можно сразу из автомата шмалять. Еще до приземления…

Короче, вся «восьмерка» вместе с инструкторами прыгнула, все парашюты раскрылись, все в ажуре, а один пацан приземлился уже мертвым!

Доктор потом всем объяснил: он как из самолета выпрыгнул, так сразу же лапти и откинул. Сердце не выдержало и разорвалось. Вот вам первый «жмурик».

А второй пацан через пару дней прыгнул как все, фал сработал, а парашют и не раскрылся… Так пацан и вошел в землю с нераскрытым парашютом. Второй покойничек…

Тут же на аэродроме специалисты и укладчики стали рассматривать парашют – в чем, дескать, дело?! А там – вытяжные шпильки в люверсах плоскогубцами загнуты! Удружил кто-то из корефанов.

Стали по полной программе «раскручивать» всех живых. Нашли умельца.

– Я его еще в камере в «буру» проиграл, – говорит. – А для вора карточный долг – долг чести! Все руки не доходили… Ну и хотелось как-то посмешнее это устроить. Ничего получилось, да?

Связались по радио с Вишневецким. Доложили. Шифром, конечно.

Тот распорядился внимательно осмотреть покойного, и если на нем нет никаких подтверждений его принадлежности к школе – то не везти его наверх в горы, а закопать в районе дальнего поста охраны аэродрома.

– А того, который его «проиграл», куда везти?

– Никуда, – ответил Вишневецкий. – Там же закопать.

– Но ведь он еще живой?!

– Ваши проблемы – моя ответственность. Выполняйте! – ответил Вишневецкий и дал отбой связи.

Вот и третий покойничек. А если приплюсовать тех, кто уже в горах накрылся, так к концу пятого месяца все прогнозы аналитического отдела обязательно сбудутся!

Там даром хлеб не едят…

⁂

Мика и в самом деле был «отличником».

Если такое слово вообще применимо к тому, чему его обучали в этой школе.

Многие пацаны еще на воле, а потом и в камерах предварительного заключения слышали о легендарной воровской паре «гастролеров» – Лаврике и Мишке-художнике, которые ни в каких хеврах и кодлах не состояли, жили тихо, сами по себе. Ходили «чисто», блатняков из себя не строили, работали только по сильно «упакованным» хатам большого начальства. Вот такие Робин Гуды!..

И сентиментально-жестокий мир юного ворья пополнил свой слезливый фольклор легендой о покойном Лаврике и ныне здравствующем Мишке-художнике.

На крупицы подлинных событий накладывалась такая беззастенчивая жалостливая фантазия, что бедный интеллигентный Мика только отплевывался, когда краем уха слышал про себя и Лаврика эту, как говорится, «плетеную парашу»!..

Рассказывали о них, что брали они лишь «наличман» и «рыжье», ни одной шмотки никогда не тронули. Поэтому все «скупари помытого» – скупщики краденого – от них только «отскечь» имели. Никто на них в ментовку стукнуть не мог…

На этом правдивая часть сказочного жизнеописания Лаврика и Мики заканчивалась. Дальше уже шел безграничный полет вранья!..

…Будто бы взяли их случайно, в Талгаре, когда они намылились уйти в Китай… Перестрелка была – зашибись!.. Лаврику сразу три пули прямо в сердце попали. И он, умирая, прошептал своему корешку Мишке-художнику: «Отомсти за меня, Мишаня… За всех пацанов, за весь блатной мир отомсти. А я сверху, вон из-за того облачка, посмотрю, как ты это сделаешь…» И умер. А тогда Художник давай из «маузера» шмалять по ментам! И завалил главного мента и еще кучу ментов положил. И тут у него патроны кончились, и его повязали…

А дело его вел сам начальник всего казахского УГРО. Русский. Без руки. Поместил он Художника в одиночку. А у того была граната (!!!) притырена. И он этой гранатой взорвал дверь своей камеры и только хотел «сделать ноги», как прибежал сам начальник всего казахского УГРО без руки и говорит Художнику: «Миша! Е-мое, что же ты делаешь?! Если ты сейчас убежишь – меня же с работы снимут к свиньям собачьим!.. Тут один казах уже второй год на мое место „кнокает”… А у меня жена больная, трое детей и всего одна рука… Кто меня, однорукого, с моими детями прокормит?.. Не убегай, Миша!» Пожалел Художник однорукого начальника всего казахского УГРО и остался в камере. А тот ему за это заменил расстрельную статью вот на эту школу…

«Особо осведомленные» рассказывали, что «Художник» еще в Каскелене, в детдоме для трудновоспитуемых подростков, опасной бритвой перерезал глотки двум взрослым «паханам-уркаганам», которые хотели одного малолетку несмышленыша «в очко отшворить»!..

Сомневавшихся в достоверности легенд о Художнике эта подробность добивала окончательно, и авторитет Мики Полякова в Школе Вишневецкого был настолько неоспоримым, что, когда воспитатели стали назначать из самих пацанов «старших» в своих «восьмерках», Мика был возведен на этот трон с почтительным ликованием.

Это в то время, когда за место «старшего» в других «восьмерках» шла жесточайшая борьба, вплоть до поножовщины!..

Пользовался Мика уважением и у инструкторов по всем видам спорта и убийств. Он был прекрасно тренирован, почти не потерял форму за время отсидки и благодаря добротным «подготовительным

курсам» у незабвенного Лаврика обладал безупречно расчетливой храбростью.

За пять месяцев своего обучения в этой школе выживания и смерти Мика всего два раза воспользовался своим фантастическим даром, приобретенным еще до войны в результате удара головой о тяжелую резную дубовую школьную дверь…

В первый раз это произошло так. Очень сильный физически, явно «закосивший» свой возраст до пятнадцати лет, чтобы избежать «вышака», налетчик и убийца Вова Студер – сокращенное от «студебекер», – раздраженный Микиной популярностью и злобно возненавидевший его за уважительное отношение пацанов и начальства, решил резко изменить ситуацию.

Он пришел к большой ели, под которой потом застрелился Тяпа, а сейчас в ожидании ужина развалились после изнурительных занятий человек двадцать пацанов, а Мика на тетрадном листе набрасывал портретик одного из пацанов обычным чернильным карандашом. Студер заглянул в листок на уже похожие черты замершей «натуры» и спросил Мику:

– «Художник»… от слова «худо», в рот тебе по самые «коки», ты – жид?

Пацаны так и замерли!

Мика поднял на Студера потемневшие от гнева глаза и тихо, но раздельно произнес:

– Да. Я наполовину еврей. Мать была русская.

– Значит, жид! – Студер нехорошо ухмыльнулся. – Обрезанный?

Но тут пацаны очухались и зашумели:

– Кончай, Студер!..

– Чего вяжешься?! Тебе ж сказали – только наполовину!..

Студер оглянулся – нет ли поблизости начальничков.

– Цыц! Сявки обосранные… Жить надоело? А ты, жидяра пархатый, отвечай – обрезанный или нет?

– Нет, – сказал Мика.

И почувствовал, как застучало в висках, и знакомая боль, предвестница непоправимого, стала разливаться по всей голове, с дикой силой концентрируясь прямо над переносицей.

– Ай-ай-ай! – насмешливо сказал Студер. – Как же тебе не стыдно? Жид – и не обрезанный! Сейчас мы это поправим…

Из-за высокого горного ботинка Студер вытащил короткую заточку с одной острой гранью и приказал Мике:

– Вынимай!

Но Мику уже словно в кипяток опустили! По всему телу пошел жар, в ушах зазвенели сотни звоночков, и, как всегда перед его страшным «выбросом», лицо потемнело от прилива крови…

Кто-то из пацанов отчаянно крикнул:

– Чего ты краснеешь, Мишка?! Чего ты стесняешься? Что, евреи не люди, что ли?!

Но Студер даже не обернулся на этого пацана.

– Вынимай свою мотовилу, жидяра необрезанная, – ласково рассмеялся Студер, приняв молчание Мики за испуг. – Сейчас мы тебя вернем в настоящую соломоно-хаимовскую веру… А то тут про тебя такое плетут – уши вянут.

Вот когда в голове у Мики пронеслось: …ЭТО НЕ КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ… НО ТАК БУДЕТ ЛУЧШЕ ДЛЯ ВСЕХ И СПРАВЕДЛИВЕЕ!!!

– Чего молчишь? – спросил Студер. – Перебздел?

– Нет, – ответил Мика, глядя в глаза Студеру. – Прощаюсь с тобой.

– И куда же ты сваливаешь? – поинтересовался Студер.

– Я? – переспросил Мика и встал, так и держа в руках тетрадку с наброском и чернильный карандаш. – Я – никуда. А вот ты, сучара поганая, дешевка, шакал вонючий, исчезни, чтобы тебя больше никто никогда на этой земле не видел! Дерьмо…

Студер выставил вперед заточку, рванулся к Мике, но как-то странно споткнулся о вылезающий из земли корень ели и упал, кашляя кровью. А потом всхрапнул – из широко открытого рта вырвалась толстая струя светлой крови, и бывшего налетчика Вовы Студера не стало…

⁂

Потом были допросы, дознания, писание объяснительных записок, устные показания. И несмотря на то что каждого пацана «раскручивали» отдельно от других, в одиночку, все говорили одно и то же: «Студер бросился на Художника с заточкой, но споткнулся о корневище и упал, ударившись грудью о землю…»

А доктор в своем заключении написал совсем просто: «На почве переутомления и ушиба – разрыв легочной артерии».

Правда, ни один пацан не сказал, что Художник после этого ужинать со всеми не пошел, а, сославшись на неважное самочувствие, примерно с полчаса провалялся в своей палатке. Что тоже вполне объяснимо – перенервничал человек…

⁂

Вторично Мика был вынужден воспользоваться своими редчайшими и фантастическими «биоэнергетическими» способностями невиданной силы уже перед самым выпуском, недели за две до окончания Школы Вишневецкого.

Именно в тот период, когда согласно мудрым и дальновидным предсказаниям аналитического отдела НКВД после всех самоубийств, парашютной подготовки, драк и поножовщин, нескольких «спусков» с гор для «устранения носителей секретной информации», смертельных случаев на занятиях по подрывному делу, скалолазанию, горнолыжной и альпинистской учебе в Школе Вишневецкого осталось чуть больше шестидесяти человек, наступило относительное спокойствие.

Нет, нет! Не благость снизошла на это далеко не высокоморальное заведение. Просто стало постепенно уходить всеобщее ожесточение, постоянная готовность вцепиться друг другу в глотку и немедленно утвердить себя в этом жестоком и безжалостном мире!

Исчезало массовое, психически нездоровое состояние первых трех с половиной месяцев, порожденное тяжелейшими условиями круглосуточного напряжения, изматывающими подъемами в середине ночи, изнурительными многочасовыми тренировками.

С каждым днем все реже и реже возникали нервные срывы от чудовищного грохота камнепада, спровоцированного одной автоматной очередью… От взрывов снежных карнизов и жутких сходов лавин… От крови, текущей из носа и ушей при высокогорном восхождении… От постоянных головных болей из-за нехватки кислорода… И вечной нервозной вздрюченности пятнадцатилетних мальчишек, физиологически становящихся мужчинами…

А их именно в этот – такой тонкий, такой болезненно-непредсказуемый – переходный возраст обвешали боевым оружием и стали учить убивать профессионально…

Сверху же непосильным грузом легла на их плечи прошлая уголовно-блатная, жалкая и нечистая «вольница», лишившая их какого бы то ни было понятия о нормах человеческого бытия.

К середине четвертого месяца стали пробиваться робкие, крохотные росточки новых форм взаимоотношений.

То ли потому, что трупов навидались уже досыта, то ли стало появляться пресловутое ощущение «альпинистской связки», когда карабкаешься вверх по слоистому глетчеру на высоких и острых кошках, а под тобою пять тысяч метров пустоты, льда и скал, и ты даже в очень черных очках, берегущих тебя от ледяной слепоты, начинаешь отчетливо видеть, что твоя жизнь целиком и полностью зависит от тех, кто идет с тобой в этой связке. Равно как и их жизнь поручена не кому-нибудь, а тебе лично…

…В последнее тренировочное восхождение на пик Сталина были отобраны тридцать четыре сильнейших пацана. И Мика Поляков – в том числе.

На восхождение их повел сам Андрей Семенович Вишневецкий – заслуженный мастер спорта СССР по альпинизму, полковник НКВД, начальник совершенно секретной Школы горноальпийских диверсантов.

Через полмесяца из этих тридцати четырех должны были быть сформированы две компактные боевые группы, для которых в оперативно-стратегическом отделе союзного НКВД уже полным ходом разрабатывались две ответственнейшие диверсионные операции – одна для Восточных Карпат в районе Мукачевского перевала, вторая – для Приэльбрусья Большого Кавказа.

Уже были даже уточнены сроки вылета групп для переброски в районы задания. Аналитический отдел просчитал: при успешном выполнении акций возможность остаться в живых кому-нибудь из пацанов этих двух групп практически сводится к нулю…

…Но почему, почему этот пацан-симпатяга – бывший магазинный вор с порочно-лукавой рожей и кличкой Маэстро, который почти пять месяцев вечерами, как воск, растапливал самые ссохшиеся и заскорузлые души блатников и уркаганов своей виртуозной игрой на гитаре, а немец-подрывник из дивизии «Эдельвейс» аккомпанировал ему на маленькой шестигранной гармошечке-концертино, ПОЧЕМУ ЭТОТ ЧЕРТОВ МАЭСТРО ДОЛЖЕН БЫЛ ПОГИБНУТЬ ИМЕННО СЕЙЧАС?!

Как он соскользнул с края ледовой площадки, где они хотели остановиться на ночлег?!

…Как он сумел выпасть из своей «связки»?!

…Почему отстегнулся страховочный карабин?!

Этого не мог сейчас сказать никто.

Зато все пацаны, сам Вишневецкий, оба инструктора-альпиниста – мастера спорта из института Лесгафта…

…ВИДЕЛИ, как Маэстро неожиданно поскользнулся и с коротким, удивленным и неестественно тоненьким, пронзительным криком полетел вниз – в жуткую ледовую расщелину, которой не было ни конца, ни края…

Широко открытыми от ужаса глазами потрясенный Мика секунду провожал погибающего Маэстро, а потом вдруг неожиданно побагровел, обхватил свою голову двумя руками, словно боялся, что она сейчас разлетится на куски, и истошно закричал:

– НЕТ!!! НЕТ!!! НЕТ!..

⁂

– Вадяша, Петюня!.. Я, клянусь вам, ни слова не преувеличил!.. Вспомните, когда мы лет пятнадцать тому назад все вместе брали этот пик. Тогда Абалаков с Памира приехал, с нами ходил, помните? Там еще такая площадочка ледяная на отметке четыре шестьсот… Помните? Слева – стенка, справа – расщелина метров триста глубиной… И этот засранец поскальзывается и туда!.. Прямо в расщелину!.. Все! Нет человека, понимаете?.. И вдруг один паренек хватает себя за башку и орет: «Нет!!! Нет!!! Нет!..» Три раза. Вот тут, мужики, вы меня можете на хер послать, морду набить, в глаза плюнуть, но я клянусь вам – самым близким мне людям!.. – мы все, все видим, как бедняга пролетает метров полтораста вниз, а после крика того паренька «Нет!!!» его падение, слышите?.. ЗАМЕДЛЯЕТСЯ, И ОН СОВСЕМ ПЛАВНО СОБСТВЕННЫМИ НОГАМИ ОПУСКАЕТСЯ НА МАЛЕНЬКИЙ, ЕЛЕ ВЫСТУПАЮЩИЙ, ОБЛЕДЕНЕЛЫЙ СКАЛЬНЫЙ КАРНИЗ… Я ему ору: «Не шевелись!!!», а он и ответить не может… Ну дальше, сами знаете, дело техники. Спустились к нему, увязали его в «беседку», вытащили наверх, спрашиваем: «Ты почувствовал что-нибудь такое особенное?» А он говорит: «Будто кто-то меня подхватил так мягко, обнял и поставил на ноги…» Петро! Что это?! Ты же сыщик, едрена вошь, объясни… Вадик! Вадяша, дружочек ты наш, профессор, мать твою за ногу! Осмотри ты меня, обследуй, что со мной? Может, я от

этой долбаной службы просто чокнулся, с ума сошел?.. И ничего этого в горах не было… А, ребята?..

– Ты повторяешься, Андрюха. Пей. Пей и закусывай.

…Все трое выросли в одном дворе на окраине Алма-Аты – за Головным арыком, и до седых волос профессор для двух других оставался Вадиком или Вадяшей, начальник уголовного розыска – Петрушей или Петюней, а полковник НКВД – Андрюхой или Андрюликом.

Никто никогда никого ни о чем не расспрашивал. Это избавляло от вынужденного вранья. Для вопросов, связанных со спецификой профессии, свободен был только профессор Эйгинсон Вадим Евгеньевич. Но он считал, что «лечить своих – дело самое последнее!», и поэтому Петюня и Андрюлик обращались к профессору Вадику за врачебным советом значительно реже, чем это им уже требовалось…

С вечера, когда жизнь в клинике относительно замирала, сбрасывались и собирались в кабинете профессора Вадика. Предусмотрительный Вадяша даже специальную палату держал постоянно незанятой. Среди сотрудников клиники она называлась почему-то «правительственной», и ключ от нее был всегда у самого профессора.

Там после очередного загульного «мальчишника» отсыпались Петюня и Андрюлик. Профессор Вадик дрых обычно в своем кабинете на широченном кожаном диване, который с удовольствием использовал и для плотских утех с молоденькими ординаторшами и хорошенькими медицинскими сестричками.

Ни в рестораны, ни в другие общественно-публичные заведения вместе никогда не ходили, чтобы потом Андрюхе или Петюне не писать отчеты своим надзорно-соответствующим службам – где был, с кем был, о чем говорили и кто что сказал по тому или иному поводу…

Начальник уголовного розыска разлил остатки водки по трем граненым стаканам, а профессор достал из письменного стола еще одну непочатую бутылку.

Однорукий начальник УГРО поднял стакан и сказал:

– Давайте выпьем, мужики, а потом я продолжу свою мысль. За нас!

– И за Родину, – добавил полковник Андрюха.

– Это и есть – «за нас», – объяснил ему профессор Вадик.

Все выпили стоя.

– Закусывай, – сказал Петюня Андрюле. – А то ты уже плывешь.

– Обижаешь, начальник…

– Ешь! Это я тебе как врач говорю. Петруха! Не наливай ему больше. Он там в горах совсем одичал! Скоро ему черт знает что мерещиться будет. – И профессор осторожно посмотрел на Петюню.

– Ладно, Вадяша, не темни, – тихо сказал тот. – Помнишь, что ты говорил про тот феномéн?

– Фенóмен, – поправил его профессор.

– Мне больше нравится «феномéн». Ты сказал тогда: «Биомеханические и биоэнергетические возможности человека неограниченны»…

– Как в том анекдоте: «Во, бля, память!» – восхищенно пробормотал профессор.

– Где это ты нахватался? – удивился Петюня. – У меня вроде бы не сидел, у Андрюлика, кажется, не учился?.. Андрюха! Скоро наш профессор будет «по фене ботать»!

– Мужики! Вы что, совсем ошалели?! О чем вы треплетесь?! Я пришел к вам с гор специально, чтобы вы меня выслушали, помогли прийти в себя… А вы?! – возмутился полковник НКВД.

– Уймись, не вопи. Ночь на дворе, – сказал профессор.

– Вернемся к неограниченным возможностям человека, – сказал Петюня. – Андрюша, хочешь, я скажу тебе, кто это три раза крикнул в горах слово «нет», после чего тот падающий пацан был спасен? Это кричал бывший вор-домушник очень высокой квалификации Поляков Михаил Сергеевич по кличке Мишка-художник. Как он там у тебя, кстати?..

– О, черт побери!.. – простонал Андрюлик. – Петюня! Ты же сам «режимщик»!.. Что же ты мне такие вопросы задаешь?!

– Он нас скоро всех пересажает, Петруха, – неприязненно проговорил профессор Вадик.

– Да как же у тебя, сукин кот, язык повернулся?! – рванулся к нему полковник.

– Прекратите сейчас же! – Левой рукой Петруха налил всем по четверти стакана. – Андрюль! Когда у тебя выпуск этой группы?

– Ты хочешь, чтобы меня к стенке поставили?

– А ты считаешь, что мы с Вадяшей можем тебя заложить?

Вишневецкий помолчал, выпил водку и тихо сказал:

– Простите меня, мужики…

И рассказал, что выпуск произойдет через пару недель и Мишка-художник уже назначен старшим одной из двух групп, готовящихся к выброске в очень дальний тыл немцев.

– У него есть хоть один шанс вернуться оттуда живым? – прямо спросил профессор.

Вишневецкий налил себе водки, выпил и отрицательно покачал головой.

– Андрюха! Не посылай его туда… Этот парень должен остаться живым. Это уникальный мальчик!

– Вадик, ты сошел с ума!.. Как я это могу сделать?!

– Я… Я во всем виноват, – сокрушенно проговорил Петюня. – Это я подставил его под ваших людей, Андрюль, когда они отбирали для тебя пацанов по тюрьмам. Я только не знал, что вы готовите «бабочек-однодневок»… Мне просто хотелось законно выпустить его из камеры. Он слишком талантлив для тюрьмы и смерти. Он должен остаться живым… Когда-нибудь, ребята, война кончится, и мир будет принадлежать именно таким талантливым людям. Отпусти его, Андрюшенька, Богом молю!.. Сними с меня грех…

– Но его же все равно заберут через три месяца в армию! Ему весной шестнадцать…

– До весны я продержу его у себя в клинике… Организую ему тут какое-нибудь жилье, – быстро сказал профессор Эйгинсон. – Насколько я понял, его мозг обладает гигантскими возможностями проявления своих невероятных биоэнергетических ресурсов! Поймите, мужики, он ОДИН из СОТЕН МИЛЛИОНОВ! Отдайте его мне… Петюня говорил, что он иногда страдает головными болями… Это же именно по моей части! Я положу его, обследую, понаблюдаю, ну а будет чувствовать себя хорошо – станет пока работать у меня в клинике. Вплоть до призыва в армию… Ты же, Петруха, поговори с военкомом – этого парня нужно сберечь!..

– Нет вопросов. Мы с горвоенкомом «на одной волне».

– Ребята, вы просто спятили! Он – «носитель совсекретной информации». А у нас их положено… – начал было полковник НКВД.

– Мы знаем, что у вас «положено». Можешь не продолжать, – резко оборвал его однорукий начальник уголовного розыска. – Раз он дал подписку, то ручаюсь тебе, он минимум двадцать пять лет будет молчать как рыба. А за двадцать пять лет или ишак умрет, или эмир, или мы с тобой и Вадиком…

⁂

…А в это же самое время высоко в горах, в одной из трехслойных утепленных палаток совершенно секретной Школы горноальпийских диверсантов, тяжелым сном спал измученный последним восхождением на пик Сталина пятнадцатилетний Мика Поляков…

И снова снился Мике его любимый солнечный остров в теплом и синем океане. Будто лежит Мика на горячем песке, смотрит в небо, а там самолет летит. На совсем малой высоте – для затруднения прицельного огня с наземных противовоздушных установок…

Откуда-то знает Мика, что это ЕГО самолет, что он обязан сейчас сидеть в нем, а вот почему-то лежит на песке и на все это со стороны смотрит!..

И так начинает волноваться, нервничать… Вскакивает, бегает по песку, машет самолету руками – мол, меня забыли!.. Меня забыли!

Видит, как открывается бортовая дверь, а оттуда сыплются черные фигурки… И над черными фигурками раскрываются черные парашюты… Кричит Мика в воздух своим ребятам: «Я здесь, пацаны… Я с вами!!!»

Но ему никто не отвечает… Никто рукой не помашет. Может быть, потому, что они его не слышат?.. Или УЖЕ не слышат?!

Опускается один черный парашют на Микин остров, второй, третий… Мика что было сил бежит к ним, ноги вязнут в песке!..

Лежат все черные парашюты с черными парашютистами на солнечно-желтом песке, в пенистой у берега, теплой, ласковой воде… И никто не шевелится… Только черные купола слабенько колышутся от прибрежного ветерка…

Подбегает Мика к одному – Витек Тумба, бывший форточник, лучший снайпер в школе – МЕРТВЫЙ!..

Бросился ко второму – Ленька Барбос, по «хулиганке» чалился, подрывник божьей милостью!.. Тоже МЕРТВЫЙ…

Мика к третьему! Аркашка Пекарь – «кукольник». Никто лучше его ножик не бросит, а уж как «удавку» на глотку накидывал –

инструктора завидовали! И Аркашка – МЕРТВЫЙ…

Господи… Да что же это?! Почему они все МЕРТВЫЕ? Ну кто-нибудь должен был выжить?.. И тут Мика понимает, что в ЖИВЫХ остался только он сам…

Плачет, захлебывается слезами и все понять не может – почему его, Мику Полякова, Мишку-художника, старшего этой группы, не взяли с собой в этот самолет?..

А вокруг желто-зеленого острова с черными трупами и черными парашютами – сверкающий на солнце теплый океан…

⁂

Десятого мая тысяча девятьсот сорок четвертого года шестнадцатилетний помощник лаборанта клиники нервных болезней Михаил Поляков был призван Сталинским районным военным комиссариатом города Алма-Аты в ряды Советской армии и направлен в поселок Чирчик Узбекской ССР в распоряжение командования ТВАШ – Ташкентской военно-авиационной школы.

До окончания войны оставался всего один год…

Часть вторая …и Альфред

Часть вторая …и Альфред

…Вета – жена русского вице-консула Димы – вывела Михаила Сергеевича Полякова из резиденцтеатра к своей машине, но тут уже Михаил Сергеевич немного пришел в себя, галантно поцеловал Вете руку и сказал, что домой он доберется самостоятельно.

Тогда Вета попросила разрешения хотя бы немного проводить Михаила Сергеевича, взяла его под руку и бережно повела через два мощеных двора резиденции баварских королей на Одеонсплац, прямо на стоянку такси.

Там Михаил Сергеевич поблагодарил Вету за внимание, передал привет Диме и генеральному консулу и сел в такси. Назвал шоферу свой адрес, откинулся на спинку сиденья и обессиленно прикрыл глаза…

Открыл он их только тогда, когда, стоя уже под светофором на углу Принцрегентенштрассе и Миттлерер-ринга, шофер повернулся к Михаилу Сергеевичу и попросил с сильным турецким акцентом:

– Пожалуйста, повторите свой адрес…

– Нойеперлахцентрум. Герхард-Гауптмана-ринг, одиннадцать.

– Спасибо. Такая жарища, такая духота – мозги плавятся!.. – в оправдание своей забывчивости сказал шофер.

И в подтверждение того, что ему очень не нравится, когда плавятся его собственные мозги, добавил привычное баварское полуматерное ругательство, которым с равным успехом пользуются привокзальные ханыги, дети и ведущие чуть ли не половины каналов германского телевидения.

– Все!!! – решительно заявил Альфред, как только Михаил Сергеевич переступил порог своей квартиры. – Все!.. Ближайший месяц-полтора не приму ни одного «заказа»!.. На тебе лица нет. Посмотри на себя в зеркало!.. На что ты похож?!

Альфред сидел под потолком на книжном стеллаже и крутил в руках недавно подаренный ему глобус.

Из кухни одуряюще тянуло жареной колбасой и запеченным сыром.

Михаил Сергеевич ничего не ответил Альфреду – просто сил не было препираться с ним и воевать с его заботливо-тиранническим максимализмом. Нужно было промолчать, не вступать с Альфредом в спор и не пытаться отстаивать свою точку зрения на те или иные грани их совместной жизни.

Тогда Альфред засуетится, начнет поигрывать в этакого простачка, который «може, чего и не дотямкал, а по простоте душевной»… ну и так далее. И заткнется со своими требованиями, придирками и указаниями.

Михаил Сергеевич снял туфли, выходной костюм, галстук и стал молча переодеваться в легкие тренировочные порточки и старые итальянские стоптанные сандалии, уже давно превратившиеся в удобные домашние тапочки.

– И яичницу с луком, колбасой и сыром я тебе тоже в последний раз делаю, – строго продолжил Альфред и водрузил глобус на стеллаж. – С завтрашнего дня сядешь на каши и отварную курицу. Минимум дней на десять… С твоим эзофагитом и диафрагмальной грыжей…

Тут Альфред стал слезать со стеллажа.

– Помочь? – спросил Михаил Сергеевич.

– Обойдусь, – буркнул Альфред и мягко, будто в замедленном кино, спрыгнул со стеллажа на письменный стол, а оттуда – на пол.

«Боже мой!.. – подумал Михаил Сергеевич. – Если бы кто-нибудь мог увидеть это поразительное существо!..»

НО НИКОГДА, НИКОМУ, КРОМЕ МИХАИЛА СЕРГЕЕВИЧА ПОЛЯКОВА, КРОМЕ МИКИ, УСЛЫШАТЬ И УВИДЕТЬ АЛЬФРЕДА БЫЛО НЕ ДАНО!..

Кошки, собаки и женщины, не видя Альфреда, очень точно ощущали ЕГО ПРИСУТСТВИЕ. И надо сказать, сильно нервничали, не понимая причин своей вздрюченности.

Однажды, в Мюнхене уже, Мика повез Альфреда на прогулку в зоопарк. Что там началось?! Служащие с ног сбились – ни черта не могли понять, отчего это в вольерах и клетках стоит такой панический вой, рык, клекот, лай, писк!..

– Какое-то сборище уродливых психопатов, – презрительно сказал тогда Альфред. – Пойдем отсюда…

И плюнул в насмерть перепуганного, трубящего от ужаса слона.

Уже сидя в машине, Мика взялся было извиняться перед Альфредом, дескать, кто же мог подумать, что будет вот такая реакция…

– Забыли, – коротко сказал тогда Альфред.

И действительно, с тех пор о зверях и разных животных – просто забыли…

Альфред, уж на что «телевизионная душа», обладавший могучей способностью с одинаковым неподдельным интересом смотреть буквально все – от заседаний русской Государственной думы до эротико-порнографических немецких программ «Либе зюнде» и «Варе либе», сразу же переключал телевизор на другой канал, как только на экране появлялись звери…

⁂

Альфред возник в жизни Михаила Сергеевича Полякова почти двадцать лет тому назад.

Возник, прямо скажем, несколько анекдотически…

В то время по целому ряду причин, в которых Мика винил только самого себя, он неожиданно оказался совершенно одинок.

Поначалу от тоски малость загулял, закрутился с какими-то молоденькими искусствоведочками, а потом подписал договор с московским издательством «Художественная литература» на иллюстрации к трехтомнику Аркадия Аверченко и сел за работу. Одновременно с издательским договором Мике было предложено Союзом художников поучаствовать в ежегодной выставке карикатур и книжной графики в Манеже. На что Мика, естественно, согласился. А посему эти два события буквально вымели из его постели всех девушек, старшая из которых вполне могла бы быть Микиной младшей дочерью…

Но спустя месяц после начала Микиных титанических трудов по отбору рисунков для выставки и чтению Аверченко позвонил старый приятель-киносценарист и сказал:

– Я могу приехать к тебе с двумя московскими барышнями из «Балета на льду» и одной гениальной идеей?

– Можешь. Но лучше привези одну барышню только для себя и парочку гениальных идей для нас обоих. А то я сегодня не в форме.

– Мика! Это все, что есть в лавке – одна идея и две барышни. Не хотите – не берите!.. – проговорил приятель тоном опытного работника

советской торговли.

– Черт с тобой, приезжай. Купите по дороге хлеба. В доме – ни крошки.

…К трем часам белой ленинградской ночи миловидные и достаточно юные московские барышни-фигуристки, начисто лишенные каких-либо комплексов, были весело использованы по своему прямому дамскому назначению и отправлены на такси к себе в гостиницу «Октябрьская».

Полуголый Мика, сидя на кухне в одних тренировочных штанах – свой халат он отдал приятелю сценаристу, разлил остатки коньяка по рюмкам и сказал сценаристу:

– Итак, с барышнями – разобрались. Теперь выкладывай свою «гениальную» идею. Будь здоров!

И Мика поднял рюмку. Сценарист тоже поднял рюмку, но выпить не спешил – завистливо разглядывал обнаженного Мику Полякова.

– Эй, эй!.. – встревожился Мика. – Если ты решил сменить половую ориентацию, на меня не рассчитывай! Я для этого излишне смешлив…

– Дурак, – обиделся сценарист. – Я просто смотрю – ты еще здоров, как племенной жеребец!

– Стараюсь, – скромно сказал Мика. – Давай идею!

Собственно говоря, это была не «идея», а уже почти сложившийся сюжет будущего киносценария…

…В милой и славной интеллигентной семье «шестидесятников» – папа, мама, сын-студент и дочь-старше-классница – все время прилежно играют в «свой клан», в привязанность и любовь, в симпатичную ироничность отношений, в щегольство выдумок, одной из которых были уверения, что в их доме вместе с ними живет и пятый член семьи – Домовой!..

И вроде бы они так «заигрались» в этого Домового, что он у них и на самом деле появился. Дескать, они его придумали, а он стал СУЩЕСТВОВАТЬ! Правда, семья об этом даже не догадывается, считая Домового своей веселой выдумкой. Но оказалось (глазами Домового, не замутненного человеческой лживостью), что эта семья не так уж счастлива, как хочет казаться!.. Тысячи «болей, бед и обид» изнутри раздирают эту семью, рождают подлость и предательства…

Пытаясь спасти эту семью от окончательного разрушения, придуманный и рожденный фантазией людей Домовой не может справиться с грудой человеческих пороков и в бессилии погибает вместе со всем семейством…

Вот такую затейливую и невеселую историйку сочинил Микин друг – хороший киносценарист, большой поклонник барышень-фигуристок из «Балета на льду».

В конце своего рассказа он заявил, что теперь ему как воздух необходим Мика Поляков.

– Я-то тебе на кой черт?! – удивился Мика. – По-моему, ты превосходно придумал сценарий. Осталось только сесть и записать. А ты этим ремеслом владеешь отменно…

– Микочка! Признаться, я не настолько владею «ремеслом», как ты изволил выразиться…

– Прости, бога ради.

– Наплевали… Я не умею сочинять характеры существ, которых не могу себе представить зрительно… Я не знаю, как может разговаривать персонаж, которого я не вижу… Нарисуй мне Домового, Мика! Как он выглядит?.. Во что одет?.. Я повешу твой рисунок у себя над столом и сяду за пишущую машинку.

– Попробуй сам почитать сказки Афанасьева, поройся в фольклорных материалах… Я сейчас дико занят Аверченко. Меня очень поджимают издательские сроки.

– О боже! Он занят Аверченко… Аверченко очень средний литератор, и сейчас его стали издавать лишь потому, что раньше он был запрещен из-за своего эмигрантства…

– Но шестьдесят иллюстраций для трех томов Аверченко – год моей безбедной жизни. И я готов Аркаше простить некоторый примитивизм его дореволюционного юмора. Кстати, в эмиграции он стал писать лучше…

– Тэффи, которую он же печатал в своем «Новом Сатириконе», была на три головы выше самого Аверченко, – сказал сценарист. – Микочка! Нарисуй мне Домового… Придумай его мне графически, умоляю! Ну хочешь, я на колени встану?

– Совсем сдурел!.. – сказал Мика и отправился в кабинет.

Оттуда он принес несколько небольших листов ватмана и карандаш, разгреб кухонный стол, положил на него бумагу и стал

быстро что-то набрасывать, приговаривая:

– Ну вот… Наверное… Должно быть… вот… что-то такое… Около полуметра – не больше… Или мало?..

– Рисуй, рисуй!.. – Затаив дыхание, сценарист следил за карандашом в уверенной руке Мики Полякова.

– …В лапоточках… – бормотал Мика, и на бумаге возникали смешные фигурки предполагаемого Домового. – Веревочкой подпоясан… Вот такая бороденка… шапочка… Какая же у него может быть шапочка?.. А, старик?

– Откуда я знаю?! – окрысился сценарист. – Я для этого к тебе и приехал! Фигуристками угощал, хлеб привез, подлизываюсь к тебе, как шавка! А ты мне рисуешь какую-то херню собачью! Что это за современный Домовой?! Это же тридцатые годы какие-то… Голод в Поволжье!.. Дед Щукарь!.. Какой-то бездарно сочиненный российско-деревенский пейзанин… Лапоточки-онучи! Поясок веревочкой! Мне… Мне сегодняшний Домовой нужен!!! Восьмидесятый год на дворе, Мика!.. Сейчас уже никто косовороток не носит, черт бы тебя побрал!

⁂

Через пару дней он позвонил Мике и сказал, что его заявку на сценарий про Домового студия не приняла, обвинив автора в болезненном мистицизме и мелкотемье, но, чтобы подсластить пилюлю, включила какой-то старый фильм, снятый по его сценарию, и его самого в фестиваль «Ленфильма», проводившийся почему-то на Дальнем Востоке. Так что завтра он уже вылетает в Хабаровск, потом в Благовещенск, Уссурийск и Владивосток. Возможно, им даже придется слетать на Чукотку. Не исключено, что он сможет там захороводить и обаять парочку барышень-чукчей первой свежести и привезти их к Мике.

– Ты никогда не спал с хорошенькой чукчей? – спросил сценарист.

– Нет, – ответил Мика. – А как быть с Домовым?

– Пока не наступит фантастическая эра свободы и бесцензурного творчества, боюсь, Домовой нам с тобой не пригодится. Ты свободен для своего договорного Аверченко. А Домового можешь перестать рисовать и даже плюнуть ему в морду!

Но этого Мика уже почему-то не мог сделать…

Бесстыдно нарушая все издательско-договорные сроки, Мика с упорством маньяка продолжал зачем-то рисовать и придумывать,

продумывать и рисовать этого проклятого Домового!..

Сотни набросков заполняли бесчисленное количество листов бумаги, а Михаил Сергеевич Поляков, которому уже завалило за полтинник, все рисовал и рисовал это странное и неведомое Существо, так дивно втемяшевшееся ему в голову…

Что? Почему? Какая сила заставляла его это делать – понять Мика не мог. Не мог и остановиться в своем поиске. Одно понимал – теперь он «сочинял» этого Домового не для кого-то, а для себя. Лично…

А потом вдруг пришло озарение! Оно, правда, лежало на поверхности, но до сих пор было не замечено Микой. В озарении были две составляющие.

Первая: Домовой – хранитель очага. Следовательно, он постоянно находится в доме. В чем, например, Мике удобнее всего быть у себя в доме? В тренировочном костюме. Желательно старом, полуистлевшем от многократных стирок, но внешне сохранившем признаки бывшей принадлежности хозяина этого костюма к большому спорту.

И на бумаге неожиданно появился Домовой в весьма пожилом тренировочном костюме с четырьмя белыми фетровыми буквами на спине – «СССР». И в «чешках» со смятыми задниками – таких бывших гимнастических тапочках…

Вторая составляющая: он может сохранить некий приблизительно фольклорный облик – бородку, усы, некоторую наивную простоватость.

Но ни в коем случае он не должен походить на бедного деревенского родственника, явившегося в категорически чуждый ему мир многомиллионного города и столкнувшегося с пугающими его явлениями цивилизации, которых он якобы был лишен в своем медвежьем углу. Или еще где-нибудь – откуда он появился…

Ни под каким видом не делать из него комический персонаж, разговаривающий псевдонародными, окололитературными перлами вроде – «мабуть», «кубыть» и «еж тя задери»!..

И еще! Ни за что не называть его архаичными именами типа – Еремей, Елисей, Прохор, Тихон…

– Точно! Я хочу быть Альфредом!.. – раздался чей-то надтреснутый тенорок за спиной у Михаила Сергеевича Полякова.

Мика резко обернулся и увидел…

…сидящего на валике своей древней кабинетной тахты маленького Человечка, ростом чуть более полуметра, в стареньком стираном голубом тренировочном костюмчике с белыми фетровыми буквами на спине и груди – «СССР»!..

Около тахты валялись маленькие «чешки» со стоптанными задниками.

В руках Человечек вертел Микин летный шлемофон с ларингофонами и колодкой соединения связи, который сам Мика Поляков не видел уже лет двадцать пять, с момента своей демобилизации.

– Ты так и не придумал мне шапочку, – сказал самозваный Альфред. – И я нашел в твоем забытом барахле вот эту штуку. К сожалению, она мне очень велика. Не сумеешь ли ты сделать с ней что-нибудь такое, чтобы я иногда смог ее надевать?..

⁂

Когда Михаил Сергеевич Поляков, пятидесяти трех лет от роду, один из самых известных художников-иллюстраторов и карикатуристов, чьи сборники карикатур разлетались по всему свету, а потом Управление по охране авторских прав выплачивало ему восемь процентов от авторского гонорара рублями или сертификатами на отоварку в спецлавочке, забирая себе девяносто два процента государственного налога, находясь в трезвом уме и здравой памяти, убедился в том, что сидящий перед ним маленький человечек ему не снится и не телевизор показывает ему кукольно-сказочную мультяшку «про Домового» из передачи «Спокойной ночи, малыши!», а какой-то поразительный сдвиг Судьбы с, казалось бы, уже накатанных рельсов предъявляет ему – Мике Полякову – Настоящего, Живого, Говорящего Домового, которого он же сам уже несколько дней взахлеб графически сочинял на бумаге, невольно наделяя его всем тем, что было близко ему самому – ну просто-таки как Гюстав Флобер: «Мадам Бовари – это я!..» – только тогда Мика решился спросить у этого типчика:

– А почему именно «Альфред»? Для нормального русского это имя звучит в достаточной мере претенциозно…

– Ну во-первых, я не очень «нормальный» русский, – спокойно ответил Домовой, нахлобучивая себе на голову Микин старый шлемофон. – А во-вторых, «Альфред» мне нравится именно по звучанию! Были же, в конце концов, и Альфред де Мюссе, и Альфред

де Виньи, и твой коллега – знаменитый карикатурист Альфред Борн… У тебя есть принципиальные возражения?

– Нет, нет, пожалуйста!.. Как хочешь. Только не вешай мне лапшу на уши: Борн никогда не был «Альфредом». Он – Адольф. Мы с ним и с одним польским карикатуристом – Шимоном Кобылиньским – как-то вместе участвовали в выставке «Мировой карикатуры» в Милане, в семьдесят четвертом. А Мюссе, к твоему сведению, и де Виньи – французы! Французы были твои «Альфреды», понятно?

Тут Мика запоздало спохватился:

– А кстати!.. Откуда тебе-то известно о Мюссе и де Виньи?!

Альфред стащил с себя шлемофон:

– Неужели неясно? Прогляди свои последние наброски. Теперь я – часть тебя… Твоих знаний, твоих вкусов… Твоих неприятностей и ошибок. Многого я еще про тебя не знаю. А значит, не знаю и про себя… Чему же ты удивляешься, Мика?

Альфред с сожалением отложил в сторону шлемофон и, явно желая сменить тему разговора, со вздохом проговорил:

– Нет, эта штука… Как она называется?

– Шлемофон, – машинально подсказал Мика.

– К сожалению, этот шлемофон мне определенно велик. Переделывать его – жалко. Как я сообразил, это память о твоей службе в армии. Вот об этом периоде твоей жизни я совсем ничего не знаю. Расскажешь как-нибудь?

– Как-нибудь… – туманно пообещал Мика и с интересом спросил: – А вот скажи мне, Альфред, почему ты возник у меня? Почему ты не появился у моего приятеля-сценариста? Это же он ПРИДУМАЛ ТЕБЯ…

– Я бы сказал – «сочинил». Причем как персонаж сказочный, фантастический. И я ему признателен… – искренне сказал Альфред. – А ты, Мика, сделал меня РЕАЛЬНОСТЬЮ.

– Ах, Альфред, Альфред… Если бы студия приняла у него заявку на этот сценарий и он стал бы его писать – ты и у него возник бы как «реальность»! Он очень неплохой сценарист…

– Нет, – твердо возразил Альфред. – У него я так и остался бы трагикомическим «потусторонним» персонажиком в несвоевременно-чернушном и, к сожалению, ходульном сюжетце с крохотной фигой в непроницаемом кармане. Этакий легкий выпендреж для «своих»…

Мика был сражен! Он даже самому себе не решался признаться, что думал об этом сюжете точно так же.

– Не строговаты ли вы, сударь? – только и вымолвил Мика.

– Никак нет, милостивый государь, – в тон ему ответил Альфред. – Оценку этого сюжета я взял из твоего же подсознания, а РЕАЛЕН стал только благодаря твоей поразительной БИОЭНЕРГЕТИКЕ…

Вот тут Мика очень даже насторожился:

– А что ты знаешь о моей, как ты выразился, «биоэнергетике»?

– Очень немногое. Не нервничай. Можешь спокойно выдохнуть. Не пугайся…

– С чего это ты взял, что я испугался? – сфальшивил Мика.

Альфред посмотрел на Мику своими голубыми глазами врубелевского «Пана», мягко и легко подпрыгнул, на мгновение завис над тахтой и небыстро перелетел (а может быть, перепрыгнул?) на письменный стол, за которым сидел Мика.

Взял его за руку и – негромко сказал своим хрипловатым тенорком:

– Я знаю только, что такой могучий запас этой самой БИО-штуки, которым обладаешь ты, – явление уникальное. С невероятно широким диапазоном действия – от неотвратимо разрушительного до… – Альфред стыдливо опустил глаза. – Мика, можно я выражусь несколько высокопарно? Меня сейчас очень тянет на патетику…

– Валяй, валяй, Альфредик! – весело воскликнул Мика. – Что может быть прекраснее искренней патетики?! Мы так отгорожены от всего своей защитной ироничностью, что порой тошнить начинает!..

С каждой секундой Альфред нравился Мике все больше и больше.

Альфред это почувствовал и в смущении потерял предыдущую мысль:

– А о чем я говорил?.. Прости, пожалуйста.

– Ты говорил, что биоэнергетика может быть не только разру…

– Все, все!.. Вспомнил!.. Она может быть и БЕРЕЖНО СОЗИДАЮЩЕЙ. Ну как?

– Блеск!!! – искренне восхитился Мика. – Я, правда, не совсем понял, что ты имел в виду, но…

– Как?! – поразился Альфред. – А мое появление на этом свете? Это же ты своей гигантской биохреновиной СОЗИДАЛ меня!..

– Будем точнее: не СОЗИДАЛ, а СОЗДАЛ. И тоже не бог весть как самостоятельно. Придумал тебя все-таки мой приятель-сценарист, я тебя только нарисовал, а уже ВОЗНИК ты сам по себе и даже без моего участия откопал где-то мой старый шлемофон, который я лет сто и сам не видел!..

Альфред саркастически хмыкнул и положил ногу на ногу. Насмешливо почесал свою аккуратно подстриженную бородку и не без легкой издевательской нравоучительности произнес:

– Мой дорогой и не очень образованный друг Мика. Знай – придумал меня не твой приятель-сценарист, а один первобытный тип несколько тысяч лет тому назад! Пока он мотался за мамонтом, чтобы было чем поужинать, я сидел у него в пещере и подкладывал дровишки в огонь… Отсюда и название: «Домовой – хранитель очага». Ясно? И нарисовал меня первым не ты, а он же – этот первобытный бандит! И не карандашом на бумаге, а обсидианом на скале. После чего меня на столетия… Слышишь, Мика? На столетия объявили почему-то только деревенским жителем, запихнули в туповатые нравоучительные сказки, занудливые предания, нафаршированные тоскливым человеческим враньем, в несмешные похабные анекдоты и матерные частушки. И только ты, Мика…

Тут Альфреда прервал длинный звонок у входной двери.

– Кто бы это? – удивился Мика и встал из-за стола. – Неужели сын осчастливил?

– Нет, – сказал Альфред. – Какой-то поддатый мужик.

– Господи! Ты и это можешь?! – поразился Мика.

Альфред скромно потупил голубые глазки, польщенно усмехнулся:

– Кто из нас «хранитель очага»? Иди открывай, Мика. Ему нужно всего три рубля.

– Спрячься, – посоветовал Мика Альфреду. – А то он увидит тебя и перекинется от страха…

Настойчивый звонок дребезжал в коридоре.

– Иди, Мика, открывай. МЕНЯ НИКТО НИКОГДА, КРОМЕ ТЕБЯ, НЕ УВИДИТ. Даже если я буду торчать у него под носом!

Мика прошел по коридору и открыл дверь. На пороге стоял «сильно взямший» сосед с третьего этажа.

– Выручай, Михал Сергеич! – заорал он на весь дом. – Трехи, случаем, не найдется?.. А то совсем кранты, бля!.. До аванса…

⁂

С тех пор за всю свою последующую долгую и очень разнообразную жизнь Мика Поляков никогда не расставался с Альфредом.

Даже потом, когда они переехали жить в другую страну, а позже вообще стали колесить по всему свету, они были неразлучны.

Расставались совсем не надолго. Лишь в двух случаях: когда Мике нужно было отлучиться из дому всего на несколько часов. Тогда над Альфредом нависал его профессиональный долг «хранителя очага» и он был вынужден оставаться в квартире и раздраженно ждать Микиного возвращения. Микиных отлучек, даже необходимых и деловых, Альфред не переваривал и нервничал, когда Мика не возвращался в назначенное время.

Вторая причина расставания с Альфредом, и тоже максимум на ночь, носила чисто интимный характер. Но тут уже дом покидал не Мика, а Альфред.

Спустя полгода после ухода любимой женщины (а это случилось за год до появления Альфреда) в холостяцкой жизни Мики снова стали появляться приходящие барышни от семнадцати до тридцати пяти лет из так называемого творческого окружения.

Несмотря на свои «за пятьдесят», Мика Поляков был красив, известен, свободен в тратах, да еще к тому же сумел сохранить все стати, повадки и желания молодого, сильного мужика. Плюс – ласковая ироничность и, самое привлекательное, этакое роскошное по тем временам холостячество в большой и красивой квартире, служащей Мике и мастерской, и домом.

Каждая женщина, нырнувшая под Микино одеяло, – глупенькая или умненькая, деловитая или бесшабашная – все равно испытывала «неясные грезы» о возможном продолжении этой ночи на всю оставшуюся жизнь, и, естественно, уже под фамилией Полякова.

Но Мика слишком давно и сильно любил ушедшую от него Женщину, слишком надеялся на ее возвращение и поэтому, даже в шутку, никогда никому из барышень не давал повода даже на секунду поверить в малейшую возможность такого союза. Он был нежен, щедр, внимателен и всегда искренне благодарен. И только.

Уже после возникновения в доме Альфреда Мика дважды попробовал «принять» у себя сначала одну очень известную московскую балерину из Большого театра, а во второй раз – невероятной красоты продавщицу отдела канцелярских товаров из Гостиного Двора.

Оба раза были сплошным мучением! И балерине, и спустя неделю красотке-продавщице всю ночь чудились в квартире какие-то «посторонние», что-то им мешало раскрепоститься, чего-то они пугались. Короче, как сказал потом Мика одному своему приятелю: «Все было не в кайф!..» И это при том, что Альфред был заперт на верхней полке платяного шкафа, встроенного в коридорный ансамбль.

Да, честно говоря, и сам Мика чувствовал себя не в должной форме. Скорее всего, Альфред излучал тоже не слабенькое биоэнергетическое поле, которое так или иначе влияло и на Микиных барышень, и на самого Мику.

Поэтому на третий раз, да и на все последующие разы Альфред отправлялся спать в гараж. Гараж находился в полутора километрах от Микиного дома, и такое расстояние, по мысли Мики, должно было оградить очередную гостью от нервных срывов, а Мике вернуть его привычную, совсем слегка ослабленную возрастом, но высокотехничную и квалифицированную сексуально-половую мощь.

Однако первый «гаражный» блин тоже получился комом. Мику посетила одна молоденькая эрмитажная ученая дама. Мика отвез Альфреда в гараж, уложил его спать в машине, но не поставил на ручной тормоз, а просто воткнул вторую передачу. Пожелал Альфреду спокойной ночи, пообещал прийти за ним утром и запер гараж, забыв автомобильный ключ в замке зажигания…

Оставшись в тоскливом одиночестве, ничего не смыслящий в технике Альфред зачем-то повернул этот ключ в замке зажигания. Тут же сработал стартер, машина резко рванула вперед, треснулась носом в железные запертые гаражные ворота, расколошматила себе левую фару, искорежила переднюю облицовочную-решетку, согнула передний бампер и, что самое ужасное, дико напугала Альфреда!..

От страха Альфред завопил что было мочи!

Но завопил как-то необъяснимо, БЕЗЗВУЧНО, по-своему, по-домовому, на таких звуковых и волновых частотах, которые мог услышать только Мика Поляков! Это несмотря на то что между

Микиным гаражом и его постелью с кандидаточкой искусствоведения лежало расстояние в полтора километра.

Мика и услышал вопль Альфреда… Да так, что его будто взрывом сбросило с очень симпатичной младшей научной сотрудницы историко-архивного сектора Государственного Эрмитажа! Причем нужно признаться, что произошло это в самый неподходящий момент…

В мгновение ока Мика что-то напялил на себя и помчался в гараж.

…С тех пор, когда к Мике приходили на ночь барышни, Альфред дрых в гараже только на заднем сиденье машины. Но и Мика уже не забывал вынимать ключ из замка зажигания.

А вот той кандидаточки наук Мика так больше никогда и не встречал. О чем искренне сожалел. Потому что в постели эта кандидаточка с полным правом могла претендовать на звание члена-корреспондента Академии самых прелестных наук в жизни всего человечества…

⁂

Несмотря на самоуверенное утверждение Альфреда, будто он теперь является частью самого Мики Полякова, многого Альфред про Мику не знал.

Он подолгу и очень внимательно перебирал старые армейские Микины фотографии. С восторгом обнаружил почти выцветшее фото, где молоденький двадцатитрехлетний старший лейтенант Миша Поляков – командир звена пикирующих бомбардировщиков Пе-2, в мохнатых собачьих унтах, в теплом меховом комбинезоне, с висящим у колена летным планшетом, с парашютом, небрежно перекинутым через плечо, стоит у своего самолета ИМЕННО В ТОМ САМОМ ШЛЕМОФОНЕ, который Альфред в первый же день знакомства все нахлобучивал себе на голову!

Он много и подолгу дотошно расспрашивал Мику про армию, про самолеты. Почему-то он был очень увлечен армейской службой…

Мика даже подумал, что в этом маленьком, взрослом и никому, кроме него – Мики, невидимом Существе с поразительными и поистине сказочными «нечеловеческими» возможностями самым причудливым образом уживаются детско-мальчишеская тяга ко всему военному с совершенно взрослой ответственностью за выполнение своего, предначертанного ему свыше ДОЛГА – хранителя очага…

…Мика Поляков армию не любил. Хотя и отслужил в ней верой и правдой восемь с половиной лет.

Может быть, если бы он не был военным летчиком и не служил в авиации, а посему не принадлежал бы к негласно привилегированной армейской касте, он, наверное, сделал бы все возможное, чтобы освободиться от погон значительно раньше. И любым способом!

Он закончил службу черт знает когда – в начале пятидесятых, а до сих пор ловит себя на том, что любой командный тон, от кого бы он ни исходил, подавляет его. Вызывает гнусное желание в чем-то оправдаться, чем-то доказать свою невиновность.

Мика частенько подумывал о тем, что, если бы он не служил в армии так долго, он был бы во многом спокойнее и свободнее. Раскрепощеннее во всем: в творчестве, делах, в отношениях с женщинами, с приятелями, ну и, конечно, с теми, кто говорит командным тоном и «имеет» право ставить людям оценки за их поведение…

Он не знал, ощущают ли то же самое все, кто служил в армии, но готов был поручиться, что все, кто не проходил армейской службы, этого, к счастью, никогда не испытывали.

Если, конечно, это не патологическое желание чувствовать себя «подчиненным». Где-то Мика читал, что существует такая несимпатичная аномалийка. Кажется, она имеет какую-то грязноватую болезненную основу…

И еще: Альфред никогда не расспрашивал Мику о том, что с ним было ДО армии! Ни про эвакуацию, ни про покойного Лаврика, ни про тюрьму, ни про Школу Вишневецкого…

То ли Альфред вовсе ничего не ведал о том периоде Микиного существования – не было ни одной фотографии того алма-атинского пестрого бытия, а Альфред всегда задавал вопросы, держа в руках старые фото.

То ли Альфред все знал досконально из каких-то своих «потусторонних» источников. И не спрашивал Мику про то горькое время в силу своей врожденной деликатности… Все возможно.

Мало ли, если существует вот такой Альфред, значит, есть и другой – НЕПОЗНАННЫЙ МИР, откуда и пришел Альфред к Мике?!

…И время от времени, сидя за работой, Мика рассказывал Альфреду, примостившемуся на старой кабинетной тахте, разные

забавные армейские истории, участником или свидетелем которых он был. И тогда в Микиных глазах вдруг явственно проступали забытые времена и события, он сам увлекался этими воспоминаниями и радовался искренней и очень непосредственной реакции Альфреда.

Всплывали затерянные в десятилетиях прошедшей жизни подробности, события с такого невероятно далекого расстояния высвечивались совсем иным светом, приукрашивались в мягкие, ироничные, пастельно-примирительные тона, которых тогда не было и в помине…

Вспомнил Мика Поляков, как весной сорок четвертого провожали его в Ташкентское военно-авиационное училище два человека – профессор Эйгинсон Вадим Евгеньевич и его друг, начальник всего уголовного розыска, однорукий Петр Алексеевич.

Вспомнил Мика, как, никого и ничего не стесняясь, профессор Вадик Эйгинсон, стоя у теплушки на станции Алма-Ата – вторая товарная, целовал его в макушку и тайком от друга Петюни, от Петра Алексеевича, запихивал Мике в карман пузырек с «эйгинсоновкой» – спирт пополам с глюкозой – и шептал:

– На дорожку тебе, сынок…

Теперь-то Михаил Сергеевич Поляков понимал – видел все однорукий начальник уголовного розыска. Просто промолчал. Протянул Мике объемистый пакет и сказал:

– Держи, Мика-Михаил. Постарайся сохранить это. Спрячь. Тут все фотографии твоего отца… И мамины. Документы разные… И статья товарища Симонова. И рисунки кое-какие твои. Все, что ты меня тогда просил. Помнишь?

– Спасибо, Петр Алексеевич, – еле выговорил Мика. – За все спасибо…

Проглотил комок, шмыгнул носом и добавил:

– И вам, Вадим Евгеньевич.

А когда вдоль эшелона понеслось «По вагонам!», быстро сказал начальнику уголовного розыска:

– Петр Алексеевич! Там, в Каскелене, в детдоме для трудновоспитуемых, пацан есть – Валерка Катин… Совсем еще малолетка… Пропадет он там, Петр Алексеевич! А пацанчик классный!.. Катин Валерик… Не забудете?..

⁂

Первая неделя – карантин в щитовом бараке с двухъярусными железными койками. Соломенный матрас без простыни, ветхое, прозрачное одеяло без пододеяльника, подушка ватная без наволочки.

В первый же день карантина Мику снова остригли наголо. Как в последней следственно-тюремной отсидке после смерти Лаврика.

Школа Вишневецкого, наоборот, поощряла разные фасонистые прически. Там расческа даже входила в обязательный комплект амуниции. Да кому теперь про это скажешь?..

Здесь же сначала всех остригли под «ноль», а потом пропустили через настоящую, строгую летную медицинскую комиссию. И нещадно отсеивали.

– И куда это военкоматы смотрят?! Присылают, понимаешь, доходяг, дистрофиков, трипперитиков, от которых за версту планом несет, и хотят, чтобы мы из них летчиков делали!.. – возмущался начальник медслужбы авиашколы подполковник Хачикян. – Да еще с фронтов черт знает кого прислали!

Война шла к завершению тяжелой поступью, на ходу давя и чужих, и своих, и, чтобы хоть как-то сберечь молодняк для последующего восстановления страны, первого мая сорок четвертого года был издан указ: «…снять с фронтов Великой Отечественной войны военнослужащих рядового и сержантского состава 1926–1927 годов рождения и имеющих образование не ниже семи классов средней школы, направить на продолжение военной службы на учебу в офицерские школы и училища различных родов войск. Не имеющих вышеуказанного образования направить для дальнейшего прохождения воинской службы в подразделения тылового назначения».

Шестнадцатилетний Мика Поляков, рожденный весной двадцать седьмого года, безоговорочно попадал под действие этого указа…

Все прошедшие медкомиссию подвергались «строжайшим» экзаменам – математике и собеседованию. В математике нужно было отличить площадь круга от длины окружности и правильно изобразить их математическое выражение.

Тут на помощь призывникам и уже повоевавшим ребятам приходили старослужащие, даже летающие курсанты, и нашептывали правильные ответы. Тогда в отличие от сегодняшней армии покровительство «старичков» молоденьким салажатам было модным и обязательным.

На собеседовании ты мог заикаться и невразумительно блеять по любому поводу, но на вопрос «Почему ты захотел стать летчиком?» должен был ответить без запинки и максимально убедительно. Тут в ход шло все – от довоенных лозунгов «Все в Добролет!» до перечисления знаменитых имен Чкалова, Громова, Леваневского, Чухновского и, конечно, Гастелло!

Успешно прошедших медкомиссию и сдавших экзамены зачисляли на первый курс. Переодевали в х/б б/у, то есть в хлопчатобумажное обмундирование, бывшее в употреблении. Выдавали чиненые сапоги, пилотки, ношенные не одним поколением «курсачей», а также простыни, пододеяльники и наволочки.

До торжественного принятия присяги – месяц строевой подготовки на школьном плацу, долбежка уставов в Ленинской комнате, а также изучение наиболее грозного стрелкового оружия Красно-Советской армии – неувядаемой пятизарядной трехлинейной винтовки Мосина образца 1891/30 годов…

За двое суток до принятия присяги – выдача новенького обмундирования, подгонка, подворотнички, надраивание пуговиц до солнечного блеска оксидолом или обычным зубным порошком, новенькие сапожки взамен чиненых-перечиненых, повторение присяги наизусть…

И наконец построение всего личного состава школы – старых курсантов всех эскадрилий, новичков, всего инструкторского летно-подъемного состава, преподавательского, командного – всех до единого, за исключением тех, кто в наряде и в карауле на своих постах.

Мика участвовал в этом ритуальном спектакле уже во второй раз. Но об этом никто никогда не должен был узнать! Впервые Мика принял присягу на третий день пребывания в Школе Вишневецкого – слегка измененную Народным комиссариатом внутренних дел под свое понимание клятвы на верность и не в такой торжественной обстановке, как это происходило здесь.

Там ты просто подходил к столу и молча подписывал ту присягу, как приговор самому себе. Здесь было совсем другое настроение…

…Первые три месяца не вылезали из караула. Завидовали строю курсантов, следующих в УЛО – учебно-летный отдел на занятия, завидовали едущим на аэродром, на полеты, «курсачам» в драных выцветших комбинезонах и древних брезентовых шлемофонах.

Кожаные полагались только офицерскому составу, летчикам-инструкторам.

Привыкали к незнакомым сокращенным названиям…

Все в армии, а особенно в авиации, называлось сокращенно – как СССР. Наверное, революционные преобразования государства Российского начала двадцатых годов породили эту аномально-уродливую тягу к ужасающей лапидарности.

Появился новый, краткий, туповато-выразительный русский язык: ОВС – отдел вещевого снабжения, ПФС – продовольственно-фуражирное снабжение. Мика всегда удивлялся – на кой хрен в авиации «фуражирное» снабжение?! А еще миленькие всякие словечки вроде КЭЧ – коммунально-эксплуатационная часть; ВПП – взлетно-посадочная полоса; УБТ – универсальный Березина турельный… Это пулемет. ШКАС – тоже пулемет: Шпитальный Комарицкий авиационный скорострельный… А ГСМ – горюче-смазочные материалы… ВИШ – винт изменяемого шага…

С начала времен военного коммунизма аббревиатуры-уродцы покрыли всю территорию гигантской страны. Они выплеснулись из армейских границ и потекли по самым мирным руслам, затопляя на своем пути нормальный человеческий язык разными жэками, роно, рабисами, обкомами, наркомпросами, ВКП(б), жрабами и ГУЛАГами…

Это всегда безумно раздражало Мику Полякова, хотя в армии он и сам пользовался этим языком, даже находя в нем некоторые преимущества в той или иной скоротечной обстановке.

…Летать начали только на втором курсе, в конце января сорок пятого года.

А до этого учебно-летный отдел – классы моторов, теории полета, воздушной навигации, связи, метео, тренировки на «батчлерах» – в самолетных кабинах, установленных в классе. С имитацией рулежек, взлетов, наборов высоты, полетов, заходов на посадку визуально, по радиополукомпасу, вслепую – по командам с земли…

И еще туча предметов – от вооружения и химсостава взрывчатых веществ до гидравлики и картографии…

Ну и конечно, тренировочные парашютные прыжки! Нужно ведь обучить будущих летчиков пользоваться таким спасательным средством, как парашют. После недельной тренировки на земле на

первый ознакомительный прыжок молодых курсантов сопровождал сам начальник ПДС – парашютно-десантной службы авиашколы капитан Лозинский Владимир Ильич, названный так своими правоверными местечковыми родителями в честь Великого Вождя Пролетарской Революции.

Вот на этом-то первом прыжке в Чирчике с Микой произошел совершенно непредвиденный случай! Как говорится, Мика чуть-чуть не прокололся…

Звено – десять курсантов, в том числе и Мика Поляков, – стоит на летном поле у двухмоторного нелепого самолетика Ща-2, про который в авиации говорили: «Нос – Ли-2, хвост – Пе-2, моторы – У-2, сам – Ща-2, а скорость – едва-едва…»

Перед каждым курсантом на земле лежит парашют. Два инструктора-сверхсрочника и сам легендарный капитан Лозинский (тысяча сто личных прыжков с любых высот из всех ситуаций) внимательно наблюдают за курсантами: будет ли в воздухе хоть один «отказник»?

Переглянулись все трое – кажется, ни у кого истерики не предвидится. Хотя и пацанов понять можно – страшно прыгать, страшно… Но тут вроде бы все ребята крепенькие, пока никого колошмат не бьет.

– Надеть парашюты! – командует сам капитан Лозинский. По привычке, выработанной еще в Школе Вишневецкого, Мика мгновенно поднял парашют, совершенно профессионально набросил на себя подвесную систему, молниеносно застегнул сначала нижние карабины «седалищно-паховых» ремней, а потом сразу – «грудной». И тут же подтянул через специальные пряжки всю систему, в секунду подогнав ее как можно плотнее.

Остальные девять курсантов еще разбирались в ремнях и карабинах подвесных систем своих парашютов, а Мика уже стоял, готовый к посадке в самолет.

Очень удивленно переглянулись старшины-инструкторы парашютной службы и вопросительно посмотрели на своего шефа Владимира Ильича Лозинского.

Тот подмигнул им и негромко скомандовал:

– Курсант Поляков, ко мне!

Мика подбежал к Лозинскому, вытянулся, замер. Начальник ПДС капитан Лозинский, наплевав на все уставы Советской армии, тихо, так чтобы никто не слышал, спросил у курсанта Полякова:

– Это где же ты так насобачился, сукин кот?

Мике стало не по себе. Однако тут же ответил:

– В школе до войны в парашютном кружке занимался, товарищ капитан.

– А до войны таких подвесных систем не было, – тихо сказал ему Лозинский. – И потом, насколько мне известно, ты учился в художественной школе?

– Так точно, товарищ капитан!

– Ну-ну… – усмехнулся Лозинский. – Хорошо тебя учили в твоей художественной школе.

⁂

– И где же это ты действительно так насобачился, а, Мика? – очень заинтересованно спросил Альфред спустя тридцать шесть лет после разговора неосторожного курсанта Полякова с умным начальником ПДС капитаном Лозинским перед якобы «первым» ознакомительным прыжком с парашютом. – Насколько я понял из твоего рассказа, парашютный начальник не поверил ни одному слову…

⁂

…Незадолго до возникновения Альфреда – сначала на бумаге, а потом и вот на этой тахте, под собственным портретом, уже окантованным и повешенным в кабинете по тщеславному настоянию Альфреда, – Михаил Сергеевич Поляков, заслуженный деятель искусств, лауреат Государственной премии, член Союза художников СССР, пил коньяк со своим старым приятелем – полковником Комитета государственной безопасности.

Познакомились они еще в те времена, когда полковник не был никаким полковником, а после окончания факультета журналистики Ленинградского университета сразу же стал вторым секретарем одного из райкомов комсомола по работе с творческой молодежью. Тогда он был худеньким, стройненьким, ходил в белом эстонском плащике с пояском и «тирольской» шляпке с перышком и короткими полями.

Недоучившегося в «Мухе» Мику Полякова этот второй секретарь райкома и пригласил к какому-то празднику нарисовать десять

«дружеских» шаржей на ведущих работников райкома.

Мике тогда, помнится, очень понравилась эта вольтерьянская идея второго секретаря! Мало того, райком даже выплатил Мике какой-то гонорар, который они вместе с этим вторым секретарем счастливо пропили в «Восточном буфете» гостиницы «Европейская». Там было все вкусно и очень недорого…

Через полгода секретарь райкома комсомола уехал в Москву, в Высшую школу КГБ, и вернулся в Ленинград спустя пару лет уже лейтенантом этой могучей организации.

Потом лейтенант стал старшим лейтенантом, и это событие было разгульно отмечено в том же «Восточном буфете».

А вот капитаном будущий полковник никогда не был. За какие-то особые заслуги в борьбе с инакомыслием ему сразу же присвоили звание майора, вспомнили о его гуманитарном образовании и назначили куратором от КГБ двух творческих союзов – Союза художников и Союза архитекторов.

Наверное, члены этих двух союзов так рьяно стучали друг на друга, так взапуски закладывали собственных коллег – за право на лишнюю выставку, за внеочередную поездку (желательно в капстрану), – что майор быстро стал подполковником…

Он пополнел, удвоил греховные возлияния (уж больно у него худо было в доме…) и после длительного перерыва снова задружился с Микой Поляковым.

И однажды, за бутылкой и яичницей с колбасой и луком, на Микиной кухне сказал, что уже давно знает о его Школе Вишневецкого. В чем Мика и не сомневался…

Недаром у подполковника начиная еще с его лейтенантских времен ни разу не возникала даже мысль попросить М. С. Полякова о «специфических» услугах. Он никогда не пытался узнать, что М. С. Поляков думает о шаткой и нестойкой художественной среде непредсказуемых творцов. А ведь в то время были и «бульдозерные» выставки в Москве, и «квартирные» в Ленинграде, и за рубеж картинки уходили, уезжали, улетали, уплывали…

Прошло еще несколько лет, и полнеющий подполковник стал толстым полковником с персональной черной «Волгой».

С Микой они теперь встречались редко, но с неизменным приятельством. Наверное, толстый полковник очень ценил в Мике то,

что за все эти годы М. С. Поляков ни разу не обратился к нему ни с одной просьбой, ни разу не задал ни одного «жгучего» вопроса. Разве что, когда неожиданно созванивались, Мика мог сказать в трубку:

– Степка! Привези бутылочку коньячку. У меня денег ни черта!

И надо отдать должное полковнику Степке – он всегда привозил на своей черной «Волге» вместо одной две бутылки коньяка и невиданные в те времена «обкомовские» консервы, рыбку холодного копчения, финский сервелат…

Выкладывал все на кухонный стол, стаскивал галстук, сбрасывал пиджак, наливал по «разминочной» и, подняв рюмку чуть дрожащими пальцами, говорил:

– Будь, Мишаня!

Они выпивали, полковник тыкал потвердевшим пальцем в сказочные снеди и наливал сразу же по второй.

– Мишк, а Мишк!.. Видал, как наша партия, блядь, живет?! Вчера в обком вызывали «на ковер» – ухватил там в их буфетике. Не слабо, да? Ты давай, закусывай…

В один из таких «междусобойчиков» Мика сказал полковнику:

– Степан, я тут на днях в военкомате был – по ошибке вызвали на переподготовку офицерского летно-подъемного состава… Я говорю: «Вы с ума сошли? Мне же за полтинник!..» И случайно узнаю, что теперь тем, кто призывался в сорок третьем, разные льготы причитаются. А у меня по документам призыв – май сорок четвертого…

– Ну, правильно! Наливай…

– Погоди, Степа. Какого хера «правильно»?! А горно-альпийская школа НКВД, с присягой, со всеми делами?.. Я же там был с сорок третьего! Пусть с меня снимут секретность и поменяют дату призыва. Сколько лет прошло…

– Сколько? – спросил полковник Степа.

– Сейчас скажу… От восьмидесяти отнять сорок три… Это будет… Тридцать семь! Может, хватит вам секретности, контора?

– Нет вопроса, Миша. Как говорят в лавочках, «для вас – сделаем!». Будь, Мишаня!..

Но через неделю позвонил, напросился к Мике на кухню, приволок бутылку виски «Баллантайн» и грустно сказал:

– Я у тебя переночую? А то дома совсем зажрали… Продыху нет. Может, застрелиться к чертям собачьим?..

– Ладно тебе… – растерянно пробормотал Мика.

– Да нет. Не ладно. Я ведь даже для тебя ни хера не смог сделать – твоя секретность не имеет срока давности.

– То есть как это?!

– «Как, как»… Очень просто! Как говорится, «хранить вечно».

Мика подумал, подумал, да и сказал полковнику Степе:

– В таком случае идите вы все в жопу с вашей секретностью! Плевал я на нее! Так можешь и доложить…

– Окстись, Мишка! Кому доложить?!

– Уж не знаю… Кому положено там у вас.

– Ну о чем ты говоришь, Мишаня?..

– Ладно. Кончили на эту тему, – жестко произнес Мика и вышел из кухни.

Полковник грустно выпил полстакана «Баллантайна», зажевал кусочком сервелата и стал напяливать на себя галстук. А когда в дверях кухни появился Михаил Сергеевич, полковник Степа спросил:

– Мне уехать?

– Иди в кабинет! Там тебе уже постелено, мудак!..

⁂

Спустя месяц в Сан-Франциско на Международной выставке книжной графики советский художник Михаил Поляков получил Малую золотую медаль за цикл иллюстраций к нескольким детским книжкам русских и американских писателей. Подписаны картинки были – «Мика».

Правда, и золотую медаль, и даже весьма убедительный денежный приз получал не М. Поляков, а представитель Министерства культуры СССР, который и поехал в Америку на эту выставку, забыв известить автора награжденных иллюстраций о его награде и денежной премии.

О своем лауреатстве Мика узнал случайно – из трепотни двух своих коллег в коридоре редакции «Боевой карандаш», где Мика иногда сотрудничал.

Еще месяц Мика ждал официального известия от Министерства культуры или из Союза художников СССР. Но представитель министерства, который летал в Америку за Микиной медалью и

премией, уехал во Францию, в Авиньон, на театральный фестиваль. Тоже, наверное, получать чью-то премию…

Американских денег Мика так никогда и не увидел, а медаль спустя еще пару месяцев в уже ободранной коробочке и диплом в кожаном поцарапанном бюваре были высланы в Ленинград с оказией, в Союз художников, где Мике и вручили все это в поразительно неторжественной обстановке.

Зато примчались к Мике два ленинградских журналиста и один московский – взять интервью у творца, отмеченного международной премией на такой невероятно престижной выставке. Вот, понимаете ли, товарищи, какой прорыв отечественной школы иллюстрации на всемирную арену?!

Мика и высказался открытым текстом, воспроизвести который ленинградцы испугались, а москвич опубликовал его с удовольствием: дескать, наше Министерство культуры – министерство абсолютно хамское и к культуре не имеет никакого отношения, а управленцы Союза художников СССР, по выражению прекрасного поэта М. А. Светлова, – «террариум единомышленников» и трусов!

Зато ленинградцы, да и москвич, не подозревая о последствиях, напечатали ответ лауреата Государственной премии СССР и лауреата Международной выставки книжной графики в Сан-Франциско, заслуженного деятеля искусств РСФСР М. С. Полякова на вопрос, с чего начинался его армейский путь.

Они знают, что когда-то он был военным летчиком. Не расскажет ли уважаемый Михаил Сергеевич об этом периоде поподробнее? Тем более что скоро девятое мая – День Победы, и читателям интересно узнать, как начинали свою военную службу некоторые представители творческой интеллигенции Ленинграда…

Мика наплевал на всю «секретность» тридцатисемилетней давности и не стал «хранить вечно», а заявил во всеуслышание, что до авиационного училища он закончил Школу горноальпийских диверсантов НКВД там-то и там-то.

Журналисты были в восторге! Вопросы так и посыпались…

Мика не назвал ни одного имени (мало ли, а вдруг человек этот еще жив?..), но про школу рассказал достаточно подробно. Будто мстил кому-то, будто с кем-то сводил счеты…

Военная цензура, прошляпившая все три статьи – две ленинградские и одну московскую, потребовала увольнения авторов этих статей. Одного ленинградца редакция отмазала, второго – не сумели. Судьба москвича осталась Мике неизвестной.

⁂

…Мика понимал, что, «сочинив» Домового на бумаге, сделав десятки набросков в поисках наиболее близкого ему самому образа Домового, каким он хотел бы его видеть, он волей-неволей какой-то чудодейственной и необъяснимой силой вызвал из Потустороннего Мира что-то игрушечное, но живое, сказочное, но мыслящее, маленькое, но очень взрослое, не видимое никем, кроме него самого…

Оно само назвало себя почему-то Альфредом и заявило, что отныне ОНО – ЧАСТЬ самого Мики Полякова. ЧАСТЬ его Существа, ЧАСТЬ его Души… И в подтверждение своих прав на Мику тут же стало называть его на ты.

Однако Альфред возник в уже более чем зрелом возрасте Михаила Сергеевича и про ранний период существования своей БАЗОВОЙ, или, если так можно сказать, ОСНОВНОЙ, ЧАСТИ кое-чего и не знал о Мике.

А знать обязан. Как знает указательный палец левой руки, что вчера Мика прищемил дверцей машины свой указательный палец правой руки, и теперь он, собака, болит и карандаш, мерзавец, не держит. А левой рукой Мика рисовать не умеет.

Вот Мика и рассказал Альфреду и про мать, и про отца, про Милю, про эвакуацию, Каскелен, Алма-Ату, Лаврика, про Школу Вишневецкого…

Откуда-то Мика знал, что Альфред БЕССМЕРТЕН. Ну а раз он – часть Микиной Души и Существа, следовательно, он будет рядом с Микой Поляковым до самых последних лет, дней, часов и секунд Микиной жизни. Посему он вправе знать про Мику все! Или почти все…

О своих дивных и странных биоэнергетических УБИЙСТВЕННЫХ возможностях Мика Альфреду не рассказывал. Не потому, что не хотел посвящать Альфреда в эту свою опасную и таинственную аномалию, а просто никак не мог сообразить – как растолковать Альфреду, существу не менее таинственному и необъяснимому, суть своей аномалии…

И будучи свято уверенным в том, что теперь Альфред будет рядом с ним до самого его, Микиного, последнего вздоха, никак не мог понять, как и каким образом бессмертный Альфред убережется от собственной кончины, когда умрет его БАЗОВОЕ ОСНОВАНИЕ – сам Мика Поляков?..

– Не думай об этом, Мика, – сказал Альфред. – Может быть, когда-нибудь мы умрем вместе с тобой на каком-нибудь маленьком теплом островке в Тихом океане… А может быть, если за оставшееся тебе время жизни мне удастся кое-что придумать, мы никогда не умрем и будем жить очень долго и счастливо… И там будет синяя вода, зеленые пальмы, желтый песок и белые домики… А в домиках будут жить очень приятные нам с тобой люди…

– Замолчи!!! – в панике закричал Мика. – Откуда ты знаешь про мой остров?!

– О господи!.. – вздохнул Альфред. – Не вопи ты так… Ты до сих пор не можешь уяснить себе, что я – часть твоей Души. Естественно, что мне снятся твои сны. А то какого черта я бы здесь делал?! Неестественно другое: ты упорно не хочешь рассказывать мне о семи убитых тобой мерзавцах и об одном спасенном тобой же неплохом пацане. Его, кажется, звали Маэстро…

Мика даже ахнул от неожиданности. Ахнул и разозлился:

– Это еще откуда у тебя такие сведения?

– От тебя же. Ты рассказывал, но не все. О чем-то ты умолчал, не доверяя мне. Для меня это слегка оскорбительно и, прости меня, смешно! Пойми наконец: Я – это в некоторой степени ТЫ!.. Я целиком настроен на твою волну, и мой мозг автоматически дополняет все несказанное тобой.

– Прости меня, Альфред… Я, честно говоря, просто не знал, как я смогу тебе объяснить это явление…

– Я тебя успокою, Мика, – усмехнулся Альфред. – Когда-то, много лет тому назад, профессор Эйгинсон… Кажется, его звали Вадик?..

– Да. Вадим Евгеньевич.

– Он жив?

– Слава богу. Он теперь живет в Австралии, в Канберре. Располнел, сердце барахлит…

– М-да… Вот видишь, как жизнь складывается? Так ведь этот Вадик еще черт-те когда сказал: «Биоэнергетические возможности

человека неограничены!» Так?

– Да…

– Так вот, Мика. Ты напрасно нервничал и волновался, что не смог бы мне объяснить природу этого явления. Мне лично достаточно было бы оценить его результат, а природу его никто по сей день ни хрена объяснить не может. Ты давно не пользовался этим своим «даром»?

– Очень. В последний раз в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое февраля сорок седьмого года. Я приговорил двоих. Но один случайно остался жить. Не так, как ему хотелось бы, но…

– Как ты думаешь, ты растерял эту способность за все прошедшие годы?

– Понятия не имею…

– Ах, хорошо бы проверить на ком-нибудь! – задумчиво произнес Альфред.

– Боже меня упаси, – с тревогой сказал Мика. – Когда-то я поклялся себе, что буду пользоваться ЭТИМ только в самом КРАЙНЕМ случае. С тех пор…

– Прости, я перебью тебя. Что-то мне подсказывает, что эта твоя уникальная, способность в дальнейшем нам сможет очень и очень пригодиться.

– Ты сошел с ума… Альфред, ты понимаешь, о чем ты говоришь?

– Не очень, – честно признался Альфред. – Но боюсь, что настанет время, которое будет все состоять из КРАЙНИХ случаев… Так что произошло в ночь с двадцать третьего на двадцать четвертое февраля сорок седьмого?..

⁂

В сорок седьмом году двадцатилетний лейтенант М. С. Поляков – командир экипажа скоростного пикирующего бомбардировщика Пе-2 в составе 14-го авиаполка пограничной авиации (он же – войсковая часть № 597924) – ежедневно и еженощно с отвагой и доблестью охранял льды Советского Союза.

Полк базировался в ста километрах от материка, прямо в Баренцевом море на острове Колгуев. К южной стороне прилепилось единственное на острове обитаемое поселение Бугрино, а дальше, до северной оконечности, где стоял Микин полк, шли семьдесят километров пустынной и промерзшей тундры с редкими – двумя-тремя – оленьими стойбищами…

Поэтому послевоенный летно-подъемный молодняк, а также технический состав полка были начисто лишены какого-либо цивилизованного общения с гражданским населением женского пола, что естественным образом, по закону «компенсаторного замещения», привело к тому, что в свободное от полетов и патрулирования время полк стал пить – водку, спирт, одеколон, отфильтрованную противогазной коробкой самолетную гидравлическую жидкость под названием «Ликер шасси». Пьянство становилось повальным.

И если летчики, штурманы и стрелки-радисты, то есть летно-подъемный состав, еще как-то соблюдали достаточно строгую очередность: пьянка – полеты, полеты – пьянка, и, руководствуясь инстинктом самосохранения, старались не накладывать одно на другое, то в мире техсостава и БАО (батальона аэродромного обслуживания) пьянка и служба переплелись настолько воедино, что даже сурово пьющее командование полка пришло в оцепенение и решило бросить на борьбу с этим разрушающим явлением ни больше ни меньше как свой собственный Особый отдел – этакое всеармейское мстительное «пугало», состоящее из начальника майора Кучеравлюка – истеричного алкоголика, старшего лейтенанта Пасько – дознавателя Особого отдела, пьяницы и бездельника, и старшины Шмуглякова – огромного детины-сверхсрочника, обладающего невероятной, мутной физической силой, педераста, у которого в батальоне аэродромного обслуживания был гарем из молоденьких солдат-новобранцев.

Сперва Шмугляков запугивал мальчишек тем же Особым отделом, потом насиловал их, а потом снова запугивал. Уже с применением и чтением вслух статей Уголовного кодекса. Обещал пятьдесят восьмую – «контрреволюцию» и, что самое невероятное, угрожал статьей, карающей за мужеложство!..

Наверное, немалую роль в этой алкогольной эпидемии сыграла бессмысленность того, чем ежедневно занимался полк на этом участке ужасно Крайнего Севера.

Кстати, выражение «Охранять льды Советского Союза» принадлежало лейтенанту Полякову – командиру седьмой «пешки» первой эскадрильи второго летного отряда. За что он и находился на тайной заметке у самого начальника Особого отдела товарища майора Кучеравлюка.

Этот лейтенант вообще не нравился майору. Рисовал, понимаешь… Книжки там разные, понимаешь, читал своему экипажу, интеллигент сраный! И вообще… Полужидок! В смысле – наполовину еврей, понимаешь!..

А как считал майор Кучеравлюк, начальник Особого отдела 14-го авиаполка пограничной авиации, очень даже входящей в состав войск НКВД, если в человеке есть хоть одна капля еврейской крови, то ее из него уже не вытравишь. Нет-нет, а она себя проявит!

Вот майор и ждал, когда же эта часть поляковской крови проявит себя настолько, чтобы можно было на него завести дело, доказать всю степень пока еще неизвестной вины этого лейтенантишки, разжаловать и сослать ко всем матерям. Тут, неподалеку…

Однако если отойти от верноподданнической идеи майора Кучеравлюка по очищению армии-победительницы от чуждых ей элементов и попытаться разложить гармонию Микиной невзыскательной остротки сухой алгеброй, то выражение, так возмутившее особиста, имело полное право на существование.

Итак, фронтовой пикирующий бомбардировщик «Петляков-2» с двигателями последней модификации ВК-107 ПФ, что означало «пушечно-форсированный», для резкого увеличения скорости обладал дальностью полета всего в одну тысячу двести километров. На это уходило все топливо в баках данной модели «пешки».

По строжайшим указаниям НИП – «Наставления по производству полетов» – самолет, производящий посадку, обязан иметь в своих баках остаток горючего в пятнадцать процентов от общего количества. На случай потери ориентировки или непредвиденного увеличения времени нахождения в воздухе. Очень толковое требование! Обязательное выполнение которого сокращало дальность полета еще километров на двести…

Итого мы имеем всего лишь одну тысячу километров полета. То есть пятьсот вперед и пятьсот назад. Чтобы приземлиться на собственной ВПП – взлетно-посадочной полосе.

Так вот, каждый день Мика со своим экипажем уходил в воздух курсом на север именно на эти пятьсот километров вперед. Доходил до мыса Большевик, что на Новой. Земле справа по борту, делал разворот над Митюшихинской губой и быстренько «топал» обратно, уже курсом на юг, на свой остров.

Зачем было летать на пятьсот километров над Баренцевым морем, если до ближайшей заграницы, до Шпицбергена, было полторы тысячи верст?! Полторы тысячи верст сплошных льдов, и больше ни черта! Только Новая Земля справа, так и та советская…

Поэтому Микино выражение: «Мы охраняем льды Советского Союза», ставшее в полку «крылатым», было абсолютно правомерным.

Однако оно вселяло в личный состав полка сомнения в правильности решений «свыше», что и нервировало майора Кучеравлюка.

С терпением и коварством белого медведя майор все ждал, когда этот полужиденок еще раз проколется. Уж взять за жопу так, чтобы не вывернулся! А то у него в полку много защитничков среди летающего командования…

Вроде бы за какое-то «особое летное мастерство» хотят ему к тридцатилетию Советской Армии и Флота, к священному дню двадцать третьего февраля, еще одну звездочку навесить. Старшим лейтенантом сделать.

Этого нелетающий майор Кучеравлюк, начальник Особого отдела авиационного полка, совсем уж не мог понять! Так не разбираться в людях?!

…На празднование тридцатилетия Советской Армии и Флота утром двадцать третьего февраля сорок седьмого года в расположение Микиного полка, на северную оконечность заполярного острова Колгуев, что в Баренцевом море, из Нарьян-Мара прилетел новехонький, только что пошедший в серийное производство, военный транспортно-пассажирский самолет Ил-12. С носовой ногой шасси и с невиданными четырехлопастными винтами.

Почетным гостем полка был замначальника политотдела корпуса погранавиации, который и прибыл на этом чудо-самолете. Он же привез памятные медали «30 лет Советской Армии и Флота» для каждого – от рядового-новобранца до командира Микиного полка – летчика божьей милостью, Героя Советского Союза двадцати восьми лет от роду подполковника Вась-Вась Шмакова.

Этот же чудо-аэроплан затоварил полковой военторг таким количеством водки «Заполярная» местного нарьян-марского розлива, таким количеством слипшихся конфет «Мечта» и совсем слегка

тронутого плесенью печенья «Привет», что праздник просто обязан был пройти на должной высоте!..

На торжественном построении полка (за исключением экипажей, находящихся в воздухе на бессмысленном «боевом» дежурстве) после речей о непобедимой Советской армии, ведомой верным сыном своего народа министром обороны Николаем Александровичем Булганиным, наимудрейшим Центральным Комитетом Коммунистической партии и лично товарищем Сталиным Иосифом Виссарионовичем, каждому были вручены сверкающие юбилейные медали.

Троекратное «Ура!», хрипло прозвучавшее на тридцатиградусном морозе, завершило официальную часть праздника, и полк был распущен по теплым землянкам.

Весь полк жил в этих прекрасно оборудованных, землянках. Летно-подъемный состав – в одних, техсостав – в других, БАО – в третьих и так далее.

Кучковались экипажами. Для каждой землянки в ремонтных мастерских полка из броневых листов, снятых со списанных самолетов, авиамеханиками и техниками были сварены печки с вытяжными трубами и широкими дверцами.

Как известно, в тундре, посередине Баренцева моря, с дровами сильная напряженка. Поэтому печи отапливались бензином. И широкая дверца была необходима, чтобы в печь легко пролезал бы таз с бензином Б-70. А потом туда бросалась зажженная спичка, бензин вспыхивал, печь начинала гудеть от рвущегося оттуда пламени, становилась сначала малиновой, потом красной. До желтизны старались не доводить – опасно.

Бензин выгорал, печь быстро остывала, но тепло в землянке сохранялось на несколько часов. После чего в печь запихивался следующий таз с бензином…

Связисты организовали в землянках музычку, командиры экипажей отрядили в лавку военторга своих штурманов; сержантско-старшинский состав стрелков-радистов накрыл столы; прибористы притащили два чайника спирта-ректификата, который был под строжайшим учетом для промывки особо точных навигационных приборов; из военторга вернулись сильно «упакованные» гонцы-штурманы; кто-то притащил из столовки закусь; дополнительно

вскрыли консервы из самолетных НЗ – неприкосновенных запасов, и гулянка началась!

В отличие от большинства лейтенант Мишка Поляков – командир «семерки» – пил в то время еще крайне мало. Что отнюдь не умаляло уважения к нему летающего общества. Его неприятие алкоголя возмещалось, как сказал Вась-Вась Шмаков, изысканной техникой пилотирования. А такая оценка в полку дорогого стоила!..

Но в этот раз Мика Поляков надрался в первые же тридцать минут.

Для начала пьяный голос Мики влился в нестройный, но очень громкий хор из двадцати молодых, обожженных морозом глоток, самозабвенно исполнявших самодеятельный текст на мотив знаменитого авиационного марша.

Стишата были крайне сомнительного качества, но в то время пелись во всех авиационных подразделениях Советской армии без исключения! Пелись искренне, празднично и лихо:

…Мы рождены, чтоб выпить все, что жидко, Преодолеть сивуху и ликер, Нам «Центроспирт» дал все эти напитки И на закуску кислый помидо-о-ор!.. Пуская в ход свой аппарат послушный, Перегоняя чистый самогон, Мы признаем, что водка – хлеб насущный, И пьем бензин, духи, одеколо-о-он! Все ближе, и ближе, и ближе В граненом стаканчике дно, Янтарными брызгами брызжет Отвага, веселье, вино!..

Слева от уже совсем пьяного Мики сидел его штурман Алик, справа – стрелок-радист Леха. Штурману было девятнадцать лет, стрелку – двадцать один.

– Командир, вы б закусывали… – тоскливо шептал Мике в ухо стрелок-радист.

– Леха прав, командир, – в другое ухо нашептывал Мике его молоденький штурманец и стыдливо поглядывал по сторонам – не видит ли кто, как надрался их командир. – Хоть немножечко, а покушать…

– Цыц, салага!.. – еле ворочая языком, сказал двадцатилетний командир экипажа своему девятнадцатилетнему штурману. – А то я не знаю, что нужно делать?!

Неожиданно пьяный Микин глаз уперся в большой бумажный портрет министра обороны Н. А. Булганина, висевший в рамочке над чьей-то койкой.

– Эт-т-то еще что такое?! – заорал Мика, не отрываясь от портрета Булганина. – Мы, можно сказать, все в порядке – при медалях, бля, а про Николая Александровича, про нашего министра, ебть, забыли, суки?! Всем встать!!! На портрет министра обороны Союза Советских Социалистических Республик товарища Николая Александровича Булганина равня-а-айсь!..

Кто с дикого перепугу, кто в бесшабашном, веселом желании поучаствовать в Микином пьяном спектакле встали и вытянулись, как на параде.

С диким трудом Мика вылез из-за стола и в одних «унтятах» – таких полярных коротких чулочках мехом внутрь – вскарабкался на койку, над которой висел портрет Булганина.

Отцепил от своей гимнастерки новенькую юбилейную медаль, зычно скомандовал:

– Смирно!!!

…и в абсолютной тишине приколол эту медаль к бумажному портрету министра обороны. Точно под всеми орденскими планками министра.

– Вольно!.. – рявкнул Мика.

Но тут силы его покинули, и он рухнул на эту же койку, с которой только что «награждал» Булганина. И тут же под общий хохот захрапел на всю землянку…

…Под утро, когда все уже спали и в землянке было более чем прохладно, Мика, наверное, достаточно протрезвевший во сне, уже не храпел, а, завернувшись в два одеяла, спокойненько спал на той же койке, на которую рухнул еще с вечера.

Портрета Булганина с Микиной медалью над койкой не было…

Мику разбудил сильный жесткий толчок в бок. Мика с трудом открыл глаза и увидел нависшую над собой могучую фигуру сотрудника Особого отдела полка старшины Шмуглякова.

Шмугляков держал в руке Микин пистолет «ТТ» в кобуре с поясным ремнем, тыкал им Мике под ребра и гундел над ухом:

– Поляков, подъем!.. Лейтенант Поляков, подъем, кому говорят?! Давай, давай, открывай зенки! Майор Кучеравлюк вызывают…

– А не пошел бы ты вместе со своим майором подальше, а, старшина!.. – сонно проговорил Мика и снова завернулся в одеяло. –

Положи мою пушку на место и вали отсюда, а то я сейчас всю эскадру подниму!..

Но старшину ЭТОГО ОТДЕЛА в сорок седьмом году не мог испугать никто! Шмугляков положил Микин пистолет к себе в карман куртки, рывком поднял лейтенанта М. Полякова с койки, одной своей огромной лапищей зажал ему рот, второй аж до хруста заломил руку за спину и потащил его к выходу из землянки в одной гимнастерке, шароварах и «унтятах» – в предутренний тридцатиградусный мороз…

На счастье, за всем этим одним глазом из-под одеяла с соседней койки наблюдал Микин стрелок-радист Леха.

Как только за Шмугляковым и Микой захлопнулась дверь, Леха вскочил, растолкал своего штурмана младшего лейтенанта Алика и без соблюдения малейшей субординации забормотал ему прямо в его бессмысленные ото сна глаза:

– Алик! Алька, проснись!.. Мишку, нашего командира, «особняк» увел! Алик, е-мое! Проснись, тебе говорят!..

– Что?.. Что делать?!

Алик очумело вскочил, стал суматошливо натягивать на себя меховой комбинезон и унты. И случайно увидел, что над пустой койкой, откуда увели Мику, нет портрета Булганина…

– Гляди, Леха!.. – прошептал Алик и показал на то место, где еще вчера висел портрет с настоящей медалью Мики Полякова.

– Все… Пиздец! – потерянно проговорил Леха. – Кто-то отволок эту херню «особнякам» и стукнул на Мишку… Проститутки дешевые! Бежим к Вась-Вась Шмакову! Теперь только на «Героя» надежда…

…Небольшая землянка Особого отдела была разделена занавеской на две половины. Одна половина – для личных нужд сотрудников отдела, вторая – для служебных. Здесь допрашивали, писали рапорты, читали доносы, строчили сводки в свои главные управления, тайно принимали информаторов…

По другую сторону занавески спали, жрали, гадили в ведро, чтобы не выходить, как все, на мороз к общественной уборной. Проще потом ведро вынести… Короче, жили за занавеской.

А по эту сторону, вот как сейчас, не зная ни дня, ни ночи, не покладая рук, не смыкая всевидящих глаз, работали. Не за совесть, а за сумасшедший, парализующий страх…

– Ну вот!.. – радостно сказал майор Кучеравлюк. – Наконец-то! Наконец-то мы увидели твое истинное лицо. А то все: «Поляков! Поляков… Он такой, он сякой, он немазаный!» А что этот самый Поляков – элемент чуждый и вредный, я бы даже сказал, антисоветский!.. – это почему-то никто, кроме нас, не видит! Или не ХОЧЕТ видеть?!

На столе у майора лежали письменное донесение и портрет Булганина, проткнутый юбилейной медалью Мики Полякова.

Напротив Кучеравлюка на стуле со связанными сзади спинки стула руками сидел синий от холода Мика в одной гимнастерке и «унтятах».

В этой неравной схватке силы распределились следующим образом: лейтенант Поляков был УЖЕ трезв, а майор Кучеравлюк ЕЩЕ пьян. За занавеской раздавался похмельный храп с тоненькими всхлипами старшего лейтенанта Пасько, там же выпивал и закусывал старшина Шмугляков.

Время от времени, что-то жуя своими огромными акромегалическими челюстями, он выглядывал из-за занавески, убеждался, что допрашиваемый ведет себя как положено, и снова скрывался в отгороженной половине.

– Итак… – Кучеравлюк ткнул пальцем в портрет Булганина и спросил: – Что ты хотел ЭТИМ сказать?!

Тут Мике сразу же вспомнился Каскелен, детдом для трудновоспитуемых подростков, плакат, который он рисовал тогда к какому-то празднику, и чахоточный директор детдома: «Здесь висят портреты членов Политбюро ЦК ВКП(б), а он при них КУРИТ?!»

Мика промолчал. А Кучеравлюк, не стесняясь его присутствия, налил себе полстакана водки «Заполярная», выпил, утерся, ковырнул вилкой в открытой банке засохших рыбных консервов, но есть не стал, а продолжил допрос:

– А теперь спрашивается: кто мог совершить такое подлое деяние? Отвечаю: только НЕРУССКИЙ человек!..

– Товарищ майор!.. – злобно прервал его Мика. Вот тут майор Кучеравлюк не выдержал и сорвался:

– Я тебе, еврейский выблядок, не «товарищ»!!! Я тебе…

Тут Кучеравлюк запнулся. Он не знал, кто он для этого паршивого лейтенантишки – Хозяин, Судья, Палач?.. Он был так злобно счастлив,

что наконец-то может сломать хоть одного ненавистного ему представителя этой недострелянной Вышинским, этой недобитой, сами знаете кем, омерзительной прослойки общества, неизвестно каким путем затесавшейся в славные армейские ряды!

На крик майора из-за занавески вышел жующий Шмугляков. Засучил рукава гимнастерки, спросил начальника:

– Будем «оформлять»?

– Погоди, Шмугляков!.. Успеем… Куда он денется?! Интеллигент вонючий… Я хочу, чтобы этот враг народа ответил, как он сумел пролезть в комсомол?! Вот что я хочу знать! Кто способствовал?! Кто рекомендовал?!

«Господи… – думал Мика. – Неужели это никогда не кончится?.. Ведь уже третий год, как войны нету!.. Неужели за это время так ничего и не изменилось?!»

– Я тебя спрашиваю, Поляков, как ты оказался в комсомоле? – закричал майор Кучеравлюк.

Вот когда у двадцатилетнего лейтенанта Михаила Полякова, одного из самых смелых летчиков полка, владеющего такой отточенной техникой пилотирования, которой могли бы позавидовать даже старые фронтовые асы, вдруг в глазах возник алма-атинский следственно-тюремный изолятор, два местных энкавэдэшника – Виктор Иванович и Коля, играющие перед ним, одиноким пятнадцатилетним пацаном, свою гнусненькую пьесочку, где в последнем акте, под занавес, ему вручался этот дурацкий комсомольский билет с фотографией, выдранной из уголовного дела. Потому что после той школы, куда они его определили, сдохнуть нужно было обязательно будучи членом ИХ комсомола!..

Вот когда Мика со связанными за спинкой стула руками неожиданно почувствовал давно, казалось бы, забытую им головную боль!

Сначала ударило в виски, потом сразу перестало быть холодно и по телу разлился знакомый нестерпимый жар, а в голове застучала одна-единственная мысль – это КРАЙНИЙ случай или пока еще нет?..

– Тебя спрашивают, жиденок, – спокойно напомнил Мике старшина Шмугляков, таким образом подписав себе приговор.

Мика поднял потемневшие глаза на Шмуглякова и уже без тени сомнения, убежденно сказал:

– КРАЙНИЙ, КРАЙНИЙ случай… И ты, пидор грязный, будешь первым!!!

Старшина ошеломленно посмотрел на майора. Тот кивнул ему головой, разрешая приступить к «оформлению».

Шмугляков яростно рванулся к Мике, но…

…в то же мгновение из Микиных глаз, из Микиного воспаленного мозга последовал такой дикой, такой фантастической силы «выброс» той самой БИОЭНЕРГИИ, про которую профессор Эйгинсон, тоже полукровка, говорил, что у Мики она УНИКАЛЬНА и БЕЗГРАНИЧНА!

Что и подтвердил замертво рухнувший старшина Шмугляков.

Падая между столом майора и Микой, уже мертвый Шмугляков своим огромным и дохлым телом чуть не перевернул стол начальника Особого отдела, оказавшись на полу у самых Микиных ног…

– Ну надо же было так нажраться, Шмугляков! – возмутился майор. – Предупреждал же, что еще работать и работать!..

Он попытался было вскочить из-за стола, но Мика внятно и громко сказал:

– Сидеть, сволочь! Ты – следующий…

И Кучеравлюк, словно памятник самому себе, застыл на своем стуле.

А Мика усмехнулся и произнес фразу, которую майор Кучеравлюк никогда не слышал в своей жизни:

– Молилась ли ты на ночь, Дездемона?..

Но тут с грохотом распахнулась дверь землянки Особого отдела, ворвалась ледяная стужа вместе с командиром полка, Героем Советского Союза подполковником Вась-Вась Шмаковым, находящимся в состоянии яростного и мощного предутреннего похмелья!

На Шмакове поверх гимнастерки почему-то была надета расшитая ненецкая малица с капюшоном, отброшенным на спину. Эту малицу оленеводы еще осенью подарили Вась-Васю на какой-то торжественной смычке. И неизвестно, что там у себя в землянке сейчас изображал Вась-Вась в этой малице…

За спиной у командира полка – Микины штурман и стрелок-радист. У штурмана в руках шлемофон Мики и его американские унты с автономным подогревом. У стрелка – Микин меховой комбинезон.

Вась-Вась Шмаков видит своего любимчика Мишку Полякова со связанными руками позади спинки стула, задирает малицу, словно юбку, вытаскивает из-под нее пистолет и с криком «Счас я весь ваш отдел в распыл пущу к е… матери!..» два раза стреляет в потолок!

Сверху на стол начальника Особого отдела сыплются щепочки и ягельная труха, но майор Кучеравлюк, сидящий за столом, остается недвижим.

Так же, как и дохлый старшина Шмугляков, валяющийся на полу.

Зато из-за занавески раздается истерический крик проснувшегося и ничего не понимающего дознавателя отдела старшего лейтенанта Пасько:

– На помощь!..

– Мишку развязать!!! – командует Вась-Вась Шмаков, а сам бросается к занавеске, разделяющей землянку на две половины – служебную и личную.

Отдергивает разъяренный Шмаков занавеску, берет Пасько за шиворот, волочет через служебную часть и вышвыривает его на мороз.

Освобожденный Мика уже втиснулся в комбинезон, уже сует ноги в свои роскошные унты, а Шмаков хватает со стола портрет Булганина, срывает с него Микину медаль, сует ему ее в руки:

– Держи, мудило! Не умеешь водку пить, не берись! Ас херов.

Порванный и проколотый Микиной медалью портрет министра обороны вместе с рамочкой Вась-Вась сует в печь, где догорает ведро с бензином. Портрет Булганина тут же вспыхивает веселым пламенем. Туда же летит и донесение «агента-инкогнито»…

Майор Кучеравлюк с широко открытыми глазами неподвижно сидит за своим столом. За дверями землянки на морозе жалобно скулит Пасько.

Шмаков сплюнул, распорядился:

– Впустить!

Стрелок-радист открыл дверь землянки. Вполз синий Пасько.

Вась-Вась спрятал пистолет под малицу, взял трубку полевого телефона, нажал на кнопку вызова связи, заорал на весь остров:

– Ну-ка, быстренько мне санчасть! Шмаков говорит!.. Что значит «не отвечают»?! Звони еще раз, а то я тебе яйца вырву!.. То-то же! Доктор? Доктор, мать твою в душу! Женя! Женька!.. Это Шмаков. Пулей в Особый отдел! Чепе тут у нас!.. Перепились говноеды, и… –

Не наклоняясь, Шмаков ногой повернул на полу голову Шмуглякова, посмотрел на него и сказал в трубку: – Один – труп… – Глянул на застывшего, неподвижного начальника Особого отдела и добавил: – Второй вроде бы наполовину…

…Так и получилось, как сказал Вась-Вась Шмаков.

У старшины Шмуглякова на фоне сильного и многодневного употребления алкоголя – остановка сердца с летальным исходом, а…

…у начальника Особого отдела майора Кучеравлюка на этой же почве полная потеря функций движения, органов слуха и речи, а также сфинктерных свойств…

– Чего, чего?.. Каких свойств? – переспросил Шмаков.

– «Чего-чего»… – недовольно сказал капитан Евгений Иванович Егорушкин, начальник санчасти полка. – Гадить будет под себя до смерти! Ссаться… Да он уже… Вы что, не чуете?

Все потянули носом. Почуяли. Как из несмытого горшка.

– Одним словом, лучше бы он помер, – сказал Евгений Иванович. – Каталепсия есть каталепсия.

⁂

Из-за этого чепе – чрезвычайного происшествия – Мике так и не дали старшего лейтенанта.

Наверное, слухи о «награждении» маршала Н. А. Булганина лейтенантом М. С. Поляковым каким-то образом все-таки дошли до командования на материке. Может быть, дознаватель Пасько постарался, а скорее всего, не удовлетворенный результатами реакции на свою героическую бдительность и беспримерный патриотизм снова подсуетился «агент-инкогнито»…

По повторному представлению звание старшего лейтенанта Михаил Поляков получил лишь через полтора года – восемнадцатого августа сорок восьмого, ко Дню авиации. И сразу же был назначен командиром звена.

Таким образом, старший лейтенант М. С. Поляков уже в двадцать один год принял на себя ответственность не за один экипаж, а за три. Теперь под его командованием было три самолета Пе-2, девять человек летно-подъемного состава, один техник, три механика, три моториста, три оружейника и один приборист на все три машины…

В начале сорок девятого кто-то из больших, но любознательных начальников мельком заглянул в карту Советского Заполярья, понял

всю нелепость пребывания Отдельного авиаполка бомбардировочной авиации средней дальности с устаревшими «пешками» на острове Колгуев в Баренцевом море, и полк расформировали.

Из зоны вечной мерзлоты Мика на полгода попал в палящие солнечные лучи замечательного города Кировабада. Там в запасном авиаполку Мику научили летать на самолете конструкции Туполева – Ту-2. Эта машина вовсе не была новым словом в бомбардировочной авиации, но она была намного совершеннее заслуженного фронтового Пе-2, отличавшегося от всех летающих конструкций со времен Блерио и Фармана могучестью своего шасси. Шасси у «пешки» выдерживали любое безграмотное или вынужденное приземление. Но во всем остальном…

Когда-то в Казани на военном заводе № 22, где делали самолеты Петлякова, заводские летчики-испытатели пустили в авиационный мир не совсем пристойную оценку этого самолета. Они говорили: «Летать на „пешке” – что льва е…ть: много страху и мало удовольствия».

Наверное, они были во многом правы, но вот старший лейтенант Мика Поляков отлетал на этом пикирующем бомбардировщике несколько лет и ни разу не усомнился в его добротных качествах.

Конечно, конечно, конечно!.. Хотелось бы и движки помощнее, и планерные свойства получше, и навигационное оборудование посовременнее, но ведь совершенству действительно нет предела…

Из командира звена Мика снова превратился в рядового летчика. Зато сразу же после окончания обучения на Ту-2 в Кировабадском запполку был откомандирован в одно местечко между Астраханью и Сталинградом. Называлось местечко Капустин Яр. Или сокращенно Кап-Яр.

В Кап-Яре находился широко известный всему, даже не очень цивилизованному миру, но невероятно, совершенно и устрашающе секретный для Советского Союза Государственный центральный полигон. В военном обиходе – ГЦП. Или, уже для абсолютной таинственности, – «Хозяйство Вознюка».

Вот с такой, прямо скажем, непрезентабельной фамилией всем ГЦП с гигантским количеством частей и подразделений самых разных родов войск – от строительных батальонов до эскадрилий слежения, куда и был направлен Мика, – руководил умный и интеллигентный генерал. Ему просто не повезло с фамилией…

Знаменит был ГЦП одним человеком – Королевым. Тем самым Королевым, который потом, спустя двенадцать лет, в шестьдесят первом году отправит в космос старшего лейтенанта Гагарина.

Но в то время Королев на Государственном центральном полигоне испытывал свою ракету – А-4. Это был сильно модернизированный вариант немецкой ракеты ФАУ-2, и поэтому во время наземных испытаний и пробных запусков сквозь русский мат и непонятные технические команды явно прослушивалась и немецкая речь германских инженеров, когда-то работавших на заводах ФАУ, а теперь верно служащих самому Королеву…

Самому Королеву служил и старший лейтенант Мика Поляков. Каждый раз, когда семнадцатиметровая ракета А-4, раскрашенная черными и снежно-серебристыми шахматными квадратами для лучшего визуального обнаружения, уходила со стенда в воздух, взлетал и Мика Поляков со своим новым экипажем – проследить за полетом ракеты, за ее траекторией, зафиксировать место ее падения и сообщить Земле. А потом, уже совершив посадку, написать отчет о ее ракетном поведении вне зоны наземной видимости…

Служба в ГЦП была для Мики его «военно-звездным периодом». Испытательные запуски ракет были настолько нечасты, что в «эскадрилье слежения» пришлось даже ввести график дополнительных тренировочных полетов, чтобы летно-подъемный и технический составы не теряли своей профессиональной квалификации.

Девок вольнонаемных было – пруд пруди! Выпивки – хоть залейся!

«Изделие», как по причине секретности называлась ракета А-4, имело двигатели, работающие на соединительной реакции чистейшего девяностоградусного спирта с жидким кислородом, который, как известно из учебника химии для средней школы, тоже – не хвост собачий: минус двести семьдесят шесть градусов ниже нуля. Штука весьма опасная…

Так вот, когда на стенде нужно было только проверить работу двигателей «изделия», на носовую или даже, вернее, на «шейную» часть ракеты надевался гигантский стальной ошейник, от которого шли толстенные металлические растяжки, приваренные и забетонированные в стартовой площадке стенда. Двигатели могли

реветь сколько угодно, но оторвать прикованную к бетону ракету они были не в состоянии.

В случае таких испытаний на стенде сжигалось всего около половины топлива. Остальные тонны три-четыре спирта и полторы-две тонны жидкого кислорода со всеми предосторожностями сливались на землю…

Считалось, что уже одно пребывание спирта и жидкого кислорода в топливно-двигательной системе ракеты при вторичном использовании может дать нежелательную реакцию. Или не дать желаемую. В очередные испытания заправлялся уже другой спирт и другой кислород.

Жидкий кислород не мог привлечь даже самых безмозглых. Достаточно было сунуть в его сливающуюся струю деревянную оглоблю, как та в одно мгновение рассыпалась кристаллической серебристо-снежной пылью!..

Но слив на землю нескольких тонн чистейшего спирта не мог оставить никого равнодушным. Повальное, халявное пьянство моровой язвой стало разъедать наисекретнейший, известный всему свету Государственный центральный полигон Советского Союза!..

В алкогольном угаре солдатики, сержанты, да и, чего греха таить, даже старшие офицеры стрелялись, вешались, палили друг в друга, очертя голову бросались в невероятные преступные авантюры…

Спирт стал валютой, меновой и покупательной единицей, намного превышающей возможности обычных денежных знаков.

Ученое начальство ломало голову: чем можно заменить спирт?! И в один нерадостный день по всем частям и соединениям всех родов войск ГЦП прокатилась трагическая информация, что, слава богу, наконец-то найден заменитель спирта для ракетного топлива! К нему нельзя даже приближаться! Он невероятно токсичен… Одного взгляда на него достаточно, чтобы любопытный откинул копыта!

И действительно, уже следующие стендовые испытания предъявили всему недоверчивому, алчущему и похмельному воинскому братству вместо слива чистого ректификата струю, толщиной в телеграфный столб, жидкости с такой пугающей красно-сине-голубовато-лиловой цветовой гаммой, что все просто от ужаса шарахнулись в стороны!

Пахла же эта омерзительная струя, этот антинародный плод ученых вывертов – чистярой!!! Запах был ну просто идеальный для поддачи…

Целый месяц Государственный центральный полигон пребывал в перепуганно-трезвом состоянии. Все просто отучились покупать водку в военторговских магазинах.

Но однажды пронесся слух, будто один старшина, командир хозяйственного взвода по обслуге стендовой группы испытаний и запусков, получил письмецо из родного Торжка, что его любимая девица загуляла во все завертки. И старшина решил свести счеты с жизнью. Из-за большого расстояния между Торжком и Кап-Яром он решил покончить не с ней, неверной, а с самим собой.

Набрал полный котелок этой жуткой красно-сине-лиловой штуки, пахнущей спиртом, прилюдно объяснил причину своего ухода из жизни поразительно живописным матом, попрощался со всеми и выпил полкотелка одним духом. Ну и конечно, тут же упал замертво…

Когда же труп старшины скорбно понесли готовить к официальным похоронам, старшина по дороге приоткрыл один мутный глаз и попытался даже что-то спеть из классического алкогольного репертуара. Не то «Шумел камыш…», не то «На палубу вышел, а палубы нет…».

Похороны старшины временно отложили. Ординарцы большого начальства под страшными клятвами и уверениями в сохранении абсолютной тайны сообщили некую научно-пикантную подробность. Оказывается, единственное, что не мешает необходимой топливной реакции при соединении чистого спирта с жидким кислородом, это небольшое окрашивание спирта марганцевым калием, при употреблении которого человек рискует получить только запор. А нормальная похмелюга будет такой же, как и после неокрашенной спиртяги!

А ученые, которых собрали сюда со всего света, – вся эта жидовня и немчура под командованием наших больших начальников, которым коньяк из Москвы транспортными самолетами возят, – этих ученых хлебом не корми, а дай простому русскому военному народу лапшу на уши навешать, чтобы он, видишь ли, не выпивал… дурят нашего брата почем зря! Вот и придумали, дескать, это яд… А вот хер им в грызло: на нас где сядешь – там и слезешь!

Да, товарищ старший лейтенант?..

Примерно так, простодушно и очень доверительно, объяснил Мике Полякову его же собственный моторист, когда приволок своему любимому командиру две двадцатилитровые канистры с этой уже неоднократно проверенной лиловой жидкостью, которая даже и название успела получить – «Голубой Дунай».

Мика поблагодарил, но канистры не принял. Сорок литров спирта, подкрашенного марганцовкой, были отправлены обратно. Что не снизило желания Микиного окружения сделать ему подарок.

Где, как и при каких обстоятельствах эти две канистры были обменены на прекрасный, почти новый трофейный американский «виллис» – так Мика никогда и не узнал.

Мало того, на двигателе и кузове «виллиса» родными авиаумельцами были перебиты номера, еще за полканистры в военно-автомобильной инспекции комендатуры Кап-Яра были оформлены все документы на имя старшего лейтенанта Полякова Михаила Сергеевича. И вот в таком «узаконенном» виде Мика получил этот «виллис» в подарок от всей своей эскадрильи именно в тот день, когда ему исполнилось двадцать четыре года и он приказом командования был назначен заместителем командира эскадрильи по летной работе.

⁂

С легкой руки майора Борщевского – начальника гарнизонного Дома офицеров – для Мики Полякова в Кап-Яре неожиданно открылась и бурная «светская жизнь».

– Мне сказали, что в прошлом вы – художник? – спросил как-то майор, отловив Мику в Доме офицеров на танцах под радиолу.

– Тут две неточности, товарищ майор, – сказал ему Мика. – Во-первых, у меня практически никогда не было «прошлого», а во-вторых, до войны я всего лишь учился в средней художественной школе.

– А вы, оказывается, еще и кокетун, старший лейтенант? – едко и насмешливо удивился майор Борщевский. – Мне показывали несколько ваших шаржей – у вас весьма зрелая и уверенная рука… Как мне кажется.

– Спасибо, товарищ майор.

– Просто Юрий Леопольдович.

– Спасибо, Юрий Леопольдович. В таком случае просто Михаил Сергеевич.

Майор внимательно оглядел Мику и очень вежливо произнес:

– Не ошибусь, Михал Сергеич, если скажу, что навскидку я примерно вдвое старше вас. И в моем возрасте уже нужно начинать беречь время, отпущенное судьбой. Ничего, если я сокращу ваше отчество и буду называть вас Мишей?

Борщевский понравился Мике своей скрытой иронией и явной интеллигентностью. Чем-то – построением фраз, негромкостью, манерой смотреть на собеседника – Борщевский напоминал Мике отца – покойного Сергея Аркадьевича.

– Весьма польщен, Юрий Леопольдович, – в тон Борщевскому ответил Мика и добавил: – В таком случае не Миша, а Мика. Так меня называли дома. Хорошо?

– Отлично, Мика. Итак, в связи с нашей беспредельной секретностью я не имею права пригласить к нам на гастроли ни один театр. Только самодеятельность. А политотдел требует «зрелищ» и «зрелищ», чтобы как-то отвлечь наш военно-героический народ от поголовной пьянки. Вот я и решил сделать пару-тройку спектаклей своими силами. У нас есть минимум два десятка очень способных людишек. Я же в прошлом – театральный режиссер… Не бог весть что, но режиссер. Здесь, как говорится, на «твердых заработках». Вот и решил рискнуть. Одна пьеса такого драматурга Александра Галича «Вас вызывает Таймыр!» – вы, наверное, не знаете – сейчас катится по всем театрам страны. И парочка пьес Евгения Львовича Шварца – «Голый король» и «Дракон». Но «Дракона» могут не разрешить… Вы вообще что-нибудь знаете о Шварце?

– Впервые слышу.

– Если бы мне не было известно, что вы хороший летчик, я бы считал это позорным фактом вашей биографии. Шварц – гений! Я пришлю вам с посыльным книжечку его пьес, и вы в этом убедитесь сами. А вам я предлагаю напридумывать и нарисовать эскизы костюмов для пьес Шварца. Для Галича не нужно – там милая советская современность. А вот для «Дракона» и для «Голого короля» необходим свежий, веселый взгляд молодого, смелого и нахального человека.

– С чего это вы взяли, что я смел и нахален, Юрий Леопольдович?

– Ваша профессия предполагает смелость, а сплетни о количестве оприходованных вами вольнонаемных и военнослужащих дамочек

нашего гарнизона позволяют мне не сомневаться в вашем нахальстве и наглом напоре, Мика.

– Кошмар! – сказал Мика, – Вы именно по этому признаку остановили свой выбор на мне?!

– Нет. Мне понравились ваши рисунки, – ответил Борщевский.

…Через полторы недели после утренних полетов вдоль речки Ахтубы и дневного оформления документации эскадрилий по налету часов каждого экипажа Мика приехал на своем «виллисе» к Борщевскому в Дом офицеров.

Приехал восторженно-прибалдевший от чтения шварцевского «Дракона» и привез не только эскизы костюмов, но и даже весьма остроумный проект оформления сцены с крайне незначительными, чисто аппликативными сменами декораций.

Борщевский все внимательно просмотрел и строго сказал:

– Вы очень талантливы, Мика. Я надеюсь, что вас ждет блестящее будущее.

С этой минуты старший лейтенант Поляков полностью влился во вновь организованный театральный коллектив при Доме офицеров и отныне каждый свободный вечер проводил за кулисами «театра Борщевского».

Вознаграждением Мике за столь весомый вклад в постановку спектакля была безмерная благодарность Юрия Леопольдовича и безоговорочная готовность любой из девиц домофицерского закулисья немедленно нырнуть в койку к красивому старшему лейтенанту с собственным «виллисом». Чем Мика и пользовался без зазрения совести, сильно расширив диапазон своих внеслужебно-половых упражнений…

⁂

Спустя два месяца после премьеры «Дракона», разрешенного САМИМ Королевым (вопреки запрету политотдела), Мика Поляков медленно ехал на собственном «виллисе» по скрипящему февральскому снежному насту в штаб своего авиасоединения мимо Дома офицеров.

Чуть притормозил у большого фанерного рекламного щита, где сверху было написано: «Евгений Шварц». Ниже гигантскими буквами – «Дракон». А уже под названием пьесы – тоже достаточно крупно:

«Режиссер спектакля – майор Ю. Борщевский. Художник – ст. л-нт М. Поляков».

– Недолго музыка играла, недолго фраер танцевал… – спел сам себе Мика и поехал дальше.

Печальные нотки явственно звучали в Микином исполнении этой древней щемяще-блатняцкой строки. Ибо при всей своей, прямо скажем, не очень горячей любви к армии, к обязательному состоянию постоянной «подчиненности» последнее время служба на ГЦП для старшего лейтенанта Полякова складывалась более чем удачно и достаточно разнообразно. Что даже заставило Мику несколько пересмотреть свое бывшее стойкое отношение ко всему армейскому.

И вдруг…

И вдруг СВЕРХУ грянул гром!

Неделю тому назад Политбюро, руководимое лично товарищем Сталиным, исходя из самых мирных и гуманных побуждений, произвело шоковое и беспощадное сокращение почти половины кадрового состава всей Советской армии!

Сотни тысяч Бывших Мальчишек, ставших Взрослыми только в армии, должны были быть выброшены на улицу. На ту самую «гражданскую» улицу, с которой их, голодных и завшивевших, военкоматы подобрали семь-восемь лет назад.

Их выбрасывали на «гражданку», в «штатскую» жизнь, которой они, сегодня двадцатитрех-, двадцатичетырех-, двадцатипятилетние Бывшие Пацаны, совершенно не знали и ничего в ней не умели.

Они умели только летать, бомбить, стрелять и окапываться. Они были научены выживать в самых экстремальных обстоятельствах, не предполагавших какого бы то ни было продолжения жизни…

Но на «гражданке» в то время стрелять было не в кого, бомбить некого и окапываться от кого-либо не имело никакого смысла. Да и «выживать» они малость подразучились. Как-никак, а на дворе был февраль пятьдесят второго.

И половина сокращаемой Советской армии ни черта не соображала в том, куда ее сейчас вышвыривают.

Не избежал этой участи и Мика Поляков. Сегодня он ехал в штаб оформлять свое увольнение.

Ехал и думал: «А „виллис” я подарю Юрию Леопольдовичу. Слава богу, что старика не тронули!..»

«Старику» Юрию Леопольдовичу Борщевскому было тогда сорок четыре года…

⁂

Хорошо еще, что черт-те когда, в Заполярье, Микин командир полка Вась-Вась Шмаков заставил своего начальника штаба послать в Ленинград кому нужно, бумагу о «…бронировании жилплощади военнослужащего Полякова Михаила Сергеевича, в настоящее время охраняющего Государственные границы СССР в качестве командира экипажа, лейтенанта, военного летчика погранвойск Народного комиссариата внутренних дел».

Бумага за подписью Героя Советского Союза В. В. Шмакова возымела охранное действие и даже не была потеряна за последние несколько лет.

Поэтому старший лейтенант запаса Михаил Сергеевич Поляков взамен большой отцовской квартиры за три дня получил маленькую и уютную квартирку на улице Ракова. Между Театром музыкальной комедии и тыльным выходом из «Пассажа», почти напротив Русского музея.

В квартирке были две смежно-изолированные комнатки – девять квадратных метров и четырнадцать. Кухня, душ, туалет, телефон. Елочки точеные, что еще нужно?!

А выяснилось, что нужно еще очень многое.

С помощью двоих, тоже уволенных, – командира дивизиона торпедных катеров, капитана третьего ранга, и подполковника-артиллериста – познакомились в райотделе милиции, когда получали паспорта, – перевез из подвалов и с чердака своего бывшего довоенного дама остатки чудом сохранившейся их семейной мебелишки красного дерева и пару сотен папиных книжек. Как уцелели – один бог знает…

Что-то прикупил, кое-как обставился, пригласил на новоселье своих «грузчиков-помощников».

Пришел только один командир дивизиона – моряк. Позвонили матери бывшего артиллериста. А там плач, вой!.. Сегодня утром повесился подполковник двадцати восьми лет от роду.

Выпили за помин души артиллериста, да и разошлись…

Через пару дней как был в военной форме, так и поехал в Ленинградское управление ГВФ наниматься в гражданские летчики. А

там уже многочасовая очередь из «запасников». И все галдят, трясут своими летными книжками, хвастаются типами машин, на которых летали, налетом часов. А часы, проведенные тобой в воздухе, – показатель профессионализма и надежности летуна.

Истребители, те вообще помалкивают. Какой у них может быть налет, если их машины больше чем на пятьдесят минут не взлетали?.. Штурмовики – тоже. Все они на летном жаргоне – «звери».

Мике в кадрах так и сказали:

– Нет и нет. И не проси! Иди себе по холодку. Нам пикировщики не нужны. Берем только адэдэшников (авиация дальнего действия) и транспортников. Ни истребителей, ни штурмовиков, ни пикировщиков. Нам легче девятиклассника заново обучить с нуля, чем вас, «зверей», переучивать. Вы пареньки безответственные: чуть что – кувырк за борт, парашют раскрыл, а машина – гори она синим пламенем… А мы без парашютов летаем. И нам в холку пассажиры дышут. Нам не прыгать надо, а на полосу аэроплан сажать аккуратненько. Иди, иди!..

– Но у меня же шестьсот семьдесят два часа налета! – возмутился Мика. – Вы хоть в летную книжку-то загляните!

– Слушай, парень… Не смеши ты, ради господа. У нас на «гражданке» и три тысячи часов – налет-то средненький, а ты…

⁂

Ночью Мике приснился его Вечный Сон…

Будто сидят они с Папой, с Сергеем Аркадьевичем Поляковым, на берегу океана под пальмой…

Но не высокой, как все остальные, а под низкой, развесистой и разлапистой – точно такой же, как и пальма, стоящая между гардеробом и сортиром в ресторане «Кавказский» на Невском, угол Плеханова…

За этой ресторанной пальмой видны белые-белые сверкающие домики, и из глубины островка слышатся веселые, счастливые голоса… Кто-то даже «Голубку» напевает.

…И Мика страшно доволен, что Папа может увидеть его уже совсем взрослым, летчиком, старшим лейтенантом…

То, что Мика уже никакой не летчик, то, что он уже вышиблен из армии, из авиации, Мика об этом помнит, но Папу огорчать не хочет. Не говорит ему об этом…

Сидит Мика в полной военной форме – в гимнастерке с погонами, бриджах с голубым кантиком, в сапожках хромовых начищенных, но почему-то в своем старом шлемофоне. И колодка соединения связи ему все время в стакан норовит попасть!..

Сергей Аркадьевич, очень постаревший, осунувшийся, небритый, но тоже в летной форме, которую Мика прекрасно помнит по всем Папиным фотографиям того времени: в пилотке с царской кокардой, прекрасном французском комбинезоне, в черных лайковых перчатках, а жесткий шлем с большими очками-«консервами» пристегнут к Папиному поясу…

Они сидят в плетеных дачных скрипучих креслицах и лениво прихлебывают из граненых стаканов разбавленный военторговским малиновым сиропом спирт, и только Мика хочет сказать отцу, что это, дескать, спирт из самого последнего оружия – из ракеты А-4 и что это его собственный остров, на котором они теперь с Папой будут жить вдвоем…

…как вдруг слышит, что Папа, оказывается, уже что-то давно говорит и говорит, как всегда, негромко и чуточку иронично…

– …А теперь представь себе – шестнадцатый год под Ригой, я иду на своем «блерио» на высоте метров полтораста, а сверху и сзади на «ньюпоре» меня прикрывает князь Лерхе. Я тебе про него рассказывал…

– Елки-палки, Папа! – вдруг нагло и бездарно изрекает Мика. – Ну чем он в то время мог тебя прикрывать?! Луком и стрелами?

Мика слышит себя со стороны и приходит в ужас: как он смеет так разговаривать с отцом?! Откуда это в нем такое щенячье превосходство?..

Сергей Аркадьевич встает, снимает с себя пилотку, засовывает ее за пояс, надевает на голову шлем с очками, поворачивается к Мике и тихо и презрительно говорит:

– Дурак.

И уходит из-под разлапистой ресторанной пальмы в сторону океана, навстречу солнцу…

Мике хочется рвануться за отцом, умолять простить его за идиотскую шутку, обнять, упросить вернуться назад под эту странную пыльную пальму…

…но что-то мешает ему подняться из плетеного креслица! Тогда он опускается на колени и, как в детстве, на четвереньках начинает ползти за обиженным отцом… Как же он посмел?.. Как он мог – это же его отец!.. Ведь он всегда знал из Папиных же рассказов, что на «блерио» и «ньюпорах» того времени уже стояли пулеметы «гочкис», синхронно стрелявшие через винт!.. Как же он сумел так отвратительно сострить?.. Нету, нету ему прощения!

Мика срывает с головы дурацкий шлемофон, плачет, ползет на коленях по раскаленному песку за отцом, кричит сквозь рыдания:

– Папочка!.. Прости меня, родной мой… Прости меня, Папочка… Господи!.. Что же мне делать? Что же мне делать…

Но нещадно бьет в глаза солнце! И оскорбленный собственным сыном отец, Папа, Сергей Аркадьевич Поляков, растворяется в этом душном ослепляющем солнечном мареве…

…И Мика понимает, что он его больше никогда, никогда не увидит…

И просыпается в слезах, с бешено и гулко колотящимся сердцем.

⁂

– Я хорошо знаю эти твои ОСТРОВНЫЕ сны, – тихо сказал Альфред. – С тех пор как ты меня выдумал, этот теплый остров в океане снился тебе уже несколько раз.

– Этот остров снится мне с детства.

– Я так и понял.

– Альфред… Только честно! Как на духу… Ты смотришь все мои сны?

– Ну во-первых, я их не смотрю. Они мне являются сами. А во-вторых, могу тебя успокоить, – не все. Только самые эмоциональные. Те, которые издавна гнездятся в твоем подсознании…

– Представляю себе, что гнездится в моем подсознании!

– Не трусь, Мика. Случайные сны, навеянные тебе неудовлетворенными желаниями или возникшие из произошедших накануне ничтожных сиюсекундных пустяков, я обычно не смотрю, даже если они насильственно вторгаются в мой сон. Например, недавно тебе снились такие жуткие, разнузданные и омерзительные видения, что, только заглянув в начало, я тут же заставил себя проснуться! Чтобы не досматривать эту грязь до конца во всех подробностях…

– Ни черта не помню… – смутился Мика и попытался перейти в насмешливое наступление: – Я и не знал, что ты так пуритански строг! Уж коль ты настаиваешь на том, что ТЫ – часть МЕНЯ, то смею тебя заверить: мне несвойственно особо почтительное отношение к такому понятию, как «мораль». В известных, конечно, пределах.

– А что такое «мораль»?

– Ух, ч-ч-черт… Это настолько широко и всеобъемлюще, что… Я не уверен, что сумею это тебе толково объяснить. В данном случае я имел в виду такие понятия, как «любовь» и «любовные отношения»…

– Что ты, Микочка!.. Я обожаю твои любовные сны! И я тебе безумно завидую, что ты так прекрасно познал ЭТО!.. Ах, если бы мне тоже было доступно ТАКОЕ… Но, Мика, тот твой сон, который я прервал в себе из-за естественной и элементарной брезгливости, был так далек от какой бы то ни было любви, он был так грязен и механистичен…

– Уймись, Альфред. Я понимаю, что ты хочешь сказать. Но с возрастом красивые и нежные любовно-эротические сны посещают людей все реже и реже. Чаще снится вот такая половуха-абракадабра, которую тебе довелось подсмотреть… Подозреваю, что это активное наступление старости. Так сказать, «продукт процесса уходящего мужчинства», как говорил один мой грузинский друг-кинооператор.

– Возможно. Если судить по твоим снам, Микочка, ты ведь и сегодня живешь прошлым. То ты во сне крутишь всякие сальто, то стоишь на руках вверх ногами на перилах Троицкого моста посередине Невы…

– А ведь все это было в действительности, Альфред!..

– То я видел в твоих снах, в твоих кошмарах, как ты сажаешь самолет, забыв выпустить шасси, то у тебя не раскрывается парашют, то ты в горах падаешь со скалы…

– Не было… Но я всегда этого безумно боялся.

– …И мне приходится освобождать тебя от таких кошмаров. Я бужу тебя – желанием попить воды, сходить в уборную…

– А разве ты не можешь меня не будить, а просто ИЗМЕНИТЬ мой сон?

– Окстись, Мика!.. У тебя до сих пор такая могучая биоэнергетика мозга, что я приблизиться к ней не могу…

– Да что ты?! – искренне удивился Мика. – А я думал, что эта хреновина ослабляется вместе с потенцией…

– С чем, с чем?..

– Ладно. Черт с ней… Проехали. Альфредик, ты не мог бы сгонять на кухню или в ванную и сменить мне воду вот в этом стакане? А то я в ней уже даже кисть промыть не могу. А акварель, будет тебе известно, как и любовь, требует нежности и прозрачности… Только сполосни стакан хорошенько. А еще лучше – вымой его. Ладно?

– Окей! – ответил Альфред и упорхнул вместе со стаканом.

С некоторых пор он без зазрения совести пользовался Микиной лексикой.

Мика оторвался от работы, с удивлением поглядел на портрет Альфреда, висящий над Альфредовой кабинетной тахтой, и насмешливо подумал: «Пока это лучшее, что когда-либо выходило из-под моего карандаша!»

– Ты действительно так думаешь? – польщенно спросил неожиданно появившийся в кабинете Альфред с чистым стаканом свежей, прозрачной воды.

Мика слегка вздрогнул. Он все еще никак не мог привыкнуть к молниеносным исчезновениям и появлениям Альфреда.

– Да, – сказал Мика. – Я тебе очень-очень рад, Альфред…

– Кстати! А почему тебя выперли из Мухинского училища? – вдруг спросил Альфред.

– Вот уж совсем некстати! – весело рассмеялся Мика. – Но это была поразительно дурацкая история!..

⁂

Демобилизованный, вернее, «уволенный в запас» старший лейтенант М. Поляков прибыл в Ленинград с большим фибровым чемоданом, купленным в Капустино-Ярском военторге.

Чемодан был набит папиными и маминими документами и фотографиями. Там же, в папке, бережно хранимой Микой все восемь лет своей армейской службы, была и статья Константина Михайловича Симонова о гибели кинорежиссера Сергея Аркадьевича Полякова, и папино «Брево» на пяти языках – его удостоверение шеф-пилота, и дедушкин паспорт, где на одной странице было написано: «Вероисповедание – иудейское», а на другой странице – «Высочайшей

милостью Государя Императора доктору медицины, профессору А. Полякову пожаловано звание „Потомственный дворянин”».

Там же рядом лежали любимые Микины американские унты, шлемофон, планшет, фотографии собственные и сослуживцев – все, без чего жизнь себе никак не представлялась! Лежала там и большая папка с набросками, акварельками, эскизами костюмов к «Дракону» и рисунками давних лет…

Кроме этого, там же лежали честно заработанные летным трудом двадцать четыре тысячи новых, только недавно обмененных и выпущенных в свет рублей. Вместе с деньгами, завернутыми в старые теплые байковые «офицерские» кальсоны, лежал и пистолет «вальтер» калибра семь шестьдесят пять. И цинковая коробка с патронами. Ровно тысяча штук.

Пистолет и патроны подарил Мике его заполярный командир полка Герой Советского Союза Вась-Вась Шмаков в день расставания после приказа о расформировании полка.

Так что Мика прибыл в Ленинград человеком не бедным и мог по тем временам позволить себе многое. Недельку после оформления всех гражданских документов и получения квартиры он покуролесил с разными поблядушками из знаменитого «Сада отдыха» на Невском, в ансамбле Аничкиного дворца, почти напротив Елисеевского магазина.

Там под недреманным оком всевидящих и опытных «мамок» по дорожкам прогуливались юные проституточки, уготованные для пожилых, упиханных деньгами «цеховиков», каждый из которых нес на себе печать неистребимой провинциальной восточноеврейской фанаберии «богатого человека»…

Но Мика «снимал» и уводил из-под носа любого самого «упакованного» завсегдатая «Сада отдыха» самых красивых девчонок, и те задаром мчались в маленькую Микину квартирку, как писал О'Генри, «впереди собственного визга».

Однако как только Мике в Ленинградском ГВФ дали от ворот поворот, Мика понял – нужно учиться. Учиться и, наверное, работать тоже.

Но для того чтобы куда-нибудь поступить учиться, необходимо было иметь документ о законченном среднем образовании. А так как Мика никогда в жизни не учился даже в восьмом классе средней

школы, то проблему своего образования он решил весьма примитивным и доступным способом.

Он смотался на Обводный канал, где тогда бушевала гигантская барахолка, и за пятьсот новых послереформенных рублей купил там себе чистенький аттестат зрелости – документ об окончании десяти классов. Аттестат – с ясной и четкой печатью и даже с чьей-то подписью. Оставалось только вписать дату выдачи аттестата, свою фамилию и свое имя, а потом против уже напечатанных предметов проставить самому себе оценки, которые тебе бог на душу положит…

Мика рассчитал, когда бы это он мог закончить в Алма-Ате школу. Выходило, как раз тогда, когда он заканчивал совсем другое учебное заведение – горноальпийское диверсионное, где тригонометрией и не пахло!

К аттестату Мика прикупил себе на барахолке (опять-таки за пятьсот рублей!) совершенно новый, украденный из магазина, прекрасный пиджак в клеточку. Уж так Мике понравилась эта клеточка!..

Ну а с аттестатом затея была практически беспроигрышная. Демобилизованных из армии, а тем более спортсменов, принимали в то время в любое высшее учебное заведение без вступительных экзаменов.

Опытные демобилизованные пареньки, с которыми Мика трепался и в военкомате, и в милиции, утверждали, что главное – продержаться только первый курс. Два семестра.

А потом уже никогда не вышибут! Им, говорили знающие ребята, это просто невыгодно и опасно по партийной линии. Дескать, не смогли помочь товарищу, который за вас кровь проливал!.. Да и комсомол никогда не позволит вышибить демобилизованного!

Вот с комсомолом Мика решил завязать раз и навсегда. Учетная карточка еще в Кап-Яре была выдана ему на руки в наглухо запечатанном конверте, и в месте склейки конверт был пять раз проштемпелеван. Четыре печати по углам и одна в самой середине…

Почему, выдавая комсомольцу Полякову его собственную учетную карточку, нужно было ее запечатывать, как совершенно секретный документ, Мика так и не понял. А посему спокойненько, не вскрывая конверта, разорвал его на мелкие кусочки вместе с учетной карточкой и мстительно спустил все обрывки в уборную, одним махом

став «беспартийным» и лишив себя возможности посетить райком комсомола. Легенда родилась с поразительной легкостью: «Комсомол я перерос и выбыл по возрасту, а для партии, виноват-с, не созрел…»

Но комсомольский билет, выданный в алма-атинском следственном изоляторе, с фотографией из уголовного дела Мика сохранил как реликвию. Как памятник государственной фальши и беспредельного цинизма.

Деньги Мика спрятал в старое «вольтеровское» папино кресло, а пистолет и коробку с патронами – в самый низ платяного шкафа.

Правда, на третий или на четвертый день Микиных гулянок с девочками из «Сада отдыха», часов в шесть утра, в Микиной квартире раздался звонок у входной двери. Один, другой, третий…

Мика, вымотанный активно-половой ночью, еле продрал глаза. В одних трусах пошел открывать дверь.

На пороге стояли двое. Оба предъявили свои милицейские удостоверения, а один из них сказал:

– Гражданин Поляков?

– Да…

– Документы.

– Проходите, чего на лестнице стоять…

Проверили документы, по-свойски перешли на ты. Один недавно был выгнан из армии тем же приказом, что и Мика.

– Ты оружие-то сдай, Поляков. На хрен оно тебе сдалось?

– Нет у меня никакого оружия, ребята. Свой табельный «тэтэшник» я при увольнении сдал, а больше…

– Не верти вола за хвост, – сказал один. – А то мы не знаем? Меньше в «Сад отдыха», в этот бордель, шляйся, тогда столько врать не придется. Завтра сам принесешь в двадцать восьмое отделение – угол Ракова и Садовой. В комнату номер семь. Сдашь мне прямо в руки, а я все официально оформлю. Не принесешь – возьмем санкцию на обыск и загремишь за незаконное хранение. Понял? Привет. И учти, у меня обед с тринадцати до четырнадцати. Ясно? Будь!..

Мика закрыл за ними дверь, разбудил юную хорошенькую блондиночку, дрыхнувшую в его постели, и спросил:

– Тебя как зовут?

– Киса…

– Ты зачем в милицию стучишь?

– Я не стучу… Я им раза два «динаму крутанула», так они меня за это втроем «на хор» пропустили и выгнали. А стучит им Луизка-Кролик, которая у тебя позавчера ночевала…

– Ладно, – сказал Мика. – Вот тебе пара червончиков, одевайся и мотай отсюда. Только быстро!

Киса моментально оделась, подмазалась, хорошенькая – ну просто спасу нет! Чего на ней злость срывать?.. Тем более вон и «естество» себя оказывает…

– А ну-ка, коленно-локтевое положение принять! – скомандовал Мика.

Киса поняла, что ее простили за эту сучку Луизку-Кролика, которая мало того, что ментам на Мишку стукнула, но и всему «Саду отдыха» растрепалась, что видела у Мишки-летчика пистолет. На радостях Киса тут же, не раздеваясь, задрала юбчонку и встала в ту позу, которую требовала зычная команда кадрового офицера.

С замечательным утренним наслаждением Мика самозабвенно справил свое мужское дело, принял душ и, вытираясь, вышел в кухню.

Киса, уже в шляпке-менингитке, осторожно слизывала кремовую розочку с недоеденного вчера тортика из Елисеевского.

– Мишенька… Можно я этот тортик с собой заберу?

– О чем ты спрашиваешь?! Бери и катись…

…Поздно вечером Мика сунул свой «вальтер» и коробку с патронами в бумажный мешок из-под картофеля, все это запихнул в сетчатую сумку-авоську и этакой фланирующей походочкой, не торопясь, побрел по улице Ракова к Екатерининскому каналу.

Вышел на набережную, облокотился о чугунную литую решетку, словно нечаянно свесил авоську за перила, убедился, что вокруг нет ни одной живой души, и…

…аккуратненько вытряхнул из авоськи бумажный пакет вместе с пистолетом и патронами в черную, дурно пахнущую воду канала. Тяжелый пакет булькнул и исчез.

Наверное, нужно было просто разжать руку и «уронить» пакет вместе с авоськой, но в последнюю секунду Мика пожалел недавно купленную в «Пассаже» эту сетчатую сумку. И слава господи!..

Потому что уже в следующую секунду почувствовал, как что-то острое уперлось ему в бок, и услышал, как кто-то, дыша ему в затылок

добротным похмельным перегаром, не без юмора негромко проговорил:

– Ну-ка, ну-ка, фраерок, чего у тебя там в карманчиках? Покажи-ка дяде! И не рыпайся, а то тебя потом сто докторов по чертежам не соберут. И курточку свою кожаную потихоньку сблочивай. Понял? Только не обделайся. Штанишки, говорю, не испачкай…

…Как же звали того инструктора по рукопашному бою в диверсионной школе, который обучал пацанов разным каверзным штукам? Мика помнил, что звали его Иван, а вот отчество – не то Митрофанович, не то Прокофьевич?.. Очень был толковый мужичок. Убийца экстра-класса.

Мика осторожно и медленно повернулся. Высокий небритый, вполне пристойно одетый человек лет сорока весело смотрел Мике в глаза.

Теперь конец его финского ножа упирался Мике прямо в живот. Американская бежевая кожаная летная куртка на белом меху, которую Мика перед самым увольнением выторговал у одного кап-ярского жулика-интенданта, явно рисковала быть испорченной.

– Ножик-то отодвинь, – сказал Мика небритому. – Тебе носить эту куртку или мне – портить-то ее ни к чему…

«Нет. Это не КРАЙНИЙ случай», – подумал Мика и силой воли подавил в себе все, что обычно предшествовало УБИЙСТВУ.

– А ты, я смотрю, ухарь… – одобрительно, с оттенком уважения проговорил небритый и действительно отодвинул руку с ножом от Микиного живота сантиметров на десять – чтобы не прорезать ненароком бежевую кожу такой хорошей американской куртки.

Этого было совершенно достаточно, чтобы Мика молниеносно набросил двумя руками на финский нож свою авоську и крутанул ее так, что даже услышал хруст рвущихся связок в локте у небритого! И тут же со всего размаху еще и саданул ему ногой в пах…

Небритый взвыл, завизжал, скрючился и упал на каменные плиты у чугунных перил. Поджимая колени к груди, он катался по мокрому узкому тротуару и выл собачьим воем.

Мика вытряхнул из авоськи финку, ногой отбросил ее в сторону, наклонился к небритому и тихо проговорил:

– А теперь посмотрим, что у тебя в кармане, тварь подзаборная. А чтоб ты не очень мучился, мы тебе общий наркоз пропишем…

И ногой пережал небритому сонную артерию, как учил его Иван… Ну как его?.. Митрофанович, что ли… Или все-таки Прокофьевич?..

Небритый тут же отключился. Мика обшарил его – оружия у того больше не было никакого. Какие-то адреса, телефоны на клочках бумажек. И справка об освобождении из мест заключения.

Мика все это распихал обратно по карманам небритого, привел его в чувство, безжалостно растерев уши до сизого цвета, выбросил финку в воду и сказал ему:

– Мостик видишь?

– Ви… Ви-вижу… – захлебываясь от боли в локте и промежности, еле выговорил небритый.

– Вот перейдешь мостик, и слева будет больница Софьи Перовской. Скажи, что у тебя разорваны связки правого локтевого сустава и наверняка отек твоих вонючих яиц. Понял? Там тебе помогут. Скажи, что ты гулял, а на тебя напали пять неизвестных… Помочь подняться?

– Не, не!.. Я сам… Сам… – испуганно пролепетал небритый. – Прости меня, корефан!..

– Пусть тебя собачка Жучка прощает. Я смотрю, тебя ничему в лагере не научили, сявка бесхвостая…

Мика повернулся и пошел домой.

Шел и почему-то думал, что, если бы Лаврик был жив и все это видел, он очень бы похвалил Мику. «Молоток!» – сказал бы Лаврик.

А того инструктора по убийству голыми руками звали Иван Поликарпович – это Мика теперь совершенно точно вспомнил.

…На следующий день Мике позвонили из милиции.

– Здорово! – сказали на том конце провода. – Ждать заставляешь. Двадцать восьмое отделение милиции беспокоит…

– Ребята, мне к вам прийти не с чем, – сказал Мика. – Разве что с пузырем коньяка.

– Сплавил?

Мика промолчал.

– Ну хоть не на помойку выкинул? А то мало ли кто подберет…

– Нет, – твердо ответил Мика.

– Значит, утопил, – убежденно проговорил милиционер. – И где? В Фонтанке? В Мойке?..

– Так я тебе и сказал, – ответил ему Мика.

Милиционер рассмеялся. Слышно было, как кто-то там еще развеселился. Наверное, слушал по отводной трубке.

– Ладно, Поляков, – сказали там, в милиции. – Готовь пузыря, как-нибудь заглянем. А будешь пастись в «Саду отдыха» – трепак тебе обеспечен… Будь!

⁂

– Странно… – задумчиво проговорил Альфред. – О чем бы я тебя ни спросил, ты каждый раз сбиваешься на рассказ о событиях второстепенных, практически ничего не значащих, но в то же время подчеркивающих роскошные возможности твоего тогдашнего возраста. И тех животно-физических навыков, которые были привиты тебе обстоятельствами того времени.

Мика грустно улыбнулся:

– Чему же ты удивляешься, Альфред?.. Разве тебе не интересно, из чего складывается человек? Его характер?.. Мировоззрение?.. И пожалуйста, не забывай, что ты разговариваешь с пожилым, быстро стареющим человеком… Неужто ты, чуткая душа, не можешь понять, что все мои воспоминания о прошлом – всего лишь элементарная, неконтролируемая и бессознательная защитная реакция от бурного и неотвратимого старения?! Желание, хотя бы в рассказах тебе, мысленно вернуться в то время, когда все казалось возможным…

Альфред заботливо поправил чуть покосившийся собственный портрет над тахтой, мягко перелетел к Мике на стол и уселся прямо под трехколенной металлической рабочей настольной лампой.

– Не помешаю? – вежливо осведомился Альфред.

– Нет, нет, пожалуйста. Я закончил работу. Пусть сохнет. Потом сделаю кое-какие прорисовочки. Я вижу – тебе хочется мне возразить…

– Честно говоря, да, – греясь под лампой, сказал Альфред. – Я далек от того, чтобы упрекать тебя в кокетстве, но насчет «бурного старения», Мика, ты малость погорячился… То количество разных молоденьких девиц, из-за которых мне приходится ночевать в гараже, те охи, вздохи и вскрики, которые доносятся из твоей постели, а я прекрасно слышу их, лежа на заднем сиденье нашей машины, свидетельствуют о совершенно противоположном!..

– Альфред – солнце мое! Чистое и непорочное создание, незамутненное примитивным дамским фальшаком! Все эти охи и вздохи – не более чем маленький театрик одной молоденькой актриски для одного, старенького зрителя, считающего себя «участником процесса»!.. Своими взвизгами не вовремя и вскриками невпопад она безумно хочет выдать мне поддельный сертификат Настоящего секс-гиганта, чтобы мне причудилось, что она – лучшая из всех женщин, которые у меня когда-либо были… Иногда за этим стоит исконное женское тщеславие, чаще – достаточно прозрачная расчетливость.

– А это невероятное количество твоих постельных партнерш?! Кстати, мне они все кажутся одинаковыми. Может быть, потому, что утром я их всех вижу в твоем махровом халате. Разница только в размере: одной твой халат впору, другой – велик, третьей – короток.

– Надо бы купить несколько халатов разных размеров, – рассмеялся Мика. – Вот получим из «Молодой гвардии» гонорар за иллюстрации к Бабелю и пойдем с тобой на закупы… А то, что баб много, Альфред, так это все из того же возрастного ряда. Это вовсе не показатель молодой мощи, случайно задержавшейся в достаточно пожилом теле. Хотя видит бог, и ты тому свидетель, что я стараюсь держать себя в форме! А на самом деле это тоже в какой-то мере судорожное цепляние за уходящее «мужчинство». Прости, что я повторяюсь, но мне безумно нравится это слово!.. Все не хочется смиряться, сдавать позиции… Ах, Альфред, Альфред… Какие раньше были длинные дни! Какие нескончаемые недели… А теперь все спрессовано… Месяц – всего лишь одна двенадцатая часть молниеносно пролетающего года – короткого до панического ужаса!..

– Ты пугаешь меня, Мика, – робко произнес Альфред из-под лампы. – Это мысли о смерти.

– Да нет… Скорее, о безвозвратности. Прости меня. Ты хотел узнать, почему меня вышибли из «Мухи»?

– Если не хочешь, можешь не рассказывать…

– Отчего же? Все было предельно просто. Настолько, что уже граничило с клиническим идиотизмом. Моим идиотизмом.

⁂

Уже на третьем курсе Мика был лучшим… Абитуриенты и первокурсники бегали «на Полякова», как психопатствующие

балетоманы «на Уланову». В институте не было барышни, которая отказала бы Мике.

Из Варшавской академии искусств в Ленинград прибыли четыре польских профессора – отбирать лучшие работы для Всеевропейской выставки графики, живописи и скульптуры студентов высших художественных учебных заведений стран социалистического лагеря.

Один польский профессор был похож на пожилого тощего ханыгу – в невиданных тогда джинсах и какой-то лоснящейся от старости замшевой куртке. А три остальных профессора Варшавской академии очень смахивали на выпендрежных и довольно нищеватых советских стиляг, жестоко преследуемых комитетами комсомола – за серьгу в ухе, за платочек, повязанный на шее с узелком сбоку, за брюки, ширинка которых не имела стыдливо-потайного клапана, а застегивалась на открытые всему миру пуговицы.

Короче, польская профессура выглядела так, что ими не заинтересовались даже фарцовщики с Невского.

Несмотря на столь непрезентабельный вид высокой польской делегации, имя каждого из четверых было хорошо известно в художнических кругах, и за их плечами была не одна персональная выставка в Париже, Лондоне, Праге, Загребе…

Все четверо сразу же положили глаз на Микины работы. Открыв для себя Мику в среде тоскливого студенческого «соцреализма», они пригласили его к себе в «Европейскую» гостиницу, вытащили из своих чемоданов пугающее количество бутылок знаменитого «Яржембъяка» – рябиновой водки – и пятидесятиградусной «Выборовой», заказали из ресторана ужин в номер одного из польских профессоров и закатили гомерическую пьянку!

А под утро грустно пели «Червоны маки на Монте-Касина», и старый профессор в невиданных джинсах, мягко проглатывая букву «л», по-русски рассказывал Мике, как в начале сорок пятого он в составе Первой армии Войска Польского, уже дважды раненный, брал Колобжег…

Через несколько дней поляки уехали, четко определив список приглашаемых в Варшаву для участия в выставке. Мику Полякова назвали «первым номером».

Кадровики Академии художеств, Института Репина и «Мухи» стали готовить выездные документы. В те времена выезды за границы

Советского Союза были редки и нежелательны, а посему все документы «выезжающего» проверялись с чрезвычайной строгостью.

На чем Мика и попался! Особо бдительный отдел кадров «Мухи» на всякий случай еще раз заглянул в личное дело студента третьего курса Полякова Михаила Сергеевича. Мало ли что?.. Не в Сестрорецк человек едет, а ЗА РУБЕЖ! Понимать надо.

И обнаружили, что в аттестате, свидетельствующем об окончании Поляковым М. С. средней школы в одна тысяча девятьсот сорок третьем году, некоторая неувязочка! Аттестат скреплен «наркомпросовской» печатью города Тернополя Украинской ССР, который именно в это время уже третий год был оккупирован немцами и ни одна школа в Тернополе не работала.

Мику срочно вызвали в деканат.

По случаю чрезвычайного происшествия начальник отдела кадров пригласил из Большого Дома человека, надзирающего по линии «безопасности» за художественными учебными заведениями, Микиного мастера, перепуганного до обморочного состояния, секретарей парткома и комитета комсомола и кого-то из факультетского начальства.

Все было готово для торжественного судилища и разоблачения «втеревшегося в наши здоровые творческие ряды…» и так далее.

Но праздник не состоялся. Как только Мика увидел на столе у декана свое личное дело и в сторонке – свой липовый аттестат, он все понял.

– Поляков, где и когда вы заканчивали среднюю школу? – спросил начальник отдела кадров института.

– Нигде и никогда, – коротко ответил Мика.

– То есть как это?! – искренне удивился декан.

– Очень просто, – улыбнулся ему Мика. – У меня на это не было времени.

– Я ничего не понимаю… – простонал вечно перепуганный Микин мастер. – Миша! Но вы хоть учились в десятом классе?!

– Нет. Нет, дорогой Федор Осипович, – ответил Мика. – Мало того, я не учился ни в девятом, ни даже в восьмом. Зато в двадцать один год я уже был командиром звена пикирующих бомбардировщиков, а в двадцать три – заместителем командира эскадрильи. Ясно?

– Откуда же у вас этот аттестат? – спросил Мику человек из «безопасности».

– Обводный канал, барахолка, пятьсот рублей. Есть еще вопросы?

– Еще вопросы вам, Поляков, наверное, зададут в другом месте, – улыбнулся начальник отдела кадров и посмотрел на декана: – Будем отчислять?

– Естественно! – подхватил секретарь парткома и обратился к человеку из «безопасности»: – И разумеется, никакой Польши!

Толстая некрасивая девушка – секретарь комитета комсомола – испуганно прикрыла ладошкой рот.

Человек из «безопасности» отвел глаза в сторону – дескать, ваш студент, ваша накладка, ваши проблемы…

– Подождите, подождите… – растерянно пробормотал декан.

Ему всегда нравился этот Поляков. Нравились его работы, несшие в себе удивительный сплав острой иронии и четко прослеживаемой драматургии…

И еще ему очень нравилось то, что ЕГО сегодняшний студент – бывший военный летчик. В юности декан был воспитан на Осоавиахиме, на «спасении челюскинцев» и на «перелетах через Северный полюс» и поэтому по сей день с тоской и завистью провожал глазами любой пролетающий в небе самолет.

– Да подождите вы!.. Ну что же так – сплеча… – снова тихо проговорил декан. – Давайте подумаем вместе…

Но он слишком долго и трудно шел к своему сегодняшнему положению, чтобы рисковать будущим. И поэтому всем было ясно, что он никому не вцепится в глотку за этого Полякова.

Однако тут неожиданно вдруг взбунтовался, казалось бы, навсегда запуганный Микин мастер – Федор Осипович, добрый и неталантливый художник благородной советской школы.

– Вы с ума сошли!.. – тоненько закричал он. – При чем тут этот паршивый аттестат?! Если мы будем разбрасываться…

Он что-то кричал еще своим тоненьким голосом, но Мика уже ничего не слышал…

Как обычно в приступе ярости, за мгновение до совершения ЭТОГО, сдавило виски, по всему телу прокатилась волна нестерпимого жара, возникла знакомая и страшная пульсирующая боль в затылке…

Но рядом панически и лихорадочно билась удерживающая мысль: «Только не ЭТО!.. Я все перепутал… Ни под каким видом!.. Это совсем не ТО! Это не КРАЙНИЙ СЛУЧАЙ!!! Все… Все! Взял себя в руки. Вот так. Спокуха, Мика…»

Из затылка стала уходить боль, перестало сдавливать виски, и наконец Мика обрел возможность судорожно передохнуть и хрипло сказать только одному своему педагогу:

– Федор Осипович, родненький… Плюньте, не нервничайте. Ну, как говорится, завалил я ухо, когда покупал эту дурацкую ксиву – не посмотрел на печать. Сам виноват… Не переживайте, дай бог вам здоровья. И спасибо за все, Федор Осипович…

Повернулся ко всем остальным и сказал:

– А вы все, вместе со своим высшим учебным заведением, валите знаете куда?.. Не при дамах будь сказано. В гробу я вас всех видел и в белых тапочках.

Бросил на стол декана свою зачетную книжку, в которой за три года обучения у него не было ни одной посредственной отметки, и вышел из кабинета.

⁂

Вот так Мика Поляков навсегда получил реальную и достоверную возможность утверждать, что у него незаконченное высшее образование…

⁂

Как только Мика демобилизовался, он сразу же попытался найти в Ленинграде Бориса Вениаминовича Эргерта, который еще до войны сделал Мику «чемпионом Ленинграда по гимнастике среди мальчиков».

Но оказалось, что Борис Вениаминович – заслуженный мастер спорта СССР, чемпион Олимпийских игр по гимнастике 1912 года – умер от голода и одиночества еще в сорок втором. Его высохший и окоченевший труп лишь спустя два месяца был обнаружен каким-то ворьем. Взломали квартиру, ничего, кроме промерзших стен и трупа, не нашли и смылись, оставив входную дверь открытой…

Тогда Мика разыскал вернувшегося из Алма-Аты в Ленинград Салима Ненмасова – своего тренера эвакуационного периода и начал тренироваться у него в «Зените» – четыре раза в неделю по три часа.

Еще на втором курсе Мика зачем-то скоропалительно женился, обрел сына от этого непонятного ему самому брака, стал мастером спорта СССР по гимнастике, разошелся с женой, через год похоронил ее – она утонула вместе со своим новым приятелем в Верхнем озере на Вуоксе, – забросил к чертям собачьим спорт, в котором ему пророчили олимпийское будущее, и целиком и полностью посвятил себя работе и сыну Сереге…

По десять-двенадцать часов в сутки Мика рисовал смешные и трогательные иллюстрации для двух ленинградских детских журналов – для «Костра» и «Мурзилки», что-то делал для детского альманаха «Веселые картинки», сотрудничал в «Боевом карандаше», был обласкан «Детгизом», а позже и несколькими московскими издательствами. Даже оформлял в Детском кукольном театре спектакль «Снежная королева». И наконец его карикатуры стал печатать «Крокодил», куда молодому немосковскому художнику пробиться было практически невозможно!

Как сказал ему превосходный рисовальщик Леонид Сойфертис, для советского художника напечататься в «Крокодиле» – это все равно как для английского карикатуриста увидеть свой рисунок на страницах «Панча». Дальше у твоих ног весь издательский мир! Для англичанина…

По совету того же Сойфертиса, которого Мика просто боготворил и почитал за Мастера, теперь все свои картинки Михаил Сергеевич Поляков стал подписывать давним, почти забытым детским домашним именем – МИКА.

Несмотря на чертову уйму работы, Мика умудрился переспать чуть ли не со всеми манекенщицами ленинградского Дома моделей, перетрахал половину стюардесс Гражданского воздушного флота и бесчисленное количество начинающих актрисуль «Ленконцерта»…

За это же время он сумел стать очень известным иллюстратором детских книжек со звонкими выставками в Москве, Киеве и Варшаве, куда его все-таки выцарапали те же польские профессора Академии искусств, с которыми Мика тогда так симпатично напился в «Европейской» гостинице, а под утро даже пытался подпевать печальному польскому военному реквиему «Червоны маки на Монте-Касино»…

Маленький Серега повсюду разъезжал вместе с Микой. Все приглашавшие Мику на выставку или переговоры, связанные с выездом из Ленинграда, знали, что Поляков обязательно приедет вместе со своим маленьким сыном.

…А потом вдруг, совершенно неожиданно для самого себя и для всего своего дамско-приятельского окружения, Мика на всю оставшуюся долгую жизнь полюбил одну молодую и очень красивую женщину.

Она была моложе Мики на двенадцать лет. Ей было всего двадцать один…

Ни на секунду не сомневаясь в правильности принятого решения, она взвалила на свои плечи путаную, не бог весть какую праведную и уж совсем не всегда обеспеченную (то густо, то пусто…) жизнь талантливого, но более чем неустроенного вдовца-художника с пятилетним ребенком.

Восемнадцать лет Она шла рядом с Микой сквозь все и порой вела себя гораздо более мужественно, чем сам Мика…

Она растила «их» сына Серегу, вместе с Серегой «заканчивала» его школу, моталась к нему в армию на Кольский полуостров, потом готовила его в институт, а когда Серега повзрослел, забрала у Мики весь его гонорар за большой сборник карикатур, выпущенный одним очень уважаемым нью-йоркским издательством, и купила неподалеку однокомнатную квартиру для Сереги…

И наверное, продолжая любить Мику, уже изрядно разменявшего шестой десяток, ушла от него, так и не дождавшись «своего» ребенка, о котором Она мечтала все эти восемнадцать лет.

⁂

– Знаешь, что меня больше всего поражает в этой истории? – спросил Альфред и, не дождавшись Микиного ответа, продолжил: – То, что ты, обладающий сверхъестественной биоэнергетикой, мозгами, поразительной интуицией – этим подарком природы, этой основной функцией человеческой психики, как писал Карл Густав Юнг…

– Стоп!!! – в панике закричал Мика. – Стоп!.. Откуда тебе все это известно?!

– Ты это знаешь? – спросил Альфред. – Тебе это известно?

– Я-то знаю, но ты-то тут при чем?!

– Раз знаешь ты – знаю и я. Не все, но многое… Я могу не знать о твоем прошлом, ибо я часть тебя сегодняшнего. Однако с момента собственного возникновения я постоянно пользуюсь частью комплекса твоих знаний. Ты это можешь наконец уразуметь?

– Нет, не могу, – честно признался Мика. – Принеси мне немножко водки, пожалуйста.

– А закусить?

– Нет. Только водки.

– Тогда я разбавлю ее томатным соком. Иначе у тебя опять будет дикая изжога, – твердо сказал Альфред.

– Разбавь, но не сильно.

– Окей!

…Через минуту Мика уже прихлебывал водку с томатным соком.

– Как пропорция? Соблюдена? – спросил Альфред.

– Блеск! – благодарно ответил Мика.

– Так прежде чем я задам тебе главный вопрос, я должен повторить всю комплиментарную часть, с которой я начал?

– Нет. Не нужно. Я догадываюсь, о чем ты хочешь меня спросить.

– Тем лучше.

– Ты хочешь сказать: «Мика! Так какого же черта ты лишил любимую Женщину возможности родить ребенка?!» Так?..

– Да. Но это не образец твоей уникальности. Этот вопрос буквально висел в воздухе. Просто никто не решался тебе его задать.

– Нет, почему же… Первые три года нашей жизни, особенно когда мы купили вот эту большую квартиру, Она меня пару раз спрашивала.

– И что ты Ей отвечал?

– Что отвечают в таких случаях?.. Крутился как уж на сковородке. Лепетал что-то… Дескать, при нашей нищете заводить второго ребенка неумно, что у меня нет постоянных заработков. Кстати, тогда так оно и было. Поступления были периодическими. Хотя бедственное положение я бессовестно преувеличивал. Трусил. Самым-самым пошлым образом…

– А на самом деле?

– А на самом деле я панически боялся того, что родится малыш, который потребует полного переключения внимания с Сережки на него. Маленький, ни в чем не повинный Серега будет обделен лаской, заботой… При одной такой мысли мне становилось его безумно

жалко! Меня вообще постоянно преследовало какое-то неясное, разъедающее чувство вины перед ним… Перед Серегой…

– За что, Мика?! За то, что теперь он у тебя не появляется и не звонит месяцами?! За то, что он не был ни на одной твоей выставке? За то, что он ни разу не проявил элементарно вежливого интереса к тому, что ты делаешь?..

– Это сейчас. А тогда, когда он был маленьким, я себя чувствовал виноватым за то, что не любил его покойную мать… За то, что она утонула. Может быть, если бы я не ушел от нее, она была бы жива… За тех неопрятных и вороватых старух нянек, которых я в спешке нанимал для Сереги, чтобы высвободить себя для работы, для девок, для приятелей!.. Да за все вместе. Принеси, пожалуйста, еще водки с соком…

– Хорошо. Но теперь уже с бутербродом!

– Я не хочу есть.

– Надо, Микочка, надо! У тебя повышенная кислотность. Ночью ты опять будешь лопать соду.

– Ну ладно, ладно. А ты не мог бы немножко выпить со мной?

– Мика! Ты в своем уме?! Я же все-таки как-никак Домовой! Ты когда-нибудь видел, чтобы Домовые пили водку?

– Я даже читал в одной сказке про пьяного Домового.

– Ты читал о сказочном Домовом. А я – реальный! Непьющий.

Альфред снова мгновенно смотался на кухню, приготовил пару бутербродов, разбавил водку томатным соком и вернулся в кабинет со словами:

– Кушать подано!

– О господи… – простонал Мика. – А это откуда у тебя?

– Из каких-то театральных мемуаров, – ответил Альфред и спросил: – Можно мне задать тебе последний вопрос?

– Конечно, – сказал Мика и приподнял стакан с водкой и соком. – Будь здоров. Я очень рад, что в свое время мне удалось тебя нарисовать…

– Я тоже этому рад, – стеснительно проговорил Альфред и осторожно спросил: – И ты теперь совсем не знаешь, где Она?..

Мика залпом выпил всю водку, помолчал и тихо ответил:

– Кто-то пару лет назад видел Ее в Калифорнии, потом встречал в Греции, на Крите… Ушел поезд, ушел, Альфредик.

– Зато теперь ты избавлен от чувства вины перед Сережей.

– Да… Для этого Серега сделал все собственными руками, – грустно согласился Мика. – Но зато мне уже, наверное, никогда не избавиться от состояния отчаянности, от ощущения совершенного предательства – я не дал Ей родить. Я лишил Ее материнства… И чудовищно обокрал самого себя… Если бы Она тогда родила – «Он» был бы сейчас уже взрослым и родным человеком. И несомненно талантливым! В чем угодно. Потому что этот ребенок появился бы на свет с потрясающе сильной генетической закваской его удивительно талантливой матери. А талант, Альфредик, – это редкость!.. Как и любая аномалия. Талант – это всегда немножко «ненормально»… Но, за редкими исключениями, почти всегда прекрасно!

– Она тоже была художником? – негромко спросил Альфред.

– Нет, – легко ответил Мика и улыбнулся.

Но улыбнулся он не Альфреду, а фотографии своей любимой Женщины, стоявшей у него на столе в скромной старинной рамочке из красного дерева.

На этой фотографии Ей было уже двадцать семь. В коротких шортах и спортивной рубашечке с закатанными рукавами, обутая в баскетбольные кеды с толстыми вигоневыми носками, в черных очках, с сигаретой в руке, она сидела на высоте в три километра над Алма-Атой, на высокогорном плато Заилийского Алатау, совсем неподалеку от бывшего расположения Микиной совершенно секретной Школы горноальпийских диверсантов.

А рядом с Ней, доверчиво привалившись к Ее боку, в смешной матерчатой шапочке с козырьком валялся усталый одиннадцатилетний Серега. Сын…

Мика сфотографировал их еще тогда, когда они шли наверх, к леднику Туюк-Су.

– Нет! – повторил Мика, не отрывая глаз от этой фотографии. – Она не была художником. Она была просто поразительно талантливым человеком… Ты не мог бы принести мне еще немного водки, Альфред?

⁂

В самый разгар перестройки, в конце восьмидесятых, когда общая масса уже государственно-обворованных потребителей восторженно-информационных всхлипов о неотвратимо приближающемся светлом,

радостном и зажиточном будущем все еще доверяла невнятным и многословным обещаниям говорливого Микиного тезки, округло и безостановочно болтающего с милым южнорусским выговором и привычно-неверными ударениями, Союз художников совместно с Союзом писателей того же СССР пригласил Мику в Москву на международную смычку работников бичующего смеха – фельетонистов, писателей-сатириков, иллюстраторов, тяготеющих к ироническому взгляду на мир, и карикатуристов – этих откровенных смельчаков и бретеров, этих «рыцарей плаща, шпаги и поднятого забрала» с карандашом наперевес.

«Вино лилось рекой, сосед поил соседа…» – как когда-то писал присутствовавший тут же С. В. Михалков.

В связи с небывалым в Стране Советов потрясающе революционным свершением – изгнанием госпожи цензуры из всех видов искусства – деятели советского хохота были сильно растеряны и от этого пили вмертвую. Осторожные и малопьющие иностранцы старались не отставать – халява, плиз!

Мика, который уже месяц страдал от болей в позвоночнике и желудке, а его вечернее состояние облегчала только рвота, не пил и сидел на строжайшей Альфредовой диете – кашки, протертые супы, слабый чай под названием «писи бабушки Хеси».

Поэтому, находясь в состоянии постоянно вынужденной трезвости, Мика моментально выделил из всей алкогольно-братающейся компахи человек в полтораста из двадцати стран мира одного толстенького непьющего человека примерно Микиного возраста…

Этот толстенький перехватил Микин взгляд, приветливо улыбнулся и тут же подошел к Мике и Альфреду. Альфреда он, естественно, не увидел, а Мике протянул руку и уверенно сказал:

– Вы – МИКА, да? Мне вас показали еще вчера, на торжественном открытии, но мы сидели в разных концах зала и… Ради бога, простите! Я – литератор Леонхард Тауб из Мюнхена. У меня есть пара ваших сборников, изданных у нас в Германии, в «Ойленшпигель ферлаг», и еще один, напечатанный в Цюрихе… Или я что-то путаю?

– Нет-нет, все правильно. Меня действительно когда-то издавали в Швейцарии. «Герхард-Шталлинг ферлаг». Но это было так давно…

– Я покупал ваши книжки лет восемь тому назад.

– Примерно тогда они и были изданы… Послушайте, вы так здорово треплетесь по-русски! Откуда такое знание нашего могучего?

– Как говорят немцы, «ланге гешихте». Длинная история. Как-нибудь потом, за рюмкой. Хорошо?

– Мне показалось, что вы не пьете…

– Сердце барахлит. Но это временно. Вы, я вижу, тоже не употребляете?

– Тоже временно. Желудок.

Тауб рассмеялся:

– Хорошенькая компашка! Кстати, вы можете называть меня просто Лева.

– В таком случае я – Миша.

– Я так и думал! – обрадовался толстенький Лева Тауб. – МИКА… Михаил… Миша! А фамилия ваша – Поляков, да?

– Точно, – подтвердил Мика.

– Слушайте, Миша! Неужели вам не хочется выпить хотя бы рюмочку коньяку?! Ну не помрем же мы от этого! – сказал Тауб.

– Мечтаю! – ответил Мика и почувствовал, как Альфред негодующе ущипнул его за ногу.

⁂

В гостиницу «Россия», где размещались все участники этого международного бесцензурного форума здорового смеха и едкой иронии, Мика Поляков, Лева Тауб и невидимый Альфред вернулись за полночь.

Пьяненькие Мика и Лева были безумно довольны друг другом. Альфред пребывал в состоянии беззвучной ярости…

Лева завтра рано утром вылетал в Прагу – проведать родных, он был родом из Праги и оттуда же много-много лет назад ушел пешком в Мюнхен, как только услышал лязг гусеничных траков советских танков на старинной каменной брусчатке пражских улиц…

Художник Поляков и литератор Леонхард Тауб распрощались, договорившись о том, что следующую книжку Тауба будет непременно иллюстрировать только МИКА! Он же сочинит для нее и обложку. А как только Лева-Леонхард вернется из Праги в Мюнхен, так сразу же оформит для Мики официальный вызов в Германию месяца на три. Он снимет ему недорогую квартирку, где Мика сможет спокойно жить и

работать. Лева даже подсчитал, что аванса, полученного Микой за работу, хватит и на квартиру, и на безбедное существование.

…В номере Альфред устроил дикую склоку!

Он вопил, что Мика своими руками сводит на нет все его усилия! На кой черт нужна щадящая диета, если после жидкой кашки, которую Альфред контрабандно умудряется варить для Мики в гостиничном номере, он будет напиваться коньяком и закусывать черт знает чем!..

Мике было и в самом деле нехорошо…

Прошел тот симпатичный нервный всплеск от встречи с обаятельным Левой Таубом – старым чешским евреем, живущим в Мюнхене, пишущим по-немецки и свободно болтающим на шести языках, будто все они для него родные…

Сейчас, скорчившись в кресле от боли, Мика понимал всю правоту Альфреда. Мутило, и безотчетный страх вползал в часто бьющееся сердце. Две таблетки анальгина не возымели ни малейшего действия.

Мика с трудом встал из кресла и, шатаясь от слабости и боли, пошел в туалет. Там его бурно вырвало чем-то коричневым. Он совсем перепугался и позвал Альфреда. Такой рвоты у него еще не было.

Альфред заглянул в горшок, спустил воду и приказал Мике немедленно лечь в постель.

– Что это, как по-твоему? – слабым голосом спросил Мика.

– Кровь. Скисшая кровь… Завтра же возвращаемся домой.

Он помог Мике раздеться, уложил его в постель, что-то пошептал над ним и достаточно легко заставил Мику заснуть.

Это был один из самых простейших трюков Альфреда.

Альфред вообще был совершенно обычным, рядовым, интеллигентным Домовым. Он обладал некоторыми НЕЧЕЛОВЕЧЕСКИМИ возможностями, которые были в арсенале любого, даже примитивно-деревенского Домового: он умел проходить сквозь стены; умел быть невидимым; мог усыпить человека; обладал способностью мгновенного перемещения в пространстве и владел еще несколькими несложными фокусами Потустороннего Мира.

Помимо всего, но это уже благодаря его создателю – художнику Михаилу Полякову, – Альфред был наделен той степенью образованности, культуры и вкуса, которая давала ему возможность

проявить себя намного шире и полнее, чем это мог бы сделать обычный Домовой.

Альфред читал, писал и разговаривал на всех языках. Когда Мика об этом узнал, он со своим слабеньким знанием английского пришел в неописуемый восторг!

Спустя много лет он рассказал одному своему знакомому писателю (естественно, безотносительно к Альфреду!..) о Некоем Существе, наделенном великим даром владеть любым языком планеты.

Писатель похвалил «выдумку» художника, намотал себе все это на свой писательский ус и, сочиняя книжку о ленинградском дворовом Коте-эмигранте, приписал своему Коту ту же самую блистательную языковую способность, не имеющую границ.

Правда, кажется, тот Кот умел только болтать. А Альфред в отличие от того сочиненного хамоватого Кота умел еще и читать, и писать!..

Владел Альфред и удивительной способностью имитировать всяческие звуки и голоса – человека, собаки, пулеметной очереди, взрыва, одиночного выстрела, шума льющейся воды, грохота камнепада…

Произошло это сразу же после просмотра Альфредом видеокассеты с первой серией «Полицейской академии». Альфред увидел там один забавный персонаж – негра, умеющего подражать любому звуку.

И просто заболел этим! В отсутствие Мики он стал себя тренировать и наконец достиг полного совершенства в имитации любого звука, любого голоса…

Однажды он даже «договым басом» облаял каких-то двух воришек, которые пытались открыть дверь их квартиры. Альфред дома был один, готовил для Мики обед и неожиданно услышал царапанье в замке входной двери.

Альфред не спеша вытер руки полотенцем, убавил огонь на плите, спрыгнул с табуретки, на которой обычно стоял за плитой, и, не открывая двери, просто вышел сквозь стену на лестничную площадку. Увидев двух жуликов, пытающихся открыть их замок, Альфред поднатужился и так гавкнул голосом соседского дога за спиной у этих

двоих, что один тут же описался, а второй чуть не потерял сознание от ужаса! Только их и видели…

Поэтому, когда Альфред убедился, что бледный и измученный болями и рвотой Мика уже крепко спит, он полистал гостиничную инструкцию, отыскал там способ соединения с междугородной связью и позвонил в Ленинград Микиному приятелю, – доктору медицины хирургу-онкологу Якову Лазаревичу Бавли. Было ровно три часа ночи.

Когда-то Яша Бавли прекрасно прооперировал любимую Женщину Мики Полякова. С тех пор Мика и Яша были очень дружны.

Сонный Яша наконец там у себя, в Ленинграде, поднял телефонную трубку и хрипло произнес:

– Алло…

Альфред тут же Микиным голосом с Микиными интонациями и абсолютно в Микиной манере сказал:

– Яшка! Мне нужно напоминать тебе знаменитое изречение Светлова, что «дружба – понятие круглосуточное»? Или я должен полчаса просить у тебя прощения за столь поздний звонок, а потом всего в двух словах изложить свою нехитрую проблемку?..

⁂

Десять дней Мика Поляков пролежал в онкологическом институте в двадцати трех километрах от Ленинграда, где работал Яша Бавли.

Десять дней Мика пролежал под дамокловым мечом самого страшного и неизлечимого, в ожидании результатов исследования биопсии. Есть рак или нету?.. То, что у него обширнейшая кровоточащая язва желудка, было выяснено в первые же два дня.

Много лет тому назад, когда доктор медицины Бавли оперировал Микину любимую Женщину, этот институт, этот четвертый этаж, эта лестничная площадка с двумя лифтами – направо проход в женское отделение рака молочной железы, налево – смешанное отделение рака желудка, кишечника и чего-то там еще – были для Мики – «дом родной».

Каждый божий день рано утром Мика приезжал сюда, оставляя машину на стоянке перед институтом, и до вечера торчал у Нее в палате, там же перекусывал, бегал курить на лестницу…

А спустя три недели вывел Ее из ворот института, с еще не снятыми швами, слабую, измученную тяжелой операцией и химиотерапией, усадил в машину – по дороге, согласно примете,

выбросил в снег Ее больничные тапочки (чтобы уже никогда сюда не возвращаться!) – и увез Ее в Репино, в Дом творчества Союза кинематографистов, путевку в который им достал Микин приятель-киносценарист.

Теперь Мика и сам лежал на этом же четвертом этаже, напротив Яшиного отделения, про которое какой-то институтский острослов сказал:

Нашли себе работу люди – С утра до ночи щупать груди!

Десять дней Мика Поляков ждал приговора!

Альфред, неотступно торчавший в палате, днем помалкивал, устроившись в ногах у Мики, чтобы не нервировать еще троих, уже прооперированных, почти безнадежных Микиных сопалатников, а ночами пытался развлекать Мику разной мелкофилософской болтовней.

Одновременно с невзыскательной и отвлекающей трепотней Альфред незримо ухаживал за всеми четырьмя обитателями этого «ракового корпуса», поутру приводя в изумление проснувшихся мужиков чисто вымытой посудой, прибранными тумбочками, аккуратно разложенными бесполезными лекарствами.

Ночами же, когда больной никак не мог дозваться дежурной сестры или врача, Альфред насобачился как-то по-своему вызывать их сам – точно в определенную палату, к тому больному, которому врач или сестра были сейчас необходимы.

Десять дней Мику никто не лечил – ждали лабораторного результата биопсии. Вполне вероятно, что придется удалять три четверти желудка. Естественно, если биопсия будет того… Раковая. А пока – только диета и болеутоляющие. И ставший почти привычным страх смерти.

От паники спасало воспоминание о том, как вела себя тогда, в сегодняшнем Микином положении, его любимая Женщина.

Она, зная про себя уже все, в ожидании заключения лаборатории и дальнейшей неотвратимой операции, переводила с польского на русский иронический детектив Иоанны Хмелевской. И особо смешные куски из рукописи читала Мике вслух!..

На одиннадцатые сутки к Мике пришел заведующий этим отделением, как говорил про него сам Яша Бавли, «доктор Господней

милостью!», высокий, сильно пьющий, тихий и немногословный человек в сопровождении двух ординаторов и доктора Бавли.

– Ну что, Михал Сергеич, как чувствуете себя? – спросил он.

– Когда операция? – впрямую спросил Мика. Он слишком устал ждать и бояться, чтобы поддерживать «светскую» беседу.

– Да не будет вам никакой операции. Ничего у вас, кроме язвы, нету, а язву мы вам постараемся подлечить. Если вы нам слегка поможете… Вот Яков Лазаревич, наш общий друг, все вам и объяснит. Вы не смотрите, что он у нас «титечный мастер», – он в нашем деле понимает лучше, чем кто-либо. Яша, я сейчас в операционную, а ты поболтай с Михал Сергеичем. Если что неясно, я после операции в вашем распоряжении.

Ушел и ординаторов своих увел.

– Обошлось, – сказал доктор Бавли Мике Полякову. – И прекрати плакать, дурак старый. Тебе нужно хохотать от счастья и до потолка прыгать, а ты…

В ногах у Мики облегченно простонал невидимый Альфред. Доктор Бавли обернулся и подумал, что ему послышалось. Спросил у Мики:

– У тебя валюта есть? Только не соцстран…

– Есть немного. Надо кому-нибудь заплатить? – сморкаясь и вытирая платком глаза, с готовностью спросил Мика.

– Нет. Это тебе необходим зантаг, ранитидин, а они есть только в валютных аптеках. В нашем онкологическом институте нет даже ваты! К нам больные на операции поступают с собственным перевязочным материалом.

⁂

Спустя еще неделю Мика выписался из Института онкологии.

В почтовом ящике его уже ждал красивый и толстый конверт из Германии. В нем было официальное приглашение приехать в Мюнхен на три месяца.

– Уезжай, Мишенька! – сказал Яков Лазаревич Бавли. – Уезжай и не возвращайся. Язва твоя слегка затянулась, но если ты профилактически не будешь принимать то, что ты там сможешь получить по элементарной и даже не очень дорогой страховке, твоя язва снова возобновится и сможет перейти в злокачественное состояние. И тебе не помогут никакие твои звания – ни заслуженного

деятеля искусств, ни лауреата Госпремии, ни хрена! Все, что имело вес и ценность вчера, сегодня катастрофически теряет какой-либо смысл. Я не хочу тебя пугать. Ты достаточно напуган одним пребыванием в нашем институте. Я просто хочу тебя сберечь. Продлить тебе жизнь этак лет на десять. Чтобы ты больше никогда не звонил мне в три часа ночи, когда у тебя опять начнется кровавая рвота!..

– А я тебе и не звонил… – растерянно возразил Мика.

Бавли недоверчиво ухмыльнулся:

– А с чего бы это я примчался рано утром на Московский вокзал тебя встречать?! По наитию, что ли?!

– Вот и я тогда подумал на вокзале – с чего это Яшка меня встречает?..

– Хорошо же ты, наверное, тогда в Москве надрался с вечера, если ни черта не помнишь! Классический пример посталкогольной амнезии…

…Когда Мика остался с Альфредом наедине, он спросил:

– Твоих рук дело?

– Да! – с вызовом ответил Альфред. – У тебя есть возражения?

– Альфредик… Ну какие у меня могут быть возражения, спаситель ты мой? Непрочитанная ты моя книга. Что ни день – то новая страница!.. В следующий раз, когда ты с кем-нибудь будешь договариваться моим голосом, предупреждай меня. Чтобы я потом не чувствовал себя идиотом. Ладно?

⁂

Ах, как прав был Яша Бавли! Все, что еще вчера имело вес и ценность, сегодня катастрофически теряло какой-либо смысл…

Мика отдал свой заграничный паспорт в иностранную комиссию Союза художников, там же заполнил анкеты, там же отыскалось несколько старых Микиных фотографий от прошлых поездок, посудачил с одной симпатичной бабешкой – переводчицей с испанского, уже давно работавшей в иностранной комиссии. Это она однажды спросила Мику перед каким-то оформлением за очередной рубеж:

– Михал Сергеич, у вас никаких изменений в жизни не произошло? Я могу писать «объективку» с прошлой поездки?

Сын Серега тогда проходил военную службу в погранвойсках, куда пристроил его Микин приятель-кагэбэшник. Там же Серега, как и

положено было, вступил в партию.

– Вроде бы никаких изменений, – пожал плечами Мика. – Разве что вот только Сережка мой стал членом партии, там, у себя в армии…

– Ага! – деловито сказала эта симпатяга на полном серьезе. – Значит, теперь будем писать во всех анкетах: «Поляков – отец коммуниста».

Там же, в Союзе художников, Мика запасся официальным письмом, подтверждающим, что «…заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии, член Союза художников М. С. Поляков выезжает в Федеративную Республику Германию в творческую командировку…».

Так как Габриэль обещал Мике сразу же по приезде организовать выставку его работ, Мика отобрал сотни полторы рисунков, карикатур и оригиналов книжных иллюстраций, на всякий случай захватил пару книжек со своим оформлением для презентов, погрузил папки в машину и поехал в Ленинградское отделение Министерства культуры. Там за симпатичную трепотню, книжки с автографами и копию письма Союза художников две кокетливые чиновные дамы охотно проштемпелевали с обратной стороны все полтораста работ Мики Полякова большой квадратной печатью со словами «Разрешено к временному вывозу». Таким образом исключив все вопросы на грядущем таможенном досмотре.

Вечером того же дня позвонил, а потом и приехал с вечной бутылкой коньяка старый Микин друг-приятель Степа – генерал-майор КГБ.

Недолго проходил Степан в генералах – года два-три, что ли… Волна преобразований и перестройки ощутимо коснулась и этой могучей организации: полетели чуть ли не все старые кадры. В том числе и Степан.

Мика возился в кабинете, а Степан уже привычно расставлял в кухне тарелки, готовил закусь, но рюмки не смог найти и крикнул:

– Мишаня! Где у тебя теперь рюмаши?

Но Мика не слышал. Он вместе с Альфредом отбирал дипломы прошлых выставок и книжки, оформленные им и награжденные за это оформление, и иллюстрации с дипломами и призами разных стран.

– Мишка!!! Елки-палки!.. Не докричаться… Где рюмки, спрашиваю?! – еще громче завопил из кухни бывший генерал Степа.

Только Мика хотел было ему ответить, как вдруг неожиданно, совершенно МИКИНЫМ ГОЛОСОМ Альфред прокричал на всю квартиру:

– Наверху, в шкафчике над холодильником! Достань только одну! Я пить не буду…

И уже СВОИМ ГОЛОСОМ тихо сказал Мике:

– Пить ты не будешь до тех пор, пока не пройдешь полного обследования там, в Мюнхене. Это не мой каприз. Так велел доктор Бавли.

Было хорошо слышно, как в кухне бывший генерал Степа сочувственно матюгнулся. Мика удивленно покачал головой:

– Странно слышать свой голос со стороны. Неузнаваемый какой-то… Мне даже киноактеры говорили, что не всегда узнают свой голос с экрана. Только те, кто много работает на дубляже иностранных фильмов.

…Долго сидели на кухне вдвоем. Степа пил коньяк, закусывал традиционной яичницей с колбасой. Мика ковырялся в овсянке, еще утром сваренной Альфредом, тоскливо жевал кусочек невкусного сыра, запивал жидким переслащенным чаем.

– Мишка, у тебя деньги еще есть? – спросил Степан.

– Есть. Сколько тебе?

– Не нужно мне ни хрена. Я у себя в банке знаешь сколько имею?! Больше, чем когда был замначуправления!

– В каком еще банке?! – удивился Мика.

– Ну я же теперь руковожу целой охранной структурой нескольких банков, и поэтому… Или ты думал, что я так и буду жить на генеральскую пенсию? А вот хрен им!..

– На кой черт ты меня спрашивал про деньги? Хочешь положить их в свой банк под большие проценты? – усмехнулся Мика.

– Сколько у тебя?

– Сейчас поглядим…

Мика выдвинул ящик кухонного стола, нашел там сберегательную книжку среди счетов за квартиру, телефон, свет, газ…

– Это ты так хранишь свою сберкнижку?! – поразился бывший генерал. – Совсем ошалел! В городе – беспредел, а ты… Взломают дверь, приставят утюг к морде, и… Ну ты даешь, Мишаня!

– Ладно, не запугивай. Вот, пожалуйста: двести семьдесят четыре тысячи с копейками…

– Ты не помнишь, охламон, что я тебе говорил в прошлом году? «Не держи свои кровные в рублях, не будь идиотом, купи доллары!» Что ты мне тогда ответил? «А с чем я на Торжковский рынок пойду? С долларами?» А он, зелененький, тогда стоил всего семнадцать рубликов! Что я тебе сказал, когда он стал стоить сорок два?! «Мишаня! Купи доллары. Пропадают деньги, заработанные твоим талантом, твоим потом, жизнью твоей!..» Что ты мне ответил? Это я тебе, блядь, никогда не забуду! «Под восемьдесят восьмую хочешь меня подвести?» Надо же было такое ляпнуть?!

Степан поднял рюмку с остатками коньяка, грустно сказал:

– Миня, когда же ты уяснишь, что мы живем в государстве, которое употребит нас, как бы мы ни уворачивались! Что художника, что генерала КГБ… Сейчас доллар стоит на черном рынке сто пятьдесят рублей. Через своих хозяев банковских я могу устроить тебе по стольнику… Это две тысячи семьсот сорок долларов. Что они тебе там, в Германии, карман оттянут? Хоть первое время человеком будешь себя чувствовать.

– Хорошо, Степа… А теперь представь себе картинку маслом: «Возвращение блудного сына» из творческой командировки. Через три месяца я прилетаю домой, на книжке – ноль, пенсия – с гулькин нос, на что жить? Жить на какие шиши, я тебя спрашиваю, Степа?!

Степан опрокинул остатки коньяка в рот, поставил пустую бутылку под стол, закусывать не стал. Только шумно втянул воздух сквозь стиснутые зубы. Помолчал, поднял на Мику бывшие голубые, поблекшие и помутневшие от постоянного пьянства глаза и четко сказал:

– А ты не возвращайся. Тебя тут никто не ждет. Может, я только. Но я уже не в счет… Сегодня ты, интеллигент хренов, как и в двадцатых годах, нужен здесь, как гвоздь в жопе… А там ты, может, еще и пригодишься. Или просто проживешь на несколько лет дольше…

Они никогда не встречались друг с другом, никогда не были знакомы – бывший генерал-майор КГБ и доктор медицины хирург-онколог. А говорили одно и то же. Почти одними и теми же словами.

Каждый из них по-своему любил Мику, и каждого из них по-разному любил и ценил Мика…

– Во времена военного коммунизма хоть агитки требовались. Для этого нанимались «попутчики» – художники, поэты… А сейчас и агитки никому не нужны. Все вы, деятели искусства, через год на своих автомобильчиках калымить будете, чтобы ноги не протянуть! Нет автомобильчика – в кочегарку, уголек подбрасывать. Или сторожем… Неужели ты не понимаешь, что сейчас идет захват власти зоологическим, уродливым, безграмотным капитализмом, которому ваши художественные ценности – до фонаря. До лампочки!.. Вот я им теперь и служу. Охраняю ИХ ценности… Использую свои бывшие навыки.

– Брось, Степан, – отмахнулся Мика. – Осталось же в людях что-то такое…

– А как же?! – перебил его Степан, и Мика увидел, что он совершенно трезв, несмотря на опустошенную бутылку коньяка. – А как же! Осталось, осталось… Только ценности малость другого рода. Но есть! Куда же нам без ценностей?! Сейчас самый, как говорится, цимес – банкиры, политики, киллеры… Вот доминанта наших сегодняшних ценностей! Особенно киллеры! Убийцы… Хороший «заказ» какого-нибудь «крупняка» на правительственном или высшем финансовом уровне – двести-триста тысяч «зеленых». Это если ты, конечно, нанимаешь «профи» – из наших бывших комитетских «исполнителей»… Или из уволенных гэрэушников, главной разведуправы армии… Ну а шантрапа разная, какие-нибудь «отморозки», те и за пятьсот баксов тебе в подъезде башку проломят… Уезжай. Здесь ты понадобишься только лет через десять – не раньше.

Чтобы страна совсем в говне не утонула на глазах у всего мира, чтобы мы всегда могли бы на весь свет закричать: «Смотрите, смотрите, какие мы теперь стали цивилизованные! Как мы перестроились! К нам даже наши бывшие эмигранты возвращаются – Ростроповичи разные, понимаешь, Поляковы!..» Но это произойдет еще не скоро. А пока… Пока, Мишаня, постарайся обосноваться там. Это я повязан со всех сторон – мне дергаться некуда. А ты – художник. Личность интернациональная. Поезжай, не дожидайся того момента, когда увидишь собственными глазами, как вдрызг обнищавшие интеллигентные старики твоего же возраста – артисты, художники,

режиссеры, музыканты, ученые, инженеры, филологи – мои бывшие сокурсники по университету – будут копаться в помойках в поисках чего-нибудь съестного… А через пару лет эту ситуацию я тебе твердо обещаю!

…Первая же выставка работ русского художника Михаила Полякова в Мюнхене произвела, по выражению известного немецкого писателя-сатирика еврейско-чешского происхождения Леонхарда Тауба, «гигантский шухер».

Причем герр Тауб выразился так по-русски, прибавив несколько русских же восторженно-матерных слов, мощно усиливающих прекрасное впечатление от выставки, которая называлась кратко и незатейливо – «МИКА».

С оценкой Левы Тауба, правда, к сожалению, без русского мата, что сильно обеднило и опреснило тексты заметок и статей, согласились почти все газеты Баварии. От невероятно популярной и откровенно «желтой» «Абендцайтунг» до такого солидного общественно-политического тяжеловеса, как «Зюддойче цайтунг»! Не говоря уже о «Бидьде», «ТЦ», «Мюнхенер Меркюр» и журнале «Фокус»…

Михаил Сергеевич Поляков был обласкан русским генеральным консулом и президентом Союза художников Германии, который вообще-то живет в Берлине, но вот «случайно» оказался на открытии выставки «МИКА» в Мюнхене, он хотел бы напомнить уважаемому герру Полякову, что когда-то их уже представляли друг другу на аналогичной выставке в Сан-Франциско.

– Как же, как же!.. – вежливо воскликнул Мика, совершенно не помня ни самого президента, ни факта знакомства с ним на Диком американском Западе.

Лева, считавший себя ответственным за каждую минуту Микиного пребывания на немецкой земле, не отставал от него ни на шаг. Он быстренько перевел президента с немецкого на русский, так же молниеносно перевел с русского на немецкий герра Полякова, после чего тихо сказал Мике:

– Судя по твоей «бурной» реакции на эту встречу, ты очень воспитанный человек.

И русский генеральный консул, и предводитель немецких художников, не сговариваясь, каждый в своей осторожной манере –

консул, поднаторевший в многолетней пахоте дипломатической нивы советских недомолвок, а президент Союза художников Германии в силу врожденной расчетливости, этой высшей доблести настоящего немца – поинтересовались: надолго ли приехал маэстро Поляков в Германию и не собирается ли он тут остаться навсегда?

Ибо Мюнхен во все времена притягивал людей высокой русской культуры – здесь жили и творили Василий Кандинский и Федор Тютчев, здесь сегодня живут балерина Майя Плисецкая и композитор Родион Щедрин, скульптор Гаврила Гликман и писатель Владимир Войнович. Здесь, в конце концов, главная штаб-квартира радио «Свобода»…

Как только немец попытался представить радиостанцию «Свобода» как «очаг русской культуры», генеральный консул СССР тренированно и тоскливо стал разглядывать узорчатую лепнину на потолке зала, а Лева Тауб весело и откровенно рассмеялся.

На этой же выставке Мика был познакомлен с доктором Ляйтелем – заведующим культуррефератом Баварии. Что-то типа министра культуры в миниатюре. Здесь же Мика получил два официальных предложения оформить книги «своего друга» Леонхарда Тауба в издательствах «Данген Мюллер» и «Гольдман ферлаг».

– Старик, ты развернул какую-то совершенно сумасшедшую деятельность! – сказал Мика Леве Таубу.

– А как же?! – тоненько воскликнул Тауб. – Здесь нельзя иначе! «Возьмемся за руки, друзья, чтоб не пропасть поодиночке!»

– Я считал всегда это главной строкой из гимна советской интеллигенции шестидесятых.

– Бог с тобой, Мишенька!.. Здесь это необходимо в еще большей степени…

⁂

…В первые три месяца пребывания в Германии Мика успел сделать оформление и рисунки к двум книгам Леонхарда Тауба – Альфред читал ему вслух немецкие тексты Левы по-русски, Мика хихикал, делал кое-какие заметки, а потом придумывал и рисовал картинки.

Лева все пытался выяснить, кто это переводит Мике его рассказы, и даже заподозрил Мику в тайной связи с какой-то русско-немецкоговорящей дамой. Тем более что первая квартира, в которой

жили Мика и Альфред, находилась в Швабинге – университетском районе Мюнхена, на углу Хессштрассе и Аугустенштрассе, точно напротив магазина славянской книги «Кубон и Загнер». А там такие дамы вполне могли быть…

Но в то время на баварской земле Микина репутация, к его великому сожалению, не была запятнана никакой половухой. И он уже даже подумывал о поездке в Ленинград для организации себе, любимому, этаких секс-каникул. Последние исследования у гастроэнтерологов отметили всего лишь наличие рубцовых образований на месте бывшей язвы желудка, что очень подняло жизненный тонус у владельца послеязвенных рубцов!

Однако секс-каникулам не суждено было состояться. Подвалил новый заказ из старейшего и уважаемого издательства «Пипер», и нужно было срочно продлевать визу.

По всем немецким законам продлить визу пребывания в стране Германии можно только за ее пределами. В немецком же консульстве или посольстве, но в любой другой стране!

– Это полный идиотизм, но тут мы ничего не сможем сделать, – сказал Лева Тауб. – Едем в Австрию, в Зальцбург. Это всего сто двадцать километров от Мюнхена!..

…Потом, в связи с Микиной выставкой в Гамбургском университете, участием во Всемирной франкфуртской книжной ярмарке и выходом сборника Микиных карикатур в «ДТФ» – «Дойче ташенбух ферлаг», пришлось продлевать эту проклятую визу в Праге еще на три месяца.

Тут уже не обошлось без слезных писем от всех организаций, заинтересованных в пребывании герра Михаэля Полякова на строгой баварской земле.

Все хлопоты по организации этих писем, поездке в Прагу и выколачиванию этой визы взяла на себя одна молодая дама по имени Хайди, действительно работавшая в «Кубоне и Загнере», но не в магазине, а в самой фирме.

Хайди была прехорошенькой, вдвое моложе Мики, неплохо говорила по-русски и совершенно не ощущала присутствия Альфреда! Четкая и прагматичная немочка с прелестным личиком ангела предбальзаковского возраста – Хайди обладала такой энергией, таким напором, перед которыми не мог устоять никто!

Мика, например, оказался в ее постели ровно через сорок пять минут после знакомства с ней в конторе «Кубона и Загнера», на презентации книги герра Леонхарда Тауба с обложкой и иллюстрациями герра МИКИ Полякова.

Когда Мика утром вернулся домой, ноги его не держали. Альфред, остававшийся на Хессштрассе, был дико взволнован. Обнюхивал Мику, заглядывал ему снизу в глаза и все допытывался, что он видел в квартире этой Хайди… Не показалось ли ему там кое-что странным?

– Отвяжись, Адьфредик, – умолял его Мика. – Я спать хочу!.. Она совершенно игнорировала мой возраст… Потом расскажу.

Но Альфред был неумолим!

– О господи… – простонал Мика, уютно укрываясь пледом. – Ну, обычная богатая квартира в Богенхаузене… Район говорит сам за себя. Муж был состоятельным адвокатом… Вышивочки, рюшечки, пошловатенький, но дорогой «бидер-майер», полное бескнижье… Живой фикус, искусственные цветочки… Разноцветные свечечки… Нормальный мещанский кич со сладенькими выпендрежными картинками на стенах. Какие-то баварские куколки и уйма подушечек на угловом диване…

– Стоп! – закричал Альфред. – Хотел бы уточнить – с «куколКАМИ» или с «куколКОЙ»?!

– Кажется, с одной куколкой в национальном баварском костюме. Зато – с тебя ростом…

– Я так и знал!!! – воскликнул Альфред, и глаза его зажглись бесовским пламенем. – Я это почувствовал сразу же, как только ты вернулся домой!.. Как она выглядела?

– Кто?.. – уже засыпая, пробормотал Мика.

– Эта баварская Кукла…

– Ну откуда я помню?.. Альфредик, солнце мое, иди ты в жопу со своими расспросами! Дай поспать пару часиков… Я – пожилой человек, хоть ты-то пойми это!.. В конце концов, я даже по Советской Конституции имею право на отдых… Вали, вали отсюда!..

Отоспавшись, Мика поинтересовался у Альфреда, что его так взволновало.

Альфред долго мялся, бекал, мекал, пытался увильнуть от прямого ответа, но в итоге признался, что он еще «девственник» и что его ни на секунду не покидает испепеляющее ЖЕЛАНИЕ СОИТИЯ!..

С тех пор как в Ленинграде Альфред увидел впервые, как это делает Мика со своими приходящими барышнями.

На настоящую женщину он, конечно, не претендует. Да и вряд ли это могло бы быть ему интересным. Но и дома, в Ленинграде, и здесь он все пытался отыскать подобное себе существо женского пола, не зная точно, существуют ли они вообще.

Однако сегодня, когда опустошенный Мика под утро приплелся от Хайди, Альфред каким-то самому ему неясным образом прочувствовал, что в доме, откуда вернулся Мика, ЕСТЬ ТАКОЕ СУЩЕСТВО! И именно ЖЕНСКОГО ПОЛА!!!

Как он это понял – объяснить сейчас не может. Сообразит как-нибудь потом…

Но пока Мика отсыпался от своих ночных мужчинских упражнений, Альфред попытался логически просчитать, каким образом в ее квартире появилось это Существо.

Очень Альфреду помогла одна подробность в описании Хайдиной квартиры – Кукла в баварском костюме. Да еще ростом с Альфреда!

Итак, скорее всего, этой Кукле сейчас немногим меньше, чем самой Хайди, – лет так примерно двадцать восемь – тридцать. Не больше. Следовательно, Кукла была подарена Хайди еще в ее детстве.

ОДУШЕВИТЬ же, создать своим воображением Живое Существо из тряпочной имитации или воспроизвести Его на чистом листе бумаги способны только или очень талантливые люди с безграничной фантазией, не скованной рамками бытового реализма, или…

…или ДЕТИ!

Так, наверное, произошло и с маленькой девочкой Хайди около тридцати лет тому назад.

Кто подарил ей эту Куклу – не важно. Важно то, что маленькая Хайди так ПОВЕРИЛА в эту Куклу, так полюбила Ее, что своим необузданным детским воображением, не замутненным банковскими счетами, экономией, туповатой рассудочностью с гипертрофированным ощущением собственной значимости и слегка смещенными понятиями о правилах приличия, СУМЕЛА ВДОХНУТЬ ЖИЗНЬ в это миленькое тряпочное Существо с напряженной фарфоровой рожицей.

Оно и зажило. Оно явилось в человеческий мир так же, как появился у Мики и сам Альфред!..

Альфреду еще предстоит выяснить – с теми ли задачами хранительницы очага эта Кукла явилась в свет, но он свято убежден, что она менялась точно в унисон изменений и взросления самой Хайди.

Он даже в словарь заглянул, пока Мика отсыпался. «Домовой» по-немецки называется «хаусгайстер». Поэтому женский род будет звучать «хаусгайстерин»…

– Я умоляю тебя, Мика, в следующий раз, пожалуйста, возьми меня с собой к этой Хайди! Это я прошу тебя, как мужчина мужчину.

– Нет проблем, Альфред. Буду рад, если тебе удастся захороводить эту баварочку. В ближайшие же дни созвонимся и… Вперед, на штурм Хаусгайстерин!

⁂

Так был восполнен еще один пробел в богатой событиями жизни Мики и Альфреда в Мюнхене…

За эти девять месяцев Мика и Альфред пару раз слетали в Ленинград. И если в свой первый приезд они пробыли дома целых две недели, то уже во второй раз еле выдержали пять дней.

Общаться было практически не с кем.

Как ни странно, почти все, с кем Мика приятельствовал в прошлые времена, не сумели вписаться в новую жизнь и влачили довольно жалкое существование.

Друг – киносценарист на своем жигуленке возил продукты для ресторана трех узбекских жуликов… Масса знакомых умерли… Столько же уехали из страны, не дожидаясь полного и беспросветного обнищания; работы не было ни у кого… Союз художников, по существу, прекратил свое трепыхание и почти «скончался»; чуть ли не все помещения Дома кино, где Мика раньше частенько играл на бильярде, были распроданы лихим фирмочкам и конторкам…

Дом творчества Союза кинематографистов в Репине, куда много лет тому назад Мика привез из онкологического института свою любимую Женщину после тяжелой операции, теперь был заполнен прекрасно одетыми и грубо раскрашенными потаскухами, а их кавалеры расплачивались в баре, вытаскивая из карманов пачки долларов толщиною в роман Алексея Толстого «Хождение по мукам».

Яша Бавли собирался в Израиль и продавал квартиру каким-то китайцам…

Сын Серега женился вторично. Сдавал свою однокомнатную квартиру за полтораста долларов в месяц, жил у новой жены – симпатичной, крепкой девушки Тани. Серега работал на рынке шофером, Таня там же торговала колготками.

Мика подарил Сереге свою старую «Волгу» с гаражом и созвонился с бывшим генералом Степой.

Степан приехал, распухший от возлияний, с красными пятнами на шее и висках от нейродермита, с мокрыми от умиления глазами – наконец-то встретились!

Выпили бутылку под традиционную яичницу с колбасой, а на следующий день Степан прислал Мике четырех крепеньких парeньков при оружии. Парeньки привезли с собой фанерные ящики, окантованные металлическими полосками, и помогли Мике упаковать шестьсот килограммов книжек, справочников, словарей, альбомов, кистей, красок, любимых картинок, подаренных Мике разными художниками в разные годы, и еще какую-то родную мелочевку – старые армейские фотографии, отцовские документы…

Эти же парeньки по своим каналам провели все шесть ящиков по сто килограммов через Пулковскую таможню, а Мика заплатил по одному доллару и тридцать семь центов за каждый килограмм своего багажа. Накупил в «валютке» еще долларов на двести разных ярких заграничных бутылок, раздарил их кому надо и не надо и снова улетел вместе с Альфредом в Мюнхен.

Зато когда они сели в Мюнхене и пассажиров попросили не вставать из кресел, так как трап еще не подан, Мика и Альфред через иллюминатор увидели, как их ящики уже выползают из самолетного чрева по транспортеру…

Через три дня Мику профилактически осмотрел прекрасный гастроэнтеролог профессор Эссер и заявил, что у Мики снова открылась язва желудка. И не одна, а две.

– На нервной почве, – сказал профессор Эссер. – Все в жизни надо воспринимать с эпическим спокойствием, и вы, герр Поляков, проживете до ста лет. Вам хватит сто лет?

– Нет, – усмехнулся Мика.

– Не жадничайте. – Профессор Эссер приятельски похлопал Мику по спине и назначил срочное и радикальное лечение.

Это разрешило все сомнения: Лева Тауб забрал все Микины справки из ленинградского онкологического института, приложил заключение профессора Эссера, и вдвоем с Микой они отправились в культурреферат к доктору Ляйтелю, захватив с собою, помимо врачебных справок, еще и две огромные папки со статьями и заметками почти всех газет Германии о МИКЕ – русском художнике Михаэле Полякове. Там же были вырезки из французских, израильских, американских, итальянских и испанских газет и журналов, восхваляющих удивительное, ироничное, остроумное и лаконичное искусство карикатуры и иллюстрации «маэстро Полякофф».

На следующий день без каких-либо привычных немецких проволочек Михаил Сергеевич Поляков получил бессрочную визу для постоянного проживания в Федеративной Республике Германии…

⁂

С момента первого приезда Мики и Альфреда в Мюнхен по приглашению Леонхарда Тауба, как писалось в титрах немого кино:

ПРОШЛО ТРИ ГОДА…

Эти три года вобрали в себя такой гигантский наворот событий, что их вполне можно было бы распределить лет на пятнадцать – двадцать, и то никому мало бы не показалось.

Но они были спрессованы именно в эти три года, отчего страна под названием Советский Союз не выдержала и расползлась по всем своим швам, казавшимся такими прочными, вечными, не поддающимися никакому износу…

…Была разрушена Берлинская стена – Мика и Альфред наблюдали это нервно-истерическое действо по немецкому телевидению, снимая на лето квартирку в тридцати пяти километрах от Мюнхена, – на прелестном озере Аммерзее…

Практичные берлинские немцы тут же стали торговать «сувенирами» – уродливыми кусками бетона, выломанными в процессе политторжеств воссоединения разорванной Германии…

…В бывшем СССР был низвергнут президент и подавлен правительственный бунт против правительства же…

…В Москву вошли танки и в центре десятимиллионного города расстреляли из пушек собственный парламент… Сотни трупов

вывозили ночами из подвальных этажей московского Белого дома, тупо приговаривая: «Жертв – нет, жертв – нет…»

…Новый претендент на абсолютную власть решил не изменять историко-революционным традициям и моде и вскарабкался на броневик…

…Западные немцы бросились скупать восточные земли. Мелкота, как всегда, разорилась, крупняки заработали миллиарды…

Если раньше, из-за стены, восточные «Осей» лишь завидовали западным «Весей», то теперь, когда стена была уничтожена, «Осей» возненавидели «Весей» совершенно коммуно-социалистическим образом…

…Российские старушки вдруг обнаружили, что тех денег, которые они много лет копили себе на похороны, поминки, отпевание и приличный гробик, теперь в лучшем случае может хватить только на десяток гвоздей для крышки гроба…

…Поэтому же почти прекратили сниматься фильмы на киностудиях…

…Уже никто не заказывал хорошим художникам рисунки и обложки к книгам. Восторжествовала фотообложка-коллаж. Желательно – нож с зазубренным лезвием со стекающей кровью, пистолет, лицо, искаженное ужасом… обязательное целлофанирование и… вперед!

…Бандиты воевали с бандитами, бандиты охраняли бандитов. Самые жестокие и безжалостные становились бизнесменами…

…Бизнесмены взялись уничтожать бизнесменов. Политики – политиков. И наоборот…

…Наконец в стране установилась твердая валюта – ДОЛЛАР!

…Телевизионные трансляции с заседаний Государственной думы радовали ежевечерним непристойно-скандальным спектаклем…

…Преступность стала движущей и организующей силой общества…

…Изящная словесность не могла пройти мимо этого. Кровавая драматургия сама шла в руки, и наряду с чудовищно и безграмотно наспех переведенными (или придуманными…) мастерами детективного жанра дальнего зарубежья ниагарским водопадом обрушился массовый поток «Русского детектива». Писали в одиночку,

вдвоем, втроем, целыми бригадами – под одно уже «раскрученное» имя.

…На фоне расцветающих борделей, легальной порнографии, «массажных салонов» и узаконенной уличной проституции пресловутая «Интердевочка», написанная Микиным приятелем-киносценаристом в восемьдесят восьмом году, за которую его в то время «Правда» обозвала «порнорэкетиром», теперь выглядела невинной и наивной «Княжной Джавахой» из сочинений госпожи Лидии Чарской…

Молитвами и решительными действиями все того же Леонхарда Тауба, верного, талантливого и мудрого друга Левушки, резко изменилась Микина жизнь в Мюнхене и в социальном плане.

Сначала Мика был принят в члены «ФГ-Ворт» – «Фервертунгстазелиафт-Ворт». Что-то типа советского, или уже теперь российского, Управления по охране авторских прав. «ФГ-Ворт» защищало представителей всех видов искусств, и свое добросердечное отношение (мощно подогретое энергичным Левой Таубом) они продемонстрировали тем, что подарили Мике пять тысяч марок на первое обзаведение. Что было очень даже кстати!

Несколько фальшивое, восторженно-виноватое отношение немцев к русским, столь характерное для конца восьмидесятых, почти напрочь вытеснялось стремительным преобразованием сегодняшней России, которая уже инфицировала «благополучную» Европу, а своей пресловутой «русской мафией» со всех сторон обложила богатейшую Америку!

Хорошо относиться к русским перестало быть модным. Русские стали ОПАСНЫМИ…

Поэтому резко сократились издательские заказы для Мики, от которых еще два года тому назад было «поленом не отбиться». Исчез постоянный приток денег от выставочных продаж. Сократилось и само количество выставок в Германии.

Вена и Цюрих не принесли почти ни гроша. Устроители жаловались на убытки…

– Надо что-то делать… Надо что-то делать!.. – бормотал Альфред, вяло переплывая по воздуху с люстры на книжный стеллаж и обратно. – Не надо бояться ничего нового… Капитализм есть капитализм: если

не идет один бизнес, значит, на него нужно плюнуть и придумать другой… Ты меня слышишь, Мика?

– Нет. Мне поздно менять свой «бизнес». Я вообще не собираюсь меняться. По-моему, в любой мимикрии есть что-то пассивно-предательское.

Альфред на секунду завис под люстрой, задумчиво проговорил:

– Тоже неплохо…

И улетел в кухню, влекомый какими-то новыми соображениями.

Год тому назад Мике исполнилось шестьдесят пять, и теперь он имел все основания получить в Германии так называемую социал-хильфе, то есть социальную помощь. А это было немало! Бесплатная квартира, бесплатная медицинская страховка, да еще и ежемесячное денежное содержание – что-то около пятисот марок в месяц. Плюс какие-то мелкие льготы.

Однако к тому времени герр Михаэль Поляков был не «принят», а именно «приглашен» стать членом Союза художников Германии, что автоматически делало его членом интернационального Союза художников ЮНЕСКО в Париже.

Вскоре Мика получил невзрачную серо-голубоватую картонную книжицу (это после наших-то советских членских билетов творческих союзов – обтянутых красной кожей с золотым тиснением!), где, как и в отцовском старинном удостоверении шеф-пилота двора его императорского величества, тоже на пяти языках, кроме русского, было сообщено, кем является владелец этой простоватенькой книжечки…

Тем не менее, несмотря на невзрачность документика, этот Союз художников снял с города Мюнхена все социальные обязательства по отношению к пожилому герру Полякову и все расходы по его содержанию принял на себя, установив Мике ежемесячный грант в восемьсот марок. Что было значительно больше обычной социал-хильфе!

В четырехтомной Европейской энциклопедии современной живописи и графики, изданной в «БКФ» – «Бавария кунстферлаг», что соответствовало нашему издательству «Искусство», русскому художнику Михаэлю Полякову, родившемуся в Ленинграде в 1927 году, было отведено семнадцать почетных страниц превосходно напечатанных его рисунков, акварелей, эскизов обложек, карикатур, а

также длинный перечень его выставок во всем мире и очень теплая статья о Мике составителя этой энциклопедии.

На последних страницах тома были факсимильно воспроизведены подписи всех упоминавшихся здесь художников. В том числе и подпись М. Полякова – МИКА.

Все это стало возможным благодаря Леонхарду Таубу, сердце которого с каждым месяцем работало все хуже и хуже…

⁂

А потом случилось вот что.

Русская служба радиостанции «Свобода» брала интервью у известного немецкого литератора еврейско-чешского происхождения, живущего в Германии уже больше двадцати пяти лет, пишущего свои замечательные новеллы только по-немецки и превосходно говорящего по-русски, – Леонхарда Тауба.

Герр Тауб рассказывал про то, как в конце тридцатых – начале сороковых он, маленький еврейский мальчик, был вынужден прятаться от немецких фашистов в пражских подвалах, а в середине пятидесятых, уже молодым человеком, бежал из Праги от русских танков, посланных в Чехословакию коммунистами Советского Союза…

К концу интервью герру Таубу стало плохо, и запись пришлось прекратить. Он проглотил какие-то свои таблетки, без которых уже пару лет не выходил из дома, отсиделся, отдышался и попросил разрешения позвонить своему приятелю.

И позвонил Мике. И попросил Мику приехать за ним.

Мика прыгнул в свою большую спортивную «мазду», которую они с Альфредом купили сразу же после получения постоянной и бессрочной визы, и помчался за Левой. Что-то Мику очень встревожило в нарочито спокойном голосе Тауба…

Тот, в окружении нескольких сотрудников станции, ждал Мику на ступеньках у главного входа. Бледный, с синеватыми губами. Лева смущенно улыбался и говорил по-немецки, по-английски и по-русски. Увидел Мику и стал тяжело вставать со ступенек:

– Ах, Мишенька!.. Как хорошо, что ты приехал за мной…

– Может быть, все-таки вызовем врачей? – спросил кто-то.

– Нет, нет… – быстро возразил Лева. – Теперь я под надежной защитой. Спасибо за все, и будьте здоровы. Чу-у-ус!..

Когда они остались одни, Лева привычно-заботливо спросил Мику:

– Ты хорошо поставил машину? Без возможных штрафных санкций?

– Да вроде как-то толково приткнулся. Только далековато. Ты присядь вот здесь. Подожди меня секунду. Я сейчас подкачу к тебе. Мне не хочется, чтобы ты шел пешком.

– Наоборот, Мишенька!.. Мне сейчас обязательно нужно пройтись, подышать свежим воздухом. А машинка твоя пусть постоит. Пойдем прошвырнемся по Английскому парку. Благо он тут – за забором «Свободы»…

⁂

А может, не нужно было соглашаться с Левой?.. Может быть, следовало настоять на вызове «Нотартца» – «неотложки»? Или сразу же со ступенек радиостанции прямиком отвезти его в какую-нибудь клинику, а не разгуливать по Английскому парку?.. Да что теперь говорить…

⁂

Их было трое.

Всего лет по двадцать каждому. Может, чуть больше…

Они были демонстративно бритоголовы и пьяны.

Они стояли в самом центре Английского парка на невысоком пригорке, словно на трибуне, а внизу, у подножия этого маленького естественного возвышения, толпились десятка полтора пожилых людей с маленькими детьми и большими собаками.

Кто выгуливал своих внуков, кто – песиков…

У одного бритоголового в руках был мегафон, у второго – бутылка с дешевым «Корном», у третьего – флаг со свастикой.

Естественный пригорок давал им упоительное ощущение трибунной приподнятости!

С высоты в полтора метра им казалось, что под ними, замерев от восхищения, стоят толпы их верных сограждан!..

Но Мика и Лева увидели пятнадцать перетрусивших стариков, четверых детей и несколько равнодушных немецких собак неведомых пород…

И увидели трех пьяных мальчишек-неонацистов, один из которых исступленно размахивал красным флагом с черной свастикой в белом

круге, второй картинно прихлебывал из бутылки, а третий истерически вопил в мегафон призывы далеко не первой свежести:

– Германия только для немцев!!! Всех чернозадых, евреев и поляков развесить по деревьям Английского парка!.. Турков – сжечь дотла!.. Возродим великую нацию – возродится великая Германия!!!

Поначалу Леве и Мике не захотелось во все это даже поверить. Им показалось, что это «Бавария-фильм» снимает сцену для какой-то современной антифашистской картины…

Но не было прожекторов, не было кинокамер, не суетился вокруг кинематографический люд – не было никакой съемки!

Шел НОРМАЛЬНЫЙ НАЦИСТСКИЙ митинг со своими «героями» и внемлющим им «народом»…

– Боже мой… Какой ужас! Я ведь только что об этом говорил…

Лева схватился за Мику и тоненько прокричал всем стоящим внизу у пригорка старикам, детям и собакам:

– Господа! Господа!.. Что же вы молчите?! Как же можно молчать?! Это же в центре вашего Мюнхена! Ну возразите хоть кто-нибудь!.. Что же вы стоите?!

Но под пригорком уже никто не стоял – все стали поспешно расходиться в разные стороны, растаскивая своих детей и собак… «Добрый» старый немецкий принцип – только бы не ввязаться в какую-нибудь историю… Ни одна собака даже не тявкнула.

Мика вдруг почувствовал, как ослабевает Левина рука, которой он держался за него, и испуганно проговорил ему по-русски:

– Левушка, успокойся… Левушка, родной, возьми себя в руки!.. Не стоят они твоего здоровья, Левушка!..

– Русский! – по-русски же потрясенно закричал бритоголовый с бутылкой «Корна». – Русские жиды!.. Я в Караганде уголек рубал, а вы сюда за колбаской, суки?!

И на корявом немецком языке он стал кричать своим приятелям, что это стоят две русские свиньи, которые ему в Казахстане жить не давали, так еще и сюда приперлись, вонючее племя!..

Вот когда Леонхард Тауб, писатель, которого читала вся цивилизованная Германия, а не очень цивилизованная хохотала над его рассказами – он их сам прекрасно читал каждую субботу по одному телеканалу, – Леонхард Тауб, чьи книги были переведены почти во всем мире на несчетное количество языков, очень пожилой и очень

больной человек, на великолепном немецком, настоящем «хохдойч», крикнул этим троим – с бутылкой, нацистским флагом и мегафоном:

– Вы – подонки!!! Что вы знаете о фашизме, дерьмо и ничтожества! Что вы вообще знаете про эту жизнь, мерзавцы?!

У Мики в висках уже гремел колокол и голова раскалывалась от вскипавшей ненависти…

Не было никого вокруг!.. А с пригорка на двух стариков, один из которых уже терял сознание, неслись трое пьяных, разъяренных здоровых парней – с бутылкой, мегафоном и флагом со свастикой…

В последнюю долю секунды в воспаленном мозгу Мики отчетливо промелькнуло:

ВСЕХ ТРОИХ…

…СРАЗУ!..

…В ЖИВЫХ НЕ ОСТАВЛЯТЬ НИКОГО!!!

⁂

На следующий день почти все газеты Баварии напечатали одну и ту же фотографию «известнейшего писателя-сатирика» Леонхарда Тауба, не дожившего до своего шестидесятипятилетнего юбилея всего один месяц. Леонхард Тауб скончался вчера в приемном покое клиники «Воген-хаузен» от острой сердечной недостаточности в 17 часов 15 минут вечера. Отпевание и погребение покойного состоятся в капелле при кладбище «Нордфритхоф» тогда-то и тогда-то…

А газеты «Абендцайтунг» и «Бильд», в разделах криминальной хроники городских происшествий, сообщили, что вчера же в Английском парке были обнаружены трупы трех молодых людей: Г. – 24 года, М. – 22 года, Ф. – 20 лет. Как показало вскрытие, произведенное судебно-медицинскини экспертами, все трое перед смертью находились в состоянии сильного алкогольного опьянения. В результате чего у двадцатичетырехлетнего Г. оказалось обширное кровоизлияние в мозг, у двадцатидвухлетнего М. – паралич сердечной мышцы, а у двадцатилетнего Ф. – разрыв аорты. Полиция ведет следствие…

– Это сделал ты? – впрямую спросил Альфред.

– Да, – без колебаний ответил Мика.

– Ты спасал Леву Тауба?

– Я многое пытался спасти… Как видишь, мне это не удалось.

Обессиленный Мика лежал на тахте в одной пижаме, по пояс прикрытый темно-красным пледом. Не мог оторвать остановившихся глаз от большой гравюры Махаева, висевшей на противоположной стене.

– Ты всегда так плохо чувствуешь себя после ЭТОГО? – осторожно спросил Альфред.

– После чего? – не сразу понял Мика.

– После убийства.

– А-а-а… Да… Всегда… В детстве, когда мне было двенадцать лет и я УБИЛ впервые, я даже потерял сознание.

– Пей чай. Остывает… Я заварил тебе «Эрл Грей».

– Спасибо.

– С возрастом стало труднее убивать?

– Да нет… Просто я уже полагал, что мне этого больше никогда не придется делать.

– Мика, скажи честно, Лева знал о моем существовании? – подрагивающим голосом спросил Альфред.

Мика посмотрел в его голубые глаза, полные слез, и понял, что имеет право только на один ответ:

– Да. И очень был тебе благодарен за то, что ты есть у меня.

Альфред тихо заплакал. Потом с трудом произнес:

– Микочка… Ты должен взять меня с собой на кладбище.

– Там будет уйма народу, Альфред. Я же знаю, что ты с трудом переносишь большое скопление людей.

– Я буду все время рядом с тобой… Я ни на шаг не отойду от тебя. Возьми меня с собой, Мика. Я имею на это право! Возьми, ради всего святого…

⁂

Отпевали Леонхарда Тауба в капелле при «Нордфритхофе».

Капелла при кладбище – она для всех религий… Так как герр Леонхард Тауб был слишком ироничен, чтобы исповедовать хоть какую-нибудь религию, было решено: для прощания с покойным лучше капеллы места не сыскать.

Этого же захотели и родственники, приехавшие из Праги, – маленькая старушка в черном, старшая сестра Левы, его племянница и муж племянницы, который никогда даже не был знаком с Левой…

Народу было человек двести. Старики из Мюнхенской еврейской общины, из Союза писателей, много сотрудников радиостанции «Свобода», кто-то из издательств… Были старые чехи и словаки, уже давно живущие в Германии. Были и русские…

По дороге на кладбище Мика и Альфред заехали в хороший, дорогой цветочный магазин, купили шестьдесят четыре розы желто-шафранного цвета.

Поставили свою «мазду» на кладбищенский паркинг и пошли к закрытому еще входу в капеллу.

Они несли свои печальные розы и слышали вослед:

– Смотрите, смотрите, какие цветы – это же сумасшедшие деньги!

– Успокойтесь, я вас умоляю! Вы знаете, кто это? Он на своих паршивых картинках заработал столько, что мог бы привезти и не такой букет!..

Мике стало тошно – ну просто невмоготу. Альфред испуганно прошептал:

– Боже мой!.. Как они могут, Микочка?! В такую минуту…

– Плюнь, Альфредик, – сквозь зубы проговорил Мика. – Плюнь. Они очень неумны и глубоко несчастны.

– О чем ты говоришь, Мика? Эти двое парковались рядом с нами, и я видел, на чем они приехали! У них такой «ягуар», о котором ты даже и мечтать не можешь…

– Запомни, Альфред, ни «ягуар», ни «семисотый» БМВ, ни «мерседес-спэшл» к понятию о СЧАСТЬЕ никакого отношения не имеют.

…Перед закрытым еще входом в капеллу всем раздали тоненькие свечки. И евреям, и немцам, и чехам, и русским.

В ожидании начала церемонии в толпе шла нескончаемая болтовня на всех языках. Изредка раздавались громкие радостные возгласы – кто-то с кем-то давно не виделся, наконец-то свел господь!..

Обсуждали свои старческие делишки, обменивались карликовыми новостишками, жаловались на детей, на болезни, на понижение банковских процентов на срочные вклады…

Скорби – ни на грош! Так, клубная трепотня…

Наконец открылись большие двустворчатые двери, стали пускать внутрь капеллы.

С первых же секунд Мика и Альфред были потрясены внутренним гигантизмом и убожеством этого храма – высоченный, холодный, неуютный…

На высоте пятнадцати метров по кругу – восемь огромных цементных ангелов с нимбами из строительной арматуры. Все нимбы – ржавые, покосившиеся, потерявшие свою округлость… Какой нимб торчит вверх, какой вбок, какой так и не смог свалиться на шею ангелу – зацепился за ангельский нос…

Под круглыми сводами огромного помещения – ни распятия, ни единой иконы, ни какой бы то ни было церковной атрибутики! Серость облупившихся стен, уходящих вверх, и зыбкий холод… Посередине на каменном полу из безликих выщербленных плит – возвышение с наглухо закрытым гробом.

Альфред медленно воспарил над полом и невидимо для окружающих сел Мике на плечо, одной ручкой обняв Микину голову.

А все теснятся к гробу, двигаются энергично, решительно, даже оттирая друг друга, стремясь предъявить «свои права» на покойного, свою особую, персональную близость к умершему!..

Становятся на колени у гроба, крестятся все без разбору, дымят свечками, целуют возвышение, к самому гробу прикладываются губами…

Началось отпевание.

Хор – три женщины и три мужика. Все – будто только что с рынка! Кто в чем – одна баба в беретике, две другие в кукольно повязанных платочках. Мужики в спортивных куртках-расписухах, в стоптанных кроссовках…

Регент – пижон! Черное пальто в талию, кокетливо наброшенный на шею черный шарф крупной вязки…

Дьякон какой-то игрушечный… И молоденький попик с хорошим голосом.

Мике и Альфреду от всего этого даже худо сделалось!..

Так жалко стало себя, Левушку Тауба жалко стало – верного, мудрого и замечательного друга, блестящего, остроумного новеллиста, умевшего быть беспощадно саркастичным и безгранично лирически добрым и трогательным…

Почему это в Германии называется «писатель-сатирик»?!

В дикой, разрывающей сердце тоске Мика погладил руку Альфреда, проглотил слезы и подумал невероятное: «Как хорошо, что гроб закрыт наглухо и Леонхард Тауб – Лева, Левушка – не видит всего этого фальшака, всей этой пошлятины, которая уж совсем не по Божьему праву сопровождает его в последний путь!..»

⁂

– Не пей! Не пей больше, Микочка!.. – умолял Альфред, пытаясь улететь с бутылкой джина.

Но Мика крепко держал бутылку, и Альфред беспомощно трепыхался в воздухе на уровне Микиного лица.

– Лучше смотайся в холодильник за льдом… Еще три-четыре сантиметра, и все!.. Тащи лед! – приказал Мика.

– Хорошо, хорошо!.. Я принесу лед… Но дай мне слово, что это будут последние три сантиметра!..

– Смотря откуда мерить, – пьяно ухмыльнулся Мика. – Я буду мерить от верха стакана!

– Ты будешь мерить от низа стакана! – закричал Альфред.

– Я что, пьяный?! Нет, ты скажи, я – пьяный?!

– Я не боюсь, что ты будешь пьяным! Я боюсь твоей язвы… Вспомни, что говорил профессор Эссер!.. Ну, хочешь, я тебе телевизор включу?

– На хер мне твой телевизор?! Вали за льдом, Альфредик… Левушку помянем… Помянем мы с тобой Леонхарда Тауба – друга нашего незабвенного, талантливого… Не нужно льда, Альфредик… Не улетай никуда… Не оставляй меня. Побудь рядом… Никого у меня не осталось, кроме тебя, Альфред. Налей мне самую чуточку… Ах, если бы ты мог со мной выпить!..

Мика выпустил из рук бутылку и горько расплакался. Альфред осторожно налил ему в стакан немного джина. Тихо спросил:

– Тоник нужен?

– Немножко… – всхлипывая, с трудом проговорил Мика. – Совсем старик расклеился! Прости меня…

– Не говори глупостей! – Альфред разбавил джин тоником, протянул Мике стакан: – Держи…

Мика поднял стакан вверх, посмотрел сквозь низкий белый потолок куда-то в таинственное фиолетовое пространство, в черную звездную бесконечность и сказал:

– Левушка… Дружочек ты наш!.. Подожди меня ТАМ… Сколько мне еще осталось?.. Глядишь, и свидимся… Только я ради тебя, Левушка, ради таких, как ты, еще ЗДЕСЬ кое-что должен сделать… Вот только что?.. Что, Лева?! Молодые – те сами выгребутся… Вон они какие умненькие стали, ловкие, по-английски говорят… А наше русское старичье подрастерялось… Прав был Степка! Актеры в кочегарках работают… Литературоведы и поэты на рынках ларьки охраняют!.. Телевидение немецкое, суки, в Москве и Ленинграде сюжетики снимает для своих вонючих программ – как наши кандидаты наук в помойках роются!!! Как бляди с голодухи толпами в Москву прут – на улицу Горького, на Тверскую, мать ее!.. У мужиков в России средний возраст – пятьдесят – пятьдесят пять!.. И в ящик! Без права на жизнь, Левушка…

Мика залпом выпил джин. Поставил стакан на стол, усадил Альфреда себе на колени, склонил свою седую голову на его маленькое плечо. И пьяненько спел всего лишь одну строчку:

Мы с тобой два берега у одной реки…

И вдруг повторил совершенно трезвым и пугающе жестким голосом:

– Мы, Альфред, с тобой два берега у одной реки под названием Стикс!

⁂

Ночью Альфреду и Мике приснился один и тот же сон.

…Будто бредут они босиком по солнечному океанскому берегу СВОЕГО острова, и теплая низенькая накатывающаяся волна с пенными завитушками ласково стелется им под ноги…

Слабенький ветер лениво шевелит верхушки очень высоких пальм, устремленных в синее солнечное небо…

…А за пляжем, в глубине зарослей, пестрящих поразительными, невиданными цветами, – белые низкие домики с распахнутыми дверями… И Мика, и Альфред знают: в домиках этих пока никто не живет, двери их симпатично и гостеприимно открыты для новоселов…

…На одной, самой высокой, пальме – белый флаг с красным крестом. А под этим флагом – сверкающая клиника для пожилых людей. Мало ли, вдруг кто-нибудь прихворнет!..

…Высоко-высоко в сине-солнечном небе летит очень белый большой беззвучный самолет… Ни Мика, ни Альфред никак не могут

понять – что за конструкция такая?! Где гул двигателей, где привычный звук в небе?.. И все равно Альфред, очень взрослый, интеллигентный русский Домовой, радуется как ребенок!..

…Но теперь уже Мика и Альфред стоят не на берегу океана, а в глубине острова, у СОБСТВЕННОЙ сверкающей взлетно-посадочной полосы СВОЕГО аэродрома…

Стоят и вглядываются в дрожащий от жары воздух, откуда должен появиться этот невиданный бесшумный самолет…

…Вот! Вот он вышел на прямую и заходит на полосу!..

В лучах островного солнца самолет сверкает в небе до боли в глазах… Мика и Альфред с трудом вглядываются в приближающийся фронтальный силуэт самолета и видят, что у него НЕТ ДВИГАТЕЛЕЙ!..

– Мика! Ты же говорил, что в самолете должны быть моторы?!

Мика растерян:

– Я и сам ничего не понимаю, Альфред… Может быть, это какой-то новый тип планера?.. Я так давно сам не летал…

…Странный и ужасно большой белый самолет мягко садится на Микину и Альфредову взлетно-посадочную полосу, прокатывается по инерции совсем-совсем немного и разворачивается правым бортом прямо напротив Мики и Альфреда…

Мика в растерянности оглядывается по сторонам в поисках аэродромной обслуги, самоходных трапов, привычной портовой суетни…

…Но поле пустынно. Ни людей, ни трапов. Тишина…

И вдруг Мика и Альфред видят, как высокие стойки самолетного шасси медленно начинают уползать внутрь самолета, и гигантский безмоторный лайнер тихо ложится на бетонные плиты рулежной дорожки. Из-под консолей огромных плоскостей выдвигаются странные упоры, и лайнер замирает. Теперь нижний край самолетных дверей почти сравнялся с землей – словно ступенька перед крылечком…

Мика и Альфред так и ахнули от восторга!..

Но вот главная пассажирская дверь самолета распахнулась, и первым из этого сказочного лайнера выходит…

…Леонхард, Лева, Левушка Тауб!!! В шортах, легкомысленной маечке, в сандалиях на босу ногу…

Лева машет Мике и Альфреду левой рукой, а правой помогает сойти на землю очень красивой женщине…

…Широкими полями шляпы она прикрывает глаза от солнца, но Мике кажется знакомым этот изящный жест, эта давно забытая женская пластика…

И когда женщина неожиданно снимает шляпу, Мика УЗНАЕТ в ней СВОЮ Маму!..

А за ней выходит Папа – Сергей Аркадьевич Поляков. В прожженной шинели, с военным планшетом сороковых, но в руках у него совершенно современная профессиональная камера «Сони-бэтакам».

…И Папа отходит в сторонку и тут же начинает снимать! Он снимает выходящую из самолета Милю, УМЕРШУЮ от пьянства в деревне Чишмы под Уфой в ссылке… Снимает Папа ПОКОЙНОГО начальника уголовного розыска Алма-Аты однорукого Петра Алексеевича, ЗАСТРЕЛЕННОГО Лаврика… Снимает всех тех ПОГИБШИХ пацанов, с которыми Мика в конце сорок третьего должен был вылетать на задание в Карпаты на Мукачевский перевал… В полной экипировке того времени пятнадцати- и шестнадцатилетние, до зубов вооруженные мальчишки, перекинув через плечо свои парашюты, выходили из этого самолета, стараясь не привлекать к себе внимания… Правильно. Как учили…

…А из других дверей, счастливо улыбаясь и щурясь от яркого тропического солнца, выходили старые художники, на чьих похоронах Мика когда-то присутствовал.

…За ними шли МЕРТВЫЕ писатели – их книжки иллюстрировал Мика…

…МЕРТВЫЕ актеры, с которыми играл на бильярде в Доме кино, а потом, совсем недавно, читал посвященные им некрологи…

…Вышли двое МЕРТВЫХ приятелей-кинооператоров. Один скончался в полной нищете уже год назад, второй – совсем недавно…

…Радуясь солнцу, вышел МЕРТВЫЙ сосед по ленинградскому дому – крупнейший физик-теоретик из знаменитого Института Иоффе… Не пригодился он новому времени рыночных ларьков и повальных распродаж и то ли покончил с собой, то ли сам умер…

– Мамочка!!! Миля-а-а!.. Папа! Папуля!.. Лаврик!.. Ребята!.. Левушка-а-а!!! – кричит Мика во весь голос…

…Но все чем-то очень заняты, никто на Мику не обращает внимания…

Только один Альфред намертво вцепился в его руку – ни на секунду не отпускает, дергает Мику, шепчет:

– Ну, успокойся, Микочка… Открой глаза, Мика… Хочешь водички попить?

Мика открыл глаза, лицо горит, мокрое – не то от пота, не то от слез. В глотке все пересохло.

Альфред сидит рядом, стакан с водой протягивает:

– Попей водички, попей…

Мика отхлебнул пару глотков, отдышался, спросил Альфреда:

– Ты видел?

– Да.

– Ты до какого места досмотрел? – спросил Мика.

– До того, пока ты не начал кричать…

Мика сделал еще глоток из стакана, попросил Альфреда:

– Не уходи в ту комнату… Пожалуйста. Ложись здесь, в кресле. Хорошо?

– Конечно… Не бойся. Я не уйду.

⁂

Утром в кухне Альфред соорудил немудрящий «разгрузочный» завтрак – овсянка, сыр и зеленый китайский чай с жасмином, но без сахара.

Мика покрутил носом, но промолчал. Только посмотрел за окно, где по балкону барабанил холодный осенний дождь.

– Покойники всегда снятся к перемене погоды, – заметил Альфред. – Ты принял эту желудочную таблетку?.. Как ее?.. «Антру»?

– Да.

– Пока ты спал, а я варил овсянку, звонила Хайди. Хотела заскочить к нам после работы.

– С тех пор как мы получили постоянную визу и переехали сюда, в Нойеперлах, это желание посещает ее все реже и реже. Ты заметил?

– Ни виза, ни переезд тут ни при чем. Все гораздо проще, – усмехнулся Альфред. – Ослаб интерес к «экзотике». Ты помнишь, чего мы только поначалу не делали из авокадо? И с луком, и с креветками, и с майонезом, и с яйцами… То так, то сяк. А теперь мы о нем даже не вспоминаем. Приелось… Но главное, – прости меня, Микочка, – к тебе

ослаб общественный интерес. И ты стал намного меньше зарабатывать. А Хайди – дама очень на это дело чуткая. Как, впрочем, и ее Пусси…

– Что за «Пусси»?.. – спросил Мика.

– Хайдина кукла. Она же только для посторонних – «кукла». На самом-то деле она настоящая Хаусгайстерин! Ну, если по-русски, так Домовая, что ли?.. Или Домовица?

– Черт ее знает… Наверное, Домовица…

– Короче, как я, – сказал Альфред. – Рожденная ВООБРАЖЕНИЕМ.

– Так ты все-таки огулял ее? – поинтересовался Мика.

– А как же?! Естественно! Только я бы сменил акценты: все произошло точно так же, как у тебя с Хайди… Основная инициатива исходила, если ты припоминаешь, не от тебя… Это она заставила тебя хотеть ее! А я мечтал попробовать ТО, что ты обычно делал с барышнями!.. Поэтому я и просил тебя тогда взять меня с собой к Хайди, когда почувствовал, что в ее доме есть Существо, похожее на меня. Только женского рода… Модель моих отношений с Пусси была совершенно идентичной вашим отношениям с Хайди…

– Неудивительно. Ты – часть меня, твоя Пусси – часть Хайди.

– Одно время я думал, что Пусси – худшая часть Хайди…

– …А потом понял, что они стоят друг друга? – улыбнулся Мика.

– Да… Мне очень не хотелось тебя огорчать.

– Могу похвастать, Альфредик, я понял это значительно раньше тебя. И помалкивал из тех же соображений – не хотелось травмировать тебя в твоем Первом Мужском Опыте. Мало ли… А вдруг ты ограничился бы только лишь платонической влюбленностью?..

– Держи карман шире, – нагло сказал Альфред. – Даже если я и был бы так наивен, то должен тебе доложить, что Пусси в первую же минуту нашего знакомства воткнула в видик порнуху и стащила с меня джинсы…

– Можешь не продолжать. Это я все уже проходил с Хайди. Кстати, что ты ответил на ее звонок?

– Сказал твоим голосом, что мы улетаем в Ленинград. Мика, это верно, что Ленинград теперь стал Санкт-Петербургом?

– Да. Но Хайди может позвонить в любой другой день, и окажется, что я сижу в Мюнхене…

– Можешь не волноваться – мы действительно завтра вылетаем. Я уже даже заказал билеты в «Аэрофлоте». Тоже твоим голосом.

– Ты с ума сошел?! Может быть, следовало посоветоваться со мной?

– Партия сказала – надо, комсомол ответил – есть!.. – спел Альфред. И примирительно добавил: – Шутка. Тебе нужно поговорить со Степаном. Мне тут в голову пришла одна идейка…

– Со Степаном я могу поговорить и по телефону!

– Не можешь, – возразил Альфред. – Я прочитал в «Зюддойчецайтунг», что бундестаг разрешил БНД, Бундес Нахрихтен Динст – ихнему КГБ, прослушивать все телефонные разговоры иностранцев, проживающих в Германии, и снимать копии их факсов!..

– Не мели глупостей! Немцы до отвращения экономны и расчетливы, они не посадят армию идиотов с наушниками, чтобы круглые сутки слушать бездарную трепотню полунищих еврейских эмигрантов о том, как они прекрасно жили у себя в Жмеринке и как у них там было «все схвачено»!

– И ты прав, Мика! Именно поэтому немцы в «подслушке» используют компьютерную программу, куда введены всего несколько десятков наиболее употребляемых слов из обезьяньего словаря наших бандитов и достаточно скудного лексического списка русских «деловых». Как только одно такое слово произносится по телефону или мелькнет на факсе, бээндешный компьютер срабатывает и автоматом включает запись. А уже потом разбирается… И не нужно сидеть в наушниках двадцать четыре часа в сутки.

– Что ты задумал, Альфред? – строго спросил Мика.

Но Альфред даже внимания не обратил на жесткость Микиного тона. Сам спросил Мику, вкрадчиво и тихо, почти полушепотом:

– Сколько лет тебе снится этот теплый тропический остров в Тихом океане?

Мика посмотрел в окно, за которым уже стояла холодная, мокрая осень.

– С детства. Это моя старая детская несбыточная мечта, Альфред…

– Послушай меня внимательно, Мика. Несбыточность мечты – безумно вредная штука! Особенно в пожилом возрасте. Давай, Микочка, продлим себе жизнь – КУПИМ ТАКОЙ ОСТРОВ.

У Мики чуть Глаза не полезли на лоб!

– Ты спятил?! Это же миллионы долларов!..

Но Альфред уже не слышал Мику – он просто продолжал свою мысль:

– Сегодня ночью, когда ты снова заснул после НАШЕГО СНОВИДЕНИЯ, я подумал: почему только сон?! Почему только во сне может прилетать неведомый самолет и из него на остров должны выходить уже МЕРТВЫЕ люди? Почему?! Почему нам с тобой не купить такой остров, чтобы туда прилетали настоящие самолеты с моторами и привозили бы туда ЕЩЕ ОСТАВШИХСЯ В ЖИВЫХ талантливых, мудрых и интеллигентных стариков – гордость нации?.. Мы бы построили для них те белые домики, и в них они жили бы так, как это хочется им, а не государству, в котором они вынуждены умирать… Давай попробуем их спасти, Мика!..

– Ты что, сбрендил?! Ты слышишь, что ты говоришь?! Это же десятки миллионов долларов!!! А у нас с тобой осталось двенадцать тысяч марок, восемьсот долларов и копеечная пенсия в Ленинграде! Нужно мыслить реально. Ты просто не в своем уме, Альфред!

Альфред в упор посмотрел на Мику, сказал со сдержанной яростью:

– Я и в СВОЕМ, и в ТВОЕМ уме, Мика. Несмотря на некоторую мою инфернальность, я размышляю значительно более реально, чем ты! У меня даже есть потрясающе могущественный спонсор и исполнитель.

– О ч-ч-черт! Час от часу не легче. Кто этот психопат?! Кто этот «спонсор» и «исполнитель», отвечай немедленно!

– Ты, Мика.

⁂

На следующий день, на высоте девять тысяч метров над землей, приближаясь к бывшему Ленинграду со скоростью восемьсот пятьдесят километров в час, Мика и Альфред одиноко сидели в хвосте полупустого самолета Ту-154.

– …Я почти все рассчитал… – говорил Альфред. – Кроме некоторых деталей, но они должны проясниться в дальнейшем процессе. Пока нам нужен счет в любом серьезном банке. Желательно – подальше от Европы. И естественно, никаких имен и фамилий. Я не

знаю, как это делается, но мне известно, что такая практика существует.

– Откуда это тебе известно? – раздраженно спросил Мика.

Он был дико зол на Альфреда и в основном на самого себя.

В какой момент он отпустил вожжи и позволил этому паршивцу Альфреду уговорить себя черт знает на что!

– Откуда тебе известны всякие банковские дела, мать твою за ногу?! Чтоб не сказать хуже…

– От Пусси, – спокойно ответил Альфред. – Она традиционно-национальным образом заложила свою Создательницу, твою подругу Хайди, рассказав мне, что та хранит больше ста тысяч долларов в Швейцарии именно на таком счете. Ни имени, ни фамилии. Только какой-то секретный код, и все. Так она спасает от налогов деньги, которые отсудила у своего мужа после развода.

– Много твоя Пусси знает!.. – с презрительным недоверием пробормотал Мика.

– Про деньги – все! – сказал Альфред, не обращая внимания на Микин тон. – Она ни про что другое не знает ни хрена, а про деньги… У Пусси два божества, которым она истово поклоняется: Долли Бастер, эта порнозвезда с тощими цыплячьими ляжками и гигантской силиконовой грудью, без которой не обходится ни одна телепрограмма Германии, и ДЕНЬГИ! Говорить Пусси может только об ЭТОМ САМОМ и о ДЕНЬГАХ!

– Как и Хайди… – пробормотал Мика.

Подкатила стюардесса с валютным «баром» на колесиках.

– Ничего не хотите у нас приобрести? – спросила она у Мики.

– Не пей, Микочка… – умоляюще прошептал Альфред, невидимо зависнув между иллюминатором и Микиной головой.

– А что у вас есть? – не обращая внимания на Альфредовы мольбы, спросил Мика.

– Все! – гордо сказала стюардесса, с интересом разглядывая пожилого красивого мужика в дорогой замшевой куртке. – Шотландское виски, английский джин, голландские ликеры, французские коньяки…

Мика привстал из кресла, сам проглядел все бутылки.

– «Курвуазье», пожалуйста…

– Сорок два доллара, – предупреждающе заметила стюардесса.

– …и вот эту пластмассовую фляжечку «Гордон-джина». Сколько в ней?

– Ровно пятьсот граммов.

– В самый раз. Тоник и лед, пожалуйста. Да… у вас нет ли «Карлсберга»?

– Только баночный.

– Превосходно, баночку «Карлсберга» и чистый стаканчик.

– Вы будете пить джин с пивом? – спросила стюардесса, чтобы подольше задержаться у этого кресла.

Уж очень ей понравился этот пожилой мужик!

– Нет, это я для приятеля, – улыбнулся ей Мика.

Стюардесса никого не увидела рядом, посчитала Микин ответ шуткой и рассмеялась. Она пощелкала на маленьком изящном калькуляторе и достаточно призывно заглянула Мике в глаза:

– Сорок девять долларов.

Мика расплатился. Стюардесса с сожалением покатила свой «бар» обратно во второй салон.

– Ты же обещал мне не пить! – разозлился Альфред. – Ты ставишь под угрозу начало крупного, я бы сказал, святого дела!.. При твоем гастрите и предрасположенности к язве…

– Заткнись, умоляю! – рявкнул на него Мика. – А то я открою аварийную дверь и выйду. Мы пролетаем сейчас над Варшавой, а у меня там куча друзей! Я не могу на трезвую голову воспринимать твои бредовые проекты…

– Но зачем столько?! – Альфред показал на бутылки.

– Коньяк – Степке, джин – мне, а «Карлсберг»… Отгадай – кому?

Несколько месяцев тому назад Альфред впервые в своей полуреальной жизни попробовал пару глотков пива «Карлсберг», и оно ему безумно понравилось!

…Спустя полчаса невидимый Альфред сидел у Мики на коленях и прихлебывал свой любимый «Карлсберг», а Мика тянул сильно разбавленный тоником и льдом «Гордон-джин».

Того, что кто-то из пассажиров, направлявшихся в хвостовой туалет, увидит Альфреда, Мика не боялся. Этого не дано никому! А вот плавающий в воздухе прозрачный пластмассовый стаканчик с пивом приходилось все время прикрывать газетой «Час пик».

– То, что ты предлагаешь, – это чудовищно… – тихо сказал Мика.

⁂

…Бывший генерал бывшего КГБ, старый друг-приятель студенческих времен, ныне глава крупнейшей в Петербурге банковской охранной структуры – Степа встретил Мику и невидимого Альфреда в аэропорту с большим роскошным «мерседесом» и двумя молчаливыми молодыми вооруженными помощниками.

Расцеловались, оглядели друг друга. Степка был в дорогом костюме, в крахмальной рубашке с модным галстуком. Да и физиономия не такая отечная, как в их последнюю встречу.

– Прекрасно выглядишь, Степан, – с удовольствием сказал ему Мика.

– Ну, ты-то вообще!.. Я б тебе больше полтинника и не дал бы! Тебе, Мишка, Германия так к лицу… Бабы, наверное, все в отпаде?

Потом, уже дома, раскрыв настежь все форточки, чтобы избавиться от застойной нежилой затхлости, они традиционно сидели на кухне за бутылкой, и Мика с трудом пытался объяснить Степану причины своего внезапного появления в Ленинграде.

С трудом, потому что уже давно разучился говорить неправду. Особенно, как это приходится делать сейчас, ради достижения заранее намеченной цели, о которой в этом разговоре нельзя упоминать.

– Понимаешь, Степаша… – выдавливал из себя Мика, проклиная Альфреда, спрятавшегося в кабинете. – Я получаю грант в их Союзе художников, они оплачивают мою квартирку, страховку медицинскую… (Пока, слава богу, шла правда…) Налоги я не плачу – там сейчас для меня работы нет…

– Ну так все равно неплохо?! – сказал Степан. – За тебя!

– Будь!.. – Мика приподнял свою рюмку, но пить не стал. – А вот где-нибудь издадут мой альбомчик карикатур или закажут иллюстрации (начиналось самое главное вранье!..), куда им деньги переводить? В Германии очень отлаженная финансово-банковская система – запросто узнают, что я еще где-то прирабатываю!.. Могут и гранта лишить… (Опять правда чистой воды…) А это худо-бедно – восемьсот марок ежемесячно. Только-только на еду и на самое необходимое. Или «квартирных» лишат. Двухкомнатная живопырка, вполовину этой, а тысячу двести в месяц – не греши, отдай!

– Ты мне в долларах говори, я в марках ваших не очень-то…

– Ну, долларов семьсот примерно.

– Ничего себе! Будь здоров, Мишаня… – Степа выпил.

– Спасибо, – сказал Мика. – Вот я и подумал: может, где-нибудь еще открыть счет? Без фамилии и имени. От Европы подальше.

«Какой же мощный стервец этот Альфред! – мелькнуло у Мики в голове. – Надо же как надрессировал меня, сукин сын!..»

– Ну и правильно! – сказал Степан. – На хрен ты мне все это объясняешь?! Сейчас уже поздно, а завтра с утра я поговорю с хозяином и сделаем все в лучшем виде: в любом банке мира откроем тебе счет-инкогнито на предъявителя спецкода, и ни одна собака не узнает, чьи это деньги, сколько их и от кого они появились. И ты сможешь ими оперировать так, что комар носа не подточит. Если у тебя нет конкретных пожеланий, рекомендую «Чейз-Манхэттен-банк». Это нам вообще раз плюнуть! Мы с ними очень сильно повязаны…

Мика почувствовал, как по кабинету в восторге заметался Альфред. «Фантастический слух у авантюриста!!!» – подумал Мика и вежливо спросил у Степана:

– Как дома?

– Да малость подналадилось… А вот на работе – чепе… Позавчера нашего зама по экономике грохнули. Ты его, наверное, помнишь – бывший секретарь обкома партии по пропаганде Михайличенко…

– Нет. Не помню.

– Две пули в грудь и один контрольный выстрел в голову. Среди бела дня. Как говорится, на глазах у изумленной публики… И знаем, кто «заказал», и знаем, что за этот «заказ» семьсот пятьдесят штук «зеленых» уплачено, а выйти на «исполнителя» не можем! Принимать аналогичные меры? Ответные?.. Тогда на кой хрен нужна охранная структура?! Тогда нужно набирать «исполнителей» и объявлять войну конкурентам. Вроде бы несолидно. И Михайличенко жаль чисто по-человечески. Такой мужик был грандиозный – полмира мог вокруг пальца обвести! Жучила, каких свет не видел.

– Неужели за это… За то, чтобы пришить вашего зама, заплатили семьсот пятьдесят тысяч долларов?! – растерянно спросил Мика. – С ума сойти!..

– Это гроши, Мишаня… Наш хозяин стоит раза в два дороже. А если пойти по ВЕРХНЕМУ КРУГУ, там вообще астрономия!..

– Значит, правду, говорил мне один мой дружок, – задумчиво произнес Мика. – Действительно, неплохие бабки…

– Не то слово. Как подумаешь, так и начнешь репу скрести, что лучше: ловить этого убийцу за семь тысяч долларов в месяц и ждать, когда тебя самого грохнут, или самому «заказ» принять за три четверти миллиона?.. А, Мишаня?!

– Не хлещись, Степаша. Ты и стрелять-то не умеешь. Ты же еще со времен райкома комсомола все идеологию оберегал от нас, грешных… Так что сиди на своих семи тысячах долларов и не чирикай!

– И ты прав, Михей Сергеич! Размечталась старая ворона… Наливай, Мишутка, по последней. На ход ноги… А завтра все сделаем в лучшем виде! У тебя когда обратный рейс?

– Послезавтра в восемь утра нужно быть уже в аэропорту.

– Отправлю, как президента Международного валютного фонда! Господи… Хоть бы пожить подольше… Протянуть бы еще лет десять. Уехать бы к едрене-фене на какой-нибудь теплый островок в Тихом океане, и…

Вот тут-то в Мике все воспротивилось и взбунтовалось! Он даже почувствовал, как в кабинете в испуге замер Альфред. Ах, как не захотелось Мике впускать Степана в свою вечную детскую мечту…

– Нет, Степан, – решительно сказал Мика. – Ты хоть и друг мой с таких давних лет, что и вспоминать страшно, но на том острове делать тебе абсолютно не хрена! Сиди уж здесь. Так привычнее…

⁂

Обратно в Мюнхен летели в самом первом ряду первого салона. Перед носом не спинки предыдущего ряда, а пластмассовая стеночка с откидывающимся столиком. И ноги есть куда вытянуть…

А за стенкой – шебуршение стюардесс, и если чуть наклониться к проходу, то через иногда открывающуюся дверь кабины пилотов можно увидеть и саму кабину. И даже немножко помечтать и подумать: «А смог бы я сейчас, на старости лет, поднять в воздух вот такую бандуру?..»

Весь этот первый, или, как его теперь называют, бизнес-класс, и повышенное внимание аэропланного персонала устроил бывший генерал бывшего КГБ, директор департамента безопасности могучей Санкт-Петербургской банковской системы – старый друг Степаша.

У него сейчас больше двух тысяч подчиненных ему профессионалов из бывшего его Комитета и Министерства внутренних дел.

Ну а то, что вчера Михаил Сергеевич увидел в Степином офисе, вообще никакому описанию не поддается! Техника – американская, японская, немецкая, такая, что в одно прекрасное мгновение Михаил Сергеевич почувствовал себя в Доме кино на просмотре какого-то ну совершенно фантастического фильма-блокбастера, поражающего нормальное человеческое воображение значительно сильнее, чем «Звездные войны» или «Близкие контакты третьего рода»…

Гордо водил Степан Мику по своему «хозяйству», предъявлял все сказочные возможности этой техники – слежение, прослушку, снятие чужих факсовых сообщений, перлюстрации почтовых отправлений, способы вторжения в чужие компьютерные секреты, системы защиты, обороны и нападения…

Узрел Мика и ту техническую новинку, которую германский бундестаг наконец разрешил своему КГБ – Бундес Нахрихтен Динсту применять при записи телефонных разговоров иностранцев. Это про нее Альфред прочитал в «Зюддойче цайтунг» перед отлетом из Мюнхена, а Степа, оказывается, владел ею задолго до решения немецкого парламента…

Туда же, в Степин офис, но уже в его личный кабинет, из Америки пришел и суперсекретный код банковского счета-инкогнито для Мики. Произошло это уже часов в десять вечера, что соответствовало двум часам дня по нью-йоркскому времени.

Степан повел себя деликатно: когда на дисплее – не компьютера, а какого-то необычного низенького прибора, стоящего на его рабочем столе, – вдруг появилась короткая английская фраза, старый друг Степа нажал на кнопку с надписью «транслейтер», и английский текст на экране мгновенно сменился русским переводом этой фразы: «Поступил запрашиваемый вами код и номер вновь открытого счета. Обеспечьте секретность снятия информации. В „память” не вводить!»

– Это для тебя, – коротко сказал Степан. – Я сейчас выйду на пару минут, а ты нажми вот эту голубую кнопочку. Тогда они дадут на экран код и номер твоего счета. Постарайся не записывать. А когда запомнишь, нажми вот эту черную кнопку – она все сотрет из памяти

этой хреновины, и, кроме тебя и того банка, порядок этих цифр уже никто никогда знать не будет. Я пошел…

– Да ладно тебе, Степка, – сконфуженно забормотал Мика. – Ты мне все это устроил, а я с тобой еще темнить буду…

– Мишаня, у меня своих секретов полное лукошко! На хер мне еще и твои вешать себе на шею? – И Степан вышел из кабинета, плотно притворив за собой дверь.

⁂

…Самолет был переполнен, и поговорить с Альфредом не удавалось – теперь Альфред отсыпался прямо над Микиной головой в багажном отделении для сумок и небольших пакетов. И даже слегка похрапывал там…

Весь вчерашний ленинградский день Альфреда не было дома. К Степану в офис он с Микой не поехал, а до ночи мотался где-то по своим, как он потом сказал, «потусторонним» делам. Домой вернулся позже Мики – в начале второго ночи.

– Где это ты шлялся?.. – сонно спросил его усталый и вымотанный за день Мика. – Явился бы пораньше – помог бы хоть шмотки запаковать… Иди дрыхнуть. Завтра Степан в семь тридцать уже в дверь позвонит.

Но Альфред был чем-то невероятно возбужден, сна ни в одном глазу, и было видно, что его распирает желание что-то рассказать Мике, сообщить что-то безумно важное!

На нервной почве Альфред то и дело подпрыгивал, облетал сонного Мику, зависал над ним, слегка нелепо жестикулировал, стремительно перемещался по воздуху из одного конца бывшей Микиной мастерской, где тот устроил себе на эту ночь старое привычное лежбище, в другой конец и, вероятно, от перевозбуждения в своей нервной стремительности ногой задел висящую под потолком лампу с желтым польским волосатым абажуром из крашеной пеньки, откуда прямо на Мику снизошло гигантское облако пыли!..

Мика расчихался, расфыркался и шуганул Альфреда таким армейским матюгом, что несчастный Альфред, нафаршированный какой-то ведомой только ему информацией, пулей вылетел из мастерской в захламленный кабинет, где и успокоился на «своем» диване, точно под тем местом, где когда-то, до переезда в Мюнхен, висел его портрет, подаривший ему жизнь…

…Сейчас, под мерный убаюкивающий гул самолетных двигателей, Альфред похрапывал над Микиным креслом в обнимку с их дорожной сумкой. Отсыпался за почти бессонную последнюю ночь в Ленинграде. Чуть ли не до утреннего появления Степана он все что-то записывал в кабинете, рассчитывал, зачеркивал, в каких-то пунктах своих записей ставил убедительные восклицательные знаки, в каких-то – неуверенные вопросительные…

Мика тоже подремывал в своем бизнес-кресле. И сквозь усталую дремоту вяло подумывал о том, что поступил неверно, ничего не сообщив сыну Сереге о своем трехсуточном пребывании в Ленинграде…

Вспомнил, как трижды через знакомых немцев оформлял Сереге гостевой вызов в Германию, ибо сам герр Поляков, как гражданин СССР, а потом и России, никого вызывать к себе не имел права. Обещал Сереге оплатить билет и проживание в Мюнхене, обещал свозить его в Париж или Вену… А когда Серега женился вторично, переправил ему около тысячи долларов – часть на билет, часть на свадебный подарок.

Но Серега так ни разу и не прилетел к отцу в Мюнхен. Мику это привело в недоброе уныние и на какое-то время к острому нежеланию видеть Серегу.

А потом по цепочке пришло воспоминание о том времени, когда он, его любимая Женщина и маленький Серега жили на Обводном канале, в одиннадцатиметровой комнатке коммунальной квартиры…

Эту комнатенку Мика получил в результате развода и размена своей квартирки на Ракова. Тогда Микина бывшая жена и Серега поселились в прекрасной двадцатичетырехметровой комнате на Васильевском, а Мике достался тошнотворный «пенал» в одиннадцать квадратных метров на Обводном…

После гибели бывшей жены Мика сразу же забрал маленького Сережку к себе на Обводный. Из Подмосковья примчалась мать бывшей жены – истово партийная и сурово пьющая старуха. Потребовала отдать ей Серегу. Чем только она не угрожала Мике! Как только не проклинала…

Мика выстоял – Серега остался с ним. Старуха прописалась на Васильевском, встала там на партийный учет и запила с новыми

собутыльницами и старым, заскорузлым антисемитом – бывший муж-то покойной дочери наполовину же «яврей»!..

Когда же на Обводном канале возникла Микина любимая Женщина – все как-то само собой пришло в норму.

…И чего это Мика вдруг сейчас вспомнил об Обводном канале?.. А-а!.. Вот почему: там, на Обводном, с Микой произошел замечательный случай!

Денег тогда в доме не было ни гроша. Жили на те шестьдесят два рубля, которые Любимая приносила из театра, где работала костюмером. Мика ночами халтурил на Московской товарной – разгружал вагоны по червонцу за ночь, а днем отсыпался и рисовал…

Это был год феерического безденежья и неудач: выставки срывались, предложения поступали редко, договора заключали крайне неохотно, а все из-за одной вонючей статейки в «Смене» – дескать, «… карикатуристы и так называемые „художники” типа печально известного М. Полякова под видом сатиры и юмора позволяют себе неприкрытое очернительство советского строя…».

Даже в районное КГБ вызывали. Хорошо, что Степа тогда еле-еле, но отмазал.

Поутру Любимая отвела Серегу в школу – он тогда учился во втором классе, – а сама уехала в театр. Мика остался дома один. У него был копеечный договор с «Детгизом» на картинки к какой-то книжке, и он сильно затянул со сдачей рисунков…

Квартира была пуста – старики, жившие в одной из комнат, уехали в деревню, вторая соседка-стерва была на работе, и Мика спокойно рисовал в своем «пенале», заставленном тахтой, книгами, шкафом, Микиным и Серегиным секретером и красивым низеньким столиком любимой Женщины. Серегина раскладушка удобно размещалась за портьерой окна, упиравшегося прямо в стену соседнего дома.

Неожиданно у входной двери раздался звонок. Мика сунул ноги в раздолбанные старые спортивные туфли и пошел открывать дверь.

Итак, на дворе стоит советская власть образца 1964 года! Это необходимо запомнить…

Мика, в старых, вытянутых и далеко не свежих тренировочных штанах, в майке, заляпанной акварелью, гуашью и мелками, в древних, дырявых гимнастических «чешках», – небритый Мика открывает дверь и видит перед собой стоящего на лестничной площадке

худенького, небольшого роста, чрезвычайно аккуратненького и чистенькою, отутюженного старичка, который в одной руке держит старомодную жесткую шляпу, а в другой – дорогую самшитовую трость с ручкой из слоновой кости.

Ровнехонький пробор слева разделяет бело-голубоватые волосы на голове без единой залысинки.

Старичок чуточку церемонно кланяется коротким движением подбородка вниз и говорит мягким голосом:

– Прошу прощения, если я не ошибся адресом, не мог бы я увидеть сына Сергея Аркадьевича Полякова?

– Да, – растерянно отвечает Мика. – Это я.

– Михаил Сергеевич?

Тут вдруг Мика обнаруживает в себе невероятное и непреодолимое желание встать по стойке «смирно»!

– Так точно! – машинально говорит Мика, несмотря на то что демобилизовался двенадцать лет тому назад.

Старичок слегка наклоняет голову и представляется:

– Здравствуйте, голубчик. Я – князь Лерхе.

Когда на сорок седьмом году советской власти, на Обводном канале, на загаженной лестничной площадке, пропитанной запахами человеческой мочи и гниения отравленных крысиных трупов после «санобработки» старого облупившегося дома, вам представляется командир 12-го истребительного отряда двора его императорского величества, знаменитый военный летчик Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер – князь Владислав Николаевич Лерхе, не остается ничего, как только попытаться «щелкнуть» несуществующими каблуками, даже если у тебя на ногах всего лишь дырявые, мягкие «чешки», так же коротко и достойно поклониться и, вытянувшись в струнку, держа руки по отсутствующим швам, произнести несколько театрально и приподнято:

– Весьма польщен. Проходите, князь!

…Это потом, когда Мика снова вошел в моду и стал много и часто зарабатывать, они с любимой Женщиной и Серегой купили себе большую квартиру у Политехнического института. А пока…

Пока Мика переоделся в брюки и нормальные туфли, сменил грязную майку на чистую рубашку и смотался вниз, в продовольственный магазин на первом этаже своего дома.

В долг, «на запись», кассирша Роза выбила Мике чек на четвертинку водки, сто пятьдесят граммов докторской колбасы, двести граммов дорогобужского сыра, серый батон за тринадцать копеек и пачку кофе с цикорием.

Мика обещал Розе расплатиться через пару дней и поднялся наверх, к себе в «пенал».

Помянули отца.

Долго разглядывали фотографии шестнадцатого года…

Пили кофе. Оказывается, князь Лерхе тоже хранил статью Константина Симонова о Сергее Аркадьевиче Полякове. Вырезал из газеты еще в сорок третьем году, когда сидел в лагерях на Колыме, да так и берег всю свою оставшуюся жизнь – хорошие поминальные слова о прекрасном человеке, о «добром и лихом товарище», как сказал князь Владислав Николаевич Лерхе в 1964 году.

Спустя год князь Лерхе скончался.

⁂

…Ах, черт побери, сколько же людей уже ушло из Микиной жизни!

Кто умер, кого убили…

А кто остался жить, но сам собой растворился в черной тени Микиного забвения.

Вот встреться Мика с ними сейчас – и не испытал бы никакой радости. Так, наверное, первые полчаса: «А помнишь? А помнишь?..»

И все. Лопается мыльный пузырь никчемушних воспоминаний, оставляя маленькие слякотные капельки, которые потом высыхают, становятся почти незаметными серыми пятнышками – до первой элементарной стирки…

Но ведь есть и те, кто живет с тобой вместе на одной и той же Земле и кого уже так много лет нету рядом. И не обрывки тягостно-насильственных, каких-то осколочно-щепочных воспоминаний связаны с этими никогда не забываемыми людьми, а благодарственная и нежная память о каждой минуте, проведенной вместе, вероятно, будет преследовать Мику до конца его жизни.

Почему ОНИ сейчас не рядом, не вместе?..

Кто в этом виноват?

Скажешь: «Жизнь» – и сразу почувствуешь фальшь. Скажешь: «Обстоятельства» – попахивает предательством, трусостью,

нежеланием признать свою бездарность, свои ошибки.

Так кто же в этом виноват, а, Мика?!

Боже мой, какое счастье, что ты еще умудрился сочинить себе Альфреда!

Что может быть отвратительнее, чем одинокая и неопрятная старость?..

⁂

– С возвращеньицем вас, Михал Сергеич! – громко прокричал мюнхенский представитель «Аэрофлота» Женя Гордеев, увидев спускающегося по трапу Мику Полякова. – Завтра прием в генконсульстве, помните?

– Помню, Женечка, помню, – ответил Мика и незаметно подправил на своем плече неловко усевшегося там невидимого Альфреда.

Женя Гордеев уже проинформировал экипаж обо всех званиях и заслугах М. С. Полякова перед родным отечественным искусством и теперь старался показать ленинградским летунам, что он с Михал Сергеичем вот так, запросто…

– А мою просьбу не забыли? – игриво спросил Женя.

– Забыл, Женя, каюсь, – искренне и простодушно признался Мика, не имея понятия ни о какой просьбе Гордеева.

И тут же достаточно ощутимо ущипнул за задницу Альфреда. Тот тихохонько взвизгнул.

– Когда вы по телефону заказывали билет на Питер, я же так просил вас привезти мне глоток свежего российского воздуха! – захохотал Женя Гордеев, таким образом продемонстрировав экипажу и, может быть, «кому следует» (хрен его знает, кто там прилетел этим рейсом…) свою несгибаемую верность Родине. Хотя Мике было достоверно известно, что Женя чуть ли не половину «Аэрофлота» московского закупил, чтобы только остаться в Мюнхене на второй срок!

– А-а… – облегченно проговорил Мика. – Это я тебе привез. Только твой воздух у меня в багаже. Я его тебе завтра торжественно вручу на приеме в нашем консулате. Ладно?

– Нет проблем, Михал Сергеич! – снова захохотал Женя.

…Уже в такси Мика тихо сказал Альфреду:

– Я тебе уже раз десять втолковывал – разговариваешь с кем-нибудь МОИМ ГОЛОСОМ, изволь все запоминать! Чтобы не ставить меня в дурацкое положение!..

Альфред виновато промолчал.

Таксист-турок удивленно посмотрел в зеркальце заднего вида: старик пассажир, наверное, совсем спятил – бормочет что-то сам себе под нос на каком-то непонятном языке!..

⁂

К своему редкому для Мюнхена восемнадцатиэтажному дому на Герхард-Гауптман-ринг подъехали часам к двум дня. На счетчике было сто пять марок. Мика дал шоферу-турку сто десять и покатил чемодан ко входу в дом. Кроме этого, Мика нес на одном плече сумку, а на втором Альфреда.

Альфред мог бы, конечно, дойти до парадной двери и сам – любым способом: по земле ногами или по воздуху своими Потусторонними силами.

Однако соседка выгуливала своего песика, а даже самые равнодушные немецкие собаки, которые, к Микиному удивлению, даже друг на друга не обращают внимания, всегда ОЩУЩАЛИ присутствие невидимого Альфреда и буквально заходились в сумасшедшей клинической истерике! Поэтому Альфред в таких случаях считал за благо путешествовать у Мики на плече, а не передвигаться самостоятельно…

Как ни странно, но и Мику, и Альфреда переполняло состояние ПОДЛИННОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ ДОМОЙ!

То ли их большая ленинградская квартира выглядела столь нежилой – «разграбленной» самим хозяином, перетащившим половину своих любимых книг и альбомов в эту восемнадцатиэтажную мюнхенскую махину, а также картины и картинки, подаренные Мике приятелями-художниками…

То ли потому, что небольшая квартирка из двух комнат в Мюнхене встречала Мику и Альфреда уймой привычных им пустячков – родительскими и армейскими фотографиями на стенках, парой театральных эскизов, сделанных когда-то руками Микиной любимой Женщины, забавными глиняными и резными деревянными фигурками, смешными открытками с умопомрачительными американскими

толстухами, привезенными из поездки по Флориде и прижатыми к красному холодильнику разноцветными магнитными плашечками…

И воспоминанием о коротеньком пребывании в Ленинграде с воскресного вечера по раннее утро среды было только содержимое большого старого чемодана, набитого еще и еще книжками и какой-то совсем уж ненужной, но привычно-житейской мелочевкой собственного быта, включая и старый Микин армейский шлемофон, на вывозе которого настоял Альфред…

Ну и, естественно, строгий порядок цифровых знаков, составляющий номер секретного кода и счета-инкогнито, открытого для Мики и Альфреда в нью-йоркском отделении «Чейз-Манхэттен-банка», ради получения которого и была предпринята эта скоропалительная поездка в Ленинград.

Когда распаковались, Альфред на скорую руку приготовил «перекуску».

Мика налил в маленький стаканчик немного бутылочного «Карлсберга» для Альфреда, себе – большую рюмку коньяку и уселся в кухне за стол. Чокнулся с Альфредом и наконец спросил у него:

– Ну теперь, после того как ты выдрыхся в самолете, рассказывай, чего ты там вчера в Питере полночи гоношился? Мне спать не давал, сам мотался, как соленый заяц, – не мог успокоиться… И вообще, где ты вчера пропадал целый день?

Но Альфред не ответил. Сам спросил:

– Ты получил то, за чем мы летали?

– Да.

Альфред подвинул Мике карандаш и бумажку, приложил палец к губам, а потом этим же пальцем покрутил у себя над головой, как бы говоря: «Вполне вероятно, что нас могут слушать…»

Мика рассмеялся:

– Узнаю исконно-посконное интеллигентско-кухонное наследие родной советской власти! Ты ведешь себя сейчас точно так же, как мы вели себя в шестидесятых и семидесятых…

– Читай немецкие газеты!

– Я не воспринимаю газетный язык немцев.

– Это действительно нелегко. Тогда верь мне на слово. Воспользуйся тем, что я тебе дал. Мне это срочно необходимо.

Мика выпил коньяк, заел кусочком сыра и написал на бумажке секретный код и счет-инкогнито «Чейз-Манхэттен-банка».

Несколько секунд Альфред напряженно вглядывался в цифры, а потом сжег эту бумажку на длинной зажигалке для свечей.

– Прекрасно! – сказал Альфред. – Ешь, Мика, ешь. Мы начинаем новую жизнь! Вчера в Ленинграде я получил первый ЗАКАЗ на полмиллиона дэ!!!

В кухне повисла тяжелая, душная пауза…

Мика налил себе еще полрюмки коньяку, отхлебнул и медленно процедил, глядя в окно на серые безлистные ветки деревьев:

– Я никогда не убивал по ЗАКАЗУ. Я это делал всегда только в самом КРАЙНЕМ СЛУЧАЕ. Когда другого выхода уже не было…

– Ты убивал во спасение кого-то? – спросил Альфред.

– Да.

– Сейчас тебе предстоит то же самое! Более КРАЙНЕГО СЛУЧАЯ ждать трудно! Мы должны спасти хотя бы часть старой русской интеллигенции, чтобы они не рылись по отравленным помойкам!!! Мы обязаны купить для них небольшой островок в Тихом океане и построить там для них белые домики из твоих детских сновидений… Мы должны воплотить в явь хрупкую мечту всей твоей жизни, Мика!..

– Мы рождены, чтоб сказку сделать былью!.. – криво усмехнулся Мика. – От пышности твоего монолога, Альфредик, меня уже слегка подташнивает. Для меня это не очень убедительный стиль. Попробуй не столь выспренно – без завитушечек. Попроще. Дело-то обычное – житейское: нужны бабки! Чтобы покупать острова для несчастных российских интеллигентных стариков – художников, актеров, музыкантов, режиссеров, ученых, подыхающих от безденежья и невостребованности, торгующих на рынках своими боевыми орденами и лауреатскими медалями, – нужны гигантские бабки!!! И потрясающая, отлаженная система информации! Самой разносторонней – от техники расчетов за выполненную работу до максимально точных описаний предметов нашей заинтересованности… Система выхода «Заказчика» на нас, а также «обратная связь» – мы и «Заказчик». Учесть возможности «кидалова»…

– Чего-о-о?! – не понял Альфред.

– Обмана, – пояснил Мика. Помнить, что нас могут «кинуть» – не выплатить положенный гонорар. Значит, надо придумать систему предоплат, возможностей влиять на «Заказчика», наказать его… Наконец, связь с банком, поиск фирм, продающих острова, а также строящих подобные дома… Связи с подрядчиками, опасность ошибки в личности «Заказанного Клиента» – чтобы нам не подставили нормального, хорошего мужика, которому кто-то за что-то хочет сделать бяку!.. Нужна определенная база данных – досье, если хочешь… И при всем этом, заметь, Альфредик, мы должны быть ото всех наглухо ЗАКРЫТЫ! Вот как это все увязать в единую стройную систему?! А ведь только так создаются настоящие «крупноденежные» бизнесы. С обязательным учетом всего, что я уже сказал, и еще сотней необходимых условий, о которых мы даже не догадываемся… Все это мне Степаша наш вчера объяснил, пока мы ждали ответа из Нью-Йорка. Просто привел в пример многоликий банковский бизнес своих хозяев…

– Ничего страшного, – спокойно возразил Альфред. – Подлей мне еще пива… Спасибо! Как говорят сегодня в деловом и политическом мире, «все однозначно решаемо».

– Как же, держи карман шире! Решаемо… Начнем с самого примитивного: уже сегодня нам необходим компьютер с интернетом. А я в нем – ни уха ни рыла!.. Ты, полагаю, тоже…

– Боже нас упаси от какого бы то ни было компьютера! – закричал Альфред. – Самый верный способ засветиться! Сейчас этих компьютерных ухарей – пруд пруди! И вообще, Микочка, ты – Художник, Творец… Ты не должен забивать себе голову всеми этими организационными вопросами. Давай делить функции. Я беру на себя все то, о чем ты так справедливо говорил, освобождая тебя от любых оргзаморочек. Ты занимаешься только ТВОРЧЕСТВОМ! Приводишь приговор в исполнение любым удобным для тебя способом. Договорились?

– Нет, Альфредик. Не договорились. Все-таки в этой затее я ощущаю себя в некотором роде командиром экипажа, который отвечает за все и за всех. И если у радиста в воздухе отказывала связь, а штурман «давал пенку» и неверно выводил меня на цель – с ними никто и не разговаривал! Брали меня, командира экипажа, ставили раком и начинали употреблять во все дырки по полной программе!.. –

Тут Мика вдруг неожиданно для самого себя разозлился. – В конце концов, это был МОЙ СОН, и изволь с этим считаться! Что это там у тебя за полумиллионный клиент, кто тебе его «заказал», и откуда ты все это выкопал? Отвечай немедленно!..

⁂

Спустя год после описываемого «проектно-производственного» скандальчика в Мюнхене…

…в Москве директор Федеральной службы безопасности приехал в гости к министру внутренних дел страны. Приехал не на Огарева, в служебный кабинет министра, а на Кутузовский проспект – домой.

Подразделения охраны этих двух могучих ведомств промурлыкали себе под нос: «Наша служба и опасна, и трудна, и на первый взгляд как будто не видна…» – и дружно обложили весь и без того тщательно охраняемый дом, установив наблюдение и за большим участком Кутузовского проспекта, примыкающим к этому дому.

Директор безопасности и милицейский министр приятельствовали еще с «младых ногтей» простеньких оперов в одном райотделе. Они даже когда-то женились одновременно на двух студенточках из техникума легкой промышленности…

Вместе какую-то свою академию кончали. А потом их пути слегка разошлись. А дружба осталась. Как это ни странно.

Через положенное природой время у будущего милицейского министра родилась девочка, которая сейчас учится в Париже, в Сорбонне. А у будущего директора безопасности – мальчик, в настоящее время – студент одного престижного английского университета.

Лето выдалось жарким, и жены двух приятелей больших начальников были отправлены из душной Москвы проведать детей и дать им возможность хорошо отдохнуть перед новым учебным годом.

Русскомилицейскую парижаночку вывезли на южный берег Франции в Ниццу, а мама из федеральной безопасности со своим англо-московским отпрыском должна была к ним присоединиться тремя днями позже.

По строжайшим указаниям глав семейств отдых должен был быть предельно скромным – отели не дороже пятисот долларов в сутки, минимум охраны, никаких интервью, никаких казино, максимум моря, пляжа и осторожности. Специальный отдел французской полиции уже

стоит на ушах. Ибо залог успеха всех спецслужб мира – сотрудничество и солидарность!..

Частые смены министров силовых ведомств России кое-чему научили этих двух последних, вновь назначенных.

Кстати, поэтому же было решено устроить простенькие, скромные мужские холостяцкие посиделки не на дачах, где все прослушивается и фиксируется, а дома – по-нашему, по-русски, на двадцатидвухметровой кухоньке.

Была поначалу этакая вольтерьянская мыслишка – пригласить на посиделки парочку верных сотрудниц своих же ведомств и оттянуться с ними по расширенному репертуару – со сменками, групповушечками, под тихую, ласковую музычку… Как когда-то шустрили по молодости.

Но печальный опыт недавнего министра юстиции и бывшего генерального прокурора с их телевизионным «сексуальным часом» приостановил вольный полет гормональной фантазии наших друзей-приятелей. Береженого бог бережет…

…Кончался второй «пузырь» настоящей «Смирновской».

Встреча была абсолютно «без галстуков». Сидели в тапках, майках и тренировочных штанах.

– Это же просто какое-то наваждение! – говорил главный милиционер страны директору ее же безопасности. – За прошедший год прямо эпидемия! Семнадцать трупов здоровенных, богатейших и влиятельнейших мужиков России! Причем никаких различий: русский, еврей, татарин – все едино… Семнадцать воротил российского и русско-международного бизнеса и политики – покойники!.. Как выехал за границу на отдых, на контакты, на переговоры, на заключение сделки, так пиздец! Это же уму непостижимо…

– Да знаю я… – Глава безопасности скривился, как от зубной боли. – Каждый раз мне докладывают, а я потом должен, как Жучка, задравши хвост, чесать в Кремль. А там любой говнюк из администрации президента смотрит на тебя, как солдат на вошь… Только бы подставить, только бы на своего поменять, бляди…

– А меня не дергают?! – перебил его главный милиционер. – Но что характерно: все диагнозы, все результаты вскрытий, что за бугром, что у нас в ЦКБ или еще где, как под копирку: «разрыв аорты»,

«мощное кровоизлияние в мозг», «коронарная недостаточность – остановка сердца»… Была парочка «поражений легочной артерии».

– Это же просто смех! Вот такой жучила везет там в Италию полсамолета охраны, а через недельку эта же охрана везет его обратно домой, в Россию. И «прикид» у него такой новенький, по последней итальянской моде – цинковый. «Груз двести», и только… Олигархи перебздели, как шавки! Дальше Истринского водохранилища никто отдыхать уже не ездит…

Рассмеялись два бывших опера, налили по граммульке, выпили. Закусили икоркой, переложили пивком. Не каким-нибудь, а из самого города Мюнхена!

– Мои считают, что это «заказы».

– Мои – тоже.

– Только вот как они выполнены?!

– А хрен его ведает! География разбросанная, а «замочены» все одинаково! Что в Сан-Диего этот нефтяник наш… Ну как его? Ты его знаешь!.. Что в Буэнос-Айресе – тот, помнишь? Все в губернаторы рвался… Всего три-четыре варианта смертей – без малейших следов насилия. А за каждым трупом – сотни миллионов долларов!!!

– Вчера – последний случай, где бы ты думал?! В Канберре! В Австралии… Чего туда этого делаша понесло? Он же «газпромовец»! А кенгуру можно было и в зоопарке посмотреть… Мы подняли их прошлые медицинские освидетельствования – никаких предпосылок! Все померли абсолютно здоровенькими!..

– Это-то понятно – те, кто сидит на таких деньгах, очень даже берегут себя. Все хотят прожить подольше. Но вот что настораживает: из семнадцати «жмуриков» девять сановных покойников – жесточайшие конкуренты восьми остальных убиенных! Как будто они у Господа Бога друг дружку «заказывают»!..

– Вообще-то… – задумчиво произнес директор безопасности и нацедил по рюмочке. – Если заглянуть в нашу картотеку и повнимательнее почитать информацию на всех этих покойничков, так можно подумать, что это элементарные «бандитские разборки». Только в Москве или Питере их взрывают и расстреливают, а за границей культурненько – инфарктик, инсультик, разрыв аневризмы аорты.

– Будь здоров!

– И ты также…

Закусили маленькими огурчиками-корнишонами. Покурили…

– Может быть, какая-нибудь «химия», имитирующая все эти инфаркты и инсульты? Не ваша разработка? Раньше-то в ГБ классный отдел был по этим «хохмам», – сказал милицейский министр.

– У меня и сейчас там не слабаки работают. Нет, это не наши. Ты пришли-ка официальный запрос на мое имя на получение закрытой информации по этим типам. Типам-трупам… Я дам команду. Сам и проглядишь. На этих покойничках столько висит – волосы дыбом! И чем богаче и уважаемей – тем страшнее. Отъехать бы лет на пятнадцать назад, каждого можно было бы без суда и следствия к стенке поставить! Безошибочно.

– А то я не знаю… – вздохнул главный милиционер страны. – Но не сами же они так ОДИНАКОВО помирают?! Может, и правда Господь за все их грехи порчу на них насылает?..

– Ну, все… – обреченно вздохнул директор безопасности России. – Как президенты начали по церквям бегать и креститься на образа и телекамеры, так и министры стали хер знает во что верить! Наливай, раб Божий!..

– Подожди, подожди…

Главный милиционер невидяще уставился сквозь своего давнего дружка в не очень далекое прошлое.

– Ты помнишь профессора Катина Валерия Павловича, начальника кафедры судебно-медицинской экспертизы в нашей академии? Такой небольшого росточка полковник, доктор наук, лауреат Госпремии…

– А как же! Мы же с тобой на четвертом курсе в почетном карауле стояли, когда его хоронили. Жена его еще тогда на кладбище сознание потеряла, чуть в могилу к Валерию Павловичу не свалилась… Конечно, помню!

– А помнишь, как он всегда говорил: «Биомеханические и биоэнергетические возможности человека неограниченны!»

– Коронная фраза старика…

– А его рассказ про детский дом во время войны помнишь? Как на его глазах один пацан – года на три, на четыре постарше его – ВЗГЛЯДОМ УБИЛ двух «отморозков»?..

– Помню. Только помню еще, как мы тогда ржали над этой научной фантастикой! Мне и сейчас смешно…

– А мне – нет! – оборвал директора российской безопасности милицейский министр. – Наливай! Не сиди сложа руки…

⁂

На приемах в генеральном консульстве России в Мюнхене Михаил Сергеевич Поляков был всегда желанным гостем.

Каждые три-четыре года менялся консульский состав, и дипломаты, уезжавшие в Москву в распоряжение МИДа, вместе с делами передавали вновь прибывшим счастливцам дипслужбы и ту часть русской интеллигенции, проживавшей в Мюнхене, к которой у соответствующих российских органов не было никаких претензий.

В этой крайне немногочисленной компании был и известный карикатурист и превосходный иллюстратор детских книжек М. С. Поляков.

Не эмигрант, ценой многих унижений уехавший из своей страны в чужую по соображениям экономическим, авантюрным или из животного инстинкта самосохранения – уберечь детей от кондового, паршивенького антисемитизма, – а просто очень известный русский художник, которому на старости лет захотелось пожить в Германии, и Германия была этим польщена…

Спустя года два-три поток газетно-журнальных славословий о «художнике-сатирике Михаэле Полякове» несколько поубавился. Выставки затухли сами собой, издательства «обещали позвонить», но…

Виной тому было много причин. Отнюдь не творческого характера.

Тут «сработали» и развал Советского Союза, и смена обожаемого в Германии «Горби» на «непредсказуемого» Ельцина, и московский расстрел собственного парламента, и чехарда с премьер-министрами, и незащищенность иностранных инвестиций, и крушения финансовых «пирамид», и вторжение русского бандитизма в европейско-американские пределы…

Что позволило чуть ли не все преступления на земном шаре, к совершению которых имели отношение, как пелось раньше, «дети разных народов…», теперь свалить на пресловутую «русскую мафию».

А вот совсем недавно, примерно год тому назад, будто мадам Судьба приоткрыла какие-то небесные шлюзы и на Мику Полякова хлынула вторая волна мировой популярности!

Как только Альфред по СВОИМ КАНАЛАМ, выстроенным им же по принципу примитивнейшего, но абсолютно не подконтрольного идиотизма – некой смеси цифр газетных «Служб знакомств» с риелторскими объявлениями о продаже недвижимости по всему миру, получал очередной «заказ» не менее чем за миллион долларов (половина – при заявке на «заказ», вторая половина – после его «исполнения» в течение суток) и они вылетали куда-нибудь в Австралию или Аргентину, Мика обязательно брал с собой альбомы и делал в этих странах веселые, прелестные, очень ироничные зарисовки чисто этнографического и жанрового характера.

И пока Альфред ОТСЛЕЖИВАЛ «Клиента» – изучал все места его возможного пребывания, Мика успевал сделать массу превосходных рисунков!

Потом Альфред докладывал Мике наиболее удобное место встречи с «Клиентом», окруженным небольшой армией охраны и тучей сопровождающих его лиц из своих холуев и местных.

Совершенно «случайно» Мика оказывался в нужное время в нужном месте, после чего «Клиент» падал на руки ничего не понимающей охране и растерянным партнерам уже безнадежно МЕРТВЫМ.

Мика отлеживался пару суток в недорогом (или дорогом, как того требовала ситуация и тактическая обстановка…) отеле, а потом еще с неделю ездил по этой стране, бродил по ее городкам и рисовал, рисовал, рисовал…

Однажды, в начале прошлого года, очень срочный, очень важный и очень дорогой (в полтора миллиона долларов!) правительственный «заказ» забросил Мику и Альфреда в Нью-Йорк. Уже в который раз!..

Пока Альфред мотался за «Клиентом», фиксируя его деловые и развлекательные маршруты, Мика на своем ужасающем английском языке созвонился с секретарем миссис Меррил Фелдган – совладелицей издательства «Меррил Фелдган энд Арни Гринспен». Лет десять тому назад они выпустили Микин альбомчик карикатур и очень неплохо ему заплатили. Но в глаза Мика их никогда не видел.

Через пятнадцать минут в отель «Веллингтон», где остановились Мика и Альфред, позвонили из издательства и пригласили Мику для знакомства и разговора. Издательство оказалось совсем рядом – на Пятьдесят девятой улице, второй дом от Легсингтон-авеню.

Как и водится в американском издательско-кинематографически-телевизионном бизнесе, «Меррил Фелдган энд Арни Гринспен» оказались московско-киевскими «Мирой Фельдгун и Ароном Гринштейном». И по выражению киевского Арона, покинувшего милую Украину лет тридцать тому назад, для переговоров с мистером Поляковым переводчик им нужен был, «как петуху тросточка», «как собаке пятая нога» и «как зайцу – триппер»!

Так как перед Нью-Йорком Мика и Альфред выполняли «заказы» в Сан-Диего и Буэнос-Айресе, то Мика принес в издательство то, что у него уже было с собой – папку калифорнийских набросков и папку аргентинских зарисовок, сказав, что дома, в Мюнхене, у него есть еще такие же рисунки из Италии, Франции, Греции, Испании, Голландии и Швейцарии…

А так как он, Мика Поляков, решил остаток своих дней посвятить путешествиям по всему земному шару, то в будущем (правда, неизвестно, сколько он еще протянет…) можно ожидать подобный материал и из других стран.

Надо отдать должное Мире и Арону, они без европейско-немецкой сдержанности и неукротимого желания напарить автора весело хохотали над аргентинскими и калифорнийскими рисунками Мики, а потом, ну совсем малость посерьезнев, предложили Мике издать не один альбом рисунков, а целую серию альбомов – по странам. И назвать эту серию, предположим… «Ироническая география». С подзаголовком – «Испания глазами МИКИ». Или – «МИКА разглядывает Грецию»…

– Впрочем, – сказала древнемосковская Мира Фельдгун, путая русские слова с английскими, – серия должна называться одинаково, а подзаголовки по странам могут быть разными.

И тут же подписали с Микой контракт на очень, ну просто неправдоподобно большую сумму, купив у него права на все последующие издания этой серии.

– Я еще попробую эти рисунки втюхать телевизионным каналам и мультипликационным студиям. Начнем с «Диснея», а там посмотрим! Это у нас пойдет отдельным дóговором…

– Договóром, Арни! Договóром… Сколько раз нужно повторять?! Что за местечковость? – напустилась американская москвичка на нью-йоркского киевлянина.

– Я тебя умоляю, Мира! В этой бумажечке важны не ударения, а гелдочки! В смысле – деньги! «Капуста», «бабуленьки», «баксы-шмаксы»! Мистер Поляков, если я договорюсь со студиями – вас шестьдесят процентов устроит?

– Ради бога, – смущенно согласился Мика.

– От это разговор! – воскликнул Арон. – Сейчас мы вам выпишем чек за два альбома – «Аргентина» и «Калифорния», а там – гуд лак и… Вперед! Хорошо пойдет первый тираж – так вы поимеете неплохие роялти-шмоялти. С нами бедным человеком вы не будете. Скажи, Мира!..

⁂

Вечером Мика сидел в «Винтер Гартен театре» на Бродвее и смотрел некогда знаменитый, а ныне сильно обветшалый и потрепанный мюзикл «Кошки», не сходивший с нью-йоркской сцены уже много лет. Наверное, не было ни одного иностранца, посетившего Нью-Йорк, которого бы не угостили этим знаменитым спектаклем!

Обветшалым и мрачноватым оказался и сам «Винтер Гартен театр». С узеньким, не очень светлым полукруглым фойе – «променадом», с вокзальными туалетами и очень большим зрительным залом, похожим на полутемный цех для производства железобетонных изделий.

Ряды были не пронумерованы, а обозначались буквами алфавита. Номера кресел шли не в привычном порядке, а по одну сторону зала были четными, по другую – нечетными.

Поэтому если Микин дорогой «Клиент» с переводчиком, двумя охранниками и пристегнутой к нему «фирменной» барышней сидели в самом первом ряду под индексом «АА» (первее не бывает!..) и кресло у него было номер сто четыре, а Мика сидел на пять рядов дальше, у самого прохода в ряду «Е», на месте номер два, это вовсе не означало, что «Клиента» и Мику разделяет огромное пространство. Метров семь-восемь, не больше. Вот такой странный зал с такой забавной нумерацией…

Чтобы кончина для «Клиента» оказалась совершенно неожиданной, Мика старался не смотреть на его гордый правительственный затылок. От задержавшегося, пристального взгляда Мики будущие жертвы – «Клиенты» – иногда начинали

чувствовать неясное беспокойство и безотчетный страх. Что могло Мике осложнить его «работу».

Поэтому, вычислив «Клиента» по наводке Альфреда или в результате своих собственных умозаключений, Мика почти никогда на «Клиента» не смотрел. Ждал наиболее удобной для себя секунды, когда он сможет взглянуть на своего «крестничка» всего ОДИН-ЕДИНСТВЕННЫЙ РАЗ, который для «Клиента» будет и ПОСЛЕДНИМ.

Сейчас Мика не очень внимательно следил за тем, что происходит на сцене. Слушал музыку, с удовольствием отмечал превосходную актерскую пластику, очень хорошие голоса, занятно придуманное сценическое оформление.

Но ветхость декораций, замызганность и изношенность костюмов, небрежный и невероятно грубый грим раздражали Мику до чертиков!

Конечно, Мика мог бы сейчас же прикончить «Клиента», встать и уйти, не досматривая столь тягостное для него сценическое действо. Но этого Мика никогда себе не позволял. Ибо, несмотря на невинность последующего диагноза, констатирующего смерть, местные власти, а то, глядишь, и Интерпол, обязаны провести хоть какое-то расследование обстоятельств этого «несчастного случая». И кто-нибудь из опрашиваемых может припомнить, что сразу же после того, как «этот мертвый господин откинул копыта, быстро ушел один высокий, стройный седой пожилой мужчина, одетый в…». Ну и так далее.

Не исключено, что по горячим следам отыщут старого русского художника М. Полякова, начнут расспрашивать, почему он исчез сразу же после смерти такого-то.

Ни черта не докажут, убедятся в абсурдности своих подозрений, но имя Полякова останется некстати зафиксированным в протоколе, сможет попасть в газеты. Как говорится, на хрена козе баян? Проще досмотреть этот состарившийся спектакль, а уже потом, выходя вместе со всеми из зала…

Главное, не потерять его из виду!

Мика знал, что человек, сидящий в ряду «АА», продавал российское оружие на Восток, а оно потом возвращалось в Россию уже в руках мусульманских террористов, заставляя тысячи русских семей рыдать над своими убитыми мальчиками…

Но «заказали» «Клиента» тоже не ангелы, а конкурирующая с этим «Клиентом» правительственная организация под названием «Росвооружение». И если сегодня с этим «Клиентом» у Мики окажется все в порядке, то не пройдет и пары недель, как оставшиеся в живых «подельнички» Этого «закажут» кого-нибудь из «Росвооружения»…

Спектакль наконец завершился. Мике даже удалось слегка подремать. Зрители стоя приветствовали актеров.

Встал и Мика. В висках уже начинали стучать молоточки, тело охватывал привычный жар, головная боль разливалась от висков к затылку, и теперь Мика видел только сытую щеку и большое мясистое ухо «Клиента».

Тот тоже стоял, аплодировал, а охрана, отвернувшись, от сцены, внимательно смотрела в зал.

Господи! Да что она могла увидеть, эта вонючая охрана?!

Боль в затылке выросла до нестерпимой…

Теперь только бы никого не задеть!.. Только бы не задеть. Вот он – просвет…

«Чтоб тебя, суку!..» – подумал Мика и…

…из ряда «Е», от кресла номер 2 незримо и бесшумно вылетел чудовищный, сокрушительный сгусток направленной Энергии дикой силы, нацеленной прямо в мясистое ухо «Клиента»!!!

Тот рухнул, как сбитая кегля в боулинге.

Ряд «АА» пришел в замешательство…

Раскланивавшиеся актеры были смущены.

Один охранник выхватил пистолет. От него шарахнулись…

Уже за рядом «С» никто ничего не понял. Театр продолжал аплодировать, актеры – раскланиваться, косясь на труп в самом первом ряду, у которого изо рта била толстая струя крови…

«Боже мой… Только бы не упасть!..» – думал Мика.

Силы его покинули, и он был вынужден ухватиться за спинку кресла. Впереди шла какая-то шебутня около трупа «Клиента», но Мика теперь мечтал скорее выползти на воздух и где-нибудь отсидеться…

Наконец народ повалил на выход. Мика влился в тесный потный поток и вышел на Бродвей. Еле добрел до ближайшей «круассанной», сел за столик у окна и заказал себе кофе без молока.

…Провалялся сутки в номере отеля «Веллингтон». Альфред хлопотал вокруг Мики, звонил в сервис-бюро и на превосходном «американском» языке заказывал еду в номер – самую дорогую и самую, как говорил Альфред, восстановительную: устрицы, омары, бифштексы с кровью. Три раза в день заставлял есть мультивитамины американской фирмы «Киркленд». Разрешил Мике прихлебывать джин с тоником.

Видел Альфред, видел, что каждая новая «акция» дается Мике все с большим и большим трудом. То есть «исполнение» было таким же, как и всегда. А вот ВЫХОД из этого состояния становился все более затруднительным и болезненным…

Когда Мика на вторые сутки поднялся с кровати, Альфред повел его днем гулять в ближайший к отелю «Веллингтон» Централ-парк. Даже несмотря на то что там было полно собак…

Альфред сидел на плече у Мики тихо и невидимо, а встречные псы исступленно рвались с поводков, задирали морды к небу и истеричничали, будто чуяли «конец света».

– Может быть, присядем где-нибудь? – спросил Мика у Альфреда. – А то я чего-то устал тебя таскать.

– Ты, наверное, еще не поправился, – предположил Альфред и воспарил над Микой.

– Или поправился ты, – рассмеялся Мика. – Нет, правда, Альфредик, последнее время мне кажется, что ты становишься все тяжелее и тяжелее! И джинсы, которые я покупал тебе совсем недавно в детском отделе «Херти», сегодня тебе уже коротковаты…

– Может быть, они сели от стирки? – испуганно спросил Альфред.

– Может быть, может быть… – протянул Мика. – В нашей с тобой жизни, Альфредик, все может быть. Особенно если учесть, что с момента покупки этих джинсов мы их еще не стирали…

⁂

– Ну наконец-то! – сказал Мике генеральный консул России в Мюнхене. – А то мы уже забыли, как вы выглядите, Михаил Сергеевич. Недавно восстанавливали в памяти ваш светлый образ по фотографии, напечатанной в американском издании вашей «Иронической географии». Наш Коля, это юное дипломатическое дарование, прилетал к нам на побывку из своего Сан-Франциско и привез три ваших новых альбома…

– Их вышло уже семь, Анатолий Васильевич, – сказал Мика. – Вы мне потом скажите, какие у вас уже есть, а остальные я вам подарю. Естественно, если вам понравились первые три…

– Насколько я слышал, ваша «Ироническая география» привела в восторг чуть ли не весь мир!

– Да… Кажется, она неплохо идет.

– А почему у нас в России нельзя было издать такой цикл? – огорченно спросил генеральный.

– Анатолий Васильевич, вы же не ждете от меня ответа, правда? – рассмеялся Мика. – Пойдемте преломим по рюмашу.

Это был какой-то весенний прием в российском консульстве, где Полякова всегда были рады видеть. Он это знал и с удовольствием ходил на такие приемы.

Умный, интеллигентный и очень осторожный генеральный консул находился на последнем предпенсионном рубеже и почти не пил. Но отказаться от Микиного предложения он не мог.

При ограниченном консульском составе на подобных приемах роль бармена осуществлял шофер, личный водитель машины генерального – Петя.

Анатолий Васильевич попросил его смешать несколько капель водки со стаканом томатного сока, а Мика от радостного, приподнятого ощущения некоего «землячества» и возможности говорить только по-русски малость разгулялся. Тем более что Альфред, как всегда в таких случаях, оставался дома и одернуть Мику было некому…

– А мне, Петя, – сказал Мика, – все то же самое, что и Анатолию Васильевичу, только с точностью до наоборот.

– То есть вы хотите сказать… – начал было Петя, а генеральный с тревогой посмотрел на более чем пожилого Мику.

– Нет, нет! Тут я, пожалуй, погорячился, – спохватился Мика. – Пополам. Половину стакана водки, половину – томатного сока.

Вышли в пустую соседнюю комнатку, чокнулись, отхлебнули по глотку, и генеральный спросил:

– Рады, что вернулись домой?

– Ну какой же это дом, Анатолий Васильевич? Хотя сейчас мне здесь гораздо уютнее, чем в России.

– Я вас понимаю, – тихо пробормотал генеральный. – О вас опять стали писать немецкие газеты.

– Да что вы?!

– В связи с нью-йоркским изданием «Иронической географии» пишут, что в вас открылось «второе дыхание».

– Глупенькие… – усмехнулся Мика. – Оно у меня действительно открылось, но только тогда, когда я получил от американцев кучу денег за свои рисунки, а мультипликаторы Голливуда осыпали меня золотым дождем за право использования моих картинок для детского телевизионного сериала. Наконец-то я смог низко поклониться немецкому Союзу художников и отказаться от их добросердечных финансовых костылей… Я отказался от их ежемесячного гранта, от их перечислений за мою квартиру. Мало того, я купил себе очень дорогую частную медицинскую страховку!.. Вот когда у меня открылось «второе дыхание», Анатолий Васильевич! Не скрою, в Союзе художников на меня смотрели, как на полного идиота, но смею надеяться, что в тот момент я выглядел «счастливым идиотом»!

– Я очень, очень рад за вас, Михаил Сергеевич, – сказал генеральный консул и поспешил встретить каких-то важных немецких гостей.

Мика тоже был рад.

Он радовался не только деньгам от американцев, но и легальной и совершенно прозрачной возможности открыть собственный счет в «Дойче-банке» на свое собственное имя, без всяких секретных кодов «Чейз-Манхэттен-банка».

Там, в «Чейзе», у Мики и Альфреда лежали и ждали своего стратегического часа почти восемнадцать миллионов долларов, откуда он, как милый и добрый Деточкин из старого и симпатичного фильма «Берегись автомобиля!», позволял себе снимать деньги только на свои «деловые» перелеты и отели, на оплату виз и наем автомобилей в каждой стране, куда его забрасывал очередной «заказ»…

Эти восемнадцать миллионов долларов были Микиным гонораром за УБИЙСТВО девятнадцати «Заказанных Клиентов».

Один «Клиент» был убит совершенно бесплатно.

Сначала он выступал в роли солидного «Заказчика» – ему нужно было «убрать» с политической арены своего конкурента на место

губернатора гигантского российского региона. Такого же бандита, как и он сам, только принадлежавшего к другому клану.

Конкурент отдыхал в Италии с семьей и охраной, и Мика четко выполнил этот «заказ» на экскурсии по острову Торчелло в Венецианском заливе. В Италию они с Альфредом прикатили просто на своей «мазде» прямо из Мюнхена. Подумаешь, невидаль – всего-то пятьсот километров с хвостиком!

Однако вторую половину гонорара «Заказчик» так и не перевел. Альфред по своим таинственным каналам пару раз напомнил ему о долге в пятьсот тысяч долларов. Тот не ответил.

Пришлось слетать в Москву…

Потеряли неделю и кучу денег. В Москве все было безумно дорого!

Забегая вперед, нужно сказать, что вместо двух основных претендентов на этот пост, скончавшихся столь одинаково и в столь отдаленных и непохожих местах, впоследствии этот регион в качестве губернатора возглавил, слава богу, вполне порядочный малый, еще не успевший ничего украсть у своей страны.

А тогда, когда должник Мики и Альфреда замертво упал у дверей Государственной думы и вокруг него мгновенно образовалась испуганная толпа, Мика спросил у Альфреда:

– Знаешь, как называют волков?

Мика качался от слабости и держался рукой за стену.

Альфред тревожно заглядывал снизу Мике в лицо – на секунду ему показалось, что от перенапряжения Мика совсем спятил: при чем тут какие-то волки?! Они так похожи на мерзких собак!..

– Нет, не знаю. Волки и волки… – ответил Альфред.

– Их еще называют – «санитары леса»… Господи, где бы присесть?..

Но Альфред потащил Мику подальше от места происшествия – по Охотному Ряду к Тверской.

А за их спинами уже истерически лаяла милицейская машина и жутковато завывала «скорая помощь». Это вместо того, чтобы сразу пригнать катафалк…

Пока Мика отлеживался в трехсотдолларовом номере гостиницы «Националь», а Альфред колготился вокруг него и отбивался от нескончаемых телефонных звонков гостиничных проституток,

телевидение уже передало в последних известиях о случившемся сегодня у дверей Думы.

Альфред выслушал это сообщение и сказал Мике:

– Мы ведь это сделали не из-за денег, правда?

– Правда, – слабым голосом подтвердил тогда Мика.

– Мы же из принципа, да? Чтобы сохранить бизнес, правильно? – допытывался Альфред. – Чтобы потом никому не показалось, что с нами можно вот так поступать, как это сделал сегодняшний подонок!..

– Не нервничай, Альфредик, кто нас может в чем-нибудь упрекнуть?

Наверное, из окружения погибшего у Государственной думы в «высшие сферы» просочилась информация о нарушении кодекса расчета с неизвестным исполнителем, не оставляющим ни малейшей зацепки для расследований и поэтому стоящим так дорого.

Ибо после случая в Охотном Ряду больше никто из «Заказчиков» не позволял себе недоплачивать Мике договорную сумму. Выходило себе дороже…

…Мика сходил к шоферу-бармену Пете за третьим стаканом водки пополам с томатным соком. Поболтал с одним, с другим, с третьим. С удовольствием поговорил с вице-консулом Димой и его прелестной женой Ветой…

Ах, если бы можно было заняться покупкой ТОГО САМОГО ОСТРОВА инкогнито тогда, когда ему открыли счет в «Чейзе», он уже давно начал бы операцию по вызволению из нищеты и грядущих смертей хотя бы нескольких десятков талантливейших российских стариков, еще совсем недавно бывших гордостью нации!

Но правительства государств, которым принадлежали эти теплые острова, очень хотели бы знать, КТО именно собирается сделать у них такую покупку. Любое правительство даже самого крохотного государства хотело быть уверенным, что с этого острова не начнут взвиваться ракеты с ядерными боеголовками и что с этого острова никто никому никогда не будет угрожать…

Но теперь, когда есть весьма и весьма убедительный легальный счет в «Дойче-банке» и кто угодно может проверить чистоту ЭТИХ денег, операция должна начаться незамедлительно!

Мало того, Альфред даже уже все рассчитал! Нужно только через интернет связаться с фирмой, торгующей островами, назвать свое

подлинное имя и номер счета в «Дойче-банке», что уже никаких подозрений ни у кого не вызовет…

– И вообще все это можно делать через интернет! – заявил беспринципный Альфред, так восставший против каких бы то ни было компьютеров.

Однако после того, как были получены «официальные деньги» и открыт легальный счет в «Дойче-банке», Альфред резко изменил свою позицию. Это наглое и настырное существо заставило Мику приобрести какой-то умопомрачительный компьютер, как он заявил, для дома, для семьи, а сотрудники мюнхенского «Телекома» подключили интернет и облагодетельствовали их компьютер электронной почтой.

Уже в Москве, после того как Мика оклемался от совершения «акции устрашения» возможных «Заказчиков» в будущем, Альфред уговорил Мику купить четыре книги, о которых узнал из какой-то газеты: «Самоучитель работы на компьютере» неких русско-компьютерных умельцев; книжку с тем же названием, но уже принадлежащую перу явно (судя по фамилии…) еврейско-русского вундеркинда; книгу двух американцев – «Персональный компьютер для „чайников”» и книгу писателя А. Житинского – «Интернет – отдых и развлечение».

Мика все это покорно приобрел, раскрыл одну из этих книг, ужаснулся своей булыжной тупости и постарался немедленно забыть о существовании этих книжек.

Альфред же методом хаотического «тыка» и внимательного НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОГО изучения всей этой, с позволения сказать, литературы в кратчайшие сроки освоил враждебную Мике технику и стал обращаться с ней с легкостью и изяществом кошки, играющей мячиком от пинг-понга…

Поначалу он для тренировки и поддержания редких сексуально-половых взаимоотношений посылал электронные письма своей более чем сексапильной подруге Пусси – кукле-Домовице бывшей Микиной приятельницы Хайди, а потом насобачился связываться со всем светом!

Отныне билеты на самолеты во все концы земного шара Альфред заказывал только с помощью интернета, отели бронировал исключительно через интернет, все автомобили в наем – по интернету!

Легальный счет в «Дойче-банке» подвигнул Альфреда еще дальше. Он умолил Мику купить сотовый телефон-компьютер «Нокия-коммуникатор 9110» за тысячу долларов и с трудом и скандалами научил Мику двум-трем необходимым операциям – общению с секретным кодом «Чейз-Манхэттен-банка»…

…Мика полегоньку приканчивал третий стакан водки с томатным соком…

Он поболтал с бывшими и обиженными сотрудниками радио «Свобода», не востребованными на новом месте дислокации – в Праге и оставшимися доживать в Мюнхене, заручился многообещающим согласием одной молоденькой сотрудницы Толстовского фонда завтра заехать к нему домой и, подумывая о том, куда бы на время ее визита спровадить Альфреда, направился к Пете – бармену-шоферу за добавкой.

По пути к стойке бара его перехватила пара голубков, сидевших чуть ли не прижавшись друг к другу, – сотрудница визового отдела консулата России Шурочка, рыхловатая женщина лет сорока, и тощенький, ловкенький харьковский эмигрант, выдававший себя за писателя и действительно достаточно бойко печатающийся в русско-эмигрантской немецкой прессе со своими чудовищными местечковыми хохмочками и претенциозными антистихами…

Как он попал на консульский прием – одному богу было известно. И одинокой рыхловатой Шурочке.

– Михал Сергеич! – окликнула она Мику. – А у нас к вам дело…

– Слушаю вас, Шурочка, – остановился Мика и молча поклонился харьковскому «литератору».

Уж больно Мике не нравилось все, что печатал этот господинчик!

– Вот хотим с вами посоветоваться, Михал Сергеич, – сказала Шурочка. – Вы все же человек искусства, а мы тут задумали одно мероприятие…

– Вдвоем? – спросил Мика, стараясь твердо стоять на ногах.

– Пока вдвоем, – улыбнулся харьковчанин. – Будете третьим? Разливайте, Шурочка!

Он был очень доволен своей шуткой и даже незаметно положил руку на Шурочкино колено.

– Скоро девятое мая, – торжественно проговорила Шурочка. – День, так сказать, Победы… И вот мы сидим и думаем, как бы это нам

получше отпраздновать? А, Михал Сергеич? Посоветуйте…

– Что «отпраздновать»? – тупо спросил Мика. Ему показалось, что он ослышался.

– Ну, День Победы над Германией! – громко сказал харьковчанин, чтобы старенький, пьяненький Поляков мог понять, о чем идет речь.

С явным превосходством энергичного пятидесятилетнего человека, который точно знает, чего он хочет от жизни, он покровительственно улыбнулся этой семидесятилетней развалине и, как ребенку-несмышленышу, не очень грамотно, но четко и раздельно пояснил:

– Имеется в виду тот день, когда мы победили Германию!

Тут вдруг действительно пьяненькое, но очень благодушное состояние Михаила Сергеевича Полякова стало быстро улетучиваться, уступая место зеленовато-лиловой ненависти к этим двоим…

Тело Мики уже охватывал знакомый жар, в висках привычно застучали молоточки, затылок заныл привычной болью и…

БОЖЕ УПАСИ!.. ЧТО СО МНОЙ?! НИ ПОД КАКИМ ВИДОМ!.. – в панике пронеслось в Микиной голове. – НЕМЕДЛЕННО ВЗЯТЬ СЕБЯ В РУКИ!!! О ГОСПОДИ…

– Это ВЫ победили Германию? – тихо спросил Мика, с трудом выходя из ТОГО состояния, которое еще никого не оставляло в живых… – Вы ХОТИТЕ ПРАЗДНОВАТЬ победу?! Вы оба, приложившие столько сил, пережившие столько унижений, чтобы только попасть в Германию! Вы, Александра Николавна, наверное, весь МИД своим носиком перерыли, чтобы уехать из Москвы сюда в командировку на три года… А какие титанические усилия вы прилагаете сейчас, чтобы остаться здесь на второй сытно-валютный срок?! И вы собираетесь праздновать победу над этой страной?!

Харьковчанин неожиданно попытался проявить характер:

– Позвольте, Михаил Сергеевич!..

– Молчать, дешевка! – негромко приказал ему Мика. В нем всколыхнулись все тюремно-армейские годы, когда он мог себе позволить разговаривать с людьми простым и ясным языком. Чтобы те понимали, что хочет им сказать М. Поляков.

– Ты сейчас жрешь из рук этой Германии, – еще тише проговорил Мика. – Ты ползал на животе перед своим вонючим харьковским ОВИРом – только бы тебя выпустили из России в Германию! Ты же не

веришь ни в Бога, ни в черта, понятия не имеешь об иудаизме, а бегаешь в еврейскую общину и, натянув кипу на свои жидкие, засаленные волосенки, торчишь в синагоге, держа молитвенник вверх тормашками, – только чтобы тебя там увидели, только бы не забыли, что ты правоверный еврей! И ты хочешь ПРАЗДНОВАТЬ СВОЮ ПОБЕДУ над Германией, которая платит тебе социальное пособие, дала тебе бесплатную квартиру, обеспечила медицинской страховкой… Из-за чувства вины перед шестью миллионами погибших евреев, к которым ты, бездарность с барахольно-сосисочной идеологией, не имеешь никакого отношения, хоть ты три кипы напялишь на себя! Да, тут ты ПОБЕДИЛ Германию, слов нет…

– Ну зачем же так грубо, Михаил Сергеевич? – пролепетала Шурочка.

Но от ярости Мика даже не услышал ее.

– Если бы вы оба попросили меня помочь вам устроить День поминовения по погибшим или отметить День окончания той страшной бойни, я помог бы вам придумать, как это сделать торжественно и печально. А вы в лопающейся от богатства Германии собираетесь ПРАЗДНОВАТЬ НАД НЕЙ ПОБЕДУ, в то время когда в России средний возраст мужика – пятьдесят семь лет?! И все! А зацепившиеся на этом свете старики шустрят по помойкам в поисках объедков… Да как же вам не стыдно, ничтожненькие вы мои?..

Мика повернулся к ним спиной и твердым шагом пошел к Пете – шоферу-бармену.

– Что с вами, Михал Сергеевич? – с тревогой спросил Петя, вглядываясь в побагровевшее лицо Мики. – Вам плохо?

– Нет. Уже хорошо, – улыбнулся ему Мика. – Петя! Полстаканчика чистяры. Без томатного сока.

– Не много ли? – осторожно усомнился Петя.

– В самый раз, сынок.

Мика залпом выпил водку, взял щепотку соленых орешков. Зажевал и попросил Петю:

– Петя, пойди к генеральному и скажи, что я прошу извинения за то, что был вынужден уехать не попрощавшись. Срочный вызов…

– Откуда?

– Ах, Петя, Петя!.. Ну придумай сам что-нибудь. Ты ж «дипломат», Петя, а это значит, что не страшны тебе ни горе, ни беда!

– спел ему Мика…

…и совершенно протрезвевшим уехал домой.

⁂

Спустя несколько дней Альфред с трудом оторвался от компьютера и сказал:

– Мика! Ситуация с островами такая: можно прикупить островок в Тихом океане – на Багамах, на Гавайях, на Фиджи… Но жутко маленькие, максимум на одну-две семьи. И за сумасшедшие бабки! От семи до двенадцати миллионов долларов!!! То, что ты мне заказывал – пять километров в длину и три в ширину, – они не продают. А если и продадут, то слупят с нас не меньше полутораста миллионов долларов… Это даже Билл Гейтс почешет свою репу, прежде чем выложить такую сумму… А чтобы нам заработать эти деньги, пришлось бы ухлопать всех наших русских негодяйцев и еще прихватить из бывших союзных республик. А на это у нас нет ни времени, ни здоровья…

Мика поправлял кое-какие рисуночки, чтобы отправить их в нью-йоркское издательство. Он с удовольствием вытянулся в кресле, разминая затекшую спину и шею, снял очки и сказал Альфреду:

– Насчет «всех негодяйцев» ты, Альфредик, погорячился. Подозреваю, что у нас в России их на миллиарды долларов. Даже если мы с тобой снизим расценки на их «устранение» вполовину! А вот про здоровье и время – ты прав, малыш. – Мика закурил сигарету и прикрыл глаза. Сказал грустно: – Неужели все эти трупы – зря?.. Неужто рушится мечта детства?..

– Жамэ! – воскликнул Альфред. – В смысле – «никогда»! Это я по-французски… Давай снова определимся, что мы требуем от НАШЕГО острова.

Мика глубоко затянулся сигаретой, медленно выпустил дым в потолок и, глядя в сизое облачко, медленно и горько проговорил:

– Солнце… Вечно теплый океан… Горячий желтый песок на берегу и высокие пальмы, в тени которых стоят три десятка белых домиков…

– Ты раньше говорил еще про взлетно-посадочную полосу, чтобы принимать и отправлять большие самолеты.

– М-да… Совсем забыл. Хорошо бы иметь такую полосу…

– Ты поэтому хотел купить большой остров?

– Конечно. Для тяжелых машин полоса должна быть около трех тысяч метров длиной…

– А зачем нам принимать большие самолеты? – спросил Альфред.

– Только большие машины могут покрывать большие расстояния.

– А на кой хрен, Микочка, нам большие расстояния?! Не проще ли купить маленький островок где-нибудь в Эгейском или Средиземном море, километрах в двухстах от большого прибрежного города, где сосредоточена масса служб, в которых наши старики будут обязательно нуждаться. Как бы мы ни отгораживались от внешнего мира! И тогда взлетно-посадочная полоса нам будет нужна не в три километра, а всего лишь метров в пятьсот…

– Ты подумал, кто на такую короткую полосу будет садиться?

– Ты, Мика! Мы купим тебе небольшой самолет для экстренных случаев, и ты будешь взлетать с этой полосы и на нее же садиться. Слушай сюда, как говорят в Одессе!..

– Эт-т-то еще у тебя откуда?! – неприятно удивился Мика.

– Недавно, когда ты меня спровадил из дому перед приходом той барышни из Толстовского фонда…

– Откуда ты знаешь, что она из Толстовского фонда?

– Ну, Мика… – обиженно протянул Альфред. – Ну я же все-таки… «Потусторонний»! Не совсем же я очеловечился? Кое-что я растерял из-за отсутствия практики, но что-то же я сохранил?! Так вот… Чтобы не болтаться по Нойеперлаху, я поехал на метро трахать Пусси. И обнаружил, что у ее хозяйки Хайди теперь вместо тебя новый хахаль из Киева. Он все время острит таким образом. Еще он любит говорить: «Пролетел, как фанера над Парижем!»

– Ладно, наплевать, – сказал Мика. – Давай дальше…

– Короче, я по интернету связался с одной греческой фирмой. Они предложили мне несколько маленьких островков – полтора километра на два примерно… Причем они гарантируют нам постоянную среднюю годовую температуру в двадцать два градуса, теплое море, желтый песок, горячее солнце и очень высокие пальмы, в тени которых мы поставим домики! И все это неподалеку от Ираклиона – главного города острова Крит… Кстати, они берут на себя все наши расходы по прилету к ним. Бизнес-классом! Там они нас встречают, своим транспортом таскают по всем этим островкам вокруг Крита, сами занимаются оформлением…

– А домики?

– Все узнал… В Афинах существует филиал американской корпорации «Санфлауэр дель вебб коммюнити», которая специализируется на поставке вот таких маленьких солнечных городков для пожилых и старых людей с семьями и без… Вот смотри!

Альфред защелкал «мышью» компьютера, и на экране монитора появились прекрасные цветные фотографии БЕЛЫХ ДОМИКОВ ПОД ВЫСОКИМИ ПАЛЬМАМИ ИЗ МИКИНЫХ СНОВ…

– Тут все по-английски, – сказал Альфред. – Но я буду тебе сразу читать по-русски. Гляди… «Санфлауэр» предлагает для активных людей от пятидесяти пяти лет и старше благоустроенные дома со всеми известными удобствами, оборудованные современной техникой, окруженные центрами отдыха: вам предлагаются гольф и бассейны, пешеходные и велосипедные прогулки, клубы по интересам… Дальше – мура собачья. Обычная рекламная завлекуха. Все в квадратных футах. Но я пересчитал на метры. Нам же так привычнее, правда?

– Конечно, Альфредик, конечно.

– Ну вот… Домик общей площадью до ста двадцати квадратных метров стоит девяносто тысяч долларов. До двухсот двадцати метров – сто сорок восемь тысяч. В среднем – сто двадцать, да?

– Да.

– Тридцать домиков по сто двадцать тысяч – это… три миллиона шестьсот тысяч долларов. Всего!

– А остров?! Голова – два уха…

– В чем и радость-то! У греков такой островок не больше трех! Четыре – максимум… Кругом-бегом аж восемь миллионов. А у нас их восемнадцать!.. Остается еще десять миллионов долларов. Для оплаты острова и аванса за строительство, в порядке понта, возьмем кредит в «Дойче-банке» из семи процентов годовых, а погашать его будем из «чейзовских» денег. Будто бы тебе гонорары идут из Америки. И хрен кто догадается – откуда у нас эти миллионы!

– С ума сойти! – искренне восхитился Мика. – Что бы я без тебя делал?!

В эту секунду раздался телефонный звонок. Мика потянулся было к трубке, но Альфред его опередил:

– Это меня! – Он схватил трубку и на всякий случай, как это делал всегда, отрекомендовался голосом Мики: – Поляков. – Но тут же

изменил голос на свой собственный, повернулся к Мике спиной и стал негромко говорить в трубку: – Нет… Я сказал – нет. Сегодня я очень занят. Не знаю… А что случилось? Что?! Они совсем с ума сошли?! Сейчас, подожди… Сейчас, я сказал! И перестань, пожалуйста, плакать… Я сказал, сейчас спрошу… Спрошу, говорю!.. – Альфред прикрыл рукой трубку, повернулся к Мике. – Микочка, это Пусси…

– Я понял.

– Там этот мудак из Киева и эта кретинка Хайди решили образовать семью и кардинально сменить обстановку, для этого они собрали все старые вещи и собираются завтра все это повезти на Арнульфштрассе, на фломаркт, и распродать. Включая и Пусси… Ну, это примерно то же самое, если бы ты решил сдать меня в зоопарк.

– Не болтай гнусности! – рявкнул на него Мика. – Пусть немедленно едет сюда, к нам! Подожди, я сам за ней съезжу…

– Не надо, Мика! Во-первых, ты ее не увидишь. Это раз. А во-вторых, она и сама, если ты разрешишь, прекрасно сюда доберется. Она здесь бывала уже раз двадцать.

– Ах вот оно что! Темнила… Зови! Не держи барышню в подвешенном состоянии.

Радостный Альфред закричал в трубку:

– Пусси! Пусси, ты меня слышишь?.. Вали к нам немедленно! И не вздумай ничего брать с собой, я о тебе позабочусь!.. Ждем!

Альфред положил трубку, виновато посмотрел на Мику:

– Пусть у нас пару дней перекантуется, а там поглядим, ладно?

– Я и не знал, что это у тебя так серьезно, – сказал Мика.

– Я тоже не знал, – пожал плечами Альфред и отвернулся к компьютеру.

Вгляделся в монитор и заорал не своим голосом:

– Да!.. Я же совсем забыл посчитать самолет для тебя!

– Плюнь… По возрасту мне уже никто никогда не выдаст пилотского свидетельства.

– Что ты?! Ты же такой здоровущий, спортивный!..

– «Все в прошлом…» – есть такая картина у одного из русских передвижников, – грустно усмехнулся Мика. – Хотя поглядеть, что они там сейчас продают, было бы интересно.

– Я порылся в интернете – там сотни типов! Разброс цен феноменальный: старенькие «сессны» – от двадцати пяти тысяч

долларов, «Бич-Бонанза А-36» девяносто четвертого года выпуска, такая лапочка, – до трехсот тысяч. Но это ты должен все сам посмотреть… Между прочим, нам может понадобиться большой морской катер человек на сорок и с аппарелью для микроавтобуса – мало ли что.

– Правильно, – сказал Мика. – Слушай, Альфред, а она сможет дотянуться до звонка?

– Кто? – Альфред был еще весь в интернетовских сообщениях и расчетах.

– Кто?.. Хрен в пальто! Пусси твоя!..

– А на кой черт ей звонок, Мика?! Пройдет сквозь стенку, поднимется на четвертый этаж и здрасте вам, пожалуйста. Это же тебе не барышня с улицы. Домовица все-таки. Хоть и немецкая…

– Я и забыл…

– То-то. Значит, так, Мика. Если учитывать покупку самолета и большого катера с микроавтобусом, то у нас с тобой остается еще девять миллионов долларов! Не слабо…

– Не У НАС, Альфред! Черт бы тебя побрал!.. Не имело смысла мне на старости лет становиться профессиональным убийцей, киллером, чтобы заработать эти миллионы!!! Эти деньги составят Фонд обеспечения наших стариков – тех, кого мы с тобой пригласим на наш остров! Ясно тебе?! А мы с тобой будем жить на те деньжишки, которые заработаем картинками. Понял, компьютерщик херов?! Заказывай билет. Завтра же и полетим к твоим грекам…

Неожиданно Альфред пригорюнился:

– Мика… Я не могу лететь завтра.

– Ох, Альфред, не доведут тебя яйца до добра! – укоризненно проговорил Мика и прямо спросил: – Из-за своей Пусси?

– При чем здесь Пусси?! – окрысился Альфред. – Пусси вообще останется в Мюнхене сторожить наш дом. – И добавил в полном отчаянии: – Мне просто не в чем лететь… Оказывается, я из всего ВЫРОС. Я ничего не могу надеть – мне все тесно и коротко. Ты разве не видишь?..

⁂

Очаровательный пустынный островок в Эгейском море, в тридцати девяти морских милях от главного города острова Крит – Ираклиона, был куплен Микой и Альфредом всего за один миллион

семьсот тысяч долларов, включая в эту сумму и специальные налоговые доплаты за владение земельными участками на территории иностранного государства. Что сразу же увеличивало остаток предполагаемого фонда содержания приглашенных стариков минимум на полтора миллиона!..

…На Крите, в аэропорту Ираклиона, их встретили представители сразу двух фирм – «Аргонавт-компани Лимитед», торгующей греческими островами, и «Санфлауэр дель вебб коммюнити», американского филиала в Греции.

И те и другие были убедительно представлены большим и комфортабельным вертолетом, опытными агентами с тучей альбомов и заранее задокументированными ответами на возможные вопросы.

Предположим: «Какая температура воды и воздуха в феврале на таком-то острове?» Мгновенно раскрывается один из альбомов, и вы собственными глазами видите, что в феврале воздух 20 градусов тепла, а вода, уж извините, 17! Зато в ноябре у нас 20–25 тепла, а вода прогревается до 25! Про август и говорить нечего – рай!..

И «роза ветров» у нас постоянная, с крайне незначительными колебаниями только лишь по скорости ветра, а направление всегда одно и то же – зюйд-вест. И если вам захочется пользоваться собственным самолетом, то взлетно-посадочная полоса будет сделана для вас именно с учетом всего вышесказанного!..

Во встречавшей группе был и русский переводчик – милый грузинский мальчик лет двадцати из Тбилиси, который до своих десяти лет, до момента отъезда семьи в эмиграцию, даже и не подозревал, что он – «грек».

Тридцать различных по величине домиков, заказанных у «Санфлауэра», обошлись тоже не в три миллиона шестьсот тысяч долларов, а значительно дешевле.

Компания, узнав, КТО будет жить на этом острове и КТО его покупает, сделала широкий рекламно-политический жест и снизила с общей суммы контракта почти пятнадцать процентов!

О чем тут же не преминула дать по телефону сообщения в прессу Америки и Греции.

Однако все восторженные всплески Альфреда по поводу экономии его предварительной сметы были сведены на нет неучтенной

раньше стоимостью постройки небольшого аэродромчика с ангаром и возведения причала для большого морского катера…

Нервное состояние Альфреда в какой-то степени передалось и Мике. Но больше всего оно подействовало на грузинско-греческого мальчика! Тот стал пугливо оглядываться по сторонам и вопросительно посматривать на Мику.

Еще в аэропорту Ираклиона, при первом же знакомстве, маэстро Поляков подарил одну книгу своих зарисовок из цикла «Ироническая география» под заголовком «МИКА шляется по Калифорнии» представителям «Санфлауэра», а вторую книгу той же серии, называвшуюся «МИКА разглядывает Грецию», – агентам «Аргонавта».

Американцы и греки хохотали, разглядывая свои альбомы, а потом греки на полном серьезе стали утверждать, что мистер Поляков – абсолютный грек, да к тому же и с исконно греческим именем МИКА! Пример тому – Микас Теодоракис и еще с десяток уж-ж-жасно известных греков-Микасов!

…Купленный остров был седьмым по счету.

Осмотр первых шести занял весь первый день пребывания на Крите…

Все шесть были отвергнуты Микой и невидимым Альфредом по причинам, совершенно необъяснимым для представителей «Аргонавт-компани лимитед», а также главного архитектора и агента «Санфлауэра».

Ну действительно, не скажешь же деловым и прагматичным сотрудникам двух очень серьезных фирм, что… ВСЮ ЖИЗНЬ МНЕ СНИЛОСЬ ЧТО-ТО ДРУГОЕ?!

С надвигающейся темнотой вертолет был вынужден вернуться в Ираклион. Договорились завтра вылететь на другие острова ровно в семь часов утра.

Всех привезли в дорогой отель на японском восьмиместном минивэне «лексус». Мике пришлось втаскивать Альфреда в машину на руках. Никак он не мог в толчее незаметно проскользнуть в салон. Пройти же СКВОЗЬ кузов Альфред не рисковал – там могли быть электрические провода, которых он панически боялся.

У самого входа в отель Мику отозвал в сторонку греческо-грузинский мальчик-переводчик и, боязливо оглядываясь, тихо, так чтобы не услышали остальные, сказал Мике:

– Господин Поляков… Вы, наверное, подумаете, что я, может быть, того… Но я хотел бы об этом спросить у вас. Люди из «Санфлауэра» и «Аргонавта» для меня совсем чужие, а когда я посмотрел ваши рисунки, мне показалось, что я могу вам доверять…

Мика уже догадывался, о чем хотел сказать этот симпатичный грек грузинского розлива. Альфред притаился за Микиной спиной…

– Вы знаете, батоно Микас, – сказал мальчик, – когда мы летали по островам и вот сейчас в автомобиле… мне все время казалось, что с нами есть кто-то еще… Только вы не смейтесь… Он – невидимый!!! Но не очень… Раза два-три он промелькнул у меня перед глазами – что-то вроде пацана лет двенадцати, но, кажется, с бородой и усами… Такое может быть?

В вертолете Мике вдруг тоже показалось, что Альфред на мгновение стал ВИДИМЫМ и для всех остальных. Но за деловыми разговорами, кроме Мики и, оказывается, вот этого паренька, неожиданного ЯВЛЕНИЯ Альфреда никто не заметил…

Альфред испуганно дернул Мику за штанину.

– Я думаю, что тебе это показалось, – мягко улыбнулся пареньку Мика. – Мы все так сегодня устали, что померещиться может всякое… Ты впервые летал на вертолете?

– Да.

– Со многими, кто впервые взлетает на вертолете, происходит то же самое. Не пугайся, мы все через это прошли…

Мика вытащил из кармана джинсов кошелек, достал оттуда сто долларов и протянул их этому пареньку. Тот замахал руками:

– Что вы, батоно Микас!.. Нет-нет!.. Я получаю на фирме, я не могу брать этих денег…

– То, что ты получаешь на фирме, – это твоя заработная плата. То, что даю тебе я, – премия. Приз. За прекрасную работу, за хороший перевод. Возьми, пожалуйста. Я тебе очень признателен за помощь.

В номере Мика строго сказал Альфреду:

– Вот что, друг ситный. Ты или построже контролируй себя и не ЯВЛЯЙСЯ посторонним людям, или уж становись окончательно ВИДИМЫМ, как все! В конце концов, ты уже давно перерос и превысил обязанности и возможности обычного Домового! Или…

– Что «или»? – испуганно спросил Альфред.

– Или… Или хотя бы побрейся. Посмотри на себя в зеркало – какой-то чудовищный меланж-акт!

– Что-о-о?.. – Альфред впервые услышал это слово.

– Дикое смешение стилей! Погляди, погляди на себя… Шорты, майка, сандалии, на башке почему-то черная американская полицейская шапка штата Нью-Йорк! Кстати, где ты ее скоммуниздил?

– Ты мне сам ее купил в Америке! – со слезами на глазах прокричал Альфред. – И потом, что это за наезды?! Здесь все ходят кто в чем хочет. При чем тут твой «меланж»?

– А эта окладистая извозчичье-дворницкая борода из рисунков Малаховского двадцатых годов? Что это, по-твоему?! Все так ходят?

– Но я же – ДОМОВОЙ, черт тебя подери, Мика!!! Мне эта борода и усы просто положены!..

– Кем ПОЛОЖЕНЫ?! – заорал в свою очередь Мика.

– Русским народным фольклором! – гордо заявил Альфред.

– Пощади меня, Альфред, не смеши… Сегодня ты имеешь такое же отношение к русскому фольклору, как я – к полинезийским танцам! Особенно когда ты сидишь у компьютера и шныряешь по интернету… Или отслеживаешь «Клиента» для того, чтобы я мог его прикончить. Или когда ты трахаешь свою Пусси во все завертки в соседней комнате, не давая мне уснуть, как ты сделал это в последнюю ночь перед нашим вылетом из Мюнхена в Ираклион! Так что, как говорится, чья бы корова мычала…

– А что? Было слышно? – с некоторым мужским превосходством смущенно спросил Альфред.

– Еще бы! Пусси верещит, ты гакаешь, будто дрова для деревенской бани колешь, потом вы бегаете в ванную, потом снова верещите и гакаете… Можно уснуть?

– Прости меня, Мика…

– Бог простит… Раз уж ты растешь, как мы оба заметили, значит, с тобой происходит какая-то трансформация. Так?

– Да…

– И я подозреваю, что недалек тот день, когда ты окончательно превратишься в Человека. Я смотрю, тебе уже и под потолок взлетать стало тяжеловато, правильно? И ты все реже и реже зависаешь в воздухе…

– Да, но…

– Секунду! Я не закончил. Ты уже утрачиваешь свои, как ты сам это называешь, ПОТУСТОРОННИЕ возможности…

– Я надеюсь, что это временно, – неуверенно проговорил Альфред.

– Да нет, дружочек… Это уже процесс необратимый! Вспомни сегодняшнее утро, когда мы выходили из номера, чтобы ехать на вертолетную площадку. Я вышел в коридор, естественно, через дверь. Ты же по своему Потустороннему обычаю решил пройти сквозь стену. И что? И что, я тебя спрашиваю!

– Ну застрял, – смущенно признался Альфред.

– Правильно! И мне пришлось тебя вытаскивать со стороны коридора!.. Следовательно, ты не только стал расти, но и терять свои сказочные, фольклорные способности. И это нормально, Альфредик! Ты существуешь в РЕАЛЬНОМ мире и, смею надеяться, уже почти двадцать лет живешь в интеллигентном окружении. Это я о себе… – усмехнулся Мика. – Невозможно жить в обществе и оставаться вне общества. Мы и так с тобой от многого отгородили себя. Но процессы изменения и преобразования Личности будут происходить с нами всегда! По закону компенсаторного замещения. Теряя одно, мы обязательно приобретаем что-то другое. Сейчас ты перестаешь быть Домовым и становишься Человеком, Альфред… Я не знаю, насколько это все затянется, но я точно знаю, что это уже началось!..

– Боже мой, Микочка! Что же делать?! – с ужасом воскликнул Альфред. – Значит, совсем скоро на моем пути встанет лес проблем – документы, визы, таможни!.. Наконец, Пусси!..

– Это все – мура собачья. Документы мы тебе в России купим любые и запросто сделаем их официальными. А вот Пусси – это действительно проблема серьезная. Сможешь выскрести из нее все, что за столько лет в нее привнесла Хайди, – мелочную расчетливость, внутреннее бескультурье, жадность, фальшивость манеры поведения, постоянное желание быть в окружении каких-то дам полусвета и мужчин полубизнеса – ты выиграл! Сможешь, как Господь Бог, сотворить из Пусси ЧЕЛОВЕКА – твое счастье! Не сможешь…

– Смогу, – неожиданно твердо сказал Альфред. – Ты пойдешь в ванную?

– Нет. Я на ногах не держусь от усталости.

– Тогда ложись и спи. Я приму душ, а потом, если ты не возражаешь, позвоню Пусси в Мюнхен. Узнаю, что у нас там дома…

⁂

Утром Мика проснулся с невероятным трудом.

Невыспавшийся, в дурном расположении духа, он оглядел соседнюю кровать, на которой, завернувшись с головой в одеяло, дрых Альфред.

Чтобы не устраивать толкотню в ванной, Мика решил разбудить Альфреда тогда, когда уже сам себя приведет в порядок.

От невыспанности Мика даже зарядку не стал делать. Боялся, что подскочит давление. Альфред полночи шушукался по телефону с Пусси. То давал ей какие-то строгие указания, то домогался признаний в любви, то бормотал вообще черт знает что!..

Несчастный Мика волей-неволей сквозь сон слышал обрывки этого воркования, а поэтому те несколько часов, которые ему удалось подремать, совершенно не освежили его.

Он принял душ, побрился, тщательно растер свою физиономию одеколоном «Гаммон», к которому пришел тернистым путем долгих поисков, проб и ошибок и остался ему верен навсегда.

«Навсегда – это сколько? – подумал Мика. – Год, два?..»

Вышел из ванной и растолкал Альфреда. Альфред что-то промычал и еще плотнее завернулся в одеяло. Тогда Мика не стал с ним церемониться и с громкой командой: «Эскадрилья, подъем!!!» – безжалостно сорвал с Альфреда одеяло.

И обомлел!!!

На Михаила Сергеевича Полякова семидесяти двух лет от роду, высотой в один метр и семьдесят восемь сантиметров, смотрел небольшого роста МИКА ПОЛЯКОВ лет тридцати пяти – тридцати восьми, с прекрасно развитой мускулистой фигуркой тринадцатилетнего мальчишки – точно такой же, какая была до войны у настоящего Мики Полякова, когда он выиграл первенство Ленинграда по гимнастике в разряде мальчиков!..

И не было на Альфреде никакой фольклорной бороды, никаких усов…

– Елки-палки, чтоб не сказать хуже… – только и вымолвил Мика. – Альфредик, это ты или я в миниатюре?

– Я, а что? – спросонок не понял Альфред.

– А где же борода, усы, ненаглядный ты мой?!

– А… Так я еще вчера сбрил, когда ты заснул. Ты же сказал…

– Потрясающе! – восхитился Мика. – И поэтому ты ночью проворковал с Мюнхеном примерно с полсамолета?.. Вставай, нас уже наверняка все ждут внизу, в холле.

– Подожди, Мика! – поспешно натягивая на себя шорты и майку, тревожно проговорил Альфред. – Если я сегодня в вертолете снова вдруг неожиданно начну ПРОЯВЛЯТЬСЯ, ты меня сможешь как-нибудь подстраховать?

– Попробую. В конце концов, как говорил мой дорогой и старший друг Вадим Евгеньевич Эйгинсон, биоэнергетические возможности человека неограниченны. Теперь попробуем использовать эту диковатую особенность моего организма на благо и спокойствие моего верного партнера.

⁂

Через тридцать минут после вылета с вертолетной площадки Ираклионского аэропорта, пролетев всего тридцать девять морских миль над Эгейским морем, приземлились на небольшом островке длиной в два с половиной километра и шириной в одну тысячу семьсот метров.

Еще в воздухе агент и представитель «Аргонавта» сообщили Мике, что этот островок названия не имеет – только порядковый номер в системе Греческой акватории. И если остров Мике понравится и ему захочется его приобрести, Мика может назвать этот остров любым именем, которое ему заблагорассудится. Оно тут же будет зарегистрировано во всех документах.

…Когда вертолет сел у самой кромки прозрачно-голубой воды, а Мика с Альфредом выпрыгнули на песок, им показалось, что они ВЫПРЫГНУЛИ ПРЯМО В СВОЙ СОН!..

Все вокруг было оттуда – из детских Микиных снов, возникавших на протяжении всей его долгой и путаной жизни…

Из снов, которые у Мики перенял Альфред, СУЩЕСТВО, созданное Микиным Воображением и Одиночеством…

ЭТО БЫЛ ТОТ САМЫЙ ОСТРОВ. Только пока еще без домиков…

Шелестели высокие пальмы над головой Мики Полякова – старого русского художника, ласково и тихо плескалась вода у ног его

Домового – Альфреда, заметно утрачивающего свою «Потусторонность», превращавшегося в обычного мужика, так безумно похожего на Мику Полякова тридцатилетней давности…

Пятеро человек вопросительно смотрели на растроганного старика – два представителя фирмы «Аргонавт» и двое из «Санфлауэра». А еще на Мику смотрел двадцатилетний мальчик-переводчик, который еще десять лет тому назад понятия не имел о том, что он – грек…

Только этот мальчик и Альфред видели слезы на глазах старика Полякова. Остальные деловито ждали его решения.

– Ну как? – наконец решился спросить агент «Аргонавта».

Мика посмотрел на него, не скрывая слез, хрипло и счастливо рассмеялся и сказал:

– Заверните!

⁂

В Мюнхен прилетели владельцами острова.

Взамен безликого канцелярского номера остров был зарегистрирован под названием «Микин остров».

Так назвать остров предложил молоденький греко-грузинский паренек-переводчик. Эта идея страшно смутила самого Мику и привела в восторг всех остальных. И Мика сдался…

Теперь во всех документах владельцами острова числились два человека: «Поляков Михаил Сергеевич и Поляков Альфред Михайлович».

При оформлении документов Мика объяснил, что Поляков Альфред – вот такое забавное имечко у русского человека!.. – является его ближайшим родственником, можно даже сказать, приемным сыном, который должен будет вот-вот появиться…

Он вдвое моложе маэстро Полякова-старшего и, естественно, обязан унаследовать все, если что-нибудь, не дай бог, произойдет с самим маэстро. А пока все в порядке, Поляков-старший сможет навалить на него весь комплекс административных обязанностей, которые самому маэстро по причине его почтенного возраста уже не под силу.

«Санфлауэр» пообещал сдать, как говорят теперь в России, «под ключ» тридцать домиков с кондиционерами, бассейнами, ваннами,

спальнями, гостиными, кабинетами, комнатами для гостей, факсами, телевизорами и телефонами ровно через четыре месяца!

В эти же сроки «Санфлауэр дель вебб коммюнити» обязан будет сотворить морской причал для большого катера с глубокой осадкой; взлетно-посадочную полосу для легкомоторных самолетов; ангар с авиаремонтной мастерской; водоопреснительный блок; небольшую электростанцию на жидком топливе; и конечно же, отдельный медицинский комплекс, оборудованный по самому последнему слову немецко-американской техники!

Для обслуживающего персонала был заказан один низкий и широкий большой дом с удобными квартирками и громадным бассейном.

Ко всему персоналу предъявлялось всего два требования:

1. Чтобы как можно точнее и деликатнее проникать в суть проблем, могущих возникнуть у пожилых русских людей, которые будут жить на этом «острове спасения» до конца своих дней, вся обслуга должна состоять из греческих эмигрантов, когда-то нахлебавшихся советской власти и покинувших Россию.

2. Для максимального удобства повседневного общения весь обслуживающий персонал обязан в равной степени владеть русским и греческим языками. Обладатели технических профессий, которым по долгу службы придется сталкиваться с «внешним миром», должны владеть английским и желательно немецким.

Грузинско-греческому мальчику-переводчику, которого, оказывается, звали просто Гурам Жвания, Мика предложил возглавить маленькую администрацию острова. И пока идет строительство, начать подбирать необходимые кадры.

Конечно, все это были неучтенные затраты…

От этого уже зарегистрированный в греческой банковской системе Фонд обеспечения русских стариков – представителей науки, культуры и искусства был сильно подорван. Ибо технические службы острова потребовали очень серьезных денежных вложений!

– Это я во всем виноват… – каялся Альфред. – Как я не просчитал все эти опреснители, электростанции?!

– Успокойся, малыш, – говорил ему Мика. – Можно подумать, что мы всю жизнь только и делали, что покупали острова в Эгейском море

и на собственные бабки организовывали фонды спасения обнищавшего русского старичья!

– И все-таки, и все-таки, и все-таки!.. Я обязан был это предвидеть!.. – отчаянно восклицал Альфред.

– Ну учел бы ты это, что изменилось бы? Денег же не стало бы больше, правильно? Что ты дергаешься?! Возьми ты себя в руки! Сейчас в России идет такая предвыборная заруба, такая свалка за власть и баксы, что ручаюсь тебе – вернемся в Мюнхен, и ты обнаружишь минимум три-четыре «заказа» по высшему разряду!.. А до переезда на остров у нас впереди еще четыре месяца – неужто мы с тобой за это время не заработаем денежку для нашего фонда, миллиона три долларов?! Тут есть проблемка посерьезней…

– Какая? – настороженно спросил Альфред.

– Проблема отбора стариков. По сравнению с необходимостью наши возможности микроскопичны. Вот и задумаешься – кого приглашать на наш остров?..

Мюнхен встретил Мику и Альфреда вылизанной квартирой, перестиранным постельным бельем, отглаженными рубашками и щедро и красиво накрытым столом.

Газеты были аккуратно сложены на рабочем столе Альфреда у компьютера в его комнате, а остальная почта – письма, счета от «Телекома», различные приглашения, адресованные Мике, – лежала у него в комнате, на столике у большой кожаной тахты.

На наклонном столе, за которым Мика рисовал, его ждал пакет из американского издательства «Фелдган энд Гринспен» с несколькими экземплярами его нового альбома из цикла «Ироническая география» – «МИКА бродит по Нью-Йорку»…

Мика распечатал пакет, просмотрел прекрасно изданный альбом.

«Забавно, что каждое убийство, совершенное мной, в итоге сублимируется в некую творческую удачу!.. – подумал он. – Взамен исчезнувшего с лица земли очередного сановного подонка и беспредельщика на свет появляется веселенький альбомчик смешных зарисовок тех краев, где я помог этому типу закончить свое омерзительное существование… Это тоже из области закона компенсаторного замещения?»

Мика еще раз оглядел чисто прибранную комнату, увидел свежую пижаму в кресле и крикнул:

– Пусси! Я тебе очень благодарен за все, что ты сотворила с этой холостяцкой берлогой!

Из комнаты Альфреда послышались какая-то возня и шушуканье, и Альфред прокричал Мике в ответ:

– Пусси очень рада, что тебе все так понравилось!

– А сама она не может мне это сказать?

– Она-то сможет… – крикнул Альфред. – А вот ты еще пока не сумеешь ее услышать. Ситуация та же, что была у меня с твоими приятелями. Помнишь?

– А то!.. – сказал Мика. – Как она тебя восприняла без твоих вторичных народно-фольклорных половых признаков? В смысле – без бороды и усов?..

– Целует! – крикнул Альфред. – Говорит, что мы с тобой оба очень загорели, а я вырос…

– Пусть догоняет!

– Я ей предложил примерно то же самое.

– А когда она собирается ЯВИТЬСЯ мне? – крикнул Мика.

Он снова услышал какое-то шушуканье в комнате Альфреда, затем шаги, и в Микиной комнате появился Альфред:

– Пусси сказала, что ЯВИТСЯ тебе и станет для тебя видимой тогда, когда поймет, что она достаточно хорошо для этого выглядит.

– Вот это Женщина! – искренне восхитился Мика. Он хотел сказать что-то еще, но Альфред приложил палец к губам и осторожно притворил за собой дверь. Сказал так тихо, чтобы Пусси не могла услышать:

– Есть четыре «заказа». Великоват разброс: Лас-Вегас – там один наш русак строит что-то гигантское, прикарманив два миллиарда долларов, которые он откачал из одной очень крупной сибирско-азербайджанской нефтяной компании. «Нефтяники» спрашивают, когда можно производить предоплату?

– Дальше, – сказал Мика.

– Испания. Андалузия. Конкретно – Гранада. Туда сбежал председатель Совета министров одной нашей бывшей союзной республики. Накрыл на семьсот восемьдесят миллионов долларов своих партнеров и подельничков – председателя ихней думы и самого президента этой бездарной страны… Слезно просят «разобраться».

«Естественная» кончина беглого предсовмина позволит им как партнерам по бизнесу войти во владение украденной суммой.

– Откуда еще?

– Москва и Тольятти…

– Нет. После нашего острова я даже подумать не могу о поездке в Россию в ближайшее время. При всей моей горькой нежности к этой израненной земле… Сколько лас-вегасский тип откачал из той сибирской компании жуликов?

– Два с чем-то миллиарда. Но не сразу, в течение трех лет.

– Не важно. А этот «заботливый отец карликовых народов» – беглый председатель Совета министров?

– Семьсот восемьдесят миллионов…

– Тоже не слабо… Значит, так! Запроси за «строителя коммунизма» из Лас-Вегаса полтора миллиона долларов. Если «Заказчики» согласятся – мы запросто подстраховываем наш фонд, что даст возможность приглашенным старикам прожить на нашем острове спокойно и безбедно.

– А как быть с этим ворюгой – предсовмина? Их президент и глава думы – она у них как-то иначе называется – уж так просили, так просили…

– Всех послать в жопу. И президента, и хозяина их полуграмотного парламента!.. Они так рвались из-под российской, как они тогда говорили, «оккупации» в свой вонючий суверенитет, так яростно запрещали у себя говорить по-русски, кстати, не зная собственного языка, что помогать им в их разборках у меня нет никакого желания. Ни за какие деньги! Ситуация-то примитивнейшая: вор у вора дубинку украл… На хрен нам с тобой туда влезать?! И потом, это может быть квалифицировано как «незаконное вмешательство во внутренние дела сопредельного государства». Тебе это нужно?

– Нет, – честно сказал Альфред.

– Мне тоже. Очень рад. Повторяю: если «Заказчики» по Лас-Вегасу согласны – закажи через свой интернет билет и отель так, чтобы мы могли вылететь только через неделю, не раньше. Мне необходимо отдохнуть перед работой. Да и здесь еще куча дел! Самое тяжелое – это список наших «островитян»… Потом, разрешение на их въезд в Грецию. «Аргонавт» и «Санфлауэр» обещали, что все будет в

порядке. Им только нужны точные данные по людям, которые поселятся на нашем острове. Американцы вообще предложили субсидировать научные и творческие упражнения наших стариков. Если те, конечно, захотят продолжать свою деятельность…

– А как насчет моих документов? – спросил Альфред.

– Утром созвонюсь со Степаном. Кроме твоих документов, нужно попросить Степку поднять все его бывшие и нынешние кагэбэшно-фээсбэшные связи, чтобы обеспечить беспрепятственный выезд нашим старикам из России. Каждому из отобранных послать персональное приглашение, включая всю его семью без количественных ограничений. И внятно объяснить, что все расходы по отправке, переезду и их дальнейшему существованию мы берем на себя.

– Как полетим? – спросил Альфред. – Это я про билеты.

– Очень просто: желательно без посадок и пересадок. Мюнхен – Лас-Вегас, Лас-Вегас – Мюнхен. Будешь резервировать отель в Лас-Вегасе – обязательно закажи «Харрас». Там чудесный бассейн и очень неплохое шоу с уймой русских актеров…

– Уточни мне сроки, Мика, – попросил Альфред.

– Я же сказал: получишь подтверждение нашему увеличению гонорара – вылетаем через неделю. Подсчитай сам. И потом, не могу же я улететь, не увидев ЯВЛЕНИЯ Пусси?!

⁂

Самое тяжелое было – составить список будущих «островитян».

Полночи Мика просидел над листом бумаги под откровенно-сексуальную возню, доносившуюся из комнатки Альфреда. А однажды даже услышал болезненный стон Пусси, тихий взвизг и фразу, сказанную ею по-немецки:

– О готт!.. Какой ты стал большой!.. Осторожней, умоляю…

«Вот я и опять в коммуналке…» – подумалось Мике.

И все-таки список был составлен!

В него вошли семь прекрасных старых художников абсолютно разных школ и направлений. Старики сегодня были никому не нужны и влачили гибельное, полукладбищенское существование… Несколько случайно еще не умерших стариков актеров, безработных, голодающих режиссеров и бывших властительниц дум и помыслов творческой молодежи – актрис старого театра и черно-белого кино…

Десяток известнейших в прошлом ученых – бывших физиков-теоретиков, грандиозных математиков, невостребованных химиков, филологов мирового уровня, блестящих потомственных врачей-клиницистов, давно уже распродавших все свое фамильное интеллигентское барахлишко, чтобы еще немного продержаться на этом свете…

Мика факсом отослал этот список Степану, потом взял и позвонил ему по телефону. В Мюнхене было три часа ночи, в Петербурге – пять часов утра.

– Алло… – прозвучал в трубке сиплый, сонный голос Степана.

– Степаша! – сказал Мика. – Нужно ли мне напоминать тебе старое как мир утверждение Светлова, что «Дружба – понятие круглосуточное»?

– Мишаня! – просипел Степан. – Сукин кот! Другого времени не было?..

⁂

Днем Мика повел Альфреда фотографироваться на документы.

Почти на всех станциях мюнхенского метро стояли кабинки фотоавтоматов, где за шесть марок это чудо фототехники фотографировало человека и через пять минут выдавало четыре черно-белые фотографии. За восемь марок – цветные.

Мика усадил Альфреда в кабину, опустил восемь марок. Четырежды вспыхнула блицлампа, и через пять минут из автомата выползла горячая и влажноватая полоска фотобумаги, на которой не было ничего!

Только слабенький абрис силуэта… И все!..

Мика не поверил своим глазам. Альфред сильно огорчился.

Тогда Мика решил, что этот фотоавтомат неисправен, и повел Альфреда к другому. Загубили еще восемь марок и получили точно такую же длинненькую полоску фотобумаги, где в столбик должны были располагаться четыре цветные фотографии Альфреда для паспорта.

И снова, кроме еле видимого силуэта, там не было ничего!!!

Альфред чуть не плакал.

Мике стало жалко его так, что даже сердце защемило!

– Не будем торопить события. – Мика обнял Альфреда и прижал к себе. – Наверное, ты все еще очень мощно пребываешь в системе

«Потусторонности». Но у меня есть превосходная идея!..

Из дому он снова позвонил в Петербург другу Степе.

– Степик, у тебя сохранились какие-нибудь мои фотографии того времени, когда мы с тобой ездили в Гагры на блядки? Или когда рыбачили на Северной Двине?

– Полно, и не только с блядок и рыбалки.

– Вот выбери для паспорта Альфреда Михайловича Полякова одну из моих фотишек того времени и попроси своих спецов, чтобы они сделали ее «паспортной». И воспользуйся ею, хорошо? Я в то время и он сегодня – одно лицо. Остальное у тебя все записано – число, месяц и год рождения. Ну и так далее…

– Ну ты даешь, старый хрен! Парнишке уже под сороковник, а ты все помалкивал. От кого хоть, скажи? Я ее знал?

– Степаша, при встрече – словечка не утаю. А сейчас… По телефону всего не скажешь, и пришли мне адреса всех перечисленных в моем факсе. Кто еще жив, кого уже нет…

– Пришлю, не волнуйся. А с визой как у этого Альфреда?

– Попробую здесь подсуетиться.

– Не надо, Мишаня. Я слышал – ты сейчас в большом порядке. Я тебе дам номер счета одного нашего человечка – немца, перекинь ему в «Коммерцбанк» на этот счетик штучек десять «зелени», и я смогу прислать тебе паспорт твоего Альфреда уже с бессрочной шенгенской визой. Годится?

– Нет проблем!

– Когда в Питере-то будешь? А то меня вместе с моим шефом скоро или взорвут, или пристрелят – так и не успеем повидаться.

– Типун тебе на язык и два на жопу! – сказал ему Мика. – Диктуй номер счета.

За неделю до отлета в Лас-Вегас произошло много событий.

«Заказчик» безоговорочно принял резкое повышение тарифа на убийство – так им нужны были анонимность и видимость естественной кончины «Заказанного Клиента», которые начисто исключали бы малейшие подозрения в причастности «Заказчика» к этой смерти.

– Запросили бы по два миллиона – тоже бы согласились, – заметил Альфред. – Больно много у них стоит на кону…

– Не наглей, – ответил ему Мика. – Ты – интеллигентный Домовой, и жадность тебе не должна быть свойственна.

Два дня Мика сочинял для каждого старика отнюдь не казенное приглашение и вместе с письмом посылал печатные изображения и планы домиков и окружающего его ландшафта…

Впервые за много-много лет подписался: «Заслуженный деятель искусств РСФСР, лауреат Государственной премии, член Союза художников России Михаил Сергеевич Поляков».

А дальше, в скобках, поставил – МИКА.

И оказалось, что сделал очень правильно!.. Не то, что упомянул все свои советские звания, а то, что в конце приписал: МИКА.

Эта незатейливая подпись МИКА и явилась основным фактором в принятии решения. И дети, и внуки приглашаемых стариков воспитывались на книжках, картинки к которым когда-то рисовал именно этот МИКА. Эта же короткая подпись и перечеркнула извечные русские сомнения в том «Кто виноват?» и «Что делать?», за последние годы переродившиеся в проблему «Ехать или не ехать?».

…Альфред получил заказным письмом паспорт гражданина России с бессрочной немецкой шенгенской визой.

Пока Альфред был еще невидим, паспорт этот был ему ни к чему, и Мика припрятал его подальше.

– Не пройдет и трех-четырех месяцев, как эта красненькая книжица с золотым цыпленком табака на обложке и моей фотографией внутри станет для тебя основным документом, утверждающим твое законное появление на земном шаре! – торжественно сказал Мика.

Он откупорил банку «Карлсберга» для Альфреда, смешал себе джин с тоником и льдом, и они отпраздновали это событие.

…Греки дали официальное разрешение проживать на Микином острове в Эгейском море всем представленным в списке. Навсегда и с неограниченным передвижением по всей стране и за ее пределами.

Но это уже была заслуга «Аргонавт-компани Лимитед» и «Санфлауэр дель вебб коммюнити». Чтобы, не дай бог, не потерять заказа на добрый десяток миллионов долларов, эти две могучие фирмы так нажали на греческое правительство, что тому ничего не оставалось делать, как немедленно дать такое разрешение…

…Самолет компании «Дельта» отлетал из Мюнхена только в три часа дня, и утро практически оказалось свободным. Тем более что

Пусси собрала все их дорожные шмотки еще с вечера.

Теперь в комнате Альфреда и Пусси шла какая-то шурудня и перешептывания. Мике готовился сюрприз, и его просили пока не высовываться из своей комнаты.

«Господи!.. – думал Мика. – Если бы кто-нибудь когда-нибудь сказал мне, что я буду жить в одной квартире с двумя влюбленными Домовыми – русским и немецким… или, вернее, немецкой, да я бы просто посчитал этого человека сумасшедшим! А если бы этот выдумщик и фантазер сказал, что НАРИСОВАННЫЙ мною же Домовой станет САМЫМ БЛИЗКИМ МНЕ СУЩЕСТВОМ В МИРЕ, я бы собственноручно отправил его в Институт Сербского, на Канатчикову дачу, на Пряжку… Ну куда еще отправляют психов?»

Так размышлял Мика, перебирая содержимое своего бумажника – кредитные карточки, паспорт с трехлетней многократной американской визой, билет компании «Дельта», полтораста немецких марок на такси до мюнхенского аэропорта и с сотней долларов мелкими купюрами на такси и чаевые – уже от лас-вегасского порта до отеля «Харрас», стоящего в самом центре знаменитого Стрипа – самой роскошной улицы этого неправдоподобного города…

Свой мобильный телефон-компьютер «Нокия 9110», хранивший секретный код его счета в «Чейз-Манхэттен-банке», Мика положил сразу же в карман куртки, которую он должен будет надеть перед выходом из дома.

Альфред научил Мику нескольким самым примитивным операциям на этом чудо-телефоне, а в девяносто девять и девяносто девять сотых процента возможностей этой «нокии» Мика даже не стал вникать!

– Мика! Ты готов? – крикнул из прихожей Альфред.

– К чему? – спросил Мика.

– К легкому «юберашунгу»! – прокричал Альфред, безжалостно русифицировав немецкое слово, означающее «неожиданность».

– Готов к чему угодно, – легкомысленно ответил Мика.

Тогда Альфред настежь распахнул дверь Микиной комнаты и тоном опытного работника советской торговли прошлых лет торжественно и многообещающе произнес:

– Только для вас!!!

И в комнату Мики в чудесном и ярком баварском костюмчике вошла маленькая прелестная женщинка ростом с восьмилетнюю девочку. Она ничем не напоминала ту старую облезлую куклу, вечно валявшуюся на продавленном диване в гостиной Микиной бывшей приятельницы Хайди. Разве что только огромные голубые глаза…

Мика знал, что рано или поздно ЭТО должно было произойти. Но к ТАКОМУ ЯВЛЕНИЮ он явно был не готов!

– Пусси?! – только и смог вымолвить Мика.

– Я-а, герр Мика, – ответила Пусси и присела в книксене.

– По-русски, по-русски говори!.. – зашипел на нее Альфред.

– Да, это я – Пусси, – с легким акцентом повторила бывшая кукла.

В полном восторге Мика подхватил ее на руки, расцеловал в обе щеки и осторожно поставил на пол.

– Господи! Да какая же ты очаровательная, Пусси!.. – воскликнул Мика и потрясенно покачал головой. – Ну, Альфред… Ну, везунчик!.. Это надо же?!

Пусси смотрела на Мику большими голубыми глазами, смущенно улыбалась, и Мика видел, как Пусси постаралась незаметно взять Альфреда за руку, словно ища в нем поддержки, в этой чуточку нелепой ситуации «смотрин».

И тогда Мика решил снять напряжение.

– Ребята! – сказал он самым простецким тоном. – А не устроить ли нам второй завтрак всем вместе? А то когда еще в самолете покормят…

⁂

В связи с резким увеличением суммы гонорара за предстоящую «работу» на этот раз летели бизнес-классом.

Стоило это намного дороже. Почти пятнадцать часов полета в обычном салоне туристского класса для человека преклонных лет достаточно утомительны.

Поэтому Альфред, даже не спросясь у Мики, заказал для него самый дорогой билет.

Отдельный салон впереди, широченное и очень мягкое кресло, повышенное внимание к любой просьбе пассажира, бесплатные горячительные напитки в неограниченных количествах и достаточно разнообразное меню даже с черной зернистой икрой на горячих тостиках…

И очень большие закрытые багажные полки над широкими креслами. Там Альфред даже мог вытянуться во всю длину своего заметно подросшего тела, где сразу же после взлета и задрых без задних ног.

А Мика потягивал «Джонни Уокер» без содовой, но с большим количеством льда, и в его глазах стояла эта маленькая прелестная Хаусгайстерин – Домовица Пусси с огромными голубыми глазами.

Кого-то она напоминала Мике… Кого-то из очень, ну просто невероятно далекого прошлого!..

Мика глянул в окно, в синеву холодного неба, посмотрел вниз и вместо земли увидел перинную взбитость облаков, прикрывающих мир от этой небесной синевы… И вдруг вспомнил!..

…Не то пятьдесят третий, не то пятьдесят четвертый год?.. Больше сорока пяти лет тому назад!!! Ленинградский цирк на Фонтанке… Ансамбль лилипутов под руководством Качуринера… Студент Высшего художественного училища имени Мухиной Миша Поляков халтурит, прирабатывает в цирке – рисует эскизы костюмов для новой программы ансамбля лилипутов!..

…И насмерть влюбленная в Мику лилипутка, двадцатитрехлетняя красотка танцовщица с громадными, как у Пусси, голубыми глазами, идеальной женской фигуркой и ростом с семилетнего ребенка…

«Чур меня, чур!..» – говорил себе тогда Мика, а сам был не в силах оторвать от нее своих глаз… Она рыдала, умоляла его быть с ней!.. Сгорая от стыда, успокаивала его, объясняла ему, ЧТО ВСЕ ВОЗМОЖНО… Что она все-все вытерпит!.. Что с ней такого никогда не бывало!..

А двадцатисемилетний Мика Поляков, изнывая от сумасшедшего, какого-то бесовского, испепеляющего желания, трусливо не подпускал ее к себе, старался не оставаться с ней наедине – все ему казалось это нечистым, отвратительно-запретным, болезненным влечением к маленькой девочке, чего он, настоящий и уже даже очень искушенный мужик, никогда не смог бы себе позволить!..

Когда же в цирке начали шушукаться и недобро на него посматривать, Мика отдал недоработанные эскизы костюмов художественному руководителю ансамбля и уехал на спортивные сборы в Москву, готовиться к первенству Советского Союза по гимнастике…

От греха подальше.

⁂

Самый центр пустыни Невада – фантастический город Лас-Вегас, как и полагалось ему, встретил Мику и Альфреда раскаленной жарой за тридцать пять градусов в тени по Цельсию. По Цельсию потому, что в Америке все температуры считаются по Фаренгейту, а европейцам Мике Полякову и Альфреду Цельсий был как-то ближе и роднее…

Короче, густой раскаленный воздух пустыни Невада можно было резать ножом и раскладывать порционно!

Зато Мика и Альфред в этом же Лас-Вегасе обнаружили такое количество кондиционеров в такси, казино, ресторанах, отелях, забегаловках, сувенирных лавках, автобусах, надземных переходах и зрительных залах, что этим количеством аппаратов, вырабатывающих спасительную прохладу, можно было бы превратить половину Европы в яркую климатическую иллюстрацию Антарктиды в самое холодное для нее время года!..

Два наиболее ярких впечатления от первого часа пребывания в пышущем плавильным жаром Лас-Вегасе обрушились на Мику и Альфреда сразу же у отеля «Харрас».

Когда их такси подкатило под гигантский козырек главного входа в отель и Мика с Альфредом только лишь приоткрыли дверцу прохладного такси, то сразу же взмокли, будто окунулись в горячую ванну.

Сновали служащие в красно-золотой униформе. Мгновенно распихивали по подъезжающим такси и лимузинам маленькую очередь из респектабельных пожилых людей в шортах и майках с тридцатитысячными «Ролексами» и «Картье» на загорелых руках.

Такси Мики и Альфреда занял тощий высокий негр средних лет в высоком белом шелковом цилиндре, небесно-голубых порточках и белых лакированных туфлях с длинными, острыми носами и на высоких каблучках. И все было бы ничего, если бы этот негр не был еще и одет…

…В НАГЛУХО ЗАСТЕГНУТУЮ НОРКОВУЮ ШУБУ с поднятым воротником! Для такой жары это было поистине сильное зрелище!

Не менее серьезное впечатление на Мику и Альфреда тут же произвела пара молодоженов, решившая провести свою медовую

недельку в койке отеля «Харрас». Они стояли перед Микой и Альфредом у стойки администратора и оформляли заранее заказанный номер.

Жених был – верх элегантности. С простоватой, багровой от солнца физиономией, он был в слегка великоватом ему смокинге с искусственной бутоньеркой в петлице, а невеста (вот уж кто мог составить достойную конкуренцию тому негру в цилиндре и норке!..) – в длинной свадебной фате чуть ли не до пят, мужской рубашке навыпуск, в старых блеклых джинсах и кроссовках не первой свежести!

– Тоже – не слабо, – негромко сказал Мика Альфреду.

Альфред хихикнул. Невеста в фате и джинсах вдруг неожиданно испуганно шарахнулась в сторону и на вопрос жениха, что случилось, ответила:

– Мне показалось, что рядом со мной промелькнула большая собака!..

Хотя это всего-навсего был Альфред, который под влиянием дальнего перелета, жары, негра в норке и невесты в кроссовках на мгновение потерял над собой контроль и оказался ВИДИМЫМ!..

– Собака?! – заржал жених в смокинге. – Я тебе говорил: «Мэгги, кончай пить, кончай пить!..» Говорил, Мэгги?!

– Не беспокойтесь, мэм, – сказал стоявший неподалеку агент секьюрити отеля. – В нашем отеле нет ни одной собаки.

– Почему-то этой стерве не пришло в голову ни одно другое животное?! – оскорбленно вопил Альфред на весь номер, раскладывая вещи из чемодана по полкам шкафа. – Собака ей, видите ли, причудилась? Дура…

Мика участия в распаковке не принимал.

Сбросив туфли, лежал на широченной кровати. Внутри груди что-то поднывало, от дикой усталости не было сил пошевелиться.

«Старею, старею, старею… – думалось Мике. – Раньше до Австралии по двадцать часов летал – как огурчик!.. А теперь?.. О господи… Хоть бы Альфред заткнулся!»

– И главное, именно СОБАКА ей померещилась!.. Корова! – не мог успокоиться Альфред.

– Да уймись ты… – вяло проговорил Мика. – Ну не знает она других животных. А ты не ЯВЛЯЙСЯ кому ни попадя, следи за

собой… Всему свое время. Потом и захочешь стать НЕВИДИМЫМ, ан все – поезд ушел… Пользуйся, пока есть возможность. Сегодня твоя НЕВИДИМОСТЬ – добрая половина успеха нашей работы.

– Ты это честно? – польщенно спросил Альфред.

– Да. Измерь мне, пожалуйста, давление.

– Тебе нехорошо? – встревожился Альфред.

– Устал очень…

Альфред быстро накинул манжетку тонометра на правую руку Мики, измерил давление.

– Сто шестьдесят на девяносто пять. Не ой-ой-ой, но нужно его стабилизировать. Вот норваск. И еще на ночь примешь. Запьешь из-под крана?

– Открой мини-бар. Там должна быть минеральная.

Мика принял таблетку норваска.

– Подремлешь немножко? – спросил Альфред.

– С удовольствием… А ты потихоньку включи телевизор, развались в кресле. Небось тоже вымотался?..

– Я найду себе занятие, – сказал Альфред. – Дай-ка я тебе слегка помогу.

Он положил свою мальчишечью ладонь Мике на глаза и тихо проговорил:

– Отдыхай, Микочка…

«Здорово он насобачился ЭТО делать…» – подумал Мика и погрузился в глубокий сон.

…Когда он открыл глаза, был уже вечер. Альфред тихо, как мышка, сидел в глубоком кресле с компьютерным телефоном в руках.

Вещи были все распакованы, пустой чемодан и сумка убраны. На столе стояла маленькая распечатанная баночка из-под американского пива «Будвайзер».

Альфред улыбнулся проснувшемуся Мике:

– Смотри, что я обнаружил в мини-баре. Ничуть не хуже моего любимого «Карлсберга»!

– Какие новости? – спросил Мика, с трудом садясь на кровати.

Альфред ткнул пальцем в телефонный компьютер, сказал:

– В «Чейз» поступил аванс на наш кодовый счет. «Заказчики» – в ожидании результата.

– Прекрасно. Что в Мюнхене у Пусси?

– Ты слышал, как я с ней разговаривал? – удивился Альфред. – Странно! Я же специально для этого запирался в ванной…

– Нет, я не слышал. Я благодаря тебе, Альфредик, спал как убитый. Просто я не могу допустить мысли, что ты еще не разговаривал с Пусси…

Альфред отхлебнул пива из банки.

– Дома все в порядке… На автоответчике три записи: одна из нью-йоркского издательства, вторая – наш генконсул приглашает тебя на посиделки с новым министром культуры Баварии, и третий звонок – поляки предлагают тебе возглавить жюри конкурса «Современная европейская карикатура». Из «Финансамта» пришел счет на оплату налога за нашу «мазду».

– Все? – недоверчиво спросил Мика.

– Нет, не все, – согласился Альфред. – Пока ты спал, я попытался разыскать лежбище нашего «Клиента». Живет он почти за городом – рядом с «Баффало Билл». Там такой дом – обалдеешь! Забор – Кремлевская стена!.. Как говорят, об подойти – не может быть и речи! Охрана, телекамеры, навороты разные электрические – кошмар… Вот что значит спиз… украсть два миллиарда!.. Его стройка сразу же за «Цезарь-паласом» по Фламинго-роуд, совсем рядом со Стрипом. С Лас-Вегас-бульваром… Говорят, что наш хочет перещеголять чуть ли не всех!.. На работу летает вертолетом или ездит на бронированном «линкольне» с такой охраной, что и президентам не снилась… Я слышал, что половина местной игорной мафии уже чуть ли не легла под него. Идет по трупам. Знай наших! – чуть ли не с гордостью закончил Альфред.

– А как он выглядит?

– Очень неплохо. Что-то явно восточное. Тонкое, породистое лицо. На месте стройки его комплекса полно плакатов с его фотографиями. Можем прошвырнуться – сам посмотришь…

– Играет?

– Нет. Очень любит цирк.

– И снова «цирк» – «покой нам только снится…», – чуточку напряженно сказал Мика.

– Завтра он будет в «Белладжио» на спектакле «Цирк дю Солейль». У него там шуры-муры с одной нашей художественной

пловчихой. Ты знаешь, Мика, в этой цирковой программе процентов шестьдесят наших – русских! – с гордостью проговорил Альфред.

Мика встал с кровати, потянулся до хруста костей:

– Правильно… Каждый должен выбирать себе свой ОСТРОВ. Давай действительно прошвырнемся. Поглядим на «тонкий, породистый» лик нашего будущего «Клиента». Господи, как же я давно не был в цирке!..

⁂

…На следующий вечер со спектакля «Цирка дю Солейль» в «Белладжио» Мика еле доплелся до своего номера в «Харрасе». И тут же рухнул без сил.

К утру стало еще хуже. Небритый Мика с седой щетиной и потухшими глазами почти неподвижно лежал на кровати, а верный Альфред сидел у него в ногах и по-русски вслух читал ему английский текст утренней газеты «Ю-Эс тудэй»:

«Вчера, в 10 часов 30 минут вечера, в отеле „Белладжио”, в гигантском амфитеатре, построенном специально для водной феерии спектакля „Цирк дю Солейль”, по окончании представления, прошедшего, как всегда, с грандиозным успехом, в одном из кресел для зрителей был обнаружен труп сорокадвухлетнего мистера Рифката Галиева – крупного бизнесмена, недавнего выходца из России.

Причина смерти – обширное кровоизлияние в мозг с мгновенной остановкой сердца.

Р. Галиев так и не успел осуществить свой невиданный по размаху проект строительства одного из крупнейших и дорогих отелей Лас-Вегаса в стиле а-ля рюсс, с самой большой в мире системой игорных залов и казино. По предсказаниям ведущих экономистов этой отрасли, уже через год после осуществления этого проекта имя Рифката Галиева могло бы войти в список богатейших людей Соединенных Штатов.

По неподтвержденным данным, Р. Галиев стоял во главе русско-азербайджанской мафии, рассредоточенной в самых разных штатах Америки.

Четверо его телохранителей – двое сидели по бокам Р. Галиева, один сзади и один спереди – сразу же после случившегося в отеле „Белладжио” дали показания сотрудникам криминальной полиции Лас-Вегаса, что со времени выезда Р. Галиева из своего офиса и до

окончания представления „Цирка дю Солейль” мистер Галиев ни с кем не контактировал. Полиция также допросила артистку „Цирка дю Солейль” Людмилу Майстренко, последние месяцы находившуюся в близких отношениях с покойным бизнесменом.

Следует заметить, что злые языки конкурирующих строительных фирм и компаний отельного и игрового бизнеса очень тесно увязывают имя Рифката Галиева с целой чередой до сих пор не раскрытых жестоких убийств, которыми мистер Р. Галиев якобы расчистил себе дорогу к тому месту на лас-вегасском Олимпе, которое он занимал последнее время.

Однако квалифицированное заключение судебно-медицинских экспертов по поводу смерти Рифката Галиева освободило полицию от необходимости продолжать следствие…»

Альфред отбросил газету в сторону, тревожно посмотрел Мике в лицо.

– Может, перекусишь что-нибудь?

– Не хочется, Альфредик.

– Ну, выпей кофе. Я закажу в номер. Кофе тебе необходим! У тебя очень упало давление…

– Американский кофе может только усыпить.

– Я закажу из «Старбакса», там его делают не хуже, чем в Германии!

– Я не хочу кофе, Альфред. Ты же знаешь, мне нужно только отлежаться. И вообще…

– Что «вообще»?

Мика помолчал, отвел глаза в сторону, глухо проговорил:

– И вообще, наверное, пора завязывать… А то не ровен час и я как-нибудь «уплыву» под ручку со своим очередным «Клиентом». И диагноз вскрытия будет тот же. А мне так хотелось бы еще увидеть НАШ ОСТРОВ обитаемым…

…Но прошли сутки, и Мика стал понемногу приходить в себя.

– Ты смотрел в компьютере? – спросил он Альфреда.

– Все в порядке. «Заказчики» рассчитались полностью. Мика, откуда они так быстро все узнали?

– Скорее всего, у них есть здесь «свои люди».

Мика встал с кровати, сделал даже легкую зарядку, побрился, принял душ и, пахнущий своим неизменным «Гаммоном», вышел из

ванной к Альфреду.

– Ну что, Альфредик, спустимся вниз, перекусим?..

В кафе отеля шли сквозь гигантское казино.

Как, впрочем, шли бы сквозь казино, даже если направлялись бы в ресторан, бар, буфет, в японский суши-зал, мексиканский зал-таверну, куда угодно! В любом случае казино было бы не миновать!..

Старики и старушки в шортиках, молодые татуированные девочки, пижоны из Лос-Анджелеса и Сан-Диего, юные мамы с пристегнуто-распластанными по собственному телу двухнедельными младенцами, могучие канадские лесорубы, инвалиды в самодвижущихся колясках, дауны со специальными сопровождающими, человек с полуметровым кислородным аппаратом на колесиках и тонкими прозрачными трубочками, идущими от баллона прямо в ноздри этого человека, – все играли!!!

Нежными колокольчиками перекликались сотни игровых автоматов. Откуда-то из глубины то и дело раздавались взрывы восторженных воплей, радостных криков и не менее громкой матерщины!..

Счастливыми волнами выхлестывался перезвон сыплющихся в поддон автомата «квотеров» – двадцатипятицентовых монет…

Тихо и напряженно играли в рулетку и за столами «блек-джек». Тишина царила и в отгороженных зальчиках, где игра шла только на Очень Большие Деньги…

Вдруг Альфред дернул Мику за штанину и остановился как вкопанный.

– Ты хочешь поиграть? – спросил Мика. – После завтрака разменяем двадцатку и проверим твое «игровое счастьице». Хорошо?

– Нет, – сказал Альфред. – Посмотри, Мика… Вон та сука, которая обозвала меня собакой!..

Мика посмотрел и увидел у одного из долларовых автоматов ту самую «невесту» и ее мужа. Она была в тех же кроссовках и джинсах, но уже без фаты. Муж – в длинных нелепых шортах и майке с надписью на груди: «Не преследуй меня!»

– Не передергивай, Альфред, – строго сказал Мика. – Она совсем не обзывала тебя собакой. Ей просто что-то показалось… Нормальные, явно небогатые ребята, приехавшие сюда, как говорится, «на последние». А сейчас у них к тому же еще и проблемы…

Мика не ошибся. «Невеста» и ее муж казались растерянными. В руке у мужа был зажат один долларовый чип. «Невеста» горько плакала.

– Успокойся, Мэгги… Плюнь… Не плачь, – говорил ей муж.

– Майк! Я же все-все проиграла!.. Почему ты меня не остановил?! – рыдала «невеста».

– Тебе так хотелось играть… – добродушно гудел муж. – Не огорчайся, вернемся домой, я немного поднатужусь, и мы снова войдем в нормальную колею. Отель у нас оплачен, билет на самолет есть, а на остальное – плевать! Не плачь, бэби, я тебя очень-очень люблю.

– Но у нас нет денег даже на такси до аэропорта!..

– Доберемся как-нибудь… Вот у меня есть последний чип. Хочешь попробовать?

– Майк… Я тебя так люблю!.. – всхлипнула Мэгги и протянула руку за последним долларовым чипом. – Нужно было играть «квотерами»…

Майк рассмеялся:

– Финал был бы тем же, только процесс затянулся бы…

– Мика! Мика!!! Что им нужно сделать, чтобы не проиграть этот последний доллар?! – зашептал Альфред.

Мика почувствовал, что беднягу Альфреда прямо затрясло!

– Им необходимо, чтобы выпали три любые одинаковые картинки. Но самое невероятное – один раз на миллион – это чтобы у них выкатился джекпот!..

– Жди меня здесь! – шепнул Альфред и бросился между рядами игральных автоматов к Мэгги и Майку.

– Давай, старушка, – ласково сказал Майк, вручая своей жене последний чип. – Сядь, вытри слезы, успокойся и… Плюнь на все! Что мы – безрукие? Не заработаем, что ли?! Валяй, Мэгги!..

Мэгги шмыгнула носом, утерлась рукавом рубашки и села за автомат. Осторожно взяла из рук Майка последний чип и опустила его в щель. В благодарность за доллар автомат сыграл для Мэгги целую музыкальную фразу.

Мика видел, как Альфред тяжеловато, без бывшей легкости, воспарил над игральным автоматом Мэгги и Майка, завис над ним и сосредоточенно уставился на эту бездушную машину,

запрограммированную талантливыми инженерами на большой и постоянный выигрыш у человека. А также, для отвода глаз, на ничтожный, успокоительный для этого же человека проигрыш…

Мика отчетливо понимал, что Альфред уже давно утратил былую способность подолгу не опускаться на пол и витать в воздухе. Он увидел незанятый автомат рядом с Мэгги и Майком и поспешил туда.

– Ты даешь мне слово, что, проиграешь ты или выиграешь, мы сматываемся отсюда в любом случае? – спросил Майк.

– Даю! – торжественно ответила Мэгги.

– Тогда дергай эту проклятую ручку! И посильнее, малыш!!!

Мэгги рванула на себя рукоятку автомата, в нем что-то загремело, закрутилось, замелькали смазанные от скорости картинки в трех светящихся окошках и вдруг разом остановились…

…ЯВИВ МИРУ РЕДЧАЙШИЙ В ИСТОРИИ ИГОРНОГО БИЗНЕСА ЗНАМЕНИТЫЙ ДЖЕКПОТ!

Вот когда этот автомат разверещался на все казино «Харраса»! Замелькала какая-то иллюминация, засверкали цветные лампочки, завыла сирена!..

И обессиленный Альфред рухнул Мике прямо в руки.

– А-а-а-а-а!!! – закричала Мэгги.

– О ч-ч-черт… – растерянно пробормотал Майк. К ним уже со всех сторон, побросав свои автоматы, сбегался народ…

– Быстро нажмите кнопку, вот эту кнопку! Заблокируйте автомат!.. – на чудовищном английском приказал Мика Майку. – Это зафиксирует ваш выигрыш!

– Благодарю вас, сэр… – Майк нажал кнопку, и наверху автомата закрутился красный проблесковый маячок.

Откуда ни возьмись появились два полицейских и один служащий казино с огромной связкой ключей и фотоаппаратом «Полароид».

– А-а-а-а-а!.. – продолжала орать Мэгги, пока Майк не зажал ей рот ладонью.

Служащий внимательно осмотрел игровой автомат Мэгги и Майка, отключил проблесковый фонарик и непрерывно льющуюся из машины музыку и уже в тишине сказал Мэгги:

– Казино отеля «Харрас» поздравляет вас с выигрышем в двадцать пять тысяч долларов!

Он сфотографировал Мэгги и Майка у «счастливого автомата» и пригласил их в офис казино – получить чек на двадцать пять тысяч.

– Ну-ка слезай с меня. Что-то ты больно потяжелел, – тихо сказал Мика Альфреду и поставил его на пол.

И вдруг заметил поразительное явление – продолжая оставаться невидимым для всех остальных, Альфред стал немножечко выше ростом, чем был с утра!

Мика подумал, что он ошибается, но тут же обратил внимание на новые джинсы Альфреда, которые были куплены ему перед самым вылетом в Лас-Вегас и которые еще сегодня утром были ему в самый раз…

Сейчас они ему доставали только до щиколоток!

⁂

…На обратном пути в Мюнхен, пролетая над Англией, Мика сказал Альфреду:

– Старичок, в Лас-Вегасе ты замечательно, благородно и очень здорово выручил этих ребят-молодоженов! Кстати, Альфредик, а как ты это сделал? Объясни мне, пожалуйста.

– Как же я могу это тебе объяснить, Мика?! Просто мне ужасно захотелось, чтобы их игральный автомат хотя бы на секундочку перестал быть бессердечной электрической машиной!.. Я из последних сил висел над ним и убеждал его в том, что хоть один раз в жизни даже самая совершенная и сложная машина может позволить себе обычный, нормальный ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ПОСТУПОК!..

– И что?! – Мике показалось, что он сходит с ума.

– Ничего, – спокойно сказал Альфред. – Она сказала: «Хорошо!» – и подарила им джекпот.

– Что-о-о?! Кто сказал: «Хорошо»? Машина?..

– Да. Ну, ты же сам видел…

В полном ошалении Мика подозвал стюардессу и попросил ее срочно принести ему стакан джина без малейшего признака тоника, но со льдом.

– Секунду, сэр! – сказала стюардесса и пошла за джином.

– И что-нибудь закусить! – крикнул ей вслед заботливый Альфред голосом Мики.

– Разумеется, сэр! – улыбнулась она Мике.

– Какие ноги!.. – восхищенно пробормотал Альфред, глядя на уходящую стюардессу.

– Заткнись, «чудотворец»! У тебя Пусси – девка высочайшего класса, а ты на каждую задницу засматриваешься…

– Одно другому не мешает, – философски пробормотал Альфред и с трудом воспарил на верхнюю багажную полку.

⁂

«Девка высочайшего класса» – Пусси за время отсутствия Альфреда и Мики тоже немножко подросла.

Мужчин она встретила в старых Альфредовых джинсах, которые, обкорнала до состояния коротких и очень соблазнительных шортиков.

Обрезанные края штанишек Пусси подшивать не стала, а в соответствии с сегодняшней молодежной модой, наоборот, размихрютила во всю ивановскую…

Яркая кофточка от баварского костюмчика, в котором она провожала Мику и Альфреда в Лас-Вегас, еле сходилась у нее на груди, а длинные в прошлом рукава теперь еле-еле прикрывали локти.

Обута Пусси была в китайские матерчато-веревочные спортивные тапочки «кун-фу», некогда принадлежавшие тоже Альфреду.

Мика с нескрываемым удовольствием оглядел очаровательные ножки Пусси, чем привел Альфреда в заметно нервное состояние, и сказал:

– Надо бы приодеть нашу «бесприданницу». Я вот часок-полтора передохну, и можем смотаться напротив, в наш «Перлах айнкауф парадиз» – там полно всяких лавок и магазинов. Или сядем в нашу «мазду» и почешем в центр на Мариенплац. В «Карштадт» или «Кауфхоф».

От радости Пусси немножко полетала над Микой и, зависнув над ним, благодарно чмокнула его в седую макушку.

– Не нужно ехать в центр, Мика. Я себе тут, напротив, кое-что уже присмотрела, пока вас не было.

…Альфреду тоже кое-чего прикупили. Так как все трое выяснили, что «вырастание» Пусси и Альфреда неотвратимо, то сообща было решено покупать немного и слегка на вырост.

Когда вернулись домой с покупками, Пусси лукаво посмотрела на Мику и мечтательно произнесла:

– Неужели я когда-нибудь достигну роста Хайди?!

Мика смущенно подумал: «Конечно, она ведь была свидетелем всего того, что мы вытворяли с этой Хайди… Ну если не „свидетелем”, то уж „слушателем” – то наверняка!»

От внезапного приступа ревности Альфред хотел было взвиться под потолок, но только жалко и нелепо дернулся и…остался на месте!

– Все… – растерянно сказал Альфред упавшим голосом. – Я больше не летучий… Какой ужас! Ребята… ОНО меня покинуло!..

– НО МЫ ЖЕ С ТОБОЙ! – неожиданно резко сказала Пусси. – Какого черта?! Я понимаю, если бы ты неожиданно стал импотентом – было бы отчего падать духом! И то – существует виагра, десятки других способов…

– Откуда тебе все это известно?! – заорал на нее Альфред.

– Тридцать лет, прожитых у Хайди, можно вычеркнуть?! – в свою очередь рявкнула на него Пусси. – Насмотрелась, слава богу! Наслушалась… Вот Мика знает, что такое «Хайди». Скажите ему, Мика!

– Хайди – дама многогранная, если так можно выразиться, – уклончиво ответил Мика.

– Про Хайди можно выразиться как угодно! – резко заметила Пусси. – Кстати, она тут недавно звонила. Она вышибла своего киевлянина со всеми его местечковыми прибаутками и узнала, что герр Поляков снова в большом порядке. Естественно, рвется в бой. Ну, в смысле… Сами понимаете.

– И что ты ответила? – поинтересовался Мика.

– Я сказала, что скоро мы должны уехать в другую страну.

– Ну, не так уж скоро, – сказал Альфред. – Еще три месяца в запасе. Мика еще смог бы…

– Фиг вам, – прервала его Пусси. – Ничего Мика не смог бы! То есть, прошу прощения, у Мики просто не остается времени для Хайди. По электронной почте пришло сообщение от «Санфлауэра», а потом они подтвердили еще и факсом, что НАШ дом готов, подведены все коммуникации, и они очень хотели бы, чтобы мистер Поляков уже переехал на Микин остров. Чтобы весь проект городка заканчивать в его присутствии. Их можно понять…

– Забавно, что ты, Пусси, и ты, Альфред, говорите обо мне в моем присутствии в третьем лице: «Мика смог бы…», «Мика не смог бы…» – будто о покойнике.

– Как ты сам выражаешься, Микочка, типун тебе на язык и два…

Альфред смутился присутствия Пусси и оборвал себя. Но не тут-то было!

– На жопу, на жопу! – закончила за Альфреда Пусси. – Я это сотни раз слышала. По-немецки это звучит слегка иначе… Итак, мои дорогие мужчины! Я нашла в телефонной книге фирму, сотрудники которой при переезде людей из одного города в другой или в другую страну являются к ним домой со всеми своими штуками, все сами упаковывают, все сами отправляют, со стопроцентной страховкой, и все сами распаковывают и расставляют по местам на другом конце света! Это недешево, но безумно удобно. Экономия сил и времени колоссальная. Не скрою, я уже заказала такую бригаду на ближайшие дни. Они стоят в стартовой позиции и ждут от нас сигнала…

– Ах вот почему ты так выросла за несколько дней?! – рассмеялся Мика. – Толковые ЧЕЛОВЕЧЕСКИЕ ПОСТУПКИ – очень высококалорийная штука и прекрасный стимулятор роста…

⁂

До Ираклиона – главного города острова Крит – летели на самолете авиакомпании «Хаппаг-Ллойд». Там пересели в вертолет, принадлежащий «Санфлауэр дель вебб коммюнити», и спустя еще некоторое время приземлились на МИКИНОМ ОСТРОВЕ.

Дом поражал скромностью и великолепием. Он был разделен на две половины, каждая из которых имела свой отдельный вход. Одна половина дома – для Альфреда и Пусси (Пуссино возникновение в жизненном пространстве Мики и Альфреда потребовало внесения срочных поправок в первоначальный проект дома…), вторая половина – для Мики. В нее очень органично была встроена еще и высокая, светлая мастерская – мечта любого художника!

Такие же мастерские были запроектированы во всех домах, где поселятся старые бывшие живописцы, графики, иллюстраторы…

«Упаковочно-перевозчицкая» фирма, найденная Пусси в телефонной книге, оказалась на высоте.

В ожидании, пока все вывезенное из мюнхенской квартиры будет переправлено в дом на Микином острове, в покидаемой квартире на Герхард-Гауптман-ринг пришлось сделать косметический ремонт. Два веселых югослава взяли за эту работу вдвое меньше немцев и сделали ее втрое лучше. Это раз.

Во-вторых, за квартиру пришлось перевести трехмесячную плату вперед – за неожиданность расторжения договора о найме.

А в-третьих, пока «упаковочные перевозчики» только им известными путями переправляли все Микино и Альфредово, а теперь и Пуссино имущество из Германии на островок в Эгейском море, всем троим пришлось на неделю переехать в самый центр Мюнхена – в отель «Кенигс-хоф», что привело Пусси в неописуемый восторг! В отеле она жила впервые…

Зато на Микин остров, или, как его здесь все называли, Микас-Айленд, прилетели, как говорится, на все готовое.

«Санфлауэр» выстроил на острове временное жилище для своих сотрудников, которое потом, по окончании основных работ, должно быть трансформировано в небольшой зрительный зал с проекционной установкой, сценой, кафе и салонами для отдыха.

Пока же в этом доме жили все сотрудники фирмы, что позволяло не тратить времени на переезды, перелеты и переплывы с Крита или из Афин. Работа шла непрерывно. Самодвижущаяся техника – траншеекопатели для прокладки водопровода, канализации, кабелей – электрических, телефонных, телевизионных, а также передвижные подъемные механизмы, чуть ли не игрушечные бетономешалки для заливки фундаментов, специальные электрокары для перевозки уже готовых блоков домов были неправдоподобно компактными, элегантными, яркими и невероятно производительными!

Уже была сделана взлетно-посадочная полоса, вертолетная площадка. Заканчивалось трудоемкое сооружение причала, а купленный Микой и Альфредом большой бело-оранжевый красавец катер на добрых пятьдесят человек пока покачивался на якорях в небольшой островной бухточке.

Все дома, включая и Микин, были одноэтажными и удивительно удобными и уютными. Строились они прямо в зарослях пальм и тех неведомых цветов, которые так часто снились Мике с детства…

Между домиками прокладывались симпатичные дорожки и неширокие подъездные пути. Все дома ставились совершенно автономно, не образовывая никаких улочек, однако находясь в невидимой со стороны, но непосредственной близости друг от друга. Мало ли… А вдруг кому-нибудь потребуется чья-то помощь?..

Греческо-грузинский Гурам Жвания вместе с набранным им же обслуживающим персоналом жил пока вместе с сотрудниками «Санфлауэра» и работал не покладая рук.

Английский, греческий и русский языки плавно перетекали один в другой, образовывая невиданно-причудливые словосочетания. В пылу трудов и веселья нередко английская фраза заканчивалась привычным русским матюжком, а греческая – английским «шит» или «ай фак ю!».

Грузинской и греческой руганью почти никто не пользовался из-за ее блеклой невыразительности, да и русско-английская-то звучала не так уж часто – слишком хорошо было на этом Микином острове!..

За месяц до окончания всех работ из Ираклионского порта притопало грузовое суденышко и приволокло на себе несколько очень больших, тщательно упакованных ящиков с надписью на каждом:

«КАРОЛИНА ЭЙРКРАФТ ИНК.» 109 Келдон-драйв Норт-Каролина 27284 США

Вместе с ящиками прибыли три американца – два авиационных техника, один из которых был мексиканцем, второй – японцем, а третий – летчик-инструктор фирмы «Каролина Эйркрафт» – немолодой чистокровный полунемец-полушвед, родившийся на задворках Чикаго и одинаково плохо говорящий на всех трех языках, включая и английский.

Что очень сблизило его с Микой Поляковым, который общался с летчиком только по-немецки и даже иногда превосходил его в знании этого языка. Оба они разговаривали по-немецки настолько плохо и примитивно, что отлично понимали друг друга.

Суденышко вернулось в Ираклион, ящики перевезли в уже готовый ангарчик, и там в шесть рук три американца в течение суток собрали восхитительный шестиместный небольшой самолетик – «Бич-Бонанза А-36» выпуска 1994 года, налетавший всего 425 часов и имевший разрешительную «эксплуатационно-полетную лицензию» до первого июня 2001 года.

Ах, какой это был аэроплан!..

Спаренное управление для двух летчиков, совершеннейшая аэронавигационная система, автопилот, автоматическая система связи, кондиционеры, трехлопастный винт изменяемого шага, антиобледенительная система, два радара – один цветной, пневматика тормозов, гидроскопическая защита и уйма всяких современных

авиационных примочек, в которых старому Мике Полякову еще предстояло разобраться…

«Каролина Эйркрафт», фирма, продавшая Мике этот самолет, за отдельную плату предлагала двухнедельное пребывание своих механиков и летчика-инструктора при новом владельце «Бич-Бонанзы А-36» для того, чтобы в ускоренном режиме обучить местного авиамеханика эксплуатации редкого сегодня самолета винтомоторной группы и летчика-инструктора для курса учебно-тренировочных полетов с владельцем самолета.

Гураму Жвания, руководителю администрации Микиного острова, было дано распоряжение срочно подыскать хорошего и опытного авиатехника, а Мика Поляков впервые за последние сорок семь лет сел за штурвал самолета!..

Для начала Мика сидел минут двадцать в кабине «бич-бонанзы» один. Пытался справиться с нахлынувшим на него волнением…

В голову лезли черт знает какой давности воспоминания. Вернее, осколки, обрывки, клочки воспоминаний о прошлой летной жизни, никак не укладывающиеся в нечто ностальгически целое и горделиво-щемящее.

«Почти полвека, наверное, слишком большой срок…» – думал Мика, пытаясь отодвинуть от себя странную тоску и растерянность.

А потом посидел один в кабине еще минут сорок – как это и раньше требовалось при переходе на обучение с одного типа машины на другой. Делалось это специально, чтобы летчик в одиночестве мог освоиться в узком пространстве своей будущей работы, всмотреться в расположение приборов, рукояток управления разными агрегатами, определить мягкость или жесткость управления штурвалом, педалями…

Так Мика и сделал, как делал это почти пятьдесят лет тому назад, когда «переходил» с По-2 на СБ, с СБ на Пе-2, с Пе-2 на Ту-2. И только потом позвал к себе в кабину американского летчика-инструктора.

…Спустя пять дней нескончаемых «вывозных» – взлетов и посадок, болтанок на разных высотах, полетов в «зону», создания «экстремальных» ситуаций и попыток выхода из них – американский инструктор, полушвед-полунемец, сказал Мике на плохом немецком:

– Ты был высококлассный летчик! Это видно. Ты и сейчас еще летаешь так, что я бы тебе выдал пилотское свидетельство до конца

твоей жизни. В Америке могли бы быть исключения, но в вашей «зафаканной» Европе из-за того, что тебе больше семидесяти, ты его никогда не получишь!

Наверное, потому что американец говорил по-немецки примитивно и плохо, это прозвучало жестоким приговором. Не хватило у американского летчика-инструктора знания языка своей бабушки, чтобы облечь горькую пилюлю в сладковатую глазурь мягко выстроенной фразы.

– Плевал я на всех, – ответил ему Мика. – Пока полетаю и так, а потом ко мне приедет мой сын, и я обучу его всем премудростям нашего с тобой дела. Уж он-то получит пилотское свидетельство, это я тебе ручаюсь!

И Мика подумал об Альфреде, который вот-вот должен был уже потерять свою невидимость и перейти из таинственного мира «Потусторонности» в реальный, чисто человеческий мир…

Гурам Жвания нашел настоящего русского авиамеханика, который когда-то, лет пятнадцать назад, сбежал из туристической группы и остался на Крите. А спустя пять лет после побега женился на гречанке и даже сумел организовать маленькую мастерскую по изготовлению ключей от чего угодно. Так как сей промысел всегда находился под пристальным вниманием местной полиции, то Гурам и там навел справки насчет этого пожилого русского мужика. Аттестация была отменной, и беглый авиамеханик вместе с женой переехал на Микас-Айленд.

К концу второй недели он уже настолько разбирался в ранее неведомом для себя аэроплане, что американские механики – японец и мексиканец – только руками всплескивали от удивления!

По истечении двух недель дополнительного пребывания группы «Каролина Эйркрафт» на острове Альфред по компьютеру перевел на счет компании положенную сумму, а Мика выписал еще и подарочно-призовые чеки каждому из трех американцев. После чего они были отправлены катером в Ираклион, откуда и улетели в свою Северную Каролину.

В ожидании прибытия группы российских старых творцов с семьями вечерами Мика стал по памяти читать Альфреду курс «Теории полета». Очень ему помогала одна из тех полутора тысяч книжек, которые Мика когда-то перевез из России в Германию. Эту

книгу Мика помнил со своего детства. Когда-то Сергей Аркадьевич Поляков купил ее для Мики на Литейном. Это была книга американского летчика Ассена Джорданова «Ваши крылья», изданная задолго до Второй мировой войны в Нью-Йорке, в «Фанк энд Уэйнджнэлс компани», и переведенная московским «Воениздатом» в 1937 году.

С УБИЙСТВАМИ было покончено. Все, что нужно было получить от этих «заказов», было получено. Все, чего нужно было достичь, достигнуто. Оставалось ждать тех, ради кого это совершалось…

– Лавочка ликвидирована! – сказал Мика и заставил Альфреда разрушить всю свою таинственную систему связи, базировавшуюся на тоскливых, беспомощных и безнадежных объявлениях службы знакомств во всех русскоязычных газетах Германии. – Начинается совершенно новый этап жизни!..

Так бодро закончил Мика, подумав про себя, что у него лично этот этап завершающий. Если не сказать – предсмертный.

⁂

Прошло еще три с половиной недели, и «Санфлауэр дель вебб компани», точно уложившись в контрактные сроки, отпраздновал окончание всех видов работ на Микином острове.

Мика и сильно подросший, но пока еще не всегда видимый Альфред – в основном на компьютере теперь работала Пусси – оплатили оставшиеся счета «Санфлауэра» и, взаимно удовлетворенные, распрощались друг с другом.

«Санфлауэровцы» покинули Микин остров, не оставив на нем ни одного шурупчика, ни одного сломанного кустика, ни одной кучки неубранного строительного мусора!

Тридцать два домика – белые и прекрасные, нафаршированные самой современной бытовой техникой, с телефонной станцией спутниковой связи, электричеством и всем необходимым для спокойной и творческой жизни – стояли в густых зарослях Микиного острова и ждали своих хозяев. И над их крышами высоко-высоко в небе плыли кроны гигантских пальм…

А будущие хозяева этих домиков все не ехали и не ехали.

И в душу старого Мики, Полякова стало заползать беспокойство. Почему Россия тормозит выезд стариков, до судьбы которых ей все

равно нет никакого дела?

Неужели все зря?..

Неужели девятнадцать оплаченных убийств… Нет – двадцать! Последнее – двадцатое – было совершено совсем недавно в Лас-Вегасе для пополнения островного фонда российских стариков…

Неужели те двадцать УБИЙСТВ, которые сократили Микину жизнь минимум на пять лет, были совершены зря?!

Хотя как можно говорить – «зря»? Те, кого убивал Мика Поляков, не имели никакого права на существование!!!

Во внутреннюю, в мысленную легализацию и оправдание последних двадцати убийств, совершенных Микой, в голову ему лезли изъезженные, замшелые журналистские штампы и сравнения, сотни раз читанные и всегда вызывавшие раздражение своей убогостью – «холерные вибрионы», «чумная бацилла», «саранча, сжирающая все на своем пути»… И дескать, истребление которых – дело «святое и правое!»

Сказал же он тогда в Москве у Думы своему Альфреду, что волки – это санитары леса. Тоже достаточно пошловатенько…

Но ведь не зря сказал! Наверное, чувствовал затылочными долями мозга, что необходимо как-то назвать то, что он делает. Как-то облагородить совершаемые им убийства, оправдать свои жуткие истребительские функции. Добро бы он за это денег не получал…

Так ведь получал же! И получал больше, чем любой другой киллер, который стреляет из винтовки с оптическим прицелом, или тупо взрывает самодельным устройством, или уж совсем простенько – убивает «Клиента» в подъезде его же дома из старого пистолета ТТ с глушителем. А ТТ с глушителем это же просто курам на смех! Все равно что «запорожец» обуть в колеса от «ягуара»…

Нет, не зря Мика получал такие гонорары! После убийства, сделанного М. С. Поляковым, никогда не возникало уголовное дело. Никого не нужно было «покупать» – ни милицию, ни другие службы. И дактилоскопические лаборатории могли заниматься своими делами, а не бросаться на исследования и идентификацию Микиных отпечатков… Не было никаких отпечатков, господа! Никаких следов, стреляных гильз у брошенного оружия. Ни черта там не было.

А на кладбище так спокойненько, Ни врагов, ни друзей не видать, Все культурненько, все пристойненько, Исключительная благодать.

– Безвременно почил…

– Сгорел на посту…

– Все там будем…

Вскрытие показывало один из трех вариантов абсолютно естественных смертей, которые были удивительны лишь тем, что происходили они с нестарыми людьми отменного здоровья. Ну да чего в жизни не бывает?

Вот за что Мика получал гигантские гонорары. Не столько за смерть «Клиента», сколько за безопасность «Заказчиков», которые очень скоро и сами становились Микиными «Клиентами». Такой вот замкнутый круг.

И деньги-то он получал не для себя, а для спасения хотя бы маленькой, крохотной части старой русской интеллигенции! Пусть это будут всего лишь тридцать семей… Пусть – пятнадцать! Но это же, да простится Мике пышность словес, – ЦВЕТ НАЦИИ! Это ОНИ – ГОРДОСТЬ РОССИИ, а не какие-то там «РАО ЕС» или «Газпромы», не кремлевская шушера, а именно эти Российские Старики всю сознательную жизнь своим удивительным талантом с диким трудом удерживали Мир на своих плечах. Эти старенькие, худенькие, полуголодные Атланты…

О господи, да где же они?!.

Неужто и вправду все было зря?

⁂

Этой же ночью Мике приснился странный сон.

Будто бредет он по своему Микиному острову и видит, что остров совершенно пустынен…

Ни Альфреда, ни Пусси, ни Гурама с его служащими…

И чувствует Мика, что он совсем ОДИН на этом острове.

Да и вообще, тот ли это остров?!

Все, что было сверкающе-белым, ярким, желто-оранжево-зелено-красным и солнечным, теперь несет на себе пугающий черно-серый пепельный оттенок…

Над черными пальмами – низкие черно-серые тучи. Отчего Мике с трудом дышится, как всегда перед грозой или резкой сменой погоды.

Под ногами черно-серый песок, и Мика откуда-то знает, что это пепел вулканического происхождения…

Ах, эти «Аргонавты»! Жулики греческие… Как же они скрыли, что на этом острове не всегда дремлющий вулкан?!

Но почему все домики, построенные «Санфлауэром», тоже черные?

И цветы у этих домиков – тревожных серых тонов…

Черный кустарник, перепаханная кем-то, искалеченная взлетно-посадочная полоса…

Мика в панике поворачивается лицом к морю и видит лежащий на боку наполовину затонувший черный катер…

Как в детских снах, вязнут ноги, но не в желтом горячем прибрежном песке, а в холодной вулканической серой пыли, в черном крошеве неведомой ноздреватой породы!..

Мика с трудом выпрастывает ноги, задыхается, идет все дальше и дальше – в глубину своего черного острова, и вдруг…

…и вдруг Мика видит, что стоит у входа в простирающееся перед ним черное кладбище с аккуратными серыми дорожками среди черных могил…

На маленьких квадратных светло-черных кладбищенских «изголовьях» очень черными буквами выбиты имена похороненных здесь…

О боже… Это же могила Мамы!..

…а вот – Папина могила…

А здесь лежит Миля…

– Господи… Боже мой, милые мои, родные… – рыдает Мика.

Дальше – черненькая могила Лаврика, алма-атинского дружка и подельничка…

Маленькое надгробие на могилке Петра Алексеевича – начальника казахской «уголовки»…

Рядом похоронен его дружок – энкавэдэшник, заслуженный мастер спорта Вишневецкий, начальник Микиной диверсионной школы…

А по другую сторону дорожки – полтора десятка могил первого выпуска этой страшноватенькой Школы горноальпийских диверсантов, расстрелянных над Мукачевским перевалом еще в воздухе… Интересно, кто же их все-таки «заложил» в сорок третьем?..

– Простите меня, пацаны… – шепчет сквозь слезы Мика Поляков, который должен был быть старшим этой группы.

А вот и могила Вась-Вась Шмакова – командира Микиного авиаполка в Заполярье…

Вот лежит Левушка Тауб – дорогой и верный друг последних германских лет…

Вдруг Мика остановился как вкопанный! Глазам своим не поверил: Катин Валерка!.. Как же это?.. Он же был года на три, на четыре моложе Мики!.. Может, ошибка? Да нет – «Полковник милиции, доктор юридических наук, профессор В. Катин»…

Снова комок в горле: «Как же я в суете не разыскал его раньше, черт бы меня побрал?!»

Сорвал у края серой кладбищенской дорожки какой-то черный цветок, положил на могилку Валерки, с трудом выпростал ноги из сыпучей и вязкой вулканической лавы, прошел еще несколько шагов и увидел впереди несметное количество совсем черных могил!

Без мраморных «изголовий», без дат рождения и смерти, без имен и фамилий.

Но по тому, как Мику неожиданно покинула жалость, как мгновенно высохли слезы отчаяния, горя и опустошенности, как непроизвольно сжались зубы, а в висках застучали знакомые звенящие молоточки, Мика понял, что перед ним простираются могилы людей, УБИТЫХ ИМ САМИМ – МИХАИЛОМ СЕРГЕЕВИЧЕМ ПОЛЯКОВЫМ!..

Не было имен на этих очень черных могилах, но Мика твердо знал, что ЭТА часть кладбища начинается с могилы убитого им в детстве Тольки Ломакина, а заканчивается, вероятно, могилой Рифката Галиева, умерщвленного Микой недавно в Лас-Вегасе…

Мика сплюнул и без малейшего сожаления пошел по черной дорожке к выходу.

С моря задул сильный порывистый ветер. Чуть ли не над землей, цепляясь за пересохшие, тревожно шелестящие черные кроны скрипучих волосатых пальм, в сером грозовом небе мчались черные облака…

У самого выхода из серого кладбища Мика вдруг неожиданно увидел совсем свежую могилу. Почему не заметил ее раньше?.. Наверное, слишком был подавлен и растерян…

Влажная, черная, еще не осевшая и неустоявшаяся земля без единой, даже серой, травинки говорила о том, что эта могила возникла

здесь совсем недавно…

Может быть, даже после того, как Мика уже был на кладбище. Подошел Мика к свежей могиле у самого выхода и ахнул!..

На черно-серой мраморной плиточке уж совсем черными буквами было глубоко выбито:

СТЕПАН СОКОЛОВ – БЫВШИЙ ГЕНЕРАЛ-МАЙОР КОМИТЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

– Да когда же это, Степа?.. – застонал Мика. – Ведь я же только недавно тебе звонил… Разговаривал с тобой!..

Мика понимал, что это всего лишь сон, но, как ни старался, все никак не мог выпутаться из того кошмара!..

Он рвался из сна, но не было уже сил в стариковском теле, чтобы одним махом выдраться из жутких наваждений, как это случалось с ним раньше – когда он был молод и силен и когда его во сне одолевали страшные видения…

Вот когда Мике показалось, что он, обессиленный и измученный старик, просто так вот сейчас ляжет на Степину могилку, и чернота, покрывающая все и вся вокруг, опустится и на него, и наступит конец…

…Мика, теряя сознание, уже переставая понимать, что это всего лишь СОН, все-таки сделал последнюю попытку вернуться в явь…

И она ему удалась!

Мокрый, со слипшимися от пота волосами на затылке и висках, с трясущимся в дикой пляске сердцем, неподвижный Мика открыл глаза в своем белом домике на собственном Микином острове и сквозь незадернутую штору увидел синее небо, яркое солнце и красные цветы за окном…

⁂

Все утро Мика никак не мог избавиться от воспоминаний о черно-серых ночных видениях.

Чтобы как-то привести себя в нормальное состояние и успокоиться, Мика уселся в мастерской разбирать наброски, привезенные из Лас-Вегаса.

Набросков было совсем немного, и Мика заметил, что они не так уж хороши как по рисунку, так и по тому оригинальному, присущему раньше только ему, ироническому отношению к изображаемому предмету или событию, которые до сих пор так украшали все Микины

иллюстрации, карикатуры вплоть до всемирно известных альбомов «Иронической географии».

«Неужто все?.. – думал Мика, перебирая лас-вегасские наброски. – Неужели никогда больше не вернется та легкость, с которой в голову приходили веселые и остроумные решения, и рука сама, без натужности, вымученности и усилий переносила их на бумагу?..»

– Можно? – раздался голос Альфреда.

– Конечно, – сказал Мика и отложил наброски в сторону.

Вытянувшийся и раздавшийся в плечах Альфред вошел в мастерскую вместе с явно подросшей Пусси.

– Мне тоже можно? – спросила Пусси и поцеловала Мику в щеку.

– Тоже, и в первую очередь, – ласково улыбнулся ей Мика.

– День только начинается, а у тебя уже усталый вид, – заметил Альфред.

– Не выспался, – ответил Мика. – Всю ночь разная галиматья снилась…

– Мне тоже, – признался Альфред. – Какая-то черная буря ломает наши пальмы, затонувший черный катер, искалеченная взлетная полоса…

– Он даже плакал во сне! – сказала Пусси. – Мне пришлось его растолкать и потом полчаса успокаивать…

– Ты уже смотрел электронную почту в компьютере? – спросил Мика у Альфреда.

– Я смотрела, – сказала Пусси. – Там опять ничего не было.

Все трое помолчали, и Мика, глядя сквозь окно мастерской на тихое сине-лиловое море со взрывчиками солнечных бликов, задумчиво сказал:

– Что же там, в России, могло произойти? Почему их до сих пор не выпускают к нам? Ведь уже была стопроцентная договоренность…

– Позвони еще раз Степану, не стесняйся, – сказал Альфред.

– Да-да, конечно! – встрепенулся Мика. – Я обязательно должен позвонить Степану…

Он уже потянулся было за телефоном, как в дверь мастерской снова раздался стук.

– Войдите! – крикнул Мика.

Дверь отворилась, и вошел Гурам Жвания.

– Доброе утро, Михаил Сергеевич, – сказал Гурам и вдруг…

…УВИДЕЛ Альфреда!!!

Растерянно он посмотрел на ставшего ВИДИМЫМ Альфреда, потом на Мику, поразился их сходству и, запинаясь, сказал с сильным грузинским акцентом, который появлялся у него всегда, когда Гурам начинал нервничать:

– Здравствуйте…

Обалдевшему Альфреду ничего не оставалось делать, как встать и подать руку Гураму.

– Альфред… – представился он и уже твердо добавил: – Альфред Михайлович Поляков.

Тут и спохватившийся Мика поспешил на помощь к Альфреду:

– Вот, Гурамчик… Сын мой приехал! Альфред…

– Когда?! – недоумевая спросил Гурам.

– М-м-м… Ночью!

– На чем же?

– Меня подбросили на своей яхте друзья из Ираклиона, – нахально соврал Альфред.

– А это – Гурамчик Жвания, глава нашей островной администрации! – поспешно представил Гурама Мика.

– Очень приятно, – сказал вежливый Гурам. – Я вот по какому поводу, Михаил Сергеевич. Нельзя ли мне часть людей отпустить на Крит, пока наши гости не приехали? У многих там остались кое-какие дела.

– Конечно-конечно! – тут же согласился Мика. Гурам поблагодарил и, уходя, внимательно посмотрел на Альфреда. Уже в дверях неуверенно проговорил:

– У меня такое впечатление, что я вас когда-то где-то видел, Альфред Михайлович. Всего вам доброго… – И закрыл за собой дверь.

Альфред выждал некоторую паузу, проследил через окно за уходящим Гурамом и завопил:

– Я стал ВИДИМЫМ!!! Вы это поняли или нет?! Я – ВИДИМ!.. То есть…

– То есть ты стал Первым Реальным Человеком, который спит с Хаусгайстерин и живет полнокровной половой жизнью с Существом нереальным, фантастическим и Потусторонним. И это Нереальное существо вполне довольно!!! – заключила Пусси и грустно

усмехнулась: – А вот этот симпатяга Гурамчик меня так и не увидел. Жаль. Я вполне могла бы ему понравиться…

– А в глаз? – казалось бы, в шутку спросил Альфред. Но Мика увидел, что пошутила – Пусси, а Альфред, сукин сын, приревновал ее совершенно серьезно.

– Брэк! – скомандовал Мика.

– Ах, Мика!.. – томно проговорила Пусси с наигранной покорностью. – Я всегда знала, что, как только Альфред перестанет быть Домовым и превратится в настоящего РЕАЛЬНОГО русского мужика, я обязательно услышу что-либо подобное. Я об этом удивительном русском национальном явлении уже столько читала в нашей немецкой прессе…

– Ваша немецкая пресса – омерзительна и лжива, – сказал Альфред. Подумал и честно добавил: – Как, впрочем, и наша русская. Особенно сейчас…

– Ладно тебе, ниспровергатель хренов, – сказал Мика. – Чего уж так – всех под одну гребенку?..

– Я ведь его и такого паршивца люблю, Микочка! – так же томно произнесла Пусси и повисла на шее у Альфреда.

– Надеюсь… – уже размягченно проговорил Альфред.

– А то, что ты обещал дать мне в глаз…

– Он же шутил, Пусси! – быстро сказал Мика. – Просто неудачная шутка. Я бы даже сказал – излишне хамоватый юмор.

– Я оценила всю меру юмора этого обещания и теперь буду постоянно начеку… – промурлыкала Пусси и потянула Альфреда к выходу. – Пойдем, котик. Я очень хочу посмотреть со стороны, как ты будешь «знакомиться» с обслуживающим персоналом и бесстыдно врать, что тебя ночью привезли сюда на яхте.

– Подожди, – сказал Альфред и спросил у Мики: – А мы разве сегодня не будем летать? А то я все время проскакиваю момент «выравнивания» и из-за этого не могу уловить оптимальное количество оборотов двигателя при посадке…

– Почитай Ассена Джорданова, Альфредик. Там есть несколько очень толковых советов по поводу этой ситуации.

– Мика, побойся бога! Книга написана шестьдесят два года тому назад!

– Законы аэродинамики вечны во все времена, Альфред. Не ленись, почитай. А полетаем завтра. Сегодня я себя неважно чувствую…

…Во время всего утреннего разговора с Гурамом, с Альфредом и Пусси Мику не покидало тревожное состояние, порожденное усталостью, ночными кошмарами, ожиданием прилета тридцати семей русских интеллигентнейших стариков, ради которых Мика перешагнул через барьер КРАЙНЕГО СЛУЧАЯ, который сам возвел для себя много лет назад, когда понял, какое чудовищное оружие оказалось в его полном распоряжении!

А тут еще этот дурацкий, пугающий сон с черными могилами…

Поэтому, как только Мика остался один в мастерской, он тут же взял в руки сотовый телефон спутниковой связи и набрал петербургский номер Степана. Словно хотел убедиться, что сон есть сон, а явь – это ЯВЬ.

На третьем гудке щелкнуло соединение, и сквозь потрескивания и эфирные разряды голос Степана произнес:

– Слушаю.

– Степушка! – обрадовался Мика. – Степка, сукин ты кот, как же я рад тебя слышать!..

– Мишаня! Дружочек ты мой… Небось задницу греешь на своем островке? А у нас тут холода собачьи, деревья уже голые… Старики-то твои приехали?

– Нет еще, Степаша… Что там может быть? Не знаешь?..

– Да ни хрена! Все договорено вроде бы… Наверное, где-то подзастряло, как всегда, в нашем постоянном предвыборном борделе…

– Почему тебя так плохо слышно, Степа?

– Так ты в машине меня поймал! Отсюда и слышимость херовая – броня как-никак!.. Вот едем с шефом по приморскому шоссе тремя тачками. Сейчас как раз Солнечное проезжаем… Помнишь, у меня тут дача была от фирмы?

Только Мика хотел было ответить Степану: «Конечно же, помню!..», как вдруг услышал в трубке ровную и длинную автоматную очередь, а потом три оглушительных взрыва, скрежет металла…

– Степа-а-а-а!!! – в ужасе закричал Мика Поляков с очень маленького островка в теплом Эгейском море.

А в ответ услышал с шоссе, вьющегося вдоль берега холодного Финского залива, страшный, надрывный кашель Степана, пытающегося перекричать автоматные очереди:

– Мишенька… Убили меня, Мишаня… Убили!..

Еще две секунды захлебывающегося кашля погибающего Степана, треск взрыва, и…

…будто не было вот только что разговора с Живым Человеком, со старым запьянцовским приятелем тех самых щенячьих лет, когда один после университета служил комсомолу, а второй после армии ходил в студентах…

– А-а-а-а!! – страшно закричал Мика Поляков и что было силы шарахнул онемевшую телефонную трубку об стену.

Брызнули осколки пластмассы в разные стороны…

– Ой… ой… ой… – тихо простонал Мика, обхватил седую голову еще сильными, жилистыми руками и лег на пол лицом вниз…

⁂

…Это неправда, что бронированный «Мерседес-600», стоимостью в полмиллиона немецких марок, может от чего-нибудь уберечь…

Может, от лука со стрелами… Или от какого-нибудь паршивенького пистолетика…

А когда по нему лупят бронебойными из «мухи» или даже из обычного подствольного гранатомета – нет в этом «мерседесе» никакого спасения. Выброшенные на ветер деньги…

При таком серьезном, можно сказать, правительственном «заказе» никто никогда в живых не остается!..

⁂

Спустя два дня Мика в сандалиях, джинсах и рубашке с короткими рукавами закинул большую дорожную сумку и куртку в кабину «бич-бонанзы» и спросил у Альфреда:

– Повтори мне, пожалуйста, еще раз наш зарегистрированный воздушный позывной. Как ты вчера говорил?..

– Микас-Айленд-приват. Может быть, мне полететь с тобой?

– Нет. Не нужно. Я попрошу, чтобы «бонанзу» перегнали сюда – тебе останется только оплатить перегон и отправить пилота обратно на Крит. Ты знаешь, из каких денег… Пару дней проболтаюсь в Ираклионе, попытаюсь привести в порядок все банковские дела, а потом смотаюсь на недельку куда-нибудь отдохнуть. Мне нужно

немножечко побыть одному. Ты хорошо запомнил коды наших кредитных карточек?

– Да. Они у меня есть в компьютере, в зашифрованном состоянии. Ты взял с собой телефон?

– Да. Ту самую «нокию». Звони мне. И поцелуй Пусси.

– Хорошо, Мика. И ты мне звони.

– Ты помнишь, где лежит твой паспорт?

– Помню… – Альфред вдруг почувствовал, что еще минута-другая, и он разрыдается.

– Теперь он тебе может понадобиться, – усмехнулся Мика.

– Я это знаю, – тихо ответил Альфред.

Мика легко влез в кабину «бич-бонанзы», пристегнулся ремнями и, прежде чем закрыть за собой дверь, подозвал Альфреда поближе к себе.

Альфред подошел вплотную к фюзеляжу. Мика высунулся из кабины, нагнулся, как маленького погладил его по голове и сказал:

– Если кто-нибудь при тебе будет утверждать, что БИОЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ ЧЕЛОВЕКА НЕОГРАНИЧЕННЫ – не верь…

Захлопнул дверь кабины и запустил двигатель. Дал ему слегка разработаться, по старой летной привычке пошевелил элеронами, рулями глубины и высоты, чтобы убедиться, что с них сняты струбцины, увеличил обороты двигателя, снял «бонанзу» с тормозов и покатил в начало полосы.

Там Мика развернул машину против ветра, немного постоял, все усиливая и ускоряя обороты двигателя, а потом снял самолет с тормозов и «Бич-Бонанза А-36» пошел на взлет.

Вот тут-то Альфреду и показалось, что он видит Мику в последний раз…

…А Мика оторвал машину от полосы, четко прошел так называемое выдерживание – разгон самолета до максимальной взлетной скорости метрах в двух-трех над землей, затем – вопреки всем наставлениям и инструкциям – по-пижонски убрал шасси и только потом плавно потянул штурвал на себя, стремительно уходя в высоту синего-синего неба…

⁂

На подходе к Ираклиону со стороны моря Мика на своем препаршивейшем английском запросил по радио условия посадки, а ему на хорошем английском эту посадку разрешили, выдав эшелон подхода, скорость и направление ветра, курс захода на полосу для частных самолетов.

Уже в зоне видимости Мика снова запросил подтверждение разрешения посадки. Диспетчер поблагодарил его за аккуратность и сообщил номер рулежной дорожки к стоянке прилетающих «приватов» – частников.

Мика зашел на полосу и, как раньше говорили в авиации, не посадил машину, а просто-таки «притер» «бич-бонанзу» к бетону!

Да так, что кадры такой посадки можно было бы демонстрировать в любой авиационной школе мира как образец высочайшего профессионализма!

О чем ему и сказали встречавшие самолет дежурные техники на летном поле, а потом и диспетчер, которому Мика сдавал самолетные документы и просил его обеспечить перегон «бич-бонанзы» на свой Микас-Айленд.

Мика поблагодарил его, заметив, что и технари на летном поле, и диспетчер смотрели на него с нескрываемым удивлением – в таком возрасте богатые люди, конечно, имеют собственные самолеты, но сами за штурвалом уже давно не летают. Да еще так квалифицированно!..

– Простите, сэр, я, может быть, покажусь вам неделикатным, но я хотел бы спросить – сколько же вам лет? – смущаясь, проговорил пожилой диспетчер, явно бывший пилотяга.

– Да вот на днях семьдесят три, – грустно улыбнулся Мика.

Диспетчер заглянул в американские документы «Бич-Бонанзы А-36», выписанные на Микино имя, и, жалея самого себя, уже давным-давно отлученного от штурвала, сказал с горькой завистью:

– Великая страна!.. Все там у вас в Америке можно… У нас в Европе вы бы никогда не получили пилотского свидетельства!

– Да, – кивнул головой Мика. – Мне уже об этом как-то говорили. Но у меня этого свидетельства и нету.

– То есть как?! – поразился диспетчер.

– А оно мне ни к чему. Мне просто не придется больше летать, – сказал Мика, перекинул дорожную сумку и куртку через плечо и

ушел…

⁂

Был конец ноября, но в Ираклионе стояла жара и пыль.

Мика с трудом разыскал греческое отделение «Дойче-банка» и перевел все деньги со своего счета на имя гражданина России, постоянно проживающего в Греции на Микас-Айленде, Альфреда (Михайловича) Полякова, являющегося его сыном и прямым наследником. А также на все ранее принадлежавшее ему, Полякову Михаилу, имущество – как движимое, так и недвижимое. То есть владение островом Микас-Айленд.

Оформив новый счет в «Дойче-банке» уже на имя Альфреда, Мика тут же, в присутствии срочно вызванных адвоката, нотариуса и банковской администрации, вытащил из сумки телефон-компьютер «Нокия», мгновенно связался по своему субсекретному коду (Степушка, пусть земля тебе будет пухом!..) с «Чейз-Манхэттен-банком» в Нью-Йорке и дал распоряжение перевести оставшиеся восемь с половиной миллионов долларов еще на один счет в «Дойче-банке» – на счет Островного фонда Микас-Айленда, где распорядителем кредитов назначается тот же мистер Альфред М. Поляков.

После совершения же всех этих операций и получения подтверждения от «Дойче-банка» о поступлении денег из «Чейза» тайный нью-йоркский счет закрыть, а код – аннулировать.

Несмотря на очень простецкий вид старика с дорожной сумкой и древней замшевой курткой, небрежно брошенной в кресло, филиал «Дойче-банка» понял, что имеет дело с Очень Солидным Клиентом! Поэтому прямо в кабинете управляющего Мике был предложен завтрак, кофе и прохладительные напитки.

От завтрака Мика отказался, а кофе выпил с удовольствием. К этому времени пришло подтверждение из «Чейза», что все деньги переведены в ираклионский филиал «Дойче-банка» на имя мистера Альфреда М. Полякова, а также на конто Островного фонда.

Счет в «Чейз-Манхэттен-банке» закрыт, код – аннулирован, а руководство «Чейза» благодарит неизвестного владельца бывшего кода за доверие и желает ему удачи в бизнесе и здоровья.

«Дойче-банк» подтвердил все это, а адвокат и нотариус попутно, по просьбе Мики, оформили и еще одно его завещание – на получение

Островным фондом Микас-Айленда всех его гонораров за возможные издания и переиздания работ художника Михаила С. Полякова.

Себе же Мика оставил всего лишь так называемую сервис-карту, по которой он в любой стране мира мог из уличного автомата получить какие-нибудь небольшие деньги, когда они ему понадобятся. Например, в Америке эти уличные денежные автоматы – там их почему-то называют машинами – больше трехсот долларов не выдают…

На площади с тревожным названием Элефсериас, рядом со знаменитым на весь Крит Археологическим музеем, Мика обнаружил кольцо междугородных автобусов.

Проглядел перечень расписания движения и остановок на всех возможных языках, а потом обнаружил все это же и на русском. И стал выбирать себе городишко по названию…

И нашел в перечне остановок городок с мягким, по звучанию совершенно женским именем Агия Пелагия и убедил себя в том, что в этой нежной Агии Пелагии наверняка будет мило, тихо и немноголюдно. Тем более что туристический сезон закончился чуть ли не месяц тому назад…

А посему, когда к будке, оклеенной всевозможными объявлениями на всех языках, подкатил дребезжащий, старый, серый от пыли автобус, где среди остановок значилась и Агия Пелагия, Мика не раздумывая купил билет и забрался на заднее сиденье этого автобуса.

⁂

…Так в опустевшей Агии Пелагии, в очень простеньких и недорогих апартаментах с пышным и далеким названием – «Амазона», неожиданно появился один-единственный на весь дом, на все двадцать комнат с крошечными кухоньками, старый и усталый постоялец.

Стены двухэтажной «Амазоны» снаружи и изнутри одинаковые – под старый обтесанный камень.

Небольшой прохладный бассейн, а вокруг темно-красные дикорастущие цветы. Огромные бутоны… Конец ноября – ни один лепесток не осыпался.

В доме мраморные лестницы.

В комнатах полы из настоящей метлахской плитки. Не жарко, уютно…

Широченная постель! Никаких кроватных ножек. На каменном постаменте толстый твердый матрас. Не то саркофаг на низком пьедестале, не то этакая невысокая русская печь, беленная по низу известкой.

У выхода из комнаты – закуток с кухонькой.

Двухконфорочная газовая плита с баллоном, маленький холодильничек. Столик, пластмассовый стульчик, кружки, тарелки, ножи, вилки – все, что должно быть в малюсенькой кухне…

Ни телефона, ни телевизора.

Зато – недорого. И всего две минуты до опустевшего пляжа. Не сезон.

Даже англичане, уж на что стойкие ребята – всех обычно переживают, а и те уже уехали.

Хозяева «Амазоны» живут напротив, через дорогу. В другом доме. Там у них магазинчик сувениров, лавочка с консервами, чипсами, минеральной водой. Торгуют две молоденькие некрасивые дочери. Они же и горничные. Одна из них, как и хозяйка, неплохо говорит по-немецки.

Вместе с консервами продаются немецкие газеты, английские газеты, открытки и «Московский комсомолец»!..

Хозяин от скуки пытается говорить с Микой по-немецки:

– Вы не немец. Жена говорит – акцент…

– Я из Петербурга.

Полное непонимание.

– Я – русский.

– А!.. Русише мафия!..

С каждым днем все сговорчивее продавцы сувениров, все меньше и меньше народа в Агия Пелагии. Две-три семьи небогатых молодых немцев с маленькими детьми.

Все вокруг умирало – магазины, отельчики, невероятное количество туристических бюро и пунктов обмена валют, закрывались «Рент а кар» – сдача автомобилей внаем…

Пустели и закрывались рестораны, вытянувшиеся вдоль всего пляжа, идущего по подкове тихой, теплой и очень сонной бухты…

Разбирались тенты над умирающими кафе.

Уезжали даже те, кто, казалось, живет здесь всегда…

Каждый вечер из-за холмистого мыса – луна. Театрально громадная, оранжевая.

Настал день, когда перестали привозить «Московский комсомолец». Потом исчезла «Файнэншл таймс», потом – «Зюддойче цайтунг».

Потом позвонил Альфред с Микас-Айленда.

Сказал, что «бонанза» уже на острове, а старики еще не приехали. Кому бы он ни звонил в Россию – никто ничего не знает.

Мика попробовал ответить Альфреду как можно мягче:

– Сынок… Я же просил тебя не звонить. Только в том случае, если приедут те, ради которых мы все это и затевали. Или если произойдет что-то из ряда вон выходящее.

– Мика, Пусси забеременела.

Мика растерянно промолчал.

– Ты меня слышишь, Мика?

– Слышу.

– Пусси забеременела и стала ВИДИМОЙ! И так сразу всем понравилась, Мика!..

– Она стала женщиной, Альфред. Береги ее. Постарайся сделать то, чего мне в жизни так и не удалось: мужик должен оставаться хранителем очага, даже если он перестает быть Домовым. Или никогда им не был. Поцелуй ее. И не звони мне больше, пока…

– «Пока» – что, Мика?! – истерически закричал Альфред.

– Пока на остров не приплывут наши старики.

– А если они никогда не приплывут?! – снова прокричал Альфред, и Мика услышал в его голосе слезы.

– Прости меня, сынок, – сказал Мика. – Я очень устал…

И отключил свою «нокию» с опустевшим компьютером.

…Днями бесцельно шатался по Агия Пелагии, и из-под недостроенных отельчиков, будущих контор и торговых домиков на него с пугливой надеждой посматривали грязные, худющие, бесхозные кошки и собаки, объединенные одним общим горем – брошенностью.

Вместе они бегали в поисках хоть чего-нибудь съестного, не ссорились, спаянные единой мечтой о весне и лете, когда, может быть, вернутся их боги-хозяева и они будут впущены во временные жилища своих богов, будут обласканы и накормлены, и им наконец будет кому предъявить свою беззаветную преданность…

Вечерами Мика ходил мимо запертых таверн, гулял по остывшему пляжу, по ровно вогнутому в Агия Пелагию берегу бухты…

Иногда останавливался, подолгу смотрел в теплый заливчик.

Еще совсем недавно залив кипел водяными мотоциклами, лодчонками, прогулочными катерками, а в прибрежной воде плескались дети из разных стран, говорящие на разных языках, но все с одинаковыми оранжевыми надувными нарукавничками, которые держали их на плаву в теплой воде.

А теперь залив – пустыня. Одинокий рыбацкий ботик – метрах в ста от берега.

До середины ноября улицы Агия Пелагии заполняли стада мотороллеров с почти взрослыми мальчиками и девочками. Где вы, мальчики? Где вы, девочки?..

Тишина. Будто все скончалось в этом мире. Кроме цветов…

Наверное, наступит конец декабря – умрут и цветы.

Попробовал было Мика пойти в горы, чтобы посмотреть на Агия Пелагию с высоты. На залив, на оконечность мыса, попытаться в еще живой зелени найти крышу своей «Амазоны»…

А вот поднялся совсем немного, и сердце расступалось до панического ужаса! Почти до потери сознания – от страха смерти…

О которой только и думал. Которую ждал еженощно.

Ах, странно и тоскливо кончается жизнь!..

Сколько было женщин?! Не сосчитать, не вспомнить!..

А любил всегда ОДНУ.

Ей и принес больше горя, чем кому бы то ни было…

Когда-то в молодости в нелюбви родился сын. Кровь от крови, плоть от плоти – Серега маленький. Вырос – чужой человек…

А нарисованный, придуманный, сочиненный, с нелепым дурацким именем Альфред оживает и становится самым родным, самым близким существом на всем белом свете!

Сколько было друзей-приятелей? Сколько прекрасных, талантливых людей вокруг!..

А по-настоящему всю жизнь дружил с кагэбэшником! Со Степашкой покойным.

И никогда не стеснялся этой дружбы, даже в самые жгучие времена, когда на кухнях вспыхивали революции, когда каждый третий, а может быть, и второй, «стучал» в Степкину контору, по

секрету рассказывая коллегам, как «они» ему предложили сотрудничество и как «он» возмутился и героически отказался это делать!..

Но вот Мике почему-то никто подобного никогда не предлагал. Хотя, зная о его дружбе со Степаном, многие были просто уверены в том, что Мика – «засланец». А то откуда бы это – выставка там, выставка – сям, поездка – туда, поездка – сюда?! Кто-то же ворожит М. С. Полякову!..

Да, талантливый! Да, очень талантливый!.. Но разве этого достаточно В НАШЕ ВРЕМЯ?! Не иначе как тут приложила свою страшноватенькую лапку «Контора Глубокого Бурения»!

Сначала было обидно. Потом – смешно. Позже – стало наплевать.

Спи спокойно, Степик. Авось скоро и встретимся…

Неужто все эти безымянные черные могилы из того последнего, кошмарного сна на острове – тоже зря?.. Говорят – «вот жизнь прошла впустую…». Оказывается, и смерть – тоже может быть «впустую».

Неужели все это с островом, со спасением великих русских стариков оказалось бессмысленной затеей?! Может быть, действительно интеллигенцию невозможно спасти, если она сама не воспрянет твердостью духа?..

Дождаться бы зябкого ветра с моря, холодов, зримых признаков смерти природы и УМЕРЕТЬ ВМЕСТЕ С НЕЙ…

Все. Ушло желание жить. Хорошо бы умереть к концу декабря. Или к январю…

Но зачем-то привычно делал утреннюю зарядку.

Хозяйка «Амазоны» увидела, рассмеялась:

– Хочешь прожить дольше?

– Нет.

И не лгал – действительно хотел умереть. Но не в унизительной панике сердечного спазма, а как-нибудь иначе. Спокойнее. Хорошо бы – во сне.

– Если со мной что-нибудь произойдет, – сказал он хозяйке «Амазоны», – позвоните по этому телефону герру Альфреду Полякову. Он будет знать все, что нужно делать.

И передал испуганной гречанке клочок бумажки с номером телефона Альфреда.

Его здесь уже все знали – русский старик, который говорит по-немецки.

…В середине января, когда увидел в уже пустом, без воды, бассейне «Амазоны» осыпавшиеся красные лепестки больших цветов, сам позвонил на Микас-Айленд.

– Что слышно?

– Пока ничего, – тихо сказал Альфред в трубку. – Я звонил некоторым нашим приглашенным – и в Москву, и в Петербург, и в Новосибирск… Сидят на чемоданах, ничего не знают. А когда сами спрашивают у своих властей, то те отвечают, что тоже ничего не знают. И так далее…

– Как Пусси?

– Круглеет.

– То ли еще будет! – усмехнулся Мика.

И подумал: если Пусси родит, то он имеет право считать себя дедом? Нет, наверное… С точки зрения юридической – вряд ли.

– Может быть, ты вернешься? – спросил Альфред. – Нам тебя очень не хватает…

– Мне вас тоже.

– Я ведь знаю, где ты… Хочешь, я приду за тобой на катере? Я смогу быть у тебя через три часа. Я уже все рассчитал.

– Нет. Не нужно. Я очень устал. Я ничего не хочу.

– А если ты заболеешь? Если с тобой что-нибудь, не дай бог, случится?!

– Тебе позвонят.

⁂

Перевалил через февраль…

Ждал смерти как избавления. Избавления от страхов болезней и старческой немощи, от воспоминаний о прошлом…

А к марту, когда совсем измучился в ожидании завершения своей долгой и путаной жизни, на пятнадцать лет переживший средний возраст сегодняшнего российского мужика, когда у всех близких, кто когда-то шел рядом с ним от его детства, уже попросил прощения и, как ему пригрезилось, был прощен, вдруг заметил…

…крепенькие, тугие бутоны будущих больших красных греческих цветов…

…вдруг ощутил, что воздух вокруг него стал теплее…

…увидел свежую зелень листвы…

…а в бухточке уже не одинокий рыбачий ботик, а несколько!

И у причала уже пахло свежей краской – это по весне приводили прогулочные катера в веселый и зазывный вид…

Поплыли над Агия Пелагией запахи оживающих цветов и растений…

Уже промелькнули мимо него пара мотороллеров с почти взрослыми мальчиками и девочками…

И в старого Мику Полякова вместе с этой неожиданной греческой весной – он это почувствовал явственно и безошибочно – снова стала вливаться жизнь!

И ожидание смерти уступило обрушившемуся безумному ЖЕЛАНИЮ ЖИТЬ!!!

Ах, как похорошели некрасивые девочки – дочери хозяев «Амазоны»! А хозяин сам принес Мике в комнату свежий номер газеты «Московский комсомолец». И отказался брать за нее деньги. Только рассмеялся…

Целый теплый мартовский день Мика был в смятении – он понял, что хочет дождаться здесь нового курортного сезона – заказать вон в том ресторанчике (оказывается, он уже открыт со вчерашнего дня!) жаренную на гриле меч-рыбу, увидеть молодых и красивых женщин, услышать разноязычный говор детей со всего света…

…а может быть, даже пригласить их всех на свой остров, на Микас-Айленд!..

Дети… Какая превосходная идея! Если не приедут старики, которых он так хотел спасти, – так пусть это ляжет бесчестьем на совесть его безжалостной страны…

Мика все равно не сможет ее возненавидеть даже за это! Слишком большой пласт его жизни лежит в той неприветливой земле. Он туда просто больше никогда не вернется.

А остров… Ну что ж остров?.. Из Микас-Айленда можно будет сочинить что-то типа маленького «Диснейленда» для ребятишек из бедных русских семей. И не только русских…

А в отличие от всех «Диснейлендов» в мире на Микас-Айленде для них все будет бесплатным!

Ибо никто так не нуждается в защите, как старики и дети…

С этими мыслями, ощущениями и ожиданиями он и заснул в своей комнате с белыми известковыми стенами, на жестком и толстом матрасе, лежащем на каменном пьедестале.

И снились Мике Полякову дикие молодые сны, в которых он был силен и прекрасен…

А утром он так и не проснулся.

⁂

С самой высокой точки Микас-Айленда просматривался весь остров.

И все окружающее его Эгейское море.

Насколько видит человеческий глаз.

Насколько может ему помочь сильный морской бинокль.

…Был конец апреля. Было тепло и очень солнечно.

На слегка наклонной, большой, белой, с розоватыми прожилками мраморной плите, прогретой солнцем, были высечены всего четыре золотые буквы:

МИКА

И высечены они были на мраморе Микиным же почерком – так же, как он всегда подписывал свои рисунки.

Стоял у этой плиты высокий, по пояс обнаженный, мускулистый и бронзовый от загара Альфред, бережно придерживал очень красивую Пусси, которой удивительно шел широкий белый с золотыми прошивками греческий балахон – почти до пят, слегка скрывающий ее уже достаточно заметную беременность.

А когда из-за горизонта, со стороны Крита, в блистающем солнечными бликами изумрудно-голубом море показался их большой белый катер и Пусси глазами, полными слез, посмотрела на Альфреда – так невероятно похожего на молодого Мику Полякова! – Альфред прижал ее к себе, поцеловал во влажные глаза и сказал, обращаясь к четырем золотым буквам, высеченным на большой белой мраморной плите:

– Мика… Микочка! Вон на том нашем катере сюда, на твой остров, плывут те самые русские старики, которых ты так хотел сберечь… Мы с Пусси пойдем встретим их, а когда они отдохнут после стольких ожиданий и такой дальней дороги – мы придем к тебе все вместе. Хорошо?..

Мюнхен, 1999–2000